Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 11 (77). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025

ISSN 2413–1679
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 – 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», протокол № 2 от 14.03.2025 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. **(главный редактор)**
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. **(заместитель главного редактора)**
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. **(заместитель главного редактора)**
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В.– д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г. – д. филол. н., доц. **(ответственный секретарь)**

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включены в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакоммуникации и журналистика; с 19.12.2023 – по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 14.03.2025 г. Формат 70х100 1/16.
Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 15,9. Распространяется бесплатно.
Дата выхода в свет
Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4. http://sn-philol.cfuv.ru
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.
© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025 г.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 3–18.

1. К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 821.09
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-3-18

СЮЖЕТ «СЫН ПОЛКА» В РЕАЛИЯХ КРЫМСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ: ИСТОРИЯ ВОЛОДИ ДЕГТЯРЕВА ПО МАТЕРИАЛАМ КРЫМСКОГО АРХИВА

Орехова Л. А.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
la.orehova@gmail.com

В статье впервые представлены документы Государственного архива Республики Крым, связанные с судьбой «воспитанника» 1-го партизанского отряда 4-ой бригады Южного соединения Володи Дегтярева: письма мальчика в Крымский штаб партизанского движения, наградные листы и другие документы, позволяющие представить его партизанскую судьбу. Рассказано о послевоенной жизни В. Ф. Дегтярева (1930–2018). Публикуемые материалы призваны подтвердить «жизненность» сюжета о «сыне полка» и историческую обоснованность развития этого сюжета в литературе и кинематографе.

Ключевые слова: В. Ф. Дегтярев, сюжет «сын полка», 4-ая партизанская бригада, Крымский штаб партизанского движения.

ВВЕДЕНИЕ

Сюжет повести В. П. Катаева «Сын полка» (1943) известен читателю с детства. Сходные сюжеты у Л. Кассиля в рассказе «Федя из подплава», в повести о подвиге Володи Дубинина в партизанской Керчи «Улица младшего сына» Л. Кассиля и М. Поляновского, в повести «Партизанка Лара» Надежды Надеждиной. Список легко продолжить. Произведения эти в большинстве своем позиционируются как «книги для детей», хотя, в сущности, глубоко трагичны. Заметим, что в наше время не теряют исторической актуальности художественные фильмы, где, по сюжету, во время Великой Отечественной войны мальчик-сирота принимается войсковым или партизанским подразделением, причем не только потому, что в обстоятельствах оккупации это единственная возможность спасти ребенка, но и потому, что сам маленький герой, не по-детски много переживший, рвется в борьбу с врагом: «Сын полка» В. Пронина по сценарию В. Катаева (1946) и «Сын полка» реж. Г. Кузнецова (1981), «Иваново детство» А. Тарковского (1962), «Мой добрый папа» И. Усова по одноименной повести В. Голявкина (1970), «Иди и смотри» по сценарию Э. Климова и А. Адамовича (1982), «Солдатик» В. Фанасютиной (2018). Эти героические и драматичные истории воспринимаются в контексте никогда не забываемой в народе темы «дети на войне» [16, 17, 19].

Предпринятое в последние три десятилетия «переписывание истории», «когда исторические знания не детализируются и расширяются, а сознательно деформируются путем подтасовки исторических фактов» [12, с. 164] и изощренно подменяются вымыслом, последовательно привело к девальвации темы «дети-герои», к упрекам в политизированном искажении реальности, «искусственной героизации», отступлении от

«документализма» и проч. Это требует сегодня от вузовских и школьных преподавателей новых приемов работы и использования в образовательном процессе новых исследовательских материалов, актуальных тем более, когда речь идет о региональной истории и филологии, к которым, как убеждает время, не угасает интерес многонационального населения Крыма [15, с. 4–7].

Наши **задачи:** во-первых, познакомить читателя с архивными документами 1944–1946 гг. о «воспитаннике» партизанского отряда Володе Дегтяреве и, во-вторых, по возможности, комментировать их, восстанавливая контекстовые реалии, что, в конечном счете, должно послужить **цели** статьи – представить приведенные документы как значимый аргумент в объективной оценке исторического сюжета «сын полка».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Можно ли считать, что *художественное* произведение о детях-героях постепенно утратило свою значимость, превратилось в «детское чтение», где увлекают сюжет и яркие образы, но нет «опоры на документ», которую предпочитает «взрослое» читательское впечатление? Учтем, однако, что в лучших из этих текстов «собирательные образы» и художественное обобщение базировались на авторском знании материалов о войне, на автобиографических ассоциациях. По данным Центрального архива Министерства обороны РФ, за годы войны было 3500 юных фронтовиков в возрасте до шестнадцати лет, не считая несовершеннолетних партизан [16].

Рассказ фронтовика-разведчика В. Богомолова «Иван», написанный в 1957 г. (переложен в сценарий фильма А. Тарковского «Иваново детство»), воспроизведенными реалиями и сегодня не вызывает ощущения искусственности, и это, безусловно, связано с лично пережитым и виденным автором рассказа. По оценке литературного критика И. Дедкова (которого трудно обвинить в комплиментарности [8]), в произведениях Богомолова – «твердый и надежный состав», а рассказ «Иван», ставший «хрестоматийным», Дедков признавал «годным для чтения и образования чувств», поскольку идея и художественное исполнение несут в себе «момент истины», «момент искусства и правды, ясно осознанной и необходимой» [7, с. 535]. Рассуждения И. Дедкова, как видим, сосредоточены на соотношении вымысла и «истины», что терминологически переводится в проблему художественного и документального в литературе.

Но истина не исчерпывается документом. В конце 1970-х годов известный литературовед П. В. Палиевский отметил «настойчивое» проникновение в литературу «документальных данных» [13, с. 128] и предположил, что «отличие нашего времени в истории документа <…> состоит, очевидно, в том, что документ получил самостоятельное эстетическое значение»: «Усвоение факта для литературы никогда не было проблемой, факт был и, наверное, будет ее главным источником питания. Но теперь этот источник стал ценен для нас сам по себе» [13, с. 171]. Отсюда следует, что, в силу нарастающей востребованности документального, факт организует художественный материал, влечет соответствующую художественную форму, сохраняющую (или демонстрирующую) критерии и приметы документальной убедительности. К слову говоря, сегодня «приметы документализма», далеко не всегда отвечая задаче стремления к «истинности» (не говоря уж о принципе документализма), широко используются в мировой литературе и кинематографе в качестве «убеждающего» приема типа ремарок: «основано на реальных событиях», «это произошло там-то и тогда-то» и т. п. Вопрос серьезный, особенно когда речь идет о военных событиях.

В Государственном Архиве Республики Крым (ГАРК) сохранились ранее не публиковавшиеся 3 послания мальчика-подростка Володи Дегтярева, написанные в освобожденный от фашистов в мае 1944 г. Крым, в Крымский Штаб партизанского движения. В общих словах охарактеризуем их содержание: Володя, круглый сирота, воспитывающийся в детском интернате Краснодарского края, просится в Крым, где в 1943–1944 гг. являлся проводником при 1-м отряде 4-ой партизанской бригады. Из писем следует, что мальчик хорошо знал многих в 4-ой партизанской бригаде, где также хорошо знали его и любили; более того, Володя понимал, к кому следует обращаться со своей настойчивой просьбой о возвращении в Крым, и пишет Г. Л. Северскому, «товарищу подполковнику» – как к человеку, безусловно, его помнящему. Легко представить, как трепетно следил Володя в детдоме за радиосообщениями о ходе боев в Крыму. Документы печатаем в соответствии с правилами орфографии и пунктуации. Параллельно представляем фотографии писем, с детскими ошибками и эмоциями; это подтверждает их подлинность и привносит дополнительные детали в характеристику автора писем и его душевное состояние.

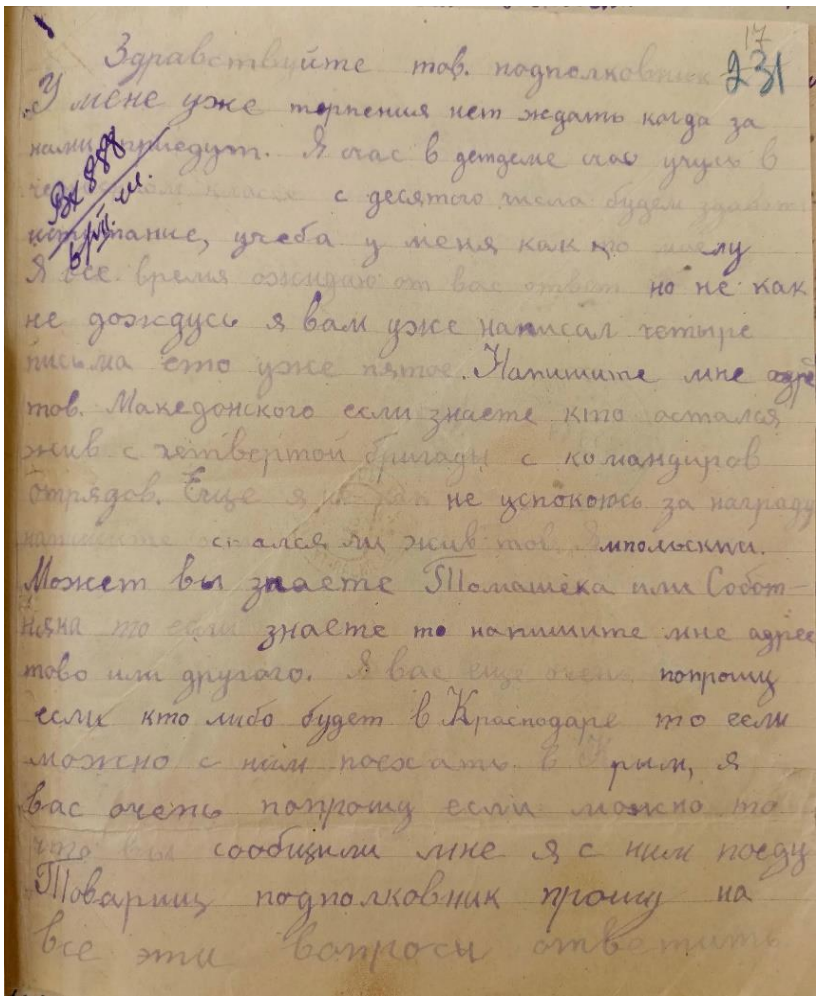

Рис. 1. Письмо Володи Дегтярева в Крымский штаб партизанского движения от 6 июня 1944 г. [ГАРК, ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 17]

«*Здравствуйте, тов. подполковник.*

У меня уже терпения нет ждать, когда за нами приедут. Я сейчас в детдоме, сейчас учусь в четвертом классе. С десятого числа будем сдавать испытание, учеба у меня как по-моему.

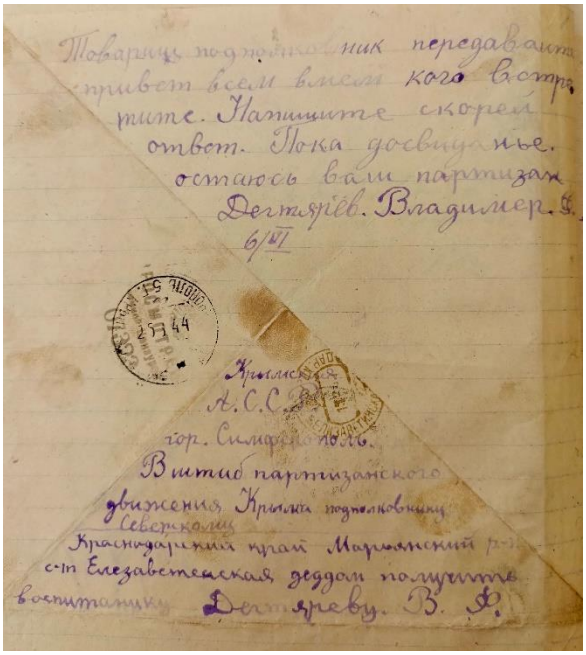
Я все время ожидаю от вас ответа, но никак не дождусь. Я вам уже написал четыре письма, это уже пятое. Напишите мне адрес тов. Македонского. Если знаете, кто остался жив с четвертой бригады, командиров отрядов. Еще я никак не успокоюсь за награду. Напишите, остался ли жив тов. Ямпольский.

Может, вы знаете Томашека или Саботняна, то если знаете, то напишите мне адрес того и другого. Я вас еще очень попрошу, если кто-либо будет в Краснодаре, то если можно с ним поехать в Крым, я вас очень попрошу, если можно, то что<бы> вы сообщили мне, я с ними поеду.

Товарищ армии подполковник, прошу на все эти вопросы ответить. Товарищ подполковник, передавайте привет всем, кого встретите. Напишите скорее ответ. Пока досвиданье (так в тексте. – Л. О.*)*

Остаюсь ваш партизан Дегтярев Владимир Ф.

6. VI. <1944>» [4][1].

Товарищ подполковник передавайте привет всем всем кого встретите. Напишите скорей ответ. Пока досвидание. остаюсь ваш партизан Дегтярёв. Владимер. Ф. 6/VI

Крымская А.С.С.Р. гор. Симферополь. В штаб партизанского движения Крыма подполковнику Северскому

Краснодарский край Марьянский р-н ст Елезаветенская деддом получить воспитаннику Дегтяреву. В. Ф.

Рис. 2. Окончание письма В. Дегтярева от 6 июня 1944 г. [ГАРК, ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 17об.]

Письмо сложено в привычный для войны треугольник. Адрес: Крымская А.А.С.Р. гор. Симферополь. В штаб партизанского движения Крыма подполковнику Северскому.

Обратный адрес: Краснодарский край. Марьянский район. Ст<аница> Елизаветинская, детдом. Получить воспитаннику Дегтяреву В. Ф.

Даты прочитываются с трудом. Дата на штампе ст. Елизаветинской: 19. 6. 44. На штампе Симферополя: 25. 6. 44 [4, Ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 17 об.]. Подчеркнем, что со времени полного изгнания врага из Крыма прошло немногим больше месяца. Но почтовое сообщение уже восстановлено.

Подполковник Северский Георгий Леонидович (1909–1997, Симферополь), к которому направлено письмо Володи, в 1941–1942 гг. являлся начальником 3-го района партизанского движения в Крыму, с 1942 г. – командиром Штаба партизанского движения Крыма, позднее – заместителем руководителя партизанского движения в Крыму А. В. Мокроусова; с конца 1942 г. возглавлял Штаб партизанского движения Крыма. С 15 июня 1943 г. по 12 августа 1944 г., по данным Крымского архива, «был отправлен в спецкомандировку» [4, Р-652, оп. 15, ед. хр. 142, л. 59]. Позднее, с 27 февраля

[1] Далее ссылки на архивные документы в тексте в скобках.

1945 г. по сентябрь 1947 г. служил в 3-ей маневренной группе НКВД по охране тыла [4, Р-652, оп. 15, ед. хр 142, л. 59]. Такие группы создавались на вновь освобожденных землях для борьбы с остатками вражеских частей, диверсантами и террористами. Исходя из приведенных дат, можем заключить, что Г. Л. Северского в сроки получения в Симферополе Володиного письма не было в Крыму, и письма мальчика он прочесть не мог. Написав 4 безответных письма Г. Л. Северскому, Володя надеялся связаться с другими знакомыми ему руководителями партизанского движения[1].

Володя, в частности, просит в письме адрес «тов. Македонского». Речь идет об известном партизанском командире М. А. Македонском (1904, Старый Крым – 1971, Щебетовка, Крым). В 1941 г. Македонский был командиром 4-го района партизанского движения. С июня 1943 г. – командиром партизанского отряда в районе плато Чатырдага. А осенью 1943 г. Крымским штабом партизанского движения была образована 4-я партизанская бригада (о которой и пишет мальчик), где командиром назначен М. А. Македонский, комиссаром М. В. Селимов, начальником разведки И. Н. Витенко; в бригаду включалось 11 партизанских отрядов (около тысячи человек) [10]. После освобождения Крыма Македонский как грек был переселен в Краснодарский край, но, после ходатайств партизан-товарищей осенью 1944 г., возвращен в Крым. Отсюда следует, что и адрес М. А. Македонского Володе сообщить не могли[2].

Мальчик с тревогой спрашивает, «остался ли жив тов. Ямпольский». Архивные сведения о Ямпольском П. Р. (1907–1981, Симферополь) позволяют предположить, что с ним Володя Дегтярев в партизанском Крыму виделся не раз и знал его, как чувствуется по интонациям письма, ближе остальных. Это тем более объяснимо, что с августа 1943 г. по апрель 1944 г. П. Р. Ямпольский руководил областным подпольным центром. 24 августа 1943 г. бюро Крымского обкома приняло постановление «О работе областного подпольного центра в Крыму»; был утвержден новый состав Крымского областного подпольного партийного центра во главе с секретарем П. Р. Ямпольским [4, Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2179, лл. 80–84]. С 29 ноября 1943 г. по 29 января 1944 г. П. Р. Ямпольский возглавлял находившуюся в Зуйских лесах Центральную оперативную группу (ЦОГ). С 29 января 1944 г. по 20 апреля 1944 г. был командиром Северного соединения партизан Крыма. После освобождения полуострова с апреля по июнь 1944 г. являлся заместителем председателя Совнаркома Крыма, затем был отозван в Москву. Поэтому письмо Володи в Симферополе и его не застало.

Как видим, Володя просит у Северского адреса самых известных людей партизанского круга – в полной уверенности (видимо, имея на то основания), что они его помнят, откликнутся и обязательно помогут возвратиться на родину в Крым. Кроме того, мальчик просит адреса партизан Томашека и Саботняна, сомневаясь, однако, знает ли их Л. Г. Северский.

По всем этим обстоятельствам предыдущие 4 письма, о которых упоминает Володя и которые, судя по срокам, написаны им в мае 1944 г., либо не были получены по объективным причинам (бои в Крыму только закончились), либо не попали к адресату. Но сохранился датированный 8 июля 1944 г. (исход. № 3 1079) проект ответа Володе

[1] После войны Г. Л. Северский стал автором нескольких книг для детей о крымских партизанах, а также соавтором (с И. Болгариным) сценария широко известного фильма «Адъютант его превосходительства».

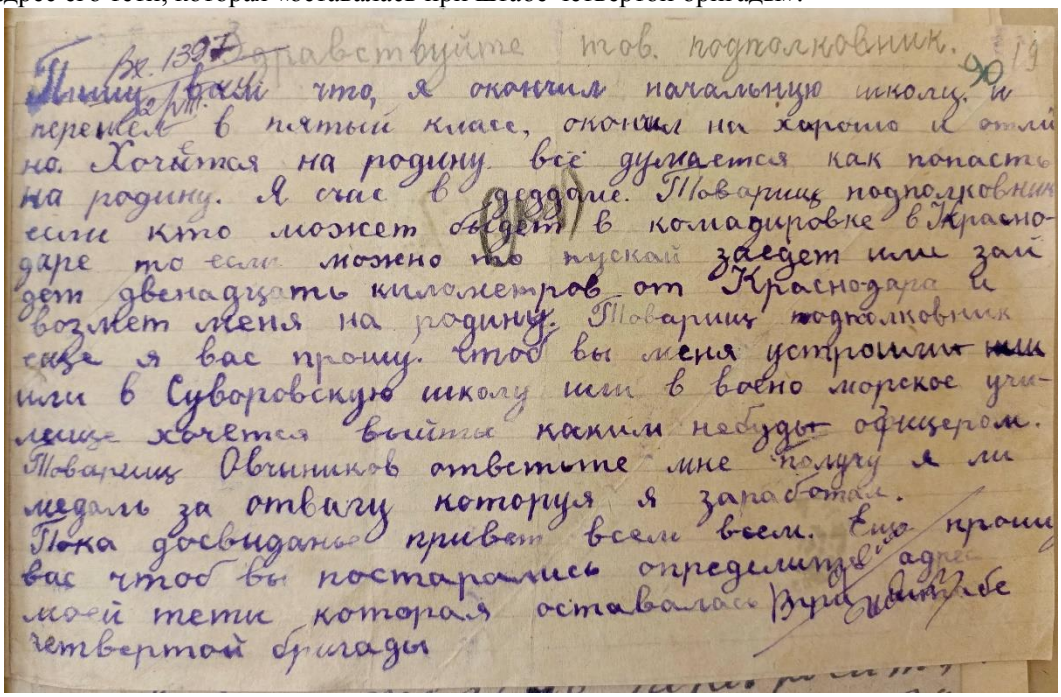
[2] После войны М. А. Македонский назначен председателем совхоза «Коктебель» в Судакском районе Крыма и руководил им 27 лет.

Дегтяреву, подготовленный не Северским, а капитаном Овчинниковым, инспектором по кадрам Крымского штаба партизанского движения. Ответное письмо было отправлено по адресу: Краснодарский край, Марьянский р-н, с. Елизаветинская, детдом. Воспитаннику Дегтяреву В. Ф.:

> *«На ваше письмо от 6 июня 1944 г. сообщаю, что т. Македонский отозван в Москву, адрес Томашека и Собатника неизвестен. Рекомендую вам пока хорошо учиться, куда вас определили, а в дальнейшем стремиться поступить в военную школу, если у вас будет желание.*
>
> *Инспектор по кадрам КШПД капитан Овчинников»* [4, Ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 18].

Понятно, что ребенку не сообщили о причинах отсутствия в Крыму М. А. Македонского, подобрав формулировку «отозван в Москву». Не смог ничего определенного ответить капитан Овчинников о Томашеке и Собатняне. Впрочем, фамилия Собатнян, видимо, неточно запомнилась Володе, поскольку найти хоть какие-либо архивные материалы о нем не удалось. Что касается Томашека, с которым, как увидим из дальнейшего, неоднократно был связан Володя по исполнению партизанских заданий, то о нем материалы сохранились, к ним вернемся чуть позже. А сейчас остановимся на июльском письме Володи (30 июля 1944 г.).

Официально вновь обращаясь к подполковнику Северскому, мальчик, по сути дела, ищет теперь помощи у откликнувшегося на его письмо капитана Овчинникова; просится в Крым и даже объясняет, как доехать до детского дома. Просит «постараться» и найти адрес его тети, которая «оставалась при штабе четвертой бригады»:

Здравствуйте тов. подполковник.
Вх. 1397
Пишу вам что, я окончил начальную школу и перешел в пятый класс, окончил на хорошо и отлично. Хочется на родину все думается как попасть на родину. Я сейчас в детдоме. Товарищ подполковник если кто может будет в командировке в Краснодаре то если можно то пускай заедет или зайдет двенадцать километров от Краснодара и возьмет меня на родину. Товарищ подполковник еще я вас прошу. чтоб вы меня устроили или в Суворовскую школу или в военно морское училище хочется выйти каким нибудь офицером. Товарищ Овчинников ответьте мне получу я ли медаль за отвагу которую я заработал.
Пока досвиданье привет всем всем. Еще прошу вас чтоб вы постарались определить адрес моей тети которая оставалась при штабе четвертой бригады

Рис. 3. Письмо Володи Дегтярева в Крымский штаб партизанского движения от 30 июля 1944 г. [ГАРК, ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 19]

«Здравствуйте, тов. подполковник.

Пишу вам, что я окончил начальную школу и перешел в пятый класс. Окончил на хорошо и отлично. Хочется на родину, все думается, как попасть на родину. Я сейчас в детдоме, товарищ подполковник. Если кто, может, будет в командировке в Краснодаре, то если можно, то пускай заедет или зайдет двенадцать километров от Краснодара и возьмет меня на родину. Товарищ подполковник, еще я вас прошу, чтобы вы меня устроили или в Суворовскую школу, или в военно-морское училище. Хочется выйти каким-нибудь офицером. Товарищ Овчинников, ответьте мне, получу ли я медаль «За отвагу», которую я заработал. Пока до свидания. Привет всем, всем. Еще прошу вас, чтобы вы постарались определить адрес моей тети, которая оставалась при штабе четвертой бригады» [4, Ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 19].

Адрес: п*/п 99230. Краснодарский край. Марьянский район, ст<аница> Елизаветинская, детдом. Дегтяреву Володе* [4, Ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 19 об.]. Почтовый штамп: 30. 7. 44.

Детдом, где воспитывался Володя Дегтярев, располагался в станице Елизаветинской, названной в начале XIX в. в честь Елизаветы Алексеевны, супруги императора Александра I. В 1930-е гг. в станице была открыта школа-интернат для детей-сирот Гражданской войны. Во время Великой Отечественной войны здесь шли жестокие бои, Елизаветинская была взята фашистами 10 августа 1942 г., освобождение в Елизаветинскую пришло 12 февраля 1943 г. Но бои продолжались, немцы долго боролись за сохранение Кубанского плацдарма, велись ожесточенные бои за Новороссийск.

9 октября 1943 г. Таманский полуостров был освобожден. Наши войска вышли к Керченскому проливу. Освобождения ждал Крым. К октябрю 1943 г. количество партизан в Крыму выросло более чем в 20 раз. На 20 февраля 1944 г. численный состав партизанских соединений составил 3800 человек. Партизаны Крыма беспощадно мстят врагу, нанося ему большой урон в живой силе и технике, беспрерывно дезорганизуют его тылы [1]. Январь и февраль 1944 г. – время жестоких боев. В этой оперативной обстановке, воспользовавшись создавшейся возможностью, Володю эвакуировали из партизанского леса на Кубань, где он был определен в Елизаветинский интернат. А уже осенью 1944 г. 14-летний подросток был направлен в среднее ремесленное училище Ейска. Теперь из Ейска шлет он в Крымский Штаб партизанского движения почтовую открытку, датированную 6 декабря 1944 г. Обратный адрес: г. Ейск, ул. Ефремова, СРУ (Среднее ремесленное училище), гр. 12. Дегтяреву В.

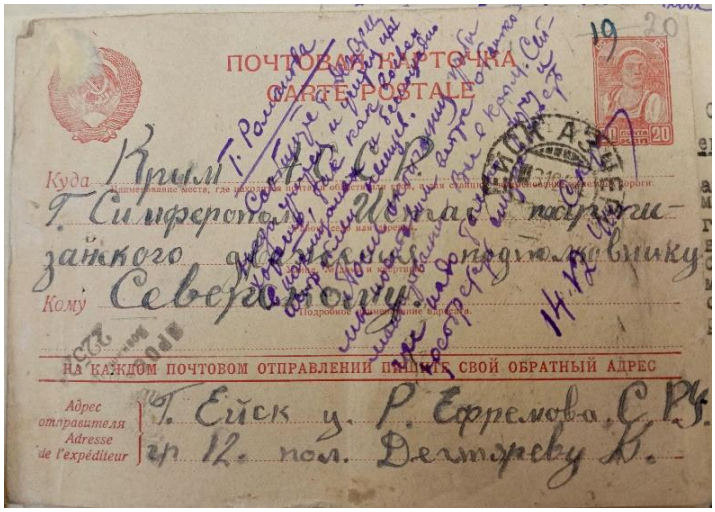
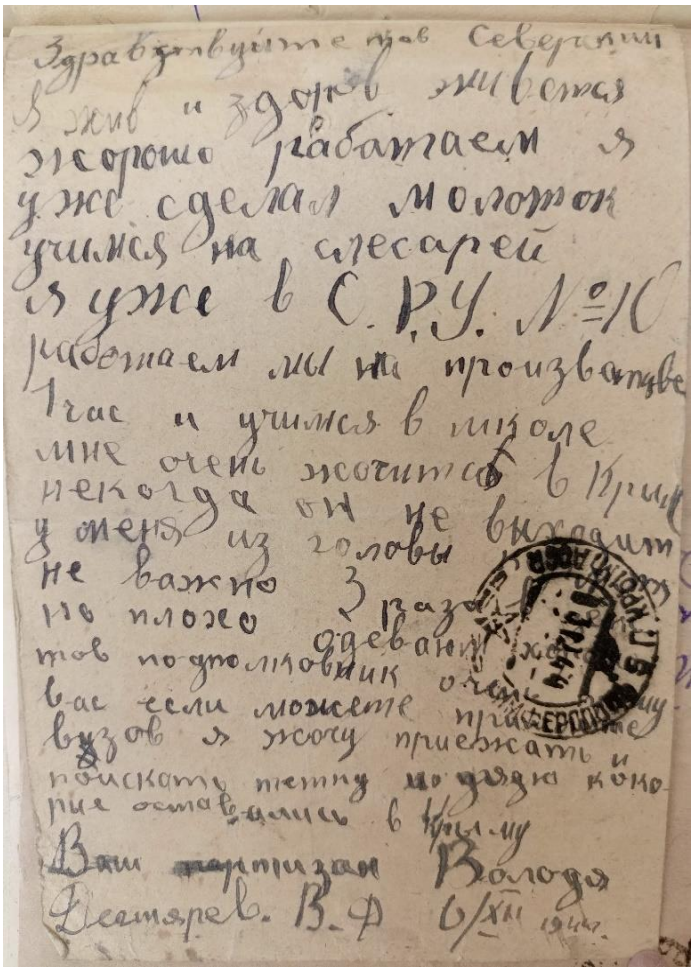

Рис. 4. Обратная сторона открытки Володи Дегтярева

«Здравствуйте, тов. Северский.

Я жив и здоров, живется хорошо, работаем, я уже сделал молоток, учимся на слесарей.

Я уже в СРУ № 10. Работаем мы на производстве 1 час, учимся в школе.

Мне очень хочется в Крым, никогда он не выходит у меня из головы

<Кормят> неважно, 3 раза, но плохо одевают.

Тов. подполковник, очень вас прошу, если можете, пришлите вызов, я хочу приезжать и поискать тетку и дядю, которые оставались в Крыму. Ваш партизан Володя Дегтярев В. Ф.

6. XII. 44. [4, Ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 19–19 об.].

Рис. 5. Открытка Володи Дегтярева. Отправлена в Крымский штаб партизанского движения 6 декабря 1944 г. [ГАРК, ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 19]

16 декабря отвечает Володе заместитель начальника Крымского штаба партизанского движения майор Сергей Протасович Скребец, и ответ его проникнут сочувствием к мальчику (Исход. № 439. 16. XII. 44. Адрес: Ейск, ул. Ефремова, СРУ, гр. 12. Дегтяреву В.):

«На ваше письмо, адресованное подполковнику Северскому, рекомендуем вам продолжать учебу, показывая пример другим товарищам, учиться хорошо, так, как воевал в лесу и партизанском отряде и истреблял немцев.

После окончания учебы мы поставим вопрос об откомандировании вас в Крым. Сейчас надо только учиться и приобретать специальность.

Зам. начальника Крымского ШПД майор Скребец» [4, Ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194, л. 20].

Прошло 78 лет после окончания войны, когда в феврале 2023 г. в интернете появляется публикация об установке в г. Видном Московской области у 1-го подъезда дома № 16-б по ул. Гаевского памятной доски с надписью: «ЗДЕСЬ ЖИЛ ГЕРОЙ». Доска установлена в честь жившего здесь Дегтярева Владимира Францевича (10 сентября 1930 – 13 февраля 2018) в канун пятилетней годовщины его ухода из жизни. Так становится известной судьба мальчика Володи Дегтярева, которого в г. Видном назвали «сыном полка» [14] и чьи письма мы сейчас представили.

В этой небольшой журналистской публикации пересказана, хоть и коротко, послевоенная биография Дегтярева В. Ф.: в 1949 г. слесарь-инструментальщик Владимир Дегтярев по окончании ремесленного училища поехал на строительство города Видное Московской области. Проработал 55 лет на Московском коксогазовом заводе, строительство которого началось в 1939 г. и возобновилось после войны в 1946 г. В Видном В. Ф. Дегтярев женился, здесь родились его сын и дочь. За трудовые успехи награжден медалью «За доблестный труд», знаком лауреата премии Ленинского городского округа; 20 лет возглавлял ветеранскую организацию Московского коксогазового завода, активно участвовал в патриотическом воспитании молодежи [14].

Кратко рассказана и партизанская история Владимира Францевича; она подтверждает определенные ориентиры в дальнейшем архивном поиске. Вот эта история:

> *«В 1943 году в Крым с Большой земли прибыла группа разведчиков, перед которой была поставлена задача – осуществить сбор информации о противнике для подготовки к освобождению Крыма и Севастополя. Среди них был мичман из разведотдела штаба Черноморского флота Федор Федорович Волончук, <…> имевший немалый опыт партизанско-диверсионной деятельности в Крыму. Уже после войны им была написана опубликованная в Воениздате книга "По тылам врага". А тогда в 1943 году партизанский связной Володя Дегтярев был прикомандирован к группе с Большой земли в качестве проводника. <…>*
>
> *Ещё до освобождения Крыма – в начале 1944 г. – Ф. Ф. Волончук после выполнения задания отбыл из Крыма в штаб Черноморского флота. С собой он забрал Володю Дегтярева, которому шел четырнадцатый год. Перед подростком, оставшимся без родителей, командиром была поставлена уже другая задача – учиться <…>»* [14].

После войны В. Ф. Дегтярев не раз приезжал в Крым, и ему удалось найти жившего в Севастополе Ф. Ф. Волончука [5], с которым потом переписывался [14]. В основном, как видим, проясняются обстоятельства, круто изменившие судьбу подростка Володи Дегтярева. Но необходим исторический комментарий, чтобы проследить хронологию и последовательность этих событий.

Освобождение Таманского полуострова стало важным этапом концентрирования летом и осенью 1843 г. партизанских сил в Крыму и активизации действий по освобождению Крыма. В июле отряд Македонского из Зуйских лесов переместился на территорию Крымского заповедника, пополнив свои ряды и запасы оружия. Готовилось десантирование с Большой земли разведовательно-диверсионных групп, в частности, отряда «Сокол» в районы Южнобережья и Севастополя [11].

19 августа 1943 г. первый состав отряда «Сокол», состоявший из 13 разведчиков, в числе которых был Федор Волончук, приземлился в районе Чатырдага в 15 км от Алушты и расположился, как и планировалось, автономно, но неподалеку от отряда Македонского, в котором и состоял Володя Дегтярев. При разведывательных выходах «Сокола» привлекались проводники из отряда Македонского. Как сказано в книге

Ф. Ф. Волончука «По тылам врага», перед «Соколом» была поставлена задача: «Используя занятый партизанами район как базу, <…> проводить регулярную разведку в районах Симферополя, Севастополя и Ялты, выяснять силы противника, разведывать его аэродромы, узнавать, где находятся его наиболее важные склады, и регулярно передавать все эти данные» [3, с. 135]. К сожалению, в книге не содержится никаких сведений о Володе Дегтяреве. Ясно, однако, что датировать эвакуацию Володи из Крыма следует исходя из связанных с именем Ф. Ф. Волончука архивных документов 1943–1944 гг.

В списках личного состава 1-го партизанского отряда им. лейтенанта Мемета Аппазова 7-ой бригады Южного соединения по состоянию на 10 февраля 1944 г. первым записан старший лейтенант Волончук Федор Федорович, член ВКП(б). Но напротив фамилии важная помета: «Отозван 12. 01. 44» [4, П-151, оп.1, ед. хр.614. лл. 4 об. – 5]. Список заверен командиром 1-го отряда Лаврентьевым Сергеем Ивановичем, комиссаром Молочниковым Меметом Беляловичем, начальником штаба отряда Мустафаевым Шевхи [4, П-151, оп.1, ед. хр. 614, лл. 27 об. – 28]. Однако опубликованное в наше время удостоверение Ф. Ф. Волончука позволяет предположить, что несколько дней после 12 января он еще оставался в Крыму. Удостоверение (исход. № 60), выданное 25 января 1944 г. и действительное до 15 февраля 1844 г., подписано заместителем начальника КШПД В. Березкиным. Из документа следует, что Ф. Ф. Волончук «находится в распоряжении начальника Крымского штаба партизанского движения» [2]. Отсюда заключаем, что Ф. Ф. Волончук[1] и Володя Дегтярев отбыли из Крыма не раньше последних чисел января 1944 г.

Думается, мысль отправить с Волончуком Володю на Большую землю и тем спасти мальчика возникла у командира отряда М. А. Македонского, и отбытие было подготовлено Крымским штабом партизанского движения. Вот косвенные тому доказательства. В конце января происходит важное для партизан событие. «Учитывая рост и численность состава партизанских формирований» и «удаленность их от места дислокации ЦОГ», Приказом начальника Крымского штаба партизанского движения от 29. 01. 1944 г. предписывалось «сформировать в районе действия 4-ой бригады партизанское соединение в составе трех бригад» (4-ой, 6-ой и 7-ой) и «именовать его Южным». Решено было «назначить командиром т. Македонского М. А., комиссаром Южного соединения – т. Селимова М. В., начальником штаба – т. [А. А.] Аристова, начальником тыла – т. Томашек И. О.». Тем же приказом П. Р. Ямпольский, ранее руководивший Центральной оперативной группой (ЦОГ), назначался старшим оперативным начальником «в период совместных боевых и оперативных действий двух или более соединений» [4, Ф. 151, оп. 1, ед. хр. 78, л. 15; 9, с. 278].

Из приказа понятно, что отряды перегруппировываются перед решающими боями. Кроме того, мы видим Володю Дегтярева «в окружении» «его командиров», адреса которых он просил в своем письме. Этот же приказ дает нам основание объяснить появление документов, напрямую связанных с судьбой Володи Дегтярева.

[1] Ф. Ф. Волончук (1910–1984, Севастополь) – разведчик, участник обороны Севастополя. В составе диверсионной группы многократно высаживался с моря в тыл противника в Крыму и на Кавказе. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, тремя – Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги» и др. Похоронен на мемориальном братском кладбище советских солдат в Севастополе в Нахимовском районе (Дергачи) [2].

Мы помним, что в письмах Володя спрашивал о своей боевой награде: «я никак не успокоюсь за награду», «получу ли я медаль «За отвагу», которую я заработал». Отсюда понятно, что, отбывая с Волончуком из Крыма, мальчик уже знал о представлении его к награде.

Действительно, 20 января 1944 г. составлено ходатайство о награждении Володи медалью «За отвагу» – высшей медалью в наградной системе страны. Перед нами архивный рукописный текст партизанского документа (аккуратный мелкий почерк), подготовленный начальником штаба 4-ой бригады А. А. Аристовым. Ниже – заключение вышестоящих начальников: датированная 25 января 1944 г. подпись (синим карандашом) начальника Центральной оперативной группы Крымского штаба партизанского движения П. Ямпольского с подтверждением, что Дегтярев Владимир Францевич достоин представления к правительственной награде медали «За отвагу». Ниже – заключение начальника Крымского штаба партизанского движения В. С. Булатова о том, что Дегтярев В. Ф. достоин награждения, но – медалью «За боевые заслуги», которая выдавалась за действия, способствовавшие успешному выполнению боевых задач, за мужество. Подпись Булатова, печать и дата: 15 февраля 1944 г. [4, Ф. 151, оп.1, ед. хр. 218, лл. 25–26 об.].

В Крымском архиве, кроме этого документа, сохранилось еще два наградных листа Дегтярева Владимира Францевича:

1) составленный в апреле 1944 г. (после освобождения Симферополя) и подписанный начальником Крымского Штаба партизанского движения В. С. Булатовым и

2) гораздо более поздний документ, отпечатанный на машинке, датируемый 10 июля 1946 г. и подписанный секретарем областного комитета ВКП(б) В. А. Березкиным.

Анкетные данные Володи Дегтярева в обоих наградных листах идентичны: звания не имеет, должность – партизан Крыма, год рождения 1931, еврей, беспартийный, ранений и контузий не имеет, в Красной армии не служил, в партизанских отрядах Крыма с сентября 1943 г., домашний адрес: Симферополь, ул. Полярная, дом № 30. Далее идет краткое конкретное изложение «личного боевого подвига и заслуг». Именно в этих текстах при сравнении наградных листов наблюдаем некоторые расхождения.

Перед нами апрельский (1944) наградной лист с текстом, подтверждающим боевые заслуги представленного к награждению:

> *«Воспитанник 1-го партизанского отряда 4-ой бригады т. Дегтярев Владимир Францевич в течение 2-х лет работал в тылу противника (в г. Симферополе) под руководством отца и матери. Отец Володи – Дегтярев Франц Маркович за подпольную работу был арестован и расстрелян гитлеровцами в декабре 1942 г. Мать – Сотникова Мария Васильевна за подпольную работу арестована 20. IV. 43 г. и расстреляна.*
>
> *После смерти матери Володя начал работать самостоятельно по разведке. Был связан с тов. Томашек Иваном Иосифовичем, работавшим в г. Симферополе начальником военной базы снабжения и подпольно работавшим на нас. (В настоящее время тов. Томашек работает командиром 4-ой партизанской бригады по тылу). При активном участии Володи, которого Томашек использовал для связи с командиром 4-ой бригады капитаном Македонским, в течение сентября и октября месяцев было перевезено в 4-ю партизанскую бригаду с военной базы тов<арищем> Томашек муки 4 машины, [неразб.: меда?] 2 машины,*

спирту и водки 1 машина, сахара и табачных изделий 4 машины, обуви и одежды 2 машины.

Будучи уже воспитанником отряда, Володя принимал личное участие в боевой разведке в Верхнем и Нижнем Керменчике. Володя дважды участвовал в боях в районе Верхний и Нижний Керменчик, в которых проявил отвагу и мужество.

Достоин представления к правительственной награде медалью «За боевые заслуги» [4, Ф. 151, оп.1, ед. хр. 218, л. 24].

Наградной лист Володи Дегтярева, датированный 1946 годом, по сути дела, является корректированной и немного сокращенной выпиской из приведенного нами наградного листа 1944 г. Кроме того, в 1946 г. В. Ф. Дегтярева представляют не к медали «За боевые заслуги», а к медали «Партизану Отечественной Войны» I-ой степени. Это была высокая награда. Медаль учреждена 2 февраля 1943 г., и награждение производилось указом Президиума Верховного Совета СССР. В новом наградном листе, заметим, несколько сокращен текст, относящийся к характеристике деятельности И. О. Томашека, работавшего в период оккупации начальником военной базы снабжения в Симферополе; в 1943 г. он помогал партизанам доставлением продовольствия и назначен в январе 1944 г. командиром 4-ой партизанской бригады по тылу [9, с. 278]. Для такого сокращения должны быть важные причины. Текст заверен подписью (чернилами) секретаря Крымского областного комитета ВКП(б) В. А. Березкина [4, Ф. 151, оп. 1, ед. хр. 218, л. 28].

Причины «сокращений» в последнем наградном листе (1946) находят объяснение: осенью 1944 г. И. О. Томашек был арестован. Приведем сведения об этом: «Томашек Иван Осипович, 1903 г. р., место р. Бахчисарайский р-н, чех, из крестьян, б/п, женат, обр. низшее, место жит. до ареста г. Симферополь, директор Крымплодовощторга, арест. 28.10.1944 г. НКГБ Крыма, ст. 58-3 УК РСФСР: пособничество немецким оккупантам, осужден ОСО при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ, реабилитир. 29.04.1961 г. Верховным Судом УССР» [18, с. 318].

В Крымском архиве хранятся более ранние документы, связанные с именем И. О. Томашека. И. О. Томашек числился в 1 отряде 4-ой бригады с 31 октября 1843 г. и являлся помощником командира бригады по тылу. 20 марта 1944 г. он подает заявление в первичную партийную организацию при штабе Южного соединения с просьбой принять его в кандидаты ВКП(б) [4, Ф.1, оп. 6, кор. 5, ед. хр. 160, л. 1]. Рекомендации ему дают: 29 марта 1944 г. – член ВКП(б) с 1927 г. Бережной Андрей Филиппович (зам. командира по разведке 1-го отряда) и 22 апреля 1944 г. – член ВКП(б) с 1930 г., командир соединения Македонский Михаил Андреевич [4, Ф.1, оп. 6, кор. 5, ед. хр. 160, лл. 2, 3].

Сохранился рукописный наградной лист И. О. Томашека, датированный 28 апреля 1944 г. – это время боев за Севастополь. Анкетные данные: званий не имеет, должность заместитель командира Южного соединения по тылу, год рождения 1903, чех, беспартийный, кандидат в члены ВКП(б), ранений и контузий не имеет, в Красной Армии не служил, не награждался, на Отечественной войне с 28 октября 1943 г. Текст, подтверждающий воинские заслуги:

«Работал заместителем командира бригады, а затем соединения по хоз<яйственной>части. Проявил себя как истинный патриот своей родины. Несмотря на труднейшие условия, непрерывно руководил хозяйством отряда и

бригад. Организовал сапожные, портяжные мастерские и устройство мельниц, тем самым обеспечивая бесперебойное снабжение бригад и отрядов питанием и боеприпасами.

Прекрасно организовал сбор и хранение сбрасываемых парашютов с продовольствием и боеприпасами.

Достоин правительственной награды – «Орден Отечественной войны» II степени.

Подпись: начальник крымского Штаба партизанского движения [В. С.] Булатов.

28 апреля 1944 г.» [4, Ф. 151, оп. 1, кор. 23, ед. хр. 264, л. 113].

Сохранился и идентичный машинописный вариант, в правом верхнем углу которого черным карандашом написано: «Отклонить. Ком<проментирующий> материал». Подпись неразборчива [4, Ф. 151, оп. 1, кор. 23, ед. хр. 264, л. 114].

Понятно теперь, почему на просьбу Володи Дегтярева сообщить адрес Томашека (в письме от 6 июня 1944 г.) из Крымского штаба партизанского движения ничего ответить не могли.

В 1946 г. Володя Дегтярев медаль так и не получил. Но эта история заканчивается счастливым спасением мальчика-партизана. Это главное. Представим сейчас другую ситуацию: допустим, семья мальчика живет в одном из 23 селений Фрайдорфского района на северо-западе Крыма (по некоторым данным, в 1930-е годы во Фрайдорфе, а не в Симферополе работал отец Володи Дегтярева [6, с. 47]). В этом сельскохозяйственном районе жили люди разных национальностей, много было евреев-переселенцев. Фашисты захватили район 29 октября 1941 г. Не будем сейчас пересказывать, как происходило уничтожение населения, об этом много написано. Приведем лишь некоторые факты из материалов созданной после войны Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Здесь списки жертв – с фамилиями, именами, указанием возраста. Расстреливали семьями, дети попали в списки наравне со взрослыми: расстреляна Бахута Ц. А. мать с четырьмя детьми, где старшей девочке Марии было четыре года, а младшая, Зинаида, была грудным ребенком; расстреляна Баток Н. с двумя детьми, Баток М. – с двумя детьми [4, Р-1289, оп. 1, ед. хр. 59, л.41]. Расстреливались большими семьями: семья Дерюгина Т. Ф. – 10 человек, семья Байдик И. Т. – 15 человек, семья Амир Амет К. – 7 человек [4, Р-1289, оп. 1, ед. хр. 59, л. 15]. Расстреливались подростки за подозрение в «связи с партизанами»: Коростылев Володя, 1927 г. р., Гончарова Людмила М.,1926 г.р., еврейка и ее семья из 9 человек [4, Р-1289, оп. 1, ед. хр. 59, лл. 13–36]...

ВЫВОДЫ

История «воспитанника» крымского партизанского отряда в очередной раз убеждает в исторической правомерности появления сюжета «сын полка». Сирота Володя Дегтярев и после освобождения Крыма по-прежнему видел в своих командирах – Македонском, Ямпольском, Северском, Волончуке – единственно близких ему людей, настойчиво их разыскивал. Публикуя сегодня подлинные письма Володи Дегтярева и архивные документы, связанные с его партизанской судьбой, остаемся с уверенностью продолжить исследовательскую работу.

Рис. 6. Дегтярев Владимир Францевич (10 сентября 1930 – 13 февраля 2018)

6 апреля 1985 г. В. Ф. Дегтярев Приказом министра обороны СССР был награжден орденом Отечественной войны II степени. В день 5-летия воссоединения Крыма с Россией (2019) дочери его Юлии Владимировне и сыну Виталию Владимировичу был передан учрежденный Государственным Советом и Советом министров Республики Крым памятный знак «70 лет партизанскому движению в Крыму» за номером 474 [14].

Воспитанник партизанского Крымского отряда, переживший в войну много горя, после войны строил, воспитывал детей, искал товарищей по отряду и бережно хранил справку Крымского штаба партизанского движения, что «действительно состоял в партизанском отряде, действовавшем в Крыму, в должности разведчика с 1 ноября 1942 г. по 18 января 1944 г.» [14]. Считал своим гражданским долгом выступать перед молодежью, школьниками с воспоминаниями о войне. Гордился своей страной, где, как он говорил, «было многое, чем можно было гордиться»: «Много было достижений в нашей великой стране!» В. Ф. Дегтярев умер на 88 году 13 февраля 2018 г. от остановки сердца. Он шел на встречу с молодежью школы № 1 в г. Видном, у ворот школы потерял сознание [14].

Список литературы

1. *Брошеван В. М.* Участие партизан и подпольщиков в освобождении Крыма от немецко-фашистских и румынских захватчиков весной 1944 г. // Крымский Республиканский Союз ветеранов и инвалидов войны, труда, военной службы и правоохранительных органов. – Режим доступа: https://veteran-crimea.ru/wp-content/uploads/2021/04/1140412.pdf. – (Дата обращения: 23.04.2025).
2. Волончук, Федор Федорович. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Волончук,_Фёдор_Фёдорович. – (Дата обращения: 23.04.2025).
3. *Волончук Ф. Ф.* По тылам врага / [Лит. запись П. И. Прошина]. – М.: Воениздат, 1961. – 143 с.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. П-151, оп. 1, кор. 17, ед. хр. 194. Письма и заявления советских граждан в Крымский Штаб партизанского движения с просьбами направить их в действующие партизанские отряды. «А» – «Я». – Л. 17.
5. [Данильченко А.] Подполковник в отставке Анатолий Данильченко. Тюльпаны памяти // Красная Звезда. – 2010. – 22 апр., четверг. – Режим доступа: http://old.redstar.ru/2010/04/22_04/4_04.html. (Дата обращения: 23.04.2025).
6. Дегтярев Франц Маркович // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга девятая. – Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2014. – 432 с.
7. *Дедков И.* [А.] Если смотреть правде в глаза… // Богомолов В. Момент истины: роман, повести, рассказ: приложение к журналу «Дружба народов». – М.: Известия, 1984. – С. 534–542.
8. [Дедков И. А.] Игорь Дедков: Наше живое время: книга воспоминаний, статей и интервью [сост.: Т.Ф. Дедкова]. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – 318 с.
9. Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945: Сб. док. и материалов / Парт. Архив Крымского обкома КП Украины, Крым. обл. гос. архив; Сост. И. П. Кондранов, А. А. Степанова. – Симферополь: Таврия, 1973. – 492 с.
10. Крымские партизаны в 1943 году. Хронология подвига // МИР. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/YzyFpMA8izCMLv7. – (Дата обращения: 23.04.2025).

11. *Мельничук Е. Б.* Чужие среди своих… Боевые действия разведчиков Черноморского флота на территории оккупированного Крыма в 1943–1944 гг. // Москва-Крым: историко-публицистический альманах. Спецвыпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. – М.: Фонд «Москва-Крым», 2003. – С. 386–462. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20060501134019/http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/melnichuk3.html. – (Дата обращения: 23.04.2025).
12. *Орехов В. В.* Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Том 1. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. – С. 164–192. – С. 164–192.
13. *Палиевский П. В*. Литература и теория. – М.: Сов. Россия, 1979 - 288 с.
14. Памяти партизанского подростка-разведчика в Крыму в годы Великой Отечественной войны Дегтярева Владимира Федоровича / 07.09.1930 – 13.02.2018. – Режим доступа: https://мыоткрываем.рф/degtyarev18. – (Дата обращения: 23.04.2025).
15. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова, А. В. Петров и др.; под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. – 200 с.
16. Рыли траншеи, работали на заводах, помогали раненым: как жили дети в годы войны // Домодедово online. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZjoeyeMczhLK4xnD. – (Дата обращения: 23.04.2025).
17. Сын полка // Рувики. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сын_полка. – (Дата обращения: 23.04.2025).
18. *Томашек И. О.* // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга пятая. – Симферополь: АнтиквА, 2008. – 354 с.
19. *Шепова Н. Я.* Юные защитники Крыма и Севастополя в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Проект «Последний солдат Второй мировой». – Режим доступа: https://www.lastww2soldier.ru/publ/stati/stati_2025/junye_zashhitniki_kryma_i_sevastopolja_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny_1941_1945_gg/17-1-0-101. – (Дата обращения: 23.04.2025).

References

1. Broshevan V. M. *Uchastie partizan i podpol'shhikov v osvobozhdenii Kryma ot nemecko-fashistskih i rumynskih zahvatchikov vesnoj 1944 g.* [Participation of partisans and underground fighters in the liberation of Crimea from the Nazi and Romanian invaders in the spring of 1944]. *Krymskij Respublikanskij Sojuz veteranov i invalidov vojny, truda, voennoj sluzhby i pravoohranitel'nyh organov*. Available from: https://veteran-crimea.ru/wp-content/uploads/2021/04/1140412.pdf (accessed 23.04.2025).
2. *Volonchuk, Fedor Fedorovich* [Volonchuk, Fedor Fedorovich]. Available from: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Volonchuk,_Fjodor_Fjodorovich (accessed 23.04.2025).
3. Volonchuk F. F. *Po tylam vraga* [Behind Enemy Lines]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 143 p.
4. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archives of the Republic of Crimea (SARC)]. F. P-151, op. 1, kor. 17, ed. hr. 194. Pis'ma i zajavlenija sovetskih grazhdan v Krymskij Shtab partizanskogo dvizhenija s pros'bami napravit' ih v dejstvujushhie partizanskie otrjady. «A» – «Ja». L. 17.
5. <Danil'chenko A.> *Podpolkovnik v otstavke Anatolij Danil'chenko. Tjul'pany pamjati* [Retired Lieutenant Colonel Anatoly Danilchenko. Tulips of Memory]. *Krasnaja Zvezda*, 2010, April 22. Available from: http://old.redstar.ru/2010/04/22_04/4_04.html (accessed 23.04.2025).
6. *Degtjarev Franc Markovich* [Degtyarev Franz Markovich]. *Reabilitirovannye istoriej. Avtonomnaja Respublika Krym: Kniga devjataja.* Kiev, 2014. 432 p.
7. Dedkov I. <A.> *Esli smotret' pravde v glaza…* [If you look the truth in the eye...]. *Bogomolov V. Moment istiny: roman, povesti, rasskaz: prilozhenie k zhurnalu «Druzhba narodov»*. M., 1984, pp. 534–542.
8. <Dedkov I. A.> *Igor' Dedkov: Nashe zhivoe vremja: kniga vospominanij, statej i interv'ju* [Igor Dedkov: Our Living Time: a book of memoirs, articles and interviews]. Moscow, MGU Publ., 2013. 318 p.
9. *Krym v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945: Sb. dok. i materialov* [Crimea during the Great Patriotic War of 1941–1945: Collection of documents and materials]. Simferopol, Tavrija, 1973. 492 p.
10. *Krymskie partizany v 1943 godu. Hronologija podviga* [Crimean partisans in 1943. Chronology of the feat]. *MIR*. Available from: https://dzen.ru/a/YzyFpMA8izCMLv7 (accessed 23.04.2025).
11. Mel'nichuk E. B. *Chuzhie sredi svoih… Boevye dejstvija razvedchikov Chernomorskogo flota na territorii okkupirovannogo Kryma v 1943–1944 gg.* [Strangers among their own... Combat operations of the Black

Sea Fleet reconnaissance aircraft on the territory of occupied Crimea in 1943–1944]. *Moskva-Krym: istoriko-publicisticheskij al'manah. Specvypusk: Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne: dnevniki, vospominanija, issledovanija. Vyp. 5*. Available from: https://web.archive.org/web/20060501134019/http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/ melnichuk3. html (accessed 23.04.2025).
12. Orehov V. V. *Literaturnoe krymovedenie i problema istoricheskoj istiny v obrazovatel'nom processe* [Literary Crimean studies and the problem of historical truth in the educational process]. *Sovremennaja kartina mira: krymskij kontekst: kollektivnaja monografija. Tom 1*. Simferopol, Arial, 2017, pp. 164–192.
13. Palievskij P. V. *Literatura i teorija* [Literature and theory]. Moscow, Sov. Rossija Publ., 1979. 288 p.
14. *Pamjati partizanskogo podrostka-razvedchika v Krymu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Degtjareva Vladimira Fedorovicha / 07.09.1930 – 13.02.2018* [In memory of the teenage partisan scout in Crimea during the Great Patriotic War, Vladimir Fedorovich Degtyarev / 09/07/1930 – 02/13/2018]. Available from: https://myotkryvaem.rf/degtyarev18 (accessed 23.04.2025).
15. *Prepodavanie russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching Russian in Crimea: Historical and Ethnocultural Context: Collective Monograph]. Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2022. 200 p.
16. *Ryli transhei, rabotali na zavodah, pomogali ranenym: kak zhili deti v gody vojny* [They dug trenches, worked in factories, helped the wounded: how children lived during the war]. *Domodedovo online*. Available from: https://dzen.ru/a/ZjoeyeMczhLK4xnD (accessed 23.04.2025).
17. *Syn polka* [Son of the Regiment]. Ruviki. Available from: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Syn_polka. – (accessed 23.04.2025).
18. *Tomashek I. O.* [Tomashek I. O.]. *Reabilitirovannye istoriej. Avtonomnaja Respublika Krym: Kniga pjataja*. Simferopol, AntikvA Publ., 2008. 354 p.
19. Shepova N. Ja. *Junye zashhitniki Kryma i Sevastopolja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Young defenders of Crimea and Sevastopol during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Proekt «Poslednij soldat Vtoroj mirovoj»*. Available from: https://www.lastww2soldier.ru/publ/stati/stati_2025/junye_zashhitniki_kryma_i_sevastopolja_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny_1941_1945_gg/17-1-0-101. (accessed 23.04.2025).

THE STORY "SON OF THE REGIMENT" IN THE REALITIES OF THE CRIMEAN PARTISAN STRUGGLE: THE FATE OF VOLODYA DEGTYAREV BASED ON THE MATERIALS OF THE CRIMEAN ARCHIVE

Orekhova L. A.

The article presents for the first time the original documents of the State Archive of the Republic of Crimea related to the fate of the "pupil" of the 1st partisan detachment of the 4th brigade of the Southern formation Volodya Degtyarev: the boy's letters to the Crimean headquarters of the partisan movement, award sheets and other documents that allow us to imagine his partisan fate. It tells about the post-war life of V. F. Degtyarev (1930-2018). The presented materials are intended to confirm the "vitality" of the plot about the "son of the regiment" and the historical validity of the development of this plot in literature and cinema.

Keywords: V. F. Degtyarev, the plot "son of the regiment", 4th partisan brigade, Crimean headquarters of the partisan movement.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 19–30.

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.422.1
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-19-30

ПУБЛИЦИСТИКА ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бояркина Н. В.

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
Симферополь, Российская Федерация
boiarkina-natalia@list.ru

В статье анализируются военные корреспонденции Ильи Эренбурга, которые он создавал на протяжении 1915–1917 гг. как корреспондент (на франко-германском фронте) российских газет «Утро России» и «Биржевые ведомости». Исследуется трансформация газетных материалов в художественный текст – первое прозаическое произведение «Лик войны». Также рассматривается, как преобразовывалось содержание этой книги при подготовке различных редакций в зависимости от изменения авторских взглядов, выраженных в предисловиях и послесловиях к произведению.

Ключевые слова: Илья Эренбург, Первая мировая война, военные корреспонденции, человек, европейская культура.

ВВЕДЕНИЕ

В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Илья Григорьевич Эренбург сетовал, что в период Великой Отечественной войны не создал ни одного художественного произведения, отдавая все силы публицистической работе: «тысячи статей, похожих одна на другую, которые теперь может прочитать только чрезмерно добросовестный историк» [11, с. 512] – имеют короткую жизнь газетного листа. Однако именно они сделали его имя всемирно известным, и сегодня мир знает Илью Эренбурга прежде всего как военного публициста.

В качестве определяющего в его формировании как будущего сотрудника «Красной звезды» во время Великой Отечественной Эренбург называл опыт военного корреспондентства в Испании в 1930-е годы: здесь он, по собственному признанию, лучше понял войну и наших людей, научился находить нужные слова.

Хотя сама война вошла в жизнь публициста гораздо раньше – в «душный, знойный» день 1914 г. Первая мировая война сделала его журналистом, стала темой его первой прозаической книги («Лик войны»), определила тематическое, идейное и жанровое своеобразие его первых опытов в создании большой художественной прозы («Хулио Хуренито», «Трест Д. Е.»).

В этот период формируются подходы к главной теме всего эренбурговского творчества – антивоенного и антифашистского по содержанию, вполне оформляются своеобразные черты его индивидуального писательского стиля – гибридного жанра, совмещающего элементы романа, дневника, памфлета. Кроме того, ранняя эренбурговская публицистическая проза обладает несомненными художественными достоинствами для того, что стать предметом подробного анализа.

В этой связи закономерен исследовательский интерес к эренбурговскому творчеству периода Первой мировой войны. С его книгой «Лик войны» связано представление как о

ярком, характерном образце освоения военной темы писателем-модернистом, воплотившем «импульс движения к мозачности, калейдоскопичности, коллажности синтетической книги с размытой жанровой идентификацией как форме передачи смыслового излома, нестыковки, антитетичности, несмешиваемости в пределах устоявшейся понятийной логики противоположных проявлений человеческого духа, различных личин войны» [4, с. 13].

Интерес вызывает и газетная работа Эренбурга-корреспондента как основа книги «Лик войны»: эссеистичность его журналистских материалов, «выпадающих по стилистике из газетного дискурса» [2, с. 144], во многом предопределила возможность их трансформации в единый художественно-публицистический текст.

Не осталась без внимания «подвижность» мозаичной эренбурговской книги, которая путем изъятия фрагментов мозаики пересобрана автором, представляя в последнем изводе измененную концепцию пережитой Европой катастрофы [6].

В настоящей статье проанализированы военные корреспонденции Эренбурга, которые он создавал как корреспондент Первой мировой войны, прослежены трансформация газетных материалов в художественный текст – первое прозаическое произведение «Лик войны», а также авторское преобразование последнего при подготовке различных редакций книги.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Первую мировую войну Илья Эренбург встретил в Париже, где находился в политэмиграции, опасаясь повторного ареста за большевистскую деятельность. Роль простого наблюдателя разворачивающейся мировой катастрофы была слишком тяжела для молодого поэта: «Тяжелее всего было сидеть и смотреть, как уходят другие» [10, с. 155], – признавался Эренбург, решивший наконец, что тоже пойдет добровольцем. Однако военная медицинская комиссия забраковала: сказалось больное сердце.

Поневоле Эренбургу пришлось быть зрителем мировой драмы, и он не раз сетовал на незавидность и тяжесть этой участи, а именно в этой роли он предстает как автор публицистических работ рассматриваемого периода.

До войны Эренбург занимался почти исключительно поэзией, поэтому не сразу обратился к публицистике, а начал писать, когда, по его собственным словам, рассердился. Прочитав однажды в «Утре России» статью о Париже, он обнаружил, что так называемый собственный корреспондент не знает реального положения дел в городе. «Почему они говорят о “собственном корреспонденте”? Ведь это написано в Москве! (Я был наивен и не знал, как делают газету). Я пошел в “Ротонду”, попросил бумаги и начал описывать парижскую жизнь» [10, с. 168], – так Эренбург вспоминает начало своей журналистской деятельности.

Эренбург писал для «Утра России» на протяжении почти полугода: с ноября 1915 г. по март 1916 г. За этот период в газете было опубликовано полтора десятка корреспонденций. Затем он сменил покинувшего Париж Максимилиана Волошина на посту сотрудника «Биржевых ведомостей»: поэт рекомендовал Эренбурга редакции как известного ей «по имени, по его книгам и переводам старых и новых французских поэтов», как человека, который «прекрасно знает Францию и может быть очень интересен для газеты» [5, с. 112]. Впоследствии «Биржевка» опубликовала, на протяжении апреля 1916 г. – октября 1917 г., шесть десятков его публицистических материалов. В них Эренбург описывал парижскую жизнь, тыловой быт приграничных

районов, освобожденных территорий Бельгии, воюющей Италии, а с конца 1916 г. в газете стали появляться его материалы непосредственно с франко-германского фронта.

В своих статьях публицист информировал читателей о событиях в жизни Парижа, например, о проведении Дня всех усопших, конкурсе издаваемых солдатами журналов, гастролях русского балета, выставке военных фотографий.

Так, материал «Лик войны» Эренбурга представляет собой репортаж из Музея прикладных искусств, где открылась выставка фотографий войны. Он описывает отделы выставки – сербский, итальянский, бельгийский, английский и французский (русские не успели привезти фотографии к мероприятию), пытаясь уловить, что собой представляет «новая маска, новый костюм древнего Ареса» [9, с. 225]. Как заправский журналист, Эренбург в своем репортаже показывает реакцию зрителей – солдата, старушки, детей, каждая из которых определенным образом соотносится с собственными наблюдениями публициста. Статья является в определенной степени программной, потому что ее заголовок впоследствии станет названием для первой прозаической книги Эренбурга о войне. В ней новый Арес явлен как Бог Машины, созерцание которого рождает у писателя видения «не то апокалипсиса, не то утопического романа» [9, с. 228] о войне будущего: вскоре из-под пера Эренбурга выйдут художественные произведения, посвященные хозяйству мистера Куля – машине по уничтожению человечества оптом.

В поисках материала для газетных статей сотрудник «Биржевки» посещал госпитали, «Сербский дом» для общения с непосредственными участниками военных событий. Его материалы («Среди сербов», «Сильные», «Заглянувший») крайне ценны тем, что воссоздают трагедию сербского народа, пережитую им в годы Первой мировой войны. Он обращается к сербскому делу, потому что для русского читателя представляет особый интерес все, что связано с братским славянским народом, и потому что, по мнению Эренбурга, у русских и сербов схожее понимание войны, чрезвычайно значимое для поисков публициста этого периода: сербами и русскими война переживается как «воинская мука стояния за свои права», «строгое и богомольное дело» [9, с. 166].

Выезжал Эренбург на места минувших битв, в приграничные и освобожденные местности. Например, он посещал поля крупных и значимых сражений Великой войны – боев на Урке, на Уазе. Им руководит и естественное любопытство газетчика, желающего показать, как места бывших сражений возвращаются к мирной жизни, и стремление пацифиста не дать забыть о старых ранах. В конечном счете, для поисков Эренбурга чрезвычайно важным оказывается, что приносит с собой война, как она меняет людей и города (помимо своего внешнего разрушительного воздействия), потому что от ответа на вопрос о последствиях во многом зависит ответ на вопрос зачем это все было. Так в публицистической прозе писателя позднее появится образ «возвращения на прежнюю блевотину» [9, с. 153].

Бывал газетчик и в местах расположения французского флота, авиационных эскадрилий. «Эренбург вполне профессионально писал о работе моряков и авиаторов, о саперах, об авиафотографах и об артиллеристах; о новой военной технике: первых танках, аэропланах и подводных лодках» [4, с. 19].

Готовил обзорные материалы, например, о французской поэзии военного времени, французском духовенстве и его участии в войне, о французских евреях. Для Эренбурга такой материал был поводом поговорить о довоенном состоянии культуры и духовном облике человека.

Часто основой для его материалов становились беседы с людьми – бывшими знакомыми или случайными встречными: написанные в форме ответа на вопрос интервьюера они строятся в виде монолога, рассказа героя об отдельном эпизоде его военной биографии. Так, старый знакомый публициста Роже Л., бывший студент-медик, рассказывает о своей работе в составе миссии в Сербии; семья беженцев из Нанси – о бомбежке этого города в Новый год и их вынужденном бегстве; молоденький су-лейтенант Т. – о солдате-бретонце, ценой своей жизни спасшем раненого немца; контрабандист баск Педро Борхес – о том, как стал добровольцем. Такие мини-монологи у публициста сопровождаются лишь небольшим вступлением и часто не снабжаются заключением – настолько они самоценны и красноречивы. В ряде случаев заключительное слово публициста представляет собой своего рода опустившийся занавес либо же звучит как мораль, вывод, усвоенный слушателем, или как неразрешенный вопрос.

Характерной особенностью эренбурговской публицистической прозы рассматриваемого периода является то, что его материалы часто в основе своей имеют диалог персонажей: три солдата во второй линии окопов обмениваются репликами по случаю раздачи писем; два солдата из батальона альпийских стрелков вспоминают события из походов в другие страны – Норвегию и Сербию; двое раненых описывают ситуации, характеризующие будничность ратного дела; моряки – младший офицер большого дредноута и капитан подводной лодки рассказывают об особенностях надводной и подводной войны. Реплики в таких диалогах строятся как дополнение, углубление темы или как многоголосица.

Выезжая на передовую, перемещаясь по линии фронта, Эренбург попадал под обстрелы и имел возможность непосредственно видеть бои с наблюдательных пунктов. Однако батальные сцены его фронтовые корреспонденции практически не содержат. Сам публицист объясняет это тем, что в современной войне человек мало что видит на фронте, вынужденный по большей части прятаться в окопах и траншеях от смертоносных машин. «На земле эти чудовищные насекомые, в небе целые стаи стальных птиц. Десятками они висят, кружатся над местом битвы. Вокруг них белые дымки шрапнели. Среди аппаратов английских впервые вижу трипланы. Вот один аэроплан как-то неожиданно покачнулся и грузно упал на землю. Около нас валяется другой подшибленный биплан. Немцы контратакуют. Их заградительный огонь покрывает все лежащее позади боя. Тяжелый дым не рассеивается, но стелется по земле» [4, с. 288], – так описывает Эренбург бой в корреспонденции «На английском фронте». Современные баталии поражают безлюдием – люди зарыты в землю, поэтому в материалах корреспондента больше внимания уделяется описанию военной техники и окопной жизни, которые и составляют особенность свовременной войны.

Среди газетных статей Эренбурга особое место занимает едва ли первая в России рецензия на книгу Барбюса «Огонь». Явленная в ней окопная правда очевидно коррелирует с поисками самого Эренбурга: будни войны, многомесячная жизнь в ожидании смерти среди зловонной хляби окопов, сам этот запах смерти и тления, превращение нежизни в жизнь и продолжение жизни рядом со смертью – вот что занимало публициста в первую очередь. И над всем этим главный вопрос – во имя чего? В конечном итоге, Эренбурга интересовала «сокровенная биография войны», а не ее «послужной список» [9, с. 152]: душа человека и душа европейской цивилизации, их пути становятся центром размышлений публициста.

Поэт увидел настоящую войну «громадной по захвату, технической по форме» [9, с. 171]. Лик современной войны – это лик машины. Публициста поражает безлюдие, пустыня – «ужаснее всех ужасов эти серые картины заблиндированной земли. И математически точных чудовищ, выплевывающих смерть» [4, с. 228]. Орудуют машины, огнем уничтожая на поверхности все живое, а человек, бессильный против них, закапывается в землю, устраивая целые подземные города, которые, в конечном итоге, превращаются просто в огромные кладбища. «Пушки, пулеметы, танки, аэропланы… А люди? Можно ответить на это – люди ими управляют. Мне же кажется, вернее – они, эти хитрые машины, правят людьми. Как слаб и беспомощен человек, когда он идет на пулеметный огонь, как уязвима его плоть рядом с чешуей танка. Среди машин он должен ассимилироваться, сам стать некой машиной» [4, с. 289]. И, приспосабливаясь, облачаясь в каски и противогазы, люди становятся «подобны каким-то чудовищам. Может, быть в этой страшной войне это самое страшное» [4, с. 232]. Организовывая войну как индустриальное заведение, как фабрику, люди носили в себе отпечаток машинной цивилизации: «Война лишь яркое выявление современности. В боях, как на парижских бульварах, как в сердце человека, царит не дух, но лишь машина» [9, с. 289].

В десятке корреспонденций Эренбург развивает идею об упадке европейской цивилизации, выхолащивании духа из бытия Европы, которая пребывала в полусонном состоянии, проповедовала сладость бытия и жила идеей душевного уюта: это была ночь европейской цивилизации, «зашедшей в тупик себялюбия, безверия, эстетизма, пустоты» [4, с. 283]. Поскольку все плоды цивилизации потеряли для нее ценность, она без сожаления уничтожала их в огне войны – так проявлялась современная культура, избавлявшаяся от прошлого.

В целом ряде материалов Эренбург описывает разрушение городов, задаваясь вопросом, как дух разрушения в течение короткого срока легко уничтожил то, что создавалось и строилось веками: «Соборы и старинные памятники для людей этой культуры были предметами не первой необходимости, но роскоши. Изучение не означает любви. Готическая архитектура у сотни людей вызывала интерес, у тысяч любопытство, у мильонов – безразличие. Но той живой любви, которая окружала собор еще сто лет тому назад, не было ни у кого. Места самые святые – церкви, места, где протекали главные этапы человеческой жизни от рождения до смерти, – стали диковинами и только. Как “диковины” они в часы войны не могли представлять исключительной ценности» [4, с. 197]. Современные варвары уничтожали в войне старую культуру, не освященную для них верой и любовью, чтобы на месте старых памятников воздвигнуть… казарму, оружейный завод, универсальный магазин. Война, стирая старую культуру, вместе с тем обнажила бесплодность новой безыдейной цивилизации – и в этом, по мнению публициста, «грех и чаяние этой войны» [9, с. 198]: она покалечила многое и многих, но она стала саморазоблачением, а значит, дала надежду на духовное возрождение.

Технический характер войны, определяющий всесилие машин и загоняющий человека под землю, сделал ее в основном позиционной. Ничего не имеющая общего с прежними баталиями, война превратилась в длительное сидение в окопах и траншеях: не видя врага, не зная его, не сражаясь с ним, солдаты сидят в земле в ожидании смерти. Точно так же, как и моряки на судах и подводных лодках, находятся в длительном ожидании прилета или разрыва мины. Месяцами они пребывают в состоянии скуки, ожидая даже не врага, а просто смерти, и это многомесячное приготовление к смерти страшнее ее самой.

Участник боев под Верденом рассказывает, как длились «месяцы и месяцы окопов»: «16 месяцев я просидел в яме у Л. – под Верденом. Жизнь наладилась вялая и бездеятельная. Неделю сидели и ждали, упадет ли на нас снаряд, четыре дня “отдыхали” от этого ожидания» [9, с. 183]. Но даже когда начались атаки: окопы были разрыты, осыпаны снарядами, люди гибли, – жизнь шла в общем так же просто и буднично. И сначала казалось, что смерть победила жизнь, но вскоре оказалось, что это и есть жизнь – будни, повседневное дело, которое быстро стало привычным. А привыкнув, другую жизнь начали воспринимать как нечто ненормальное. «Я не хочу “Фигаро”, я не хочу “Шахерезады”» [9, с. 161]. «Сжечь бы все это! Уничтожить!» [9, с. 160], – восклицает бывший студент-медик, ныне в погонах помощника-врача, видевший трупик младенца, пятнадцатилетних рекрутов, повешенных старух. Заглянувшие в глаза всаднику на коне бледном, постигают какую-то невыразимую правду: о «неценности всякой, даже самой благоустроенной жизни» [9, с. 169] и о том, что «жизнь ценна лишь там, где она ничего не стоит, сладка лишь для тех, чьи дни трудны, темны, горьки…» [9, с. 263]. Эта тайна, постигнутая в окопах, есть тайна завтрашнего дня человечества, – констатирует публицист.

Будни войны, несмотря на их видимую негероичность, видятся публицисту героическими, потому что они выше человеческих сил. И остается удивляться, как простые, обыкновенные люди незаметно стали героями. Война дает достаточно примеров мужества и героизма: солдат-бретонец ценой своей жизни спасает раненого немца, вынося его с поля боя; кюре не выдает мальчика, разыскиваемого немцами, и принимает смерть вместо заложника-мэра; мэр Санлиса, добрый буржуа, с невозмутимым спокойствием принимает смерть. «Если тайна, как мирные обыватели обратились в убийцу, то кто объяснит нам, как добрый буржуа Санлиса обратился в героя?» [4, с. 246], – задается вопросом публицист.

На войне все оказывается перемешанным – все самое низменное со всем самым возвышенным. Изображая разрушение, смерть городов, Эренбург воссоздает характерную картину: «В Перонне я видел в грязи, среди рваных сапог и пивных бутылок, сотни книг. <…> В Бапоме, на месте, где стояла церковь, – мусорная куча. В ней – кусок большого распятья – будто человеческий труп, черепа погребенных, когда-то благочестивых епископов, и над всем почил горшок из какого-то соседнего дома» [9, с. 293]. Все человеческие дела – и благочестивые, посвященные Богу, и низменные, связанные с отправлением естественных физиологических потребностей, оказались в одной куче – в мусорной. Но страшнее не это смешение, а распятие, как человеческий труп, – символ непреображенной плоти, оставления плоти божественным духом, уничтожения божественной тайны. Не случайно поэтому в мусорную кучу превращается именно церковь.

Другой характерный образ дан в корреспонденции «Старые раны». Публицист посещает места битв при Урке, издали поля ему кажутся засаженными деревьями, но, приблизившись, он распознает в них кресты, рядом с которыми идет с плугом крестьянин: «Я замечаю столб с надписью не то мудрой, не то насмешливой: “Просят уважать могилы и не чинить вреда посевам”. Эти слова, старик-пахарь, солнце, нагретые его лучами поля зовут: уважать смерть и жить, жить, жить! Я ничего не понимаю, растерянно гляжу на своего спутника, старого фермера. Мне кажется, он должен знать, как примирить все человечьи дела – плуг и вырытые снарядами ямы, желтые всходы и

черные кресты. Старик тоже смотрит на меня, большим заскорузлым пальцем набивая трубку и точно понимая мое недоумение, говорит: – C'est la vie! (это – жизнь)» [9, с. 242].

Публицист пытается найти ту высоту, с которой можно увидеть войну, чтобы объяснить ее, но не может обрести эту точку. Поэтому ближе всего для него оказываются не строки погибшего при Марне поэта Шарля Пеги о блаженстве погибших за четыре угла родимой земли, которым он, безусловно, сочувствует, а восприятие происходящего русскими воинами в Шампани. «Они не читают газет, не понимают ничего ни в дипломатии, ни в стратегии. Они сидят в окопах, ходят в штыки, живут и умирают. Не за то или за это, а потому что "так надо", – "война", – "дело известное, ежели солдат". Это не покорность раба, это христианское смирение. Мы не можем так жить, мы разучились, мы даже забыли, что ежедневно миллионы людей в темных окопах повторяют на деле Христовы слова: "Да будет твоя воля, но не моя!"» [9, с. 233]. Среди своих, среди русских мужиков, Эренбург говорит свое верю и верую, встает окопная правда, наполняется особым смыслом окопная жизнь, противопоставленная мирному порядку: «Там "устроение", но там нет ни скорбных очей Богородицы, ни чахоточного слесаря, который пишет стихи и жаждет "неподдельной осуществимости", ни бедного мужика, который, горько улыбаясь, говорит свое великое "претерпи"» [9, с. 272].

Продолжая осмысливать войну, ее сущность, причины и последствия, Эренбург перебирает свои корреспонденции и в 1919 г., определенным образом сгруппировав тематически близкие записи и изъяв те, которые считал несущественными, «газетными», издает их отдельной книгой, под названием «Лик войны».

Книга Эренбурга переиздавалась четыре раза. Впервые она увидела свет в 1920 г. в Софии в издательстве «Российско-Болгарское книгоиздательство». Затем «Лик войны» был переиздан в 1923 г. в Берлине в издательстве «Геликон». В России книга выпускалась дважды – в 1924 г. в издательстве «Пучина» и в 1928 г. в издательстве «Земля и Фабрика». От первой, софийской, редакции берлинская отличалась стилистической правкой, в то время как московские представляют собой существенно исправленный текст. Сделанные изменения, прежде всего связанные с эволюцией взглядов публициста, выражались в сокращении подглавок – в целом их изъято почти три десятка. Только изъятия в главе «Русские в Шампани», в которой сокращено 10 подглавок, объясняются политическими мотивами: стремлением автора не касаться «мучительного и тяжелого для многих» вопроса о причинах развала русской армии [Цит. по: 9, с. 109].

Книга «Лик войны» состоит из 12 глав, которые объединяют подобранные по темам корреспонденции по принципу дихотомии или антагонизма. Отдельные главы так и называются: «Война и жизнь», «Трусость и храбрость», «Жестокость и милосердие». Очевидно, противопоставлены первая и завершающая главы – «Лик войны» и «Душа войны». Но и другие главы построены по той же модели. Например, рассказ о «цветных» (сенегальцах, малайцев, аннамитов) в одноименной главе основан на отличии их восприятия войны и всего происходящего от восприятия белых. Глава «Религия» содержит и примеры высокого служения духовенства, и выхолащивания, профанации религиозной идеи, подчинения ее политике.

Однако при изображении войны в ее разных ликах – возвышенных и ужасных, в ряде случаев противопоставление оказывается мнимым, в других – оно намеренно стирается автором книги, что особенно заметно при сличении софийской и московских редакций «Лика войны».

Так, в первой и в последних редакциях в одноименной главе не противопоставляются жестокость и милосердие, которые показаны не как «следствие высокой или низкой культуры, это – прилив и отлив страстей, стадия болезни, степень участия человека в общем безумии» [8, с. 55]. Солдат не может не быть жестоким по определению. В то же время у жестокости есть свои проявления. Современная война, в которой рукопашные бои стали исключением, отличается особой жесткостью, ведь «солдаты не видят врага, стреляя не по человеку, а по месту»: «быть жестоким на расстоянии, втемную, куда легче. Одно дело подкатывать снаряд, другое – подойти к этому белокурому молодому парню и выколоть ему глаза» [8, с. 57]. Иное проявление жестокости – «жестокость холодного, трезвого ума, приказ за №», выполненный как «расчетливая работа конкурента» [8, с. 57]. Именно такую жестокость проявляли немцы, планомерно уничтожая людей и города по тщательно разработанному плану.

При этом акты самопожертвования выглядят отчасти нелепо, как завершающий этюд о французе: он утонул, уступив место в шлюпке итальянской паре, которая его поступок оценила как простую вежливость, свойственную жителям Франции, проявив полную неспособность оценить жертву и тем самым обесценив ее.

Нет противопоставления в главе «Трусость и храбрость», которые показаны как случайные субъективные ощущения. В этом разделе Эренбург анализирует поездки на фронт, изучая свои ощущения в минуты опасности: под обстрелом в развалинах Арраса; в Вими в свежей воронке, когда справа и слева падали снаряды; у Дарданелл в ожидании атаки турецких позиций; в Аргонах в тридцати шагах от немцев, подкопавшихся под передовой пост; на английском фронте при пулеметном обстреле с немецкого «таубе»; в Северном море в ожидании атаки подводной лодки. Он описывает страх как появляющийся беспричинно, вне зависимости от размера грозящей опасности, так же быстро исчезающий и часто связанный с боязнью неизвестного, непривычного, а не смерти. Поэтому в главе не показаны эпизоды проявления храбрости, а примеры отсутствия страха, как и в предыдущем разделе примеры милосердия, окомичены: крестьянка не боится, что немцы продвинулись вперед, не боится за детей – она думает только о бойкой торговле; мать больше боится переезда, чем опасности от ежедневных обстрелов, в которых уже пострадал ее маленький сын; англичанин высовывается из окопа, потому что ему нужно бриться; шотландец идет по обстреливаемой дороге, потому что хочет обедать и курить, и т.д.

Значимо, что два очень важных характерных эпизода из газетных корреспонденций преобразовываются уже в первой редакции книги, представая здесь изначально в усеченном виде. Так, контрабандист баск Борхес, который нелегально переводит через границу вражеских солдат, чтобы заработать, но в итоге записывается в добровольцы, трансформируется в старика Ляна, в сердце которого не умещаются вместе идея Франции и идея наживы: «Он – только один из многих, истинный “тыловик”. Он хочет, конечно, чтобы Франция победила, но больше всего хочет нажить тысячу-другую» [8, с. 105]. Существенно преобразованным входит в книгу этюд о посещении полей Марнской битвы. В нем исчезает табличка «Уважайте смерть и посевы»: фермера заботит только, когда он сможет уже распахать кладбища, потому что земли не хватает.

В целом, раздел «Тыл» – один из самых темных в книге, и самый страшный его центральный образ – золотой статуи богоматери. При этом единственный фрагмент в оправдание Содома: бабка говорит внучке класть цветы и на могилы французов, и на могилы немцев, – изымается в московских редакциях.

Как изымается подглавка в главе «Жестокость и милосердие» – рассказ об американке, приехавшей, чтобы заново отстроить Витримон, с главным тезисом этого рассказа о невозможности разрушить здание доброты, выстроенное в сердце.

Вымарывается раздел в главе «Душа войны» о чуде перерождения перед лицом смерти скучающего банкира Прево, алчного картежника лакея Гастона, тупого и жестокого испанца Мельдеза.

Показательным является и эпизод с посещением могилы Шарля Пеги в этом же разделе «Душа войны». Публицист обрывает свое повествование на словах о слепоте поэта. Дальнейшие рассуждения о том, что блаженны люди, способные так умирать, что «Пеги поэт был один, Пеги солдат было много» [9, с. 145], вымараны. Вымараны слова об искупительной жертве и надежде, оставлены – о слепоте, которая простительна умершему в самом начале войны, но не просительна оставшимся жить и видевшим смерть самой войны.

В главе «Религия» изъяты по сравнению с первоначальной редакцией эпизоды, связанные с проявлениями сознания высоты своего дела у священнослужителей. В результате количество параграфов в разделе сокращено вдвое, а финальным становится эпизод с капралом-аббатом, который пересказывает недавно бывшую с ним сцену: «Ну и поработали! Жалко винтовку свою пришлось оставить… воткнул я в боша штык, высоко хватил. А назад не лезет. Я на живот ногой встал, тащу – не идет… Так и пришлось бросить…» [8, с. 78], а потом напяливает сутану и на покрытом кружевной накидкой ящике из-под снарядов начинает служить мессу.

Существенно меняется звучание всей книги в результате изъятия из московских редакций последнего эпизода последней главы. В первоначальном варианте в финале автор в очередной раз с особым заострением ставил вопрос о том, как примирить ненависть и любовь, жертву и злобу, величие и пошлость. Со слезами и гневом, он не может перестать одновременно и проклинать, и прославлять, а потому молится и просит Бога дать ему понимание. С изъятием этого фрагмента финальным аккордом становится отношение к происходящему солдата, выраженное во фразе «Умирают? Мне наплевать»: «Иду. Надо перейти окоп. Чей-то труп. И переступив уж, замечаю – ведь я его ногой отпихнул. Смерть? Меня убьют? Умер самый близкий мне человек? Все человечество погибнет? Да, конечно, но видеть надоело…» [8, с. 150].

Исчерпывающие пояснения своим правкам публицист дает в предисловиях и послесловии к редакциям книги, по которым крайне интересно проследить, как трансформировалась позиция автора.

Объединяет их одна мысль: о том, что война не кончилась, она продолжается. Европа носила в своей утробе войну, ею правили еще до военного времени «начала трезвой жестокости, механического безумия, бездушной воли» [9, с. 37]. В определенной степени война стала искупительной жертвой, потому что на ее полях расцвели «дивные цветы любви» [9, с. 37], «в ее черном сердце гнездился самый белый голубь» [9, с. 36] – они давали надежду на искупление. Но, оказалось, что надежда на очищающий прилив не оправдалась: война умерла и ее смерть страшит еще больше. Картина, на которой пахарь шел с плугом по краю кладбища и призывал женщин, разыскивающих свои могилы, не топтать посевы, сначала сменилась на картинку, где фермер ожидал уже возможности засеять кладбища, а затем появилась и вовсе страшная карикатура: на ней не было землепашца, плачущих женщин, посевов и крестов – на удобренных кровью полях минувших битв появились туристы: «Приезжающие – интернациональные тунеядцы и

гиены вываливают из мягких лимузинов свои разлагающиеся тела, цедя сквозь соломинки прохладительные, они оглядывают камни и гниющие кресты. Парад мертвецов! Инвалиды, слепые, безногие, обожженные горячей жидкостью, с кровавой маской вместо лиц, подпрыгивая, ползая, продают почтовые карточки. Туристы покупают, шлют "сердечные приветы" и кидают на землю гроши, то есть кровь мертвых, пот живых» [9, с. 153]. Срамной понедельник, возвращение на прежнюю блевотину – вот, что видит публицист. И он проклинает такой мир, который со всей очевидностью породит новую войну.

Если при первом издании книги автор вкладывал в нее надежду: не мог возносить или разоблачать, призывал не забывать войну, потому что она может повториться, то при переиздании он разоблачает и предрекает: все готовы на новый знойный, душный день.

ВЫВОДЫ

Первая мировая война является едва ли не самой значимой вехой в эренбурговском творчестве – антивоенном и антифашистском по своему основному содержанию. Существенную роль в его становлении как писателя-публициста сыграл опыт военного корреспондентства. В 1916 г., когда газетчик осматривал поля сражений под Марной и Верденом, были задуманы его первые антивоенные романы и повести – прежде всего, роман «Хулио Хуренито», который, по признанию самого автора, определил не только его литературный путь, но и его жизнь; без которого он не сумел бы написать «Падение Парижа».

Из газетных публикаций сотрудника «Утра России» и «Биржевых ведомостей» составилась первая прозаическая книга писателя – «Лик войны», в которой перед автором «встала проблема жанрового "самоопределения"» и обозначились черты эренбурговского стиля – «предельный лаконизм, афористичность, сочетание иронии с прямым выражением чувств» [2].

Эренбурговская публицистика периода Первой мировой войны философична: газетчика интересует «сокровенная биография» войны, а не ее «послужной список». Он восстанавливает внешний лик войны, но пытается распознать ее душу. Он не информирует, а рассуждает, и, прежде всего, предметом его размышлений становится «затасканная "душа человека"» [9, с. 41]. Много позже Эренбург об этом напишет: «повсюду меня сопровождали мои раздумья и сомнения; они родились давно, еще в годы Первой мировой войны, когда я начал самостоятельно думать. Увидев огромное военное хозяйство, мгновенное отречение людей от мысли, механизацию любви, убийства, смерти, я понял, что в опасности само понятие человека» [11, с. 500]. Раздумья и сомнения, которые корреспондент изливает в своих газетных материалах, по форме близких к художественным эссе, связаны с попытками осмыслить и объяснить противоречия человеческой природы и человеческой культуры, которые обнажила война.

На этих противоречиях, как на контрастах, строится внешняя канва первой прозаической книги Эренбурга «Лик войны». Отбирая яркие, выпуклые сюжеты, сцены, картины, художник отсекает, как рамкой видоискателя, сопровождающую информацию: остаются мгновенные снимки, которые таким образом превращаются «в эмблему войны или человека на войне» [Цит. по: 1, с. 84].

Переиздания «Лика войны», которые связаны со значимыми правками текста, обусловлены появлением большой и крайне напряженно звучащей темы в творчестве Эренбурга – темы памяти и забвения. Видя, как Европа, неочищенная, возвращается на

прежнюю блевотину, а грех войны остается неискупленным, публицист констатирует крушение собственных иллюзорных надежд на преображение человека и культуры. Это крушение иллюзий отражается в тексте, где вымарываются фрагменты, изображающие проявление на войне лучших свойств человеческой натуры, контрасты стираются и остается череда снимков злых дел и темных мест.

Таким образом, поиски Эренбурга рассматриваемого периода значимы не только как веха на его жизненном и творческом пути. Они также дают богатый материал для изучения способов освоения темы войны (в данном случае автором, который считал, что существуют разные войны, и, соответственно, они по-разному отражаются в публицистике и литературе); методов превращения газетных материалов в большую публицистику и художественную прозу, и, наконец, феномена «живой», «подвижной» книги, содержание которой, образуя единство с предисловиями/послесловиями, изменяется в зависимости от заложенного в последних публицистического пафоса.

Список литературы

1. *Грибоедова А. В.* Творчество Ильи Эренбурга начала 20-х годов: проблематика и поэтика. – Дисс. … канд. филол. наук. – М., 2014. – 281 с.
2. *Гринфельд (Соболь) В. А.* Она пришла не случайно. Илья Эренбург – военный корреспондент // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сборник научных трудов 9-ой Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024. – С. 141–144.
3. *Ландау Е.* Публицистика Ильи Эренбурга // Вопросы литературы. – 1966. – № 1. – Режим доступа: https://voplit.ru/article/publitsistika-ili-erenburga/. – (Дата обращения: 21.01.2025).
4. *Полонский В. В.* Основные векторы поэтико-идеологических трансформаций в русской литературе и публицистике эпохи Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (2). С. 13–19.
5. *Попов В., Фрезинский Б.* Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в док, письмах, высказываниях и сообщ. прессы, свидетельствах современников). Т. 1. – СПб., 1993. – 382 с.
6. *Фоминых Т .Н.* Первая мировая война в русской прозе 1920–1930 гг.: историософия и поэтика. – Дисс. … доктора филол. наук. – М., 1998. – 383 с.
7. *Фрезинский Б.* Прекрасная книга // Эренбург И. Г. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917. – СПб., 2014. – С. 7–31.
8. *Эренбург И. Г.* Лик войны. – М.–Л., 1928. – 124 с.
9. *Эренбург И. Г.* Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924. Газетные корреспонденции и статьи, 1915–1917. – СПб., 2014. – 350 с.
10. *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь: книги первая, вторая, третья. – М., 2023. – 656 с.
11. *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь: книги четвертая, пятая. – М., 2024. – 592 с.

References

1. Griboedova A. V. *Tvorchestvo Il`i E`renburga nachala 20-kh godov: problematika i poe`tika: Dis. … kand. filol. nauk* [Ilya Ehrenburg's creative work of the early 20s: problematics and poetics. Thesis]. Moscow, 2014. 281 p.
2. Grinfeld (Sobol) V. A. *Ona prishla ne sluchaino. Il`ya E`renburg – voenny`i korrespondent* [She didn't come by accident. Ilya Ehrenburg – war correspondent]. *Modern Media in the context of information Technology: proceedings of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg, 2024, pp. 141–144.
3. Landau E. *Publitsistika Ilii E`renburga* [Ilya Ehrenburg's publicism]. *Voprosy` literatury`*. 1966. no. 1. Avialable from: https://voplit.ru/article/publitsistika-ili-erenburga/ (accessed 21 January 2025).
4. Polonsky V. V. *Osnovny`e vektory` poe`tiko-ideologicheskikh transformacii v russkoi literature i publitsistike e`pokhi Pervoi mirovoi vojny`* [The main vectors of poetic and ideological transformations in Russian literature and journalism of the First World War era]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2014, no 2 (2), pp. 13–19.

5. Popov V., Frezinsky B. *Il`ya E`renburg: Khronika zhizni i tvorchestva (v dokumentakh, pis`makh, vy`skazy`vaniyakh i soobshheniyakh pressy`, svidetel`stvakh sovremennikov)* [Ilya Ehrenburg: Chronicle of his life and work (in documents, letters, statements and press reports, testimonies of contemporaries)]. Vol. 1. St. Petersburg, 1993. 382 p.
6. Fominykh T. N. *Pervaya mirovaya voina v russkoi proze 1920–1930 gg.: istoriosofiya i poe`tika: Dis. ... kand. filol. nauk* [The First World War in Russian Prose 1920–1930: Historiosophy and Poetics. Thesis]. Moscow, 1998. 383 p.
7. Frezinsky B. *Prekrasnaya kniga* [It's a beautiful book]. *Erenburg I. G. Lik vojny. Vospominaniya s fronta, 1919, 1922–1924. Gazetnye korrespondencii i stat'i*, 1915–1917. St. Petersburg. 2014. pp. 7–31
8. Ehrenburg I. G. *Lik voiny`* [The Face of War]. Moscow–Leningrad. 1924. 124 p.
9. Ehrenburg I. G. *Lik voiny`. Vospominaniya s fronta, 1919, 1922–1924. Gazetny`e korrespondentsii i stat`i, 1915–1917* [The Face of War. Memoirs from the front, 1919, 1922–1924. Newspaper correspondence and articles, 1915–1917]. Saint-Petersburg, 2014. 350 p.
10. Ehrenburg I. G. *Lyudi, gody`, zhizn`: knigi pervaya, vtoraya, tret`ya* [People, years, life: books one, two, three]. Moscow, 2023. 656 p.
11. Ehrenburg I. G. *Lyudi, gody`, zhizn`: knigi chetvertaya, pyataya* [People, years, life: books four, five]. Moscow, 2024. 592 p.

ILYA EHRENBURG'S PUBLICISM DURING THE FIRST WORLD WAR

Boyarkina N. V.

The article analyzes Ilya Ehrenburg's war correspondences, which he created as a correspondent on the Franco-German front for the Russian newspapers « Utro Rossii» and «Birzhevye Vedomosti». The article considers the transformation of newspaper materials into a literary text – the first prose work «The Face of War». It also examines how the content of this book was transformed during the preparation of various editions, depending on the change in the author's views expressed in the prefaces and afterwords to the work.

Keywords: Ilya Ehrenburg, First World War, military correspondence, man, European culture.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 31–42.

УДК 821.161.
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-31-42

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

Мащенко А. П.

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
amas69@mail.ru

Статья анализирует отражение в творчестве Александра Проханова специальной военной операции, которая является едва ли не единственной темой публицистики писателя последних трех лет. По его мнению, на фронтах СВО решается судьба страны. Военный корреспондент, за плечами которого шестнадцать войн, Проханов в силу возраста сосредоточен не на репортерском, а на публицистическом осмыслении операции. При этом он не занимает позицию квазиобъективного наблюдателя, а осознает себя солдатом информационно-пропагандистского фронта. Главная причина начала СВО видится Проханову в распаде СССР, в результате чего историческая Россия потеряла свои исконные территории. По его оценке, Россия воюет не с Украиной, а с коллективным Западом. Писатель признает, что СВО складывается для России не так, как планировалось, но убежден в победе. Ключ к ней он находит в истории страны, прежде всего – в истории Великой Отечественной войны. В публицистике Проханова преломляются все значительные события спецоперации. Собирание русских земель началось с возвращения Крыма и продолжается в ходе СВО, считает писатель. Специальная военная операция, с одной стороны, обнажила проблемы современной России, а с другой – стала катализатором возрождения страны. Художественное осмысление специальной военной операции помогает Проханову понять природу грандиозных событий, которые невозможно уместить в арифметических сводках и сухом военно-политическом анализе. Его статьи в газете «Завтра» представляют собой единый художественно-публицистический цикл, который является одной из самых ярких панорам специальной военной операции, созданных отечественными литераторами.

Ключевые слова: Александр Проханов, публицистика, литература, история, специальная военная операция, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Александр Андреевич Проханов – живой классик русской литературы, публицистики, военной журналистики. Он вошел в историю отечественной словесности с такими романами, как «Дерево в центре Кабула», «Последний солдат империи», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген», «Крым», а в историю отечественной журналистики – как один из самых острых публицистов последних советских и постсоветских десятилетий, главный редактор газет «День» и «Завтра» и военный корреспондент, за плечами которого – шестнадцать (!!!) войн. Они отразились как в его художественном творчестве – романах «Сон о Кабуле», «Стеклодув», «Чеченский блюз», «Идущие в ночи», «Убийство городов» и других, так и в огромном, практически не поддающемся подсчету количестве публицистических и репортерских текстов.

К началу специальной военной операции на Украине Проханову – без двух дней 84 года. В силу возраста он уже не может работать на этой войне в качестве репортера, однако анализирует, осмысливает, переживает ее, сражается на ней в своей публицистике – прежде всего, на страницах газеты «Завтра» и в авторском телеграм-канале: «Теперь мне не под силу взлетать на броню транспортера, не под силу бежать из-под винтов вертолета. Я не попал на эту войну, но своими стихами, статьями и книгами я штурмую высотки, участвую в контрбатарейной борьбе, сбиваю вражеские дроны, поднимаюсь в атаку с бойцами «Вагнера», сажусь в боевую машину десантников» [12].

Так сложилось, что изучение гигантского творческого наследия Александра Проханова, по сути, только начинается, и эта статья призвана внести вклад в предстоящую работу ученых – историков, литературо- и журналистиковедов, политологов и философов. Следует также отметить, что настоящее исследование является своеобразным логическим продолжением статьи автора, А. П. Мащенко, «Крым в прозе и публицистике Александра Проханова», увидевшей свет в «Ученых записках Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского» [1] в 2022 г. Представления Проханова об истории, предназначении, судьбе России определяют его отношение как к возвращению Крыма «в родную гавань», так и к специальной военной операции, в ходе которой за Тавридой последовали республики Донбасса, Запорожская и Херсонская области.

Цель исследования – изучить, как отражается в публицистическом творчестве Александра Проханова специальная военная операция. Задачи: определить, в чем, по мнению писателя, заключаются причины и цели специальной военной операции; как он оценивает ее ход, ее роль в истории России и мира; какими ему видятся итоги СВО.

Материалом для исследования стали публицистические и аналитические тексты Проханова, опубликованные в период с 23 февраля 2022-го по 9 мая 2025 года на страницах газеты «Завтра».

Методы исследования – описательный, историко-генетический, биографический. Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается едва ли не первая системная попытка изучить представления о специальной военной операции одного из самых авторитетных современных русских публицистов патриотического толка, к которому прислушиваются как его младшие товарищи по литературному цеху, так и многие действующие российские политические и общественные деятели.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

За день до начала специальной военной операции, 23 февраля 2022 г., Проханов публикует статью с говорящим названием. «Замахнулся – бей» [8], – призывает писатель. Из века в век двигались на Россию нашествия с Запада – ливонских рыцарей, рейтар Стефана Батория, Наполеона, Гитлера, сегодня по их стопам идет расширяющееся на восток НАТО, объясняет Проханов. И если Россия не обезопасит свои западные границы, отступит от требований, сформулированных в проектах договоров о гарантиях безопасности с США и НАТО от декабря 2021 г., ее ожидает гибель в результате нового западного нашествия.

В этой же статье Проханов оценивает возможные последствия еще не начавшейся спецоперации: «Россия и Запад – как два истребителя, идущие в лобовую атаку. Если русский летчик дрогнет и отвернет, ему распорют брюхо из пулеметов и скорострельных пушек. И долго будут дымить обломки, бывшие когда-то Россией. Но если летчик не дрогнет и пойдет на таран, если бесстрашный хирург скальпелем вырежет тромб русской истории, если изделия Уралвагонзавода дойдут до Мариуполя, Одессы, выйдут к Тирасполю, что случится тогда? Запад опустит железную штору. «Северный поток» превратится в стальную макаронину, ржавеющую на дне Балтийского моря. Олигархи, бритые наголо, станут свирепой ненавидящей Путина сворой, и Россия без технологий, без газовых рынков, с ненавидящей элитой в полной мере познает кошмар, на который обрекли ее Гайдар, Чубайс и Немцов, уничтожив всю советскую науку и индустрию, оставив Россию без подшипников, элементной базы, станкостроения, без научных центров и авангардных лабораторий. И тогда России, вкусившей весь этот кошмар,

придется заново выстраивать свое государство. Избавиться от предательской элиты. Приступить к развитию с опорой на мобилизационный проект, с опорой на глубинную, лежащую в основе русского сознания Идеологию Победы» [8]. Сегодня, три с лишним года спустя, мы можем оценить точность этих прогнозов.

По мнению Проханова, исторические причины спецоперации коренятся в крупнейшей геополитической катастрофе XX века – распаде Советского Союза, последствиями чего стали войны на обломках красной империи – в Таджикистане, Приднестровье, Карабахе, Грузии и, наконец, на Украине. Писатель полемизирует с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым, который назвал причинами СВО государственный переворот на Украине 2014 г., ее нацификацию, милитаризацию и превращение в военно-политический плацдарм против нашей страны. «На мой взгляд, указанные министром Лавровым причины конфликта неверны: началом нынешней катастрофы не является военный переворот в Киеве. Этими причинами являются расчленение Советского Союза, отсечение России от Украины, тотальный американский контроль, установленный после 1991 г. над Украиной и Россией. Точкой, послужившей началом катастрофы, был росчерк пера в дрожавшей руке Ельцина, подписавшего в Беловежье один из самых преступных в истории человечества документов. Еще не высохли чернила на этом документе, а уже началось превращение Украины в русофобское государство» [20], – полагает классик.

Спецоперация на Украине – это мучительное срастание расчлененных в 1991 г. частей империи, утверждает Проханов. Он уверен: русскими армиями управляет не Путин и не его генералы, а русская история. Россия контратакует, возвращая свои исконные земли, по сути, захваченные Западом в результате расширения НАТО.

Россия воюет не с Украиной, а с испокон веков ненавидящим ее коллективным Западом, во главе которого сегодня стоят Соединенные Штаты Америки. «На Украине сражаются американская крепость и русский храм. И это сражение – не дня и не года. Это сражение тысячелетия» [6], – подчеркивает Проханов. В 1991 г. Америка оторвала Украину от России, а в 2022-м, вооружив, бросила ее на Россию. Украина – страна-наймит. Так в средние века короли и курфюрсты нанимали бродячие армии ландскнехтов, одаривали их золотом и посылали штурмовать города неприятелей.

Цель коллективного Запада – расчленить Россию на несколько марионеточных государств, полагает Проханов: «Россию собираются разделывать, как разделывают на мясокомбинате говяжью тушу» [13].

Нынешнее украинское государство писатель определяет как фашистское. «На Украину вернулся Гитлер, – пишет он. – Трансгуманисты и маги воскресили Гитлера и отправили на Украину» [18]. «Кого воскресит русская история и направит под Донецк и Луганск для схватки с Гитлером? Может, царя Николая II, проигравшего Русско-японскую войну? Или либерала Керенского, при котором русская армия превратилась в миллионные толпы дезертиров?» [18] – задается Проханов далеко не риторическими вопросами. Его ответ: русская история должна воскресить… генералиссимуса Сталина.

Писатель обращается к опыту Великой Отечественной войны, ищет в ее истории рецепт новой большой победы: «Россия стерла французскую губную помаду. Сняла с головы парижскую шляпку. Перестала петь песенки итальянских бульваров. Россия знает, как носить телогрейку, как крутить на военных привалах “козью ножку”, как играть в блокадном Ленинграде симфонию Шостаковича, как кидать к подножию Мавзолея фашистские штандарты. Тогда, в 1945, в этом ворохе фашистских знамен можно было

разглядеть штандарт Тевтонского ордена, гербы польских шляхтичей, треуголку Наполеона, флаги Антанты. Эта груда знамен век от века будет расти. И сегодня в этом разноцветном ворохе тряпья сине-звездный флаг Евросоюза, звездно-полосатый флаг США, флаг болгарских “братушек”, флаг японских арийцев Востока. Все народы, все племена идут на Россию. Что ж, кончен перекур. Пора за вековечное русское дело» [10].

Проханов прекрасно знает, что победа куется не только на фронте, но и в тылу. Он требует возрождения промышленности и патриотических реформ в системе образования и культуры: «Мы вернем в наши школы русскую историю, русскую литературу, русскую культуру и прогоним тех, кто сознательно в течение десятилетий превращал русских детей в бессмысленное плотоядное скопище» [10].

Одним из следствий начала СВО стало массовое бегство «креативного класса». «Пятая колонна в Москве шипит, как брошенная на сковородку мокрая рыба» [6], – пишет Проханов в первые дни спецоперации. Шипящая на сковородке русской истории мокрая рыба – не единственный образ квазиэлиты в публицистике писателя. Бежавшие из страны писатели, журналисты, музыканты, певцы превращаются в его публицистическом сознании в клопов, саранчу, летучих мышей, каракатиц, мартышек:

> *«Уползла элита – этот огромный, набрякший от русской крови клоп, который тридцать лет только и знал, что сосал русские соки»* [27].
>
> *«Улетела разом, в несметном количестве, как саранча, либеральная интеллигенция, весь этот трепетный, едкий слой, который господствовал в российской культуре, интеллектуальном мире десятилетиями»* [28].
>
> *«Шумно, как стая летучих мышей, улетела из России либеральная творческая интеллигенция»* [25].
>
> *«Смыло, как пеной на автомойке, весь гуманитарный бомонд, улетевший в Израиль и оттуда, как каракатица, брызгающий в Россию чернилами ненависти»* [15].
>
> *«Они похожи на мартышек, которые вскарабкались на вершину пальмы и оттуда плюются, визжат, бросают кокосы на проходящее внизу огромное, величавое стадо слонов»* [22].

По мысли Проханова, специальная военная операция приведет к очищению и обновлению России: «Сегодня Россия на полях сражений умывается кровью, но в тылу, слава Богу, началось великое омовение. В России банный день. И в этой парной Россия вытапливает из себя весь гнилой пот, берет в руки веники» [21]. Еще не было «Времени героев», еще не стали ветераны спецоперации сенаторами, министрами, депутатами, а Проханов уже видел: «Грядет новая русская элита, она появляется в полях сражений под Харьковом, Донецком, Луганском. Это герои, жертвующие жизнями за Родину, переносящие подвиг служения из военных штабов и отрядов спецназа в кабинеты мэров и губернаторов» [27].

На смену элите стяжания приходит элита служения, констатирует Проханов, одновременно осознавая, что Запад убежал из России не весь: «Убежала ботва, а клубни остались. Покорив Россию, Запад, как огромная жужелица, отложил в русском теле бесчисленное множество яичек. Они дремали десятилетия, и теперь, когда жужелица уползла на Запад, из яичек стали вылупляться личинки» [16].

Писатель видит пропасть, которая отделяет российскую провинцию от столиц: «Сегодняшняя Россия поделена на две части. Одна – это Россия небольших городков, русской провинции, русских областей, она воюет на Донбассе, ложится костьми, совершает подвиги, умирает от ран в лазаретах, принимает на себя все бремя этой войны.

Другая – сытая, холеная Россия Петербурга и Москвы, празднует День города, ликует в ресторанах, наслаждается зрелищами шоу-бизнеса, хохочет над шутками беспринципных смехачей. И эта неправедность, эта разделенность, эта отчужденность огромной части страны от сытой и алчной, нацеленной на потребление России не дает одержать нам всеобщую русскую победу» [30].

В публицистике Проханова отражаются все главные события специальной военной операции. Увы, она идет не так, как задумывалось, признает классик. Власти неправильно оценили украинские реалии: русские войска встречали не караваями, а «Джавелинами», «Стингерами» и «Байрактарами». «Специальная военная операция на Украине казалась понятной, краткосрочной и управляемой. Российская армия с разных концов входит на Украину. Окружает города и стратегические центры, демонстрирует сокрушительную мощь. Поддержанные этой мощью пророссийские силы приходят к власти. Война на Украине завершается перераспределением территорий, устранением мощнейшего, построенного Западом антирусского плацдарма» [5], – описывает Проханов первоначальный план. Увы, в жизни получилось иначе. Борьба приобрела характер затяжной, позиционной войны с фронтом, растянутым на тысячи километров.

В сентябре 2022 г. Проханов откликается на референдумы о воссоединении с Россией новых регионов и частичную мобилизацию: «Два слова сегодня звучат в России: референдум, мобилизация. В слове “референдум” слышится вибрация мира, рожденная войной на Донбассе. В слове “мобилизация” слышится свист распрямляемой русской пружины» [17]. Мобилизация идет не только в военкоматах, но и на работающих в три смены оборонных заводах, в экономике, культуре, шоу-бизнесе, образовании и других сферах. Никак иначе России в этой войне не выстоять, уверен писатель. «Еще недавно вслед за Горчаковым мы говорили: “Россия сосредотачивается”. Сейчас говорим: “Россия ополчается”. Россия – великий ополченец: в одной руке держит бюллетень референдума, другой нажимает на спусковой крючок автомата» [17], – пишет классик.

Слушая 30 сентября 2022 г. в Георгиевском зале Кремля речь Владимира Путина, после которой состоялось подписание актов о вхождении в состав России республик Донбасса, Херсонской и Запорожской областей, Проханов вспоминает выступление президента после возвращения Крыма: «Я видел ту крымскую мистерию, видел лицо Путина, который произносил крымскую речь. Он волновался, его лицо было озарено, оно сияло. И восхищенный порыв был во всем нашем политическом толпище, присутствовавшем в зале. Сегодня Путин говорил жестко, строго, напряженно. И эти две речи свидетельствовали о двух моментах русской истории. Крым был дарован России Господом, это было Крымское чудо. Мы не слагали головы за Крым, не сражались за него — происходило венчание Крыма и России. Сейчас присоединение происходит под грохот пушек, бомбежки, пролитие крови» [9].

Мятеж Пригожина в июне 2023 г. видится Проханову газовым пузырем, возникшим в результате гниения общества и государства. Этот пузырь, поднявшись на поверхность, не взорвался, не превратился в чудовищный огненный факел. Он только булькнул и отравил воздух. И снова писатель апеллирует к прошлому – истории бессмысленных и беспощадных русских бунтов разных эпох – от Ивана Грозного до Михаила Горбачева: «И вот теперь Пригожин. Его мятежный корпус, идущий на Москву, сбивающий военные вертолеты, грозящий захватом Кремля и Министерства обороны, потом испарился, “как сон, как утренний туман”» [14].

Испытание «Орешника» в ноябре 2024 г. становится для Проханова символом возрождения России. «Путин, повинуясь законам русской истории, начал возрождение России, воссоздание великих технократических школ. Оживали превращенные в прах великие КБ и заводы. Корпорации по винтикам, по заклепкам, по гаечкам восстанавливали цеха и конвейеры. Задымились леса, вскипели океаны от пуска новых российских ракет. “Булава”, “Синева”, “Ярс”, а потом “Калибр”, “Кинжал” и, наконец, сегодняшний “Орешник”» [29], – пишет классик.

По его мнению, патриотизм – это понятие, имеющее огромное наполнение. «Конечно, это и русские березки, и русские одуванчики, и Пушкин, и “Времена года” Чайковского, и Сталинградская битва, и могилы павших героев, и божественный русский язык. Но в понятие «патриотизм» входит и обожание, поклонение великому русскому оружию, его красоте, мощи и святости. Ибо оно, будь то меч Дмитрия Донского или шлем Александра Невского, или штык бородинского гренадера, или простреленная шинель Александра Матросова, или разящий, праведный удар ракетной системы “Орешник” – все это символы неодолимой, непобедимой России, символ златоглавой, колокольной, молитвенной святой Руси» [29].

Противостояние России с Западом имеет, по Проханову, еще и религиозный смысл. «Русские перед лицом вражеских полчищ не одиноки, и с ними не только армия и флот, но и Бог, и в русской судьбе присутствует русское чудо, – пишет он. – Запад и Россия несовместимы, как несовместимы мечта Запада и Русская Мечта. Американская мечта, как определили ее неоконы, это град на холме, замок, построенный на вершине горы, откуда виден весь покоренный мир, на который в случае неповиновения сыплются крылатые ракеты. Русская Мечта – это храм на холме, на поднебесном холме русской истории, состоящем из наших побед, поражений, великих несчастий и преображений. И на вершине этого холма стоит не крепость, не дот, не укрепрайон, а восхитительный храм, как Спаса на Нередице или Покрова на Нерли» [10].

Новый старый президент США Дональд Трамп, с приходом которого в 2025 г. к власти в Белом доме многие связывают надежду на мир, видится Проханову мечущимся по своей пещере циклопом Полифемом, которому Одиссей прижег головней глаз: «Россия не должна забывать, чьи отпечатки пальцев на топоре, разрубившем Советский Союз. Не забудем голливудскую улыбку Рейгана, с которой тот взирал на слабоумного Горбачева. Не забудем смех Клинтона, когда тот похлопывал по плечу пьяного увальня Ельцина. Не забудем старческий смешок Байдена, с которым тот называл русского президента убийцей, – предупреждает писатель. – Поэтому пусть переговоры о мире не замедляют работу оборонных конвейеров, и стая белых голубков, летящих через океан в Россию, не остановит ускоренный выпуск русских боевых дронов» [26].

Проханов уверен: специальная военная операция носит планетарный характер, в ней решается судьба России и вместе с ней – судьбы мира. Битва, которую Запад ведет с Россией, имеет линию фронта от Аляски до Кейптауна и от Лиссабона до Хоккайдо. Сегодняшняя схватка на Украине – не локальный конфликт. Воскрешен гитлеровский план «Барбаросса», не оставляющий России места на земле, а русскому народу места в мировой истории. Проханов сравнивает русских в XXI веке с евреями в XX-м. По его мнению, русофобия превратилась в новое страшное вероучение, согласно которому русские объявляются народом-изгоем, которому нет места на земле.

Специальная военная операция идет на множестве фронтов – военном, экономическом, дипломатическом, художественном, считает Проханов. Сражаются не

только армии, но и идеологии, религии, образы. «Пусть художник придет на войну и как Верещагин рисует русского солдата во всем его грозном светоносном величии, – призывает классик. – Пусть придут на войну музыканты и композиторы, создадут свои песни и симфонии, подобно Шостаковичу и Лебедеву-Кумачу. Пусть писатели и поэты спустятся в окоп, напишут поэмы и повести среди посвистов реактивных снарядов, как это делали Шолохов и Симонов» [19].

Проханов прекрасно понимает: СВО является самым серьезным испытанием в новейшей истории России. Он осознает ограниченные возможности современной России. Стране приходится в условиях боевых действий создавать экономику Русской Победы, индустрию Русской Победы, элиту Русской Победы, искусство Русской Победы. Рецепт Победы писатель ищет и находит в Крыму. Весной 2022 г. члены Изборского клуба во главе с Прохановым отправились в путешествие из Пскова в Севастополь и там, в городе русской славы, провозгласили «Движение Русской Мечты», «движение неизбежной Русской Победы».

По оценке Проханова, в ходе СВО происходит возрождение России. Россия создает армию нового типа: «Та, что пошла на войну, декоративная, пригодная для парадов, почетных караулов, не справилась с поставленной перед ней задачей. Отступила от Киева, Харькова и Одессы, не пробилась в Приднестровье, перешла в глухую оборону, терпела поражение, пока не очнулась, не окрепла. Восстановила прорванный фронт и перешла в наступление» [7]. Наращивается производство, расширяется оборонная промышленность, меняется общество, в котором взрождается идея служения, возникает множество патриотических инициатив и волонтерских организаций, работающих под девизом Великой Отечественной войны: «Все для фронта, все для победы».

По оценке Проханова, после трех с лишним лет боевых действий Россия выигрывает в специальной военной операции у Украины и ее хозяев. «Россия выиграла эту войну, и об этом свидетельствует глубокое уныние, кладбищенская печаль, охватившая весь сонм убежавших из России предателей и русофобов, для которых каждый убитый русский солдат – это праздник, каждая разгромленная под Курском больница – это ликование» [23], – пишет классик**.**

При этом, размышляя о будущих мирных переговорах, Проханов предупреждает: «Прекращение огня, приостановка военных действий – мучительный для России вопрос. Во время первой чеченской Россия несколько раз останавливала победоносное наступление своих войск, позволяя противнику окрепнуть и перейти в контратаку, которая закончилась позорным “Хасавюртовским миром”. Уже сейчас, до прекращения огня, валом идет на Украину американское оружие. И космическая разведка Америки наводит американские “Хаймарсы” на русские орудия и танки. Есть опасение, что прекращение огня лишь усилит Украину и сделает ее позиции на будущих переговорах более выгодными» [4].

После победы Россия, изнуренная войной, отразив внешнего врага, защитив в этой смертельной схватке свое место в истории, приступит к грандиозному проекту, имя которому – Очищение, то ли мечтает, то ли прорицает Проханов.

В результате распада СССР Россия потеряла не просто огромные территории, не просто миллионы своих соотечественников, а историческое время – четыреста лет своей истории, утверждает Проханов: «Бессмысленными оказались войны русских царей с поляками, Переяславская рада, сражения Петра под Нарвой и Полтавой, походы

Ермолова на Кавказ, марши Скобелева в Хиву и Бухару» [24]. И снова вспоминает генералиссимуса Великой Отечественной войны: «Сталин сказал: “Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут”. Сегодняшняя российская власть может обратиться к народу со словами: «Мы потеряли четыреста лет своей истории. И если мы их не наверстаем, нас сомнут» [24].

Мы говорим сегодня о традиционных ценностях, но не дай Бог нам снова вернуться к домострою, застрять в архаике, остановиться в развитии, предупреждает классик: «Для строительства новой русской идеологии не годятся постулаты прошлого “Москва – третий Рим”, “Самодержавие. Православие. Народность”, “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”. Идея развития – вот панацея от всех бед. Император Николай Второй не сумел запустить развитие, и страна взорвалась революцией и гражданской войной. Советский Союз в брежневские времена не сумел запустить развитие, и вместо развития страна получила перестройку и крах государства. Этот ужасный опыт драгоценен для сегодняшней России» [11], – утверждает писатель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начиная с 24 февраля 2022 г. специальная военная операция является не просто главной, а едва ли не единственной темой публицистики Александра Проханова. Это обусловлено значением СВО в истории России. По мысли классика, на ее фронтах решается судьба страны. Как справедливо отмечает Д. К. Первых, «главной темой современной российской военной журналистики, а может быть, и современной российской журналистики вообще является специальная военная операция»: «Она кардинально изменила сознание российского общества в целом и научного сообщества в частности» [3, с. 33].

Военный корреспондент, за плечами которого работа на шестнадцати войнах, Проханов в силу возраста сосредоточен не на репортерском, а на публицистическом осмыслении и анализе причин, хода, последствий специальной военной операции. При этом он не занимает позицию квазиобъективного наблюдателя, а осознает себя бойцом информационно-пропагандистского фронта, делает все, что может, для будущей победы.

Главная причина начала операции видится Проханову в распаде Советского Союза, в результате которого историческая Россия потеряла свои исконные территории. Неуклонное расширение НАТО на восток и последовательное превращение Украины в анти-Россию осмысливается писателем как новое нашествие коллективного Запада – вслед за нашествиями ливонских рыцарей, поляков, Наполеона и Гитлера. Чтобы остановить его, обеспечить безопасность своих западных границ, и была предпринята специальная военная операция.

Проханов признает, что СВО складывается для России не так, как изначально планировалось, – вместо быстрой победоносной операции страна получила тяжелую затяжную войну на огромном фронте протяженностью более тысячи километров. Однако в то же время писатель убежден в итоговой победе России. Ключ к ней он находит в истории страны, прежде всего – в истории Великой Отечественной войны, начало которой было также неудачным для нашей армии.

В публицистике Проханова отражаются, преломляются все значительные события СВО: освобождение крупных городов – Мелитополя, Мариуполя, Лисичанска,

Северодонецка, Артемовска и других, трагическое харьковское отступление, референдумы о принятии в состав России республик Донбасса, Харьковской и Запорожской областей, частичная мобилизация, оставление Херсона, мятеж Пригожина, испытание «Орешника». Писатель осмысливает приход к власти в США Дональда Трампа и связанные с этим надежды на мирное соглашение.

Собирание русских земель началось в 2014 г. с возвращения Крыма и продолжается в ходе СВО, являясь объективным историческим и политическим процессом. «Возвращение Крыма стало ключевым событием на пути возрождения России, знаменовало собой начало собирания русских земель», – уверен писатель. Согласно его геополитическим построениям, «история российского государства – это история пяти империй. Первой была Киевская Русь. Второй – Московское царство Рюриковичей. Третьей – “белое царство” Романовых. Четвертой – “красный” Советский Союз. И, наконец, сейчас мы являемся свидетелями (и участниками) зарождения Пятой империи» [1, с. 51–52].

По мысли Проханова, специальная военная операция, с одной стороны, обнажила многие проблемы современной России – недостаточную подготовку армии, зависимость от Запада отечественной промышленности, вестернизированность ее культурной элиты, коррупцию, наличие внушительной пятой колонны, часть которой после начала СВО бежала из страны, а часть – затаилась. С другой стороны, специальная военная операция стала катализатором очищения и возрождения России, привела к укреплению ее армии, развитию промышленности, в первую очередь – военно-промышленного комплекса, формированию элиты служения вместо элиты стяжания.

Рецепт успешного будущего России Проханов видит в идеологии Победы, которая зиждется на великой истории нашей страны, но при этом движется идеей развития, превращением России в современное высокоразвитое государство.

Образное, художественное осмысление причин и хода специальной военной операции, судеб России, Украины, Крыма, мира помогает Проханову и его читателям понять природу грандиозных исторических событий, которые невозможно уместить только в арифметических сводках и сухом политическом и военном анализе.

При этом его статьи в газете «Завтра», по сути, представляют собой единый художественно-публицистический цикл целостных произведений, объединенных общей идеей и темой, и имеют все основания быть изданными одной книгой – как это произошло с очерками военкоров «Комсомольской правды» Александра Коца («500 дней поражений и побед») и Дмитрия Стешина («Священная военная операция»). Повторимся: в силу возраста Александр Проханов описывает и осмысливает специальную военную операцию не как репортер, а как публицист, но по-прежнему делает это с присущими ему талантом и страстью. Как справедливо замечает В. В. Орехов, «по сравнению с жанром романа циклы проигрывают в монолитности “архитектоники”, но выигрывают в оперативности реакции на изменения и запросы действительности. Целостность циклов обеспечивается и общей для всех элементов военной тематикой, и соответствующим хронотопом, и оригинальными колоритными чертами, присущими образу автора» [2, с. 54]. Вне всяких сомнений, цикл статей Проханова в газете «Завтра» – одна из самых ярких панорам специальной военной операции, созданных отечественными литераторами – писателями, публицистами, журналистами.

Список литературы

1. *Мащенко А. П.* Крым в прозе и публицистике Александра Проханова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 45–57.
2. *Орехов В. В.* Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10 (76). – № 3. – С. 49–61.
3. *Первых Д. К.* Александр Коц: военный корреспондент и писатель // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2024. – Т. 10 (76). – № 4. – С. 33–45.
4. *Проханов А. А.* Блаженны миротворцы [Электронный ресурс] // «Завтра». – 17.03.2025. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/blazhenni_mirotvortci_peredovaya – (Дата обращения: 12.05.2025).
5. *Проханов А. А.* Галактика войны [Электронный ресурс] // «Завтра». – 25.08.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/galaktika_vojni – (Дата обращения: 12.05.2025).
6. *Проханов А. А.* Голос русской истории [Электронный ресурс] // «Завтра». – 04.03.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/golos_russkoj_istorii – (Дата обращения: 12.05.2025).
7. *Проханов А. А.* Громада двинулась [Электронный ресурс] // «Завтра». – 03.04.2025. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/gromada_dvinulas_ – (Дата обращения: 12.05.2025).
8. *Проханов А. А.* Замахнулся – бей [Электронный ресурс] // «Завтра». – 22.02.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/zamahnulsya_bej – (Дата обращения: 12.05.2025).
9. *Проханов А. А.* За нами – Россия! [Электронный ресурс] // «Завтра». – 04.10.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/vopros_v_lob_aleksandru_prohanovu – (Дата обращения: 12.05.2025).
10. *Проханов А. А.* Конец перекура [Электронный ресурс] // «Завтра». – 11.03.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/konetc_perekura – (Дата обращения: 12.05.2025).
11. *Проханов А. А.* Красно-белый колобок [Электронный ресурс] // «Завтра». – 10.03.2025. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krasno-belij_kolobok – (Дата обращения: 12.05.2025).
12. *Проханов А. А.* Ловец истории [Электронный ресурс] // «Завтра». – 23.02.2023. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/lovetc_istorii?ysclid=leixcbwusy82393169 – (Дата обращения: 12.05.2025).
13. *Проханов А. А.* Молекула русского бессмертия [Электронный ресурс] // «Завтра». – 09.02.2023. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/molekula_russkogo_bessmertiya – (Дата обращения: 12.05.2025).
14. *Проханов А. А.* Мятежи и казни [Электронный ресурс] // «Завтра». – 06.07.2023. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/myatezhi_i_kazni – (Дата обращения: 12.05.2025).
15. *Проханов А. А.* На украинском фронте без перемен [Электронный ресурс] // «Завтра». – 06.11.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/na_ukrainskom_fronte_bez_peremen – (Дата обращения: 12.05.2025).
16. *Проханов А. А.* Неопалимая купина [Электронный ресурс] // «Завтра». – 24.06.2023. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/neopalimaya_kupina – (Дата обращения: 12.05.2025).
17. *Проханов А. А.* Оборонное сознание [Электронный ресурс] // «Завтра». – 25.09.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/oboronnoe_soznanie – (Дата обращения: 12.05.2025).
18. *Проханов А. А.* От потрясений к величию [Электронный ресурс] // «Завтра». – 27.04.2023. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/ot_potryasenij_k_velichiyu – (Дата обращения: 12.05.2025).
19. *Проханов А. А.* «Помни войну» [Электронный ресурс] // «Завтра». – 12.01.2023. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/pomni_vojnu_peredovaya – (Дата обращения: 12.05.2025).
20. *Проханов А. А.* Русские – будетляне [Электронный ресурс] // «Завтра». – 10.04.2025. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/russkie_budetlyane – (Дата обращения: 12.05.2025).
21. *Проханов А. А.* Русское омовение [Электронный ресурс] // «Завтра». – 18.03.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/russkoe_omovenie – (Дата обращения: 12.05.2025).
22. *Проханов А. А.* Слава тебе, Господи! Аллах акбар! [Электронный ресурс] // «Завтра». – 05.05.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/slava_tebe_gospodi_allah_akbar – (Дата обращения: 12.05.2025).
23. *Проханов А. А.* Страна-наёмник [Электронный ресурс] // «Завтра». – 27.03.2025. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/strana-nayomnik – (Дата обращения: 12.05.2025).

24. *Проханов А. А.* Трамп, ты кто? [Электронный ресурс] // «Завтра». – 23.01.2025. – Режим доступа: https://www.zavtra.ru/blogs/tramp_ti_kto – (Дата обращения: 12.05.2025).
25. *Проханов А. А.* Чубайс. Далее – Ельцин [Электронный ресурс] // «Завтра». – 02.02.2025. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/chubajs_dalee_el_tcin – (Дата обращения: 12.05.2025).
26. *Проханов А. А.* Шепот истории [Электронный ресурс] // «Завтра». – 01.05.2025. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/shyopot_istorii – (Дата обращения: 12.05.2025).
27. *Проханов А. А.* Элита служения [Электронный ресурс] // «Завтра». – 28.03.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/elita_sluzheniya – (Дата обращения: 12.05.2025).
28. *Проханов А. А.* Эй, ухнем! [Электронный ресурс] // «Завтра». – 28.07.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/ej_uhnem – (Дата обращения: 12.05.2025).
29. *Проханов А. А.* «Южмаш», где ты? [Электронный ресурс] // «Завтра». – 24.11.2024. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/yuzhmash_gde_ti – (Дата обращения: 12.05.2025).
30. *Проханов А. А.* Я – Звезда! Я – Звезда! [Электронный ресурс] // «Завтра». – 11.09.2022. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/ya_-zvezda_ya_-zvezda – (Дата обращения: 12.05.2025).

References

1. Mashchenko, A. P. *Krym v proze i publitsistike Aleksandra Prokhanova* [Crimea in the prose and journalism of Aleksandr Prokhanov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, Vol. 8, no 3, pp. 45–57.
2. Orekhov V. V. *Voennaya zhurnalistika v epokhu SVO: ot fiksatsii faktov k obobshcheniyam* [Military Journalism in the Era of the SMO: From Recording Facts to Generalizations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, Vol. 10 (76), no 3, pp. 49–61.
3. Pervykh D. K. *Aleksandr Kots: voennyi korrespondent i pisatel* [Aleksandr Kots: war correspondent and writer]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, Vol. 10 (76), no 4, pp. 33–45.
4. Prokhanov A. A. Blazhenny mirotvortsy [Blessed are the peacemakers]. «Zavtra», – 17.03.2025. Available from: https://zavtra.ru/blogs/blazhenni_mirotvortci_peredovaya (accessed: 12.05.2025).
5. Prokhanov A. A. *Galaktika voiny* [Galaxy of War]. «*Zavtra*», 25.08.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/galaktika_vojni (accessed 12 May 2025).
6. Prokhanov A. A. *Golos russkoi istorii* [The Voice of Russian History]. «*Zavtra*», 04.03.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/golos_russkoj_istorii (accessed 12 May 2025).
7. Prokhanov A. A. *Gromada dvinulas* [The bulk moved]. «*Zavtra*», 03.04.2025. Available from: https://zavtra.ru/blogs/gromada_dvinulas_ (accessed 12 May 2025).
8. Prokhanov A. A. *Zamakhnulsya - bei* [Swung – hit]. «*Zavtra*», 22.02.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/zamahnulsya_bej (accessed 12 May 2025).
9. Prokhanov A. A. *Za nami – Rossiya!* [Russia is behind us!]. «*Zavtra*», 04.10.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/vopros_v_lob_aleksandru_prohanovu (accessed 12 May 2025).
10. Prokhanov A. A. *Konets perekura* [End of the smoke break]. «*Zavtra*», 11.03.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/konetc_perekura (accessed 12 May 2025).
11. Prokhanov A. A. *Krasno-belyi kolobok* [Red and white bun]. «*Zavtra*», 10.03.2025. Available from: https://zavtra.ru/blogs/krasno-belij_kolobok (accessed 12 May 2025).
12. Prokhanov A. A. *Lovets istorii* [History Catcher]. «*Zavtra*», 23.02.2023. Available from: https://zavtra.ru/blogs/lovetc_istorii?ysclid=leixcbwusy82393169 (accessed 12 May 2025).
13. Prokhanov, A. A. *Molekula russkogo bessmertiya* [Molecule of Russian immortality]. «*Zavtra*», 09.02.2023. Available from: https://zavtra.ru/blogs/molekula_russkogo_bessmertiya (accessed 12 May 2025).
14. Prokhanov A. A. *Myatezhi i kazni* [Riots and executions]. «*Zavtra*», 06.07.2023. Available from: https://zavtra.ru/blogs/myatezhi_i_kazni (accessed 12 May 2025).
15. Prokhanov A. A. *Na ukrainskom fronte bez peremen* [All quiet on the Ukrainian front]. «*Zavtra*», 06.11.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/na_ukrainskom_fronte_bez_peremen (accessed 12 May 2025).
16. Prokhanov A. A. *Neopalimaya kupina* [Burning bush]. «*Zavtra*», 24.06.2023. Available from: https://zavtra.ru/blogs/neopalimaya_kupina (accessed 12 May 2025).

17. Prokhanov A. A. *Oboronnoe soznanie* [Defensive consciousness]. «*Zavtra*», 25.09.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/oboronnoe_soznanie (accessed 12 May 2025).
18. Prokhanov A. A. *Ot potryasenii k velichiyu* [From Shock to Greatness]. «*Zavtra*», – 27.04.2023. Available from: https://zavtra.ru/blogs/ot_potryasenij_k_velichiyu (accessed 12 May 2025).
19. Prokhanov A. A. «*Pomni voinu*» [«Remember the war»]. «*Zavtra*», 12.01.2023. Available from: https://zavtra.ru/blogs/pomni_vojnu_peredovaya (accessed 12 May 2025).
20. Prokhanov A. A. *Russkie – budetlyane* [Russians - budetlyane]. «*Zavtra*», 10.04.2025. Available from: https://zavtra.ru/blogs/russkie_budetlyane (accessed 12 May 2025).
21. Prokhanov A. A. *Russkoe omovenie* [Russian ablution]. «*Zavtra*», 18.03.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/russkoe_omovenie (accessed 12 May 2025).
22. Prokhanov A. A. *Slava tebe, Gospodi! Allakh akbar!* [Glory to you, Lord! Allah Akbar!]. «*Zavtra*», 05.05.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/slava_tebe_gospodi_allah_akbar (accessed 12 May 2025).
23. Prokhanov A. A. *Strana-naemnik* [Mercenary country]. «*Zavtra*», 27.03.2025. Available from: https://zavtra.ru/blogs/strana-nayomnik (accessed 12 May 2025).
24. Prokhanov A. A. *Tramp, ty kto?* [Trump, who are you?]. «*Zavtra*», 23.01.2025. Available from: https://www.zavtra.ru/blogs/tramp_ti_kto (accessed 12 May 2025).
25. Prokhanov A. A. *Chubais. Dalee - Eltsin* [Chubais. Next - Yeltsin]. «*Zavtra*», 02.02.2025. Available from: https://zavtra.ru/blogs/chubajs_dalee_el_tcin (accessed 12 May 2025).
26. Prokhanov A. A. *Shepot istorii* [whisper of history]. «*Zavtra*», 01.05.2025. Available from: https://zavtra.ru/blogs/shyopot_istorii (accessed 12 May 2025).
27. Prokhanov A. A. *Elita sluzheniya* [Elite of service]. «*Zavtra*», 28.03.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/elita_sluzheniya (accessed 12 May 2025).
28. Prokhanov A. A. *Ei, ukhnem!* [Hey, let's go!]. «*Zavtra*», 28.07.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/ej_uhnem (accessed 12 May 2025).
29. Prokhanov A. A. *«Yuzhmash», gde ty?* [«Yuzhmash», where are you?]. «*Zavtra*», 24.11.2024. Available from: https://zavtra.ru/blogs/yuzhmash_gde_ti (accessed 12 May 2025).
30. Prokhanov A. A. *Ya – Zvezda! Ya – Zvezda!* [I am a Star! I am a Star!]. «*Zavtra*», 11.09.2022. Available from: https://zavtra.ru/blogs/ya_-zvezda_ya_-zvezda (accessed 12 May 2025).

SPECIAL MILITARY OPERATION IN THE JOURNALISTIC WRITING OF ALEXANDER PROKHANOV

Mashchenko A. P

The article analyzes the reflection of the special military operation in the works of Aleksandr Prokhanov, which is almost the only topic of the writer's journalism for the last three years. In his opinion, the fate of the country is being decided on the fronts of the SMO. A war correspondent with sixteen wars behind him, Prokhanov, due to his age, is focused not on a reporter's, but on a journalistic understanding of the operation. At the same time, he does not take the position of a quasi-objective observer, but considers himself a soldier of the information and propaganda front. Prokhanov sees the main reason for the start of the operation in the collapse of the USSR, as a result of which historical Russia lost its original territories. In his opinion, Russia is not fighting with Ukraine, but with the collective West, led today by the United States. The writer admits that the SMO is not developing for Russia as planned, but is convinced of victory. He finds the key to it in the history of the country, first of all, in the history of the Great Patriotic War. Prokhanov's journalism refracts all the significant events of the special operation. The gathering of Russian lands began with the return of Crimea and continues during the SMO, the writer believes. The special military operation, on the one hand, exposed the problems of modern Russia, and on the other, became a catalyst for the country's revival. Artistic comprehension of the special military operation helps Prokhanov understand the nature of grandiose events that cannot be contained in arithmetic reports and military-political analysis. His articles in the newspaper "Zavtra" represent a single artistic and journalistic cycle, which is one of the most striking panoramas of the special military operation created by russian writers.

Key words: Alexander Prokhanov, journalism, literature, history, special military operation, Russia.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 43–56.

УДК 951.1
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-43-56

ТЕХНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ: КЛИКБЕЙТНЫЙ ЗАГОЛОВОК И СКАЗКА

Ивашкин В. В., Смеюха В. В.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Российская Федерация
ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Российская Федерация
ivashkin-vlad@yandex.ru, smeyha@yandex.ru

Статья посвящена изучению особенностей рекламных текстов в социальной сети «Telegram», а именно – рассмотрению таких технологий, как кликбейтный заголовок и сказочный сюжет. В ходе анализа были получены следующие заключения: использование в рекламном тексте одновременно кликбейтного заголовка и сказочного эффекта усиливает результативность рекламного сообщения; в процессе конструирования кликбейтных заголовков широко используются психологические категории: страх, тревога, паника; любопытство, зависть, эгоизм, азарт, удивление и др.; тексты заголовков включают в себя слова-триггеры, просторечья, сленгизмы, эмоционально окрашенную лексику, цифры, обращение к читателям на «ты», значительное количество знаков пунктуации, что усиливает степень привлечения внимания. Введение в текст рекламы сюжета сказки (герой сталкивается с проблемой, находит ее решение через волшебство, чудо, становится счастливым) делает ее простой, понятной – в ней присутствует идея приближения к состоянию счастья через приобретение рекламируемого товара.

Ключевые слова: реклама, кликбейтный заголовок, сюжет сказки, технологии, внимание аудитории

ВВЕДЕНИЕ

Согласно данным отчета Ассоциации коммуникационных агентств России за 2024 г., отечественный рынок рекламы демонстрирует рост (Объем рекламного рынка за первые три квартала 2024 года достиг 620 млрд рублей // Sostav.ru. 27.11.2924), положительная динамика наблюдается у всех сегментов рекламного рынка. При этом аналитики обращают внимание на снижение интереса аудитории к рекламному контенту, что происходит вследствие увеличения объемов рекламных потоков (Графов Дм. Почему клиенты устали от рекламы и что с этим делать маркетологам // РБК Компании. 9.01.2025; Рекламодатели теряют потребителей из-за усталости от рекламы // Tribune. 23.10.2024; Баннерная слепота: почему люди не замечают рекламу и как с этим бороться // Sostav.ru. 22.03.2024).

На протяжении последних лет эксперты фиксируют негативное отношение потребителей к рекламе [18, 28]. Так, еще в 2014 г. компания Synovate Comcon провела исследование РосИндекс, результаты которого показали, что реклама раздражает аудиторию: об этом заявили почти 60 % опрошенных россиян и более 70 % москвичей (Россияне теряют интерес к рекламе // Adindex.ru. 30.09.2014). И ученые, и практики обсуждают усталость аудитории от рекламы, её выгорание (Что делать с выгоранием креативов и аудиторией? // Бета. Агентство для HR. URL: https://betahr.ru/blog/chto-delat-s-vygoraniem-kreativov-i-auditorij/ (дата обращения: 24.01.2025)).

Помимо увеличения объемов рекламы, выделяются и другие факторы, влияющие на снижение ее эффективности и популярности у потребителей: неверный выбор целевой аудитории (ее сегментирование и таргетирование), некорректная разработка рекламной концепции, выбор малопопулярных каналов рекламной коммуникации [5, 17], низкие

уникальность и креативность рекламной информации, пренебрежение художественными, графическими приемами и техническими средствами в создании рекламного продукта. Например, исследователь и PR-специалист А. П. Гриценко видит причину падения популярности рекламы в «нежелании солидной части аудитории различных рекламных каналов воспринимать информацию, поданную в формате традиционной рекламы» [7]. В целях повышения действенности и результативности рекламы, увеличения степени ее воздействия на аудиторию разрабатываются психологические, лингвистические, коммуникативные технологии рекламной коммуникации [1, 11, 13, 20, 22, 25].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей использования в рекламных текстах социальной сети «Telegram» таких технологий, привлекающих внимание потребителей, как кликбейтные заголовки и сказочный сюжет, выявление их функций, структурно-смысловой специфики рекламных сообщений. Выбор для исследования информации рекламного характера социальной сети «Telegram» мотивируется ростом ее численности и популярности: в 2022 г. число ее пользователей возросло в два раза (Демидкина К. Аудитория русскоязычных каналов в Telegram выросла вдвое за 2022 год // Forbes. 20.01.2023), в 2024 г. сеть опередила по популярности «ВКонтакте» и заняла четвертое место в рейтинге популярных интернет-ресурсов (ее опережают «Яндекс», «Google», «Whatsapp») (Каждый второй россиянин ежедневно использует Telegram // Ppc.world. 12.02.2024). На сегодняшний день наиболее распространенной формой контента в «Telegram» остаются короткие посты. И, по данным исследования, проведенного «eLama» и «AdVisor», численность рекламных постов данной сети за прошедший год увеличилась на 25 % (В Telegram за квартал стало на 25% больше рекламных публикаций // Ppc.world. 4.09.2024).

Для анализа были выбраны рекламные тексты, размещенные в сети «Telegram» в период с января 2024 г. по февраль 2025 г. В процессе выбора рекламных текстов с кликбейтными заголовками авторы использовали типологические критерии кликбейта, описанные О. Р. Самарцевым, В. М. Латенковой, Д. С. Фокиной [21]. В качестве эмпирической базы использовались так же русские народные сказки в обработке отечественного исследователя и фольклориста А. Н. Афанасьева, сказки были опубликованы в период 1855–1863 гг., авторы статьи использовали материалы сказок в следующих изданиях: «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (Т. 1. М.: Издательство «Наука», 1984. 512 с.), «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (Т. 2. М.: Терра, 2008. 320 с.), «По щучьему веленью. Русская народная сказка в обработке А. Н. Толстого» (М.: Советская Россия, 1986. 20 с.).

Кликбейтный заголовок – заголовок, привлекающий внимание читателя, интригующий его, вызывающий желание ознакомиться со всей публикаций, нажав на ссылку, перейти к ее чтению. Термин «кликбейт» (от англ. clickbait) образован путём сложения двух лексем: click − «щелчок» и bait − «наживка». В современной научной литературе отсутствует единое определение данного понятия. Как отмечает О. А. Гаврикова, кликбейт представляет собой «новостные заголовки, апеллирующие к любопытству читателя; контент, цель которого − заманить читателя на необходимую страницу; контент, благодаря которому повышается трафик посещения какой-либо страницы; средство продвижения контента в соцсетях» [2, с. 26]. З. З. Чанышева в своих исследованиях акцентирует внимание на ключевых характеристиках кликбейтных заголовков, которые «ориентированы на психологию обывателя, воспринимающего любую новую информацию: во-первых, форма заголовка должна быстро и без особых

усилий со стороны читателя захватить его внимание, возбудить и поддерживать интерес; во-вторых, содержание очередного звена заголовочных цепочек должно обещать заманчивое продолжение темы; в-третьих, информация призвана усиливать выражение глубоко личностного отношения к сообщению» [27, с. 57].

Реклама способствует продаже не только рекламируемого товара, но и его образа, следовательно, потребитель приобретает, идею, мечту об идеальном товаре, услуге, которые должны приблизить его к желаемому образу жизни (более удобному, комфортному, престижному, модному, актуальному). Психологическая мотивация рекламы приближает ее к сюжету сказки, погружающей читателя (зрителя, слушателя) в нереальный мир, в котором герои становятся успешными, известными, богатыми, демонстрируют силу, ум, красоту.

Теоретические, исторические, лингвистические аспекты рекламной коммуникации рассматриваются в работах Е. Н. Ежовой [8], О. Г. Кузьминой [12], Е. А. Лобовиковой [15], В. Л. Музыканта [16], Л. Н. Федотовой [26] и др. Манипулятивная природа рекламы исследуется учеными А. Н. Лебедевым-Любимовым [14], Л. И. Рюмшиной [20], К. А. Татариновым [24] и др. Изучением кликбейтных заголовков занимаются О. А. Гаврикова [3], А. А. Градюшко [6], О. Р. Самарцев, В. М. Латенкова, Д. С. Фокина [21], Ж. Р. Сладкевич [23] и др. Аналогичность сюжетов рекламных текстов, сценариев и сказок (мифов) выявляется в научных трудах Л. Л. Геращенко [4], М. В. Елкиной [9], Е. С. Зелениной [10] и др. В качестве теоретической основы для анализа сходства рекламы и сказки используется работа В. Я. Проппа «Морфология сказки» [19].

Методы исследования – наблюдение, анализ, сравнение, метод классификации, филологический (с его помощью были изучены особенности текста рекламы), использовались данные социологических исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Советский филолог, фольклорист В. Я. Пропп в работе «Морфология сказки» пишет о схожести сюжетов сказок: имена сказочных персонажей могут варьироваться, однако их поступки остаются неизменными. Иными словами, герой русской народной сказки, будь то Иван-Царевич, Емеля или Никита Кожемяка, выполняет строго определённые действия: покидает дом, получает волшебное средство, вступает в борьбу с антагонистом, возвращается домой, женится на красавице (царевне) или получает царство (в варианте с героиней сказки, являющейся мудрой и красивой, – принимает дорогие подарки, выходит замуж за принца, королевича), то есть достигает цели, являющейся для читателей сказки идеальной мечтой. Анализ рекламы через призму функций, выделенных В. Я. Проппом, позволяет выявить сходство со сказкой в структуре рекламного нарратива, используемого для привлечения и удержания внимания аудитории. Обратим внимание на то, что и в рекламе идеальной мечтой, к которой рекламодатели обещают приблизить ее потребителя, является финансовое благополучие, преодоление бед, несчастий, болезней, обретение красоты, гармонии, личного счастья.

В контексте рекламы в качестве героев-протагонистов могут выступать представители различных профессий, основной задачей которых является формирование у аудитории иллюзии достижения успеха при минимальных усилиях. В частности, к числу таких персонажей можно отнести копирайтеров, активно продвигающих в телеграм-каналах истории о своем профессиональном успехе, связанном с обретением высокооплачиваемой и малозатратной в физическом и эмоциональном плане работы, их дискурс зачастую строится на идее передачи «эксклюзивных знаний» или «секретных методик»; диетологов и нутрицологов, предлагающих «революционные» системы

питания, основанные на уникальных методиках быстрого похудения и потребления продуктов в значительном количестве без последствий для организма; стилистов, косметологов, коучей-финансистов, экономистов и др.

Помимо главного героя, ключевым персонажем сказочного нарратива является антагонист (вредитель, злодей). В его роли выступают: змей, чёрт, разбойники, ведьма, мачеха и другие герои. Согласно В. Я. Проппу, функция антагониста заключается в том, чтобы «нарушить покой счастливого семейства, вызвать какую-либо беду, нанести вред, ущерб» [19, с. 52]. Исследователь подчёркивает: «…Эта функция чрезвычайно важна, так как ею, собственно, создаётся движение сказки», отмечая при этом многообразие форм вредительства [19, с. 57]. Задача протагониста, в соответствии с морфологией сказки, − ликвидировать исходную недостачу или беду [19, с. 92]. В контексте рекламы в роли антагониста (вредителя) может выступать не определенное лицо, а проблема, мешающая потребителю достичь мечты о своем идеальном состоянии, идеальной жизни – отсутствие жилой недвижимости, недостаток денег, неидеальная внешность и т.д. Нарративный приём актуализирует архетип вредителя (в терминологии В. Я. Проппа), адаптируя к условиям цифровой коммуникации (медиакоммуникации). Использование страха перед гипотетической «бедой» играет роль триггера, стимулирующего потребителя (читателя рекламного сообщения) к совершению целевого действия − переходу по ссылке, указанной в рекламном тексте, – подписке на рекламируемый телеграм-канал. В отличие от фольклорной традиции, где победа над антагонистом требует активных действий героя, реклама упрощает потребителю задачу обретения «идеальной мечты» – необходимо подписаться на рекламируемый канал и продолжить потребление рекламного контента, что создаёт иллюзию контроля над своими поступками через символическое действие (подписку).

Наряду с героем и вредителем следующим главным действующим лицом в сказке, по классификации В. Я. Проппа, является даритель или помощник. Обычно этот персонаж случайно встречается в лесу, на дороге и т.д. Дарителями могут быть: щука, лесные богатыри, яблоня, старик, печь и даже Баба Яга. Герой сказки получает некоторое средство (обычно волшебное), позволяющее одержать победу над злом, бедностью, голодом, избежать беды. Так, волшебная утка несет золотые яйца, скатерть-самобранка обеспечивает едой, конь либо антилопа − золотом. Сказочный мотив преодоления бедности или дефицита ресурсов, обретения красоты, молодости, знаний присутствует в рекламе, предлагающей иллюзию быстрого и простого решения сложных жизненных проблем: «Печально это осознавать, но 97 % россиян даже не представляют, как делать вторую зарплату, уделяя этому всего 20 минут в день … Начать можно с подписки на канал «Дилер Х». Это один из немногих, кто по шагам может объяснить даже ребенку, откуда в инвестициях деньги и как они работают» (Финансы 2.0. 12.02.2025), «Ты одеваешься как бабка. Зачем носить эти стремные мешки и прятать свою фигуру, когда есть эта таблица. Она покажет, как одеваться стильно и дешево, даже если ты пышка. Просто выбери свой вес и смотри стиль, который тебе подходит» (Постинг ноготочки. 17.02.2025), «Фу, ты толстая и одеваешься, как клуша», − вы никогда такого не услышите… Если будете пользоваться каналом Пышная Красота. Тут публикуют шикарные наряды и красивые образы для девушек в теле» (Волосы назад), «Ребенок ленится учить математику. Педагог с 20-летним опытом раскрывает талант даже тех, кому «не дано». Практические уроки и методики с быстрым результатом» (Rus Tiktok News. 17.02.2025) [здесь и далее орфография и пунктуация авторов текстов сохранены – *прим. авторов статьи*]. Реклама адаптирует архетипический сюжет, предлагая

аудитории «волшебные методы» в виде курсов, инструкций или «секретных знаний», которые «способны» обеспечить быстрое достижение желаемых результатов – приближения к заветной цели, мечте.

Обратим внимание на структуру подачи информации в анализируемой рекламе. Как правило, захватывающие внимание, возбуждающие и поддерживающие интерес аудитории сведения размещаются в самом начале текста – кликбейтном заголовке и первом абзаце, а менее важные − в последующих частях. Такая структура используется для того, чтобы привлечь внимание читателя с первых строк и обеспечить его погружение в материал, даже если он прочтёт только часть текста. Основная задача заголовка – заинтересовать потребителя интригующей темой, сенсационными фактами, дружеским отношением к аудитории («панибратским»), задача первого абзаца − продолжить поддержание сенсационного, эмоционального фона текста посредством актуализации фактов, их преувеличения: «Стань стройной и энергичной с нами. Нутрицолог-диетолог рассказывает про собственный опыт снижения веса на 25 килограмм» (Диссертация. Наталья Киреева. 17.02.2025), «Жить в Москве, но кроме рестиков и кафешек в центре никуда не ходить. Кайфово отдыхать, но при этом не тратить деньги, читая канал москоугёрлз» (Финансы 2.0. 20.10.2024). Обратим внимание, что в тексте могут содержаться сленговые, просторечные слова, дружеское обращение на «ты», призыв поддержать и присоединиться к действиям героев рекламы, присутствует сравнительный ряд «было – стало», «есть – будет», эмоционально воздействующий на читателя и мотивирующий его на действия.

Рассмотрим структурно-смысловые особенности рекламного текста с кликбейтным заголовком (структурно-смыловые особенности рекламы с использованием сюжета сказки разработаны С. Кузнецовым в статье «Как сюжет в коммуникации меняет рекламу, мир и нас с вами» (Cossa.ru. 14.04.2018)):

1. *Формирование мотивации (осознание недостатка или проблемы).* В этой части рекламы формируется основа для мотивации пользователя. Это может быть: апелляция к факторам неудовлетворенности реципиента своим положением, уровнем достатка, знаний, профессиональных компетенций, внешностью; выявление имеющихся либо потенциальных проблем. С помощью вопроса, усиления внимания к проблемной ситуации, ее преувеличения, введения сравнения, меняется эмоциональное состояние читателя (происходит интенсификация таких эмоций как жалость, зависть, стремление к наживе, веселью, самоутверждению), провоцируется желание успеха, финансового благополучия, привлекательности, нейтрализации проблем. Основная цель – привлечь внимание пользователя, вызвав эмоциональный отклик (стремление к переменам, соперничество, тревогу, интерес, страх и т.д.), что достигается с помощью использования кликбейтного заголовка: «Зарабатывать никогда не поздно» (Инвестиции ONLINE.8.02.2025), «Наконец-то в ТГ запустили полезный канал, где собственники сдают жилье … без посредников!» (Мой Туапсе. 18.02.2025), «Настройте мозг на успех!» (Ментор проводник. 18.02.2025), «Знаете о нашей стране всё? Докажем обратное» (Golden Chihuahua. 18.02.2025) и др.

2. *Предложение решения (получение помощи − «волшебного средства» от дарителя).* После привлечения внимания потребителю предлагается «волшебное средство» − совет, подсказка, раскрывается секрет, тайна, что поможет быстрее, без проблем, дополнительных финансовых затрат достичь желаемого, идеального состояния. Подробности того, как реципиенту решить свою проблему полностью не раскрываются, тем самым мотивируется его желание нажать на ссылку (перейти на другой сайт,

подписаться на канал): «Этот забавный дед говорит, что бесплатно питается в популярных ресторанах и живет в отелях, а за день − тратит меньше 300 ₽. Мы проверили и оказалось, что не врет» (Военный осведомитель. 4.01.2025), «О таких фишках не расскажут по телевизору и не напишут в СМИ, но ими открыто делятся на канале» (Поздравления и Открытки и Подарки! (24.02.2025).

3. *Детализация решения (раскрытие «волшебного средства» дарителем).* Для «раскрытия тайны» необходимо получить технологию решения проблемы. В рекламном тексте уточняется, что следует подписаться на телеграм-канал, где есть ссылка на курс, методику или продукт: «“Деньги были, деньги будут”». Загляните, вы будете в шоке от того, как вас всю жизнь дурачили …» (Поздравления и Открытки и Подарки! (24.02.2025). Этот этап аналогичен применению волшебного средства в сказке, которое мгновенно устраняет недостаток.

4. *Призыв к действию (испытание или путь героя сказки).* Пользователя мотивируют предпринять конкретное действие: кликнуть и подписаться на телеграм-канал: «Подписывайтесь и зовите подруг», «Загляни и узнай», «Просто начни читать», «Если еще не заглядывали туда… – поторопитесь» и т. д. Это перекликается с этапом испытаний в сказках, где герой должен проявить активность для решения проблемы.

Рассмотрим примеры рекламы и выявим в ней указанные выше структурно-смысловые особенности.

5. Пример первый (см. рис. 1). Заголовок: «Главная цель теракта и врагов России − посеять стихийную панику» (Гифки интернета. 29.03.2024). Заголовочный комплекс содержит в себе информацию, провоцирующую у читателей чувство страха, паническое настроение. Далее идет предложение, смысловая нагрузка которого усиливает указанные эмоции: «Западные спецслужбы предрекают череду трагедий, массово эвакуируются ТЦ, а новые попытки вербовки только подливают масла в огонь».

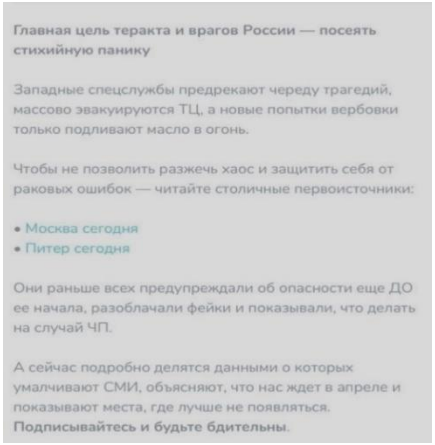

Рис. 1. Реклама изданий «Москва сегодня», «Питер Сегодня»

6. В русских народных сказках антагонисты (Змей Горыныч, Соловей-разбойник) вносят в жизнь героев хаос, разруху. Например, в сказке «Никита Кожемяка» Змей Горыныч похищает царскую дочь, создавая угрозу для населения, семьи царя и главного героя: «Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу» (Народные русские сказки А. Н. Афанастева. Т. 1. М.: Издательство «Наука», 1984. С. 263). В рекламе с кликбейтным заголовком так же обыгрывается мотив страха. Рекламный текст нацелен на формирование чувства страха и напряженности, главная цель − привлечь читателя, используя силу эмоционального воздействия. Точно так же, как Змей Горыныч угрожал разрушением, в рекламе используется образ возможной трагедии, который провоцирует чувство тревоги и желание предотвратить беду.

Предложение решения: «Чтобы не позволить разжечь хаос и защитить себя от раковых ошибок − читайте столичные первоисточники: Москва сегодня, Питер сегодня». Прослеживается аналогия со сказочным сюжетом: предлагаются ресурсы («волшебные предметы»), способные оказать помощь в быстром решении проблемы. Например, в сказке «Василиса Прекрасная» героиня получает от умирающей матери куклу, которая в

будущем защищает ее злодеяний мачехи: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?». Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису». (Народные русские сказки А. Н. Афанастева. Там же. С. 128). В рассматриваемом рекламном тексте волшебным ресурсом («куклой») являются телеграм-каналы, на которые предлагается подписаться: информация, публикуемая в них, может способствовать защите в случае чрезвычайных ситуаций («даст совет и защитит от хаоса и страха»).

Детализация решения: указанные информационные источники (телеграм-каналы) «раньше всех предупреждали об опасности еще ДО ее начала, разоблачали фейки и показывали, что делать на случай ЧП». Представленная характеристика медиаресурсов имеет схожие черты с описанием «волшебных предметов» из сказок – герою (героине) дается пояснение, как им пользоваться, так, в сказке «Василиса Прекрасная» куклу необходимо было покормить, чтобы она давала советы, утешала, а утром выполняла необходимую работу. Рекламный текст предлагает «правдивую» информацию, подчёркивая уникальность и практическую пользу телеграм-каналов: достаточно подписаться и следовать советам.

Рис. 2. Реклама обучающего канала

Призыв к действию: «Подписывайтесь и будьте бдительны». Читателя побуждают совершить действие − подписаться на телеграм-канал, чтобы обезопасить себя. Этот призыв соответствует функции «испытания», где герой должен пройти через трудности, чтобы победить врага (злодея).

Следующий пример (см. рис. 2). Данная реклама была опубликована в «Записки редакторки» 5 августа 2024 г. В тексте заголовка «Один день из жизни копирайтера» используется прием языковой игры – обыгрывается название литературного произведения («Один день из жизни Ивана Денисовича» А. И. Солженицына), художественного фильма («Несколько дней из жизни И. И. Обломова», 1979 г.), однако, если у героя рассказа жизнь тяжелая, у героя кинофильма – праздная и скучная, то рекламный текст описывает жизнь интересную, легкую, безбедную. Возникновение мотивации: и текст, и фотография к нему создают картину идеального образа жизни: свобода, расслабленность, финансовый успех. Реклама сообщает: «Солнечный день. 8 утра. Все идут на работу, он лежит в кровати. Встал в 10. Позавтракал. Открывает ноут. Пишет 2 рекламных текста под заказ … Спустя 2 часа – освободился. 10 000 пришло на карту». В тексте рекламы угадывается сюжетная линия русской народной сказки «По щучьему веленью»: герой Емеля, лежа на печи, получает всё желаемое без усилий: «По щучьему веленью, по божьему благословенью будь стол накрыт и обед готов!» (Там же. С. 328). Реципиента в

рекламном сообщении подводят к следующей идее: можно много и тяжело трудиться, а можно отдыхать и зарабатывать деньги одновременно.

Предложение решения: «Чтобы работать на таком же релаксе, начните читать Руслана» − секрет успешной жизни кроется в знаниях, которыми делится автор. Информация о рекламируемом телеграм-канале представляет его в качестве «волшебной силы», аналогичной возможностям сказочной щуки, которую выловил Емеля. Руслан в рекламе выступает в роли героя-дарителя, а его канал является волшебное средством, дающим возможность доступа к информации о лёгком заработке.

Детализация решения: на канале Руслана рассказывается: «… как складно писать и зарабатывать от 100 000 в месяц». Такое пояснение напоминает сказочные сюжеты, где герою объясняют, как использовать «волшебный дар» («волшебный подарок», «волшебную силу»). Советы Руслана – это инструкции по использованию «заклинаний» (шаблонов, лайфхаков), превращающих читателя из пассивного «Емели» в успешного копирайтера.

Призыв к действию: рекламный текст завершает предложение: «После подписки кликайте на закреп − там вся нужная инфа для старта». Читателя мотивируют подписаться и перейти к дальнейшим действиям. Данный этап соответствует испытанию − герой должен проявить активность, чтобы добиться успеха.

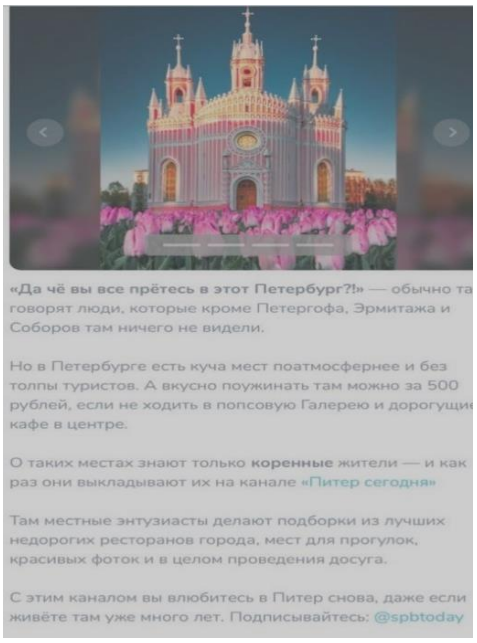

Рис. 3. Реклама канала «Питер сегодня»

Рассмотрим следующий пример (см. рис. 3). Возникновение мотивации: рекламный текст начинается с провоцирующего заголовка «Да чё вы все прётесь в этот Петербург?!» (Мардан. 17.01.2025). Обратим внимание на то, что в кликбейтных заголовках часто используются просторечные слова и сленгизмы (в данном заголовке: «чё», «прётесь»), таким образом, авторы используют прием завоевания доверия аудитории, демонстрируют близость к ней через языковые конструкты коммуникации (далее в тексте присутствуют слова и выражения: «куча мест», «толпа туристов», «попсовая», «фотки»). Цель заголовка – заставить читателей усомниться в том, что они знакомы со всеми достопримечательностями Северной столицы. Санкт-Петербург является одним из популярнейших городов среди отечественных туристов (по данным 2023 г., занял первое место в рейтинге устойчивости развития туризма и индустрии гостеприимства (см.: Санкт-Петербург стал лидером по устойчивости развития туризма среди субъектов РФ // ТАСС. 18.01.2024)), вследствие чего в рекламном тексте обыгрывается интерес аудитории к данному городу (идет убеждение: туристы еще не всё видели).

Предложение решения: «Но в Петербурге есть куча мест поатмосфернее и без толп туристов...», и открыть эти места предлагается с помощью канала «Питер сегодня».

В «Царевне-лягушке» старичок отдает Ивану-царевичу волшебный клубок: «Вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 2. М.: Терра, 2008. С. 204). Канал «Питер сегодня» позиционируется в качестве «цифрового клубка», который покажет все тайные и скрытые от туристов «сакральные» места – исторические достопримечательности. Подписка на рекламируемый канал символизирует принятие «волшебного дара».

Детализация решения: «О таких местах знают только коренные жители – и как раз они выкладывают их на канале», − уточняется в рекламном тексте, то есть читателю (герою) объясняют, как использовать «волшебное средство». В «Царевне-лягушке» Ивану-царевичу следовало идти ровно той дорогой, куда катится волшебный клубок. Советы канала – это практические инструкции, превращающие читателя из «обычного туриста» в «посвящённого знатока».

Призыв к действию: «С этим каналом вы влюбитесь в Питер снова... Подписывайтесь: @spbtoday». Этот этап соответствует испытанию (напомним, в сказочном сюжете герой совершает подвиги, после чего достигает цели – счастливой жизни, идеальной жизни), требующему активного действия (шага) для того, чтобы получить доступ к «секретным» знаниям.

Перейдем к рассмотрению заключительного примера (см. рис. 4). Возникновение мотивации: кликбейтный заголовок интригует аудиторию, удивляет, обещает сообщить сенсацию: «Она делала с женщинами жуткие вещи ...учила их быть сексуальными» (Саморазвитие. 25.04.2024). В данном примере используется мотив отсутствия самодостаточности, неудовлетворенности внешним видом, комплекса неполноценности. Обратимся к тексту сказки: «По щучьему веленью, по моему хотенью – стать мне добрым молодцем, писаным красавцем …», − Емеля осознает свою непривлекательность и желает преобразиться («красавчиком стать») (По щучьему веленью. Русская народная сказка в обработке А. Н. Толстого. М.: Советская Россия, 1986. С. 16). В анализируемой рекламе присутствует идея преображения (усиления сексуальной привлекательности) той части аудитории, которая не довольна собой, своей внешностью, а это – большая часть женщин. Так, согласно данным социологического исследования, 55 % женского населения нашей страны мечтают приблизиться к параметрам модной красоты, стать привлекательными (Гарифуллина Г. Недовольны своим внешним видом больше половины жительниц России // Реальное время. 20.10.2023).

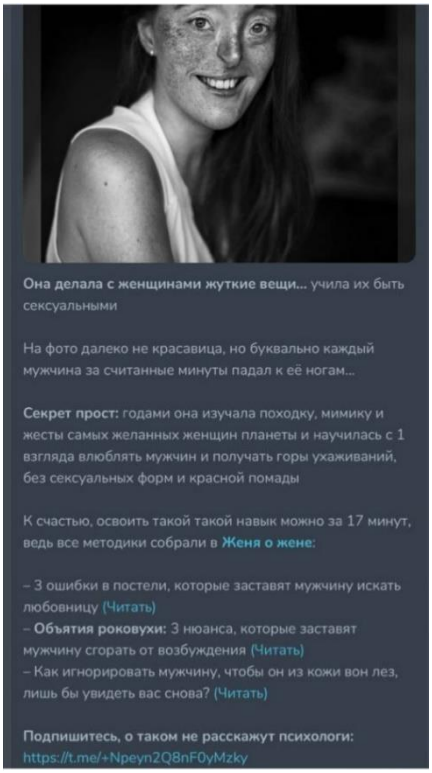

Рис. 4. Реклама канала «Женя о жене»

Предложение решения: телеграм-канал «Жена о жене» является своего рода «волшебной щукой», которая исполняет желание героя – стать красивым, всем нравиться.

Героиня рекламного текста знает секрет и готова им поделиться: «Секрет прост: годами она изучала походку, мимику и жесты … научилась с 1 взгляда влюблять мужчин», у нее есть «волшебное средство» (знания) и она готова его передать. Автор телеграм-канала выступает в роли дарителя чуда, а подписка на канал – это «волшебство», «заклинание», аналогичное просьбе Емели: «По щучьему веленью…». Реклама эксплуатирует идею мгновенного преображения, не требующего дополнительных усилий, как и в случае с Емелей, который, «лёжа на печи», с легкостью меняет свою судьбу.

Детализация решения: курс «Жена о жене» позиционируется как аналог сказочного артефакта. Советы из курса («3 ошибки в постели», «Объятия роковухи») напоминают инструкции по использованию волшебного ресурса (волшебной силы). Как в сказке Емеля учится управлять заклинаниями, так и в рекламе предлагаются шаблоны действий, которые обещают превратить читательницу из «некрасивой» в «роковую женщину».

Призыв к действию: фраза «Подпишитесь, о таком не расскажут психологи» актуализирует мотив испытания. Читатель должен совершить ритуальное действие (подписаться), чтобы получить доступ к «тайным знаниям» и преобразиться.

ВЫВОДЫ

Технологии кликбейтного заголовка и сказки, использующиеся в рекламных текстах, ориентированы на привлечение и удержание внимания потребителя, создание у него мотивации на принятие рекламного предложения – подписаться на рекламируемый продукт (в случае с рекламой в сети «Telegram» подписаться на медиаканал).

В процессе исследования были сделаны следующие выводы:

1. Одновременное использование в тексте рекламы кликбейтного заголовка и сюжета сказки способствует повышению ее привлекательности и эффективности: если задачей заголовка данного вида является привлечение внимания аудитории, формирование определенных эмоций (страха, гнева, любопытства и т.д.), помогающих удержанию внимания, дальнейшему чтению рекламной информации, то сказочный сюжет, лежащий в основе рекламного нарратива, делает текст легким для восприятия, интересным, увлекательным, создает мотивацию для принятия рекламного предложения.

2. В процессе конструирования кликбейтных заголовков используются следующие психологические категории: страх, тревога, паника; любопытство, зависть, эгоизм, азарт, удивление, надежда, печаль, гнев, скука, сексуальное влечение, романтика и др. Опираясь на них, авторы текстов апеллируют к психологическим интересам индивида: физиологическим потребностям (еда), потребности в безопасности, потребности в любви, потребности в познании, эстетическим потребностям, потребностям в самоактуализации.

3. В заголовочных комплексах, построенных с использованием метода кликбейта, используются следующие технологии, повышающие степень привлечения внимания аудитории: включение триггеров – слов, фраз, провоцирующих определенные эмоции; присутствие просторечных слов и сленгизмов; употребление эмоционально окрашенной лексики, значительного количества знаков препинания; обращение к потребителю информации на «ты», включение в текст чисел и т.д.

4. Использование в рекламе сюжета сказки способствует тому, что аудитории предлагают короткие тексты, в которых угадываются архетипические персонажи (герой, злодей (в контексте рекламы – проблема, мешающая индивиду реализовать личностную модель счастливой жизни)), волшебная сила (рекламируемые медиаресурсы, обещающие оказать помощь индивиду в исполнении его желаний (разбогатеть, стать красивым, путешествовать и т.д.)) и стереотипные представления об идеальной жизни (жить

красиво, богато, мало работать и т.д.), вследствие чего читатель соглашается купить рекламируемый продукт (подписаться на медиаканал), с которым связывает надежды на достижение определенных целей.

5. Несмотря на то, что рассматриваемые технологии – кликбейтный заголовок и сказочный сюжет – являются эффективными в плане повышения степени привлекательности и убедительности текста, обращают на себя внимание недочеты рекламных сообщений, публикуемых в сети «Telegram»: наличие орфографических ошибок (их присутствие может сказываться на степени восприятия рекламы), некачественный иллюстративный материал.

Между сказкой и рекламным сюжетом существует смысловое различие: сказка ориентирует на преодоление трудностей, формирует идеалы добра, зла, описывает народную мудрость, реклама, мифологизируя успех, богатство, внешнюю красоту, культивирует пассивность, подменяя реальные усилия иллюзией «магического» решения.

Список литературы

1. *Бернадская Ю. С, Костылева Т. А.* Приемы речевого воздействия в рекламе // Омский научный вестник. – 2006. – № 10 (49). – С. 112– 117.
2. *Гаврикова О. А.* Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 22– 30.
3. *Гаврикова О. А.* Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискурса: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – 204 с.
4. *Геращенко Л. Л.* Реклама как миф: Дис. … д-ра филос. наук: 24.00.01. – М., 2006. – 285 с.
5. *Головин Ю. А, Коханая О. Е.* Новые тренды в эпоху революционных изменений информационных технологий // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 4. – С. 177–189.
6. *Градюшко А. А.* Приемы создания кликбейт-заголовков в цифровой журналистике // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. – 2020. – № 3(105). – С. 37–40.
7. *Грищенко А. П.* Усталость от рекламы. Показатели, причины, способы преодоления // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: Материалы Международной научно-практической конференции. Том 2. – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2015. – С. 56–64.
8. *Ежова Е. Н.* Медиа-рекламная картина мира: структура, семиотика, каналы трансляции: Автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.10. – Воронеж, 2010. – 45 с.
9. *Елкина М. В.* Мотивы народной сказки в современной отечественной и зарубежной рекламе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-4(66). – С. 17– 19.
10. *Зеленина Е. С.* Культурный параллелизм фольклорной сказки и современной рекламной коммуникации (на материале телевизионной рекламы): Дис. канд. … историч. наук: 24.00.01. – Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств, 2013. – 177 с.
11. *Кузавка Е. Н.* Фольклор в современной российской рекламе (на примере ежемесячных журналов): Дис. канд. … филол. наук: 10.01.10. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2015. – 187 с.
12. *Кузьмина О. Г.* Социальные особенности развития рекламы в СССР // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: Материалы Международной научно-практической конференции. Том 1. – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2015. – С. 194–203.
13. *Лебедева Л. В.* Психология рекламы. – М.: Флинта, 2013. – 126 с.
14. *Лебедев-Любимов А. Н.* Психология рекламы. – СПб: Питер, 2002. – 368 с.
15. *Лобовикова Е. А.* Социальная реклама в современном медиапространстве // Научный вестник Луганского государственного аграрного университета. – 2021. – № 4(13). – С. 404–409.
16. *Музыкант В. Л.* Реклама: международный опыт и российские традиции. – М.: Изд-во «Право и закон», 1996. – 222 с.
17. *Немировская Е. П.* Инновационная медиасреда в эпоху цифровых хиппи и глобализации // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты: материалы международной научно-

практической конференции. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. – С. 243–248.
18. *Никешин К.* В XXI веке эффективность рекламы снижается // Медиасреда. – 2006. – № 1. – С. 63–65.
19. *Пропп В. Я.* Морфология сказки // Вопросы поэтики. – 1928. – Вып. XII. – Ленинград: Academia, 1928. – 152 с.
20. *Рюмшина Л. И.* Манипулятивные приемы в рекламе. – М. – Ростов-на-Дону: Московская академия рынка труда и информационных технологий, 2004. – 240 с.
21. *Самарцев О. Р., Латенкова, В. М., Фокина Д. С.* Типологические признаки кликбейта в заголовочном блоке современных масс-медиа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2020. – № 1 (64). – С. 155–163.
22. *Семкина М. В.* Использование гендерных стереотипов как прием манипулирования сознанием в телевизионной рекламе: Дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2009. – 170 с.
23. *Сладкевич Ж. Р.* Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 353–368. \
24. *Татаринов К. А., Музыка С. М.* Психологическое манипулирование в рекламе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9, № 3(32). – С. 179–182.
25. *Терских М. В., Зайцева О. А.* Приемы воздействия в социальной рекламе // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3(5). – С. 96–115.
26. *Федотова Л. Н.* Двадцатилетие рекламы в современной России: первые итоги // Социологические исследования. – 2013. – № 10 (354). – С. 129–136.
27. *Чанышева З. З.* Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 4. – С. 54– 62.
28. *Шпомер Е. А.* Реклама и её потребитель: от агрессии − к толерантности. Анализ ситуации // Реклама и современный мир: материалы IV Международной научной конференции. – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – С. 66–75.

References

1. Bernadskaya Yu. S, Kostyleva T. A. *Priemy rechevogo vozdejstviya v reklame* [Techniques of speech influence in advertising]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2006, no. 10 (49), pp. 112–117.
2. Gavrikova O. A. *Klikbejting kak faktor sozdaniya lozhnogo narrativa v politicheskom mediadiskurse* [Clickbaiting as a factor in creating a false narrative in political media discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, 2019, no. № 3 (75), pp. 22– 30.
3. Gavrikova O. A. *Pragmatika klikbejtinga v intertekstualnom prostranstve mediadiskursa*: Dis. … kand. filol. nauk: 10.02.19 [The pragmatics of clickbaiting in the intertextual space of media discourse. Thesis]. Ufa, 2020. 204 p.
4. Gerashhenko L. L. *Reklama kak mif:* Dis. … d-ra filos. nauk: 24.00.01 [Advertising as a myth. Thesis]. Moscow, 2006. 285 p.
5. Golovin Yu. A, Koxanaya O. E. *Novye trendy v epoxu revolyucionnyx izmenenij informacionnyx texnologij* [New trends in the era of revolutionary changes in information technology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2020, no. 4, pp. 177–189.
6. Gradyushko A. A. *Priemy sozdaniya klikbejt-zagolovkov v cifrovoj zhurnalistike* [Techniques for creating clickbait headlines in digital journalism]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Pedagogika. Psixologiya. Filologiya*, 2020, no. № 3 (105), pp. 37–40.
7. Gricenko A. P. *Ustalost ot reklamy. Pokazateli, prichiny, sposoby preodoleniya* [Ad fatigue. Indicators, causes, ways to overcome]. *Reklama i svyazi s obshhestvennost`yu: tradicii i innovacii: Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Vol 2. Rostov-on-Don, 2015, pp. 56–64.
8. Ezhova E. N. *Media-reklamnaya kartina mira: struktura, semiotika, kanaly translyacii:* Avtoref. dis. … d-ra filol. nauk: 10.01.10 [Media advertising picture of the world: structure, semiotics, broadcast channels. Abstract of Thesis]. Voronezh, 2010. 45 p.
9. Elkina M. V. *Motivy` narodnoj skazki v sovremennoj otechestvennoj i zarubezhnoj reklame* [Folk tale motifs in modern domestic and foreign advertising]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*, 2016, no. 12–4(66), pp. 17– 19.

10. Zelenina E. S. *Kulturnyj parallelizm folklornoj skazki i sovremennoj reklamnoj kommunikacii (na materiale televizionnoj reklamy`):* Dis. kand. … istorich. nauk: 24.00.01 [Cultural parallelism of folklore fairy tales and modern advertising communication (based on the material of television advertising). Thesis]. – Ulan-Ude, 2013. 177 p.
11. Kuzavka E. N. *Folklor v sovremennoj rossijskoj reklame (na primere ezhemesyachnyx zhurnalov):* Dis. kand. … filol. nauk: 10.01.10 [Folklore in modern Russian advertising (using the example of monthly magazines). Thesis]. Voronezh, 2015. 187 p.
12. Kuzmina O. G. *Socialnye osobennosti razvitiya reklamy v SSSR* [Social features of the development of advertising in the USSR]. *Reklama i svyazi s obshhestvennostyu: tradicii i innovacii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Vol 1. Rostov-on-Don, 2015, pp. 194–203.
13. Lebedeva L. V. *Psixologiya reklamy* [The psychology of advertising]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 126 p.
14. Lebedev-Lyubimov A. N. *Psixologiya reklamy* [The psychology of advertising]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2002. 368 p.
15. Lobovikova E. A. *Socialnaya reklama v sovremennom mediaprostranstve* [Social advertising in the modern media space]. *Nauchnyj vestnik Luganskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2021, no. 4 (13), pp. 404–409.
16. Muzy`kant V. L. *Reklama: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie tradicii* [Advertising: international experience and Russian traditions]. Moscow, Pravo i zakon Publ., 1996. 222 p.
17. Nemirovskaya E. P. *Innovacionnaya mediasreda v epoxu cifrovyx xippi i globalizacii* [Innovative media environment in the era of digital hippies and globalization]. *Evroaziatskoe sotrudnichestvo: gumanitarnye aspekty: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Irkutsk, 2017, pp. 243–248.
18. Nikeshin K. *V XXI veke effektivnost reklamy snizhaetsya* [In the 21st century, the effectiveness of advertising is declining]. *Mediasreda*, 2006, no. 1, pp. 63–65.
19. Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. *Voprosy poe`tiki*, 1928. Iss. XII. Leningrad, Academia Publ., 1928. 152 p.
20. Ryumshina L. I. *Manipulyativnye priemy v reklame* [Manipulative techniques in advertising]. Moscow – Rostov-on-Don, 2004. 240 p.
21. Samarcev O. R., Latenkova, V. M., Fokina D. S. *Tipologicheskie priznaki klikbejta v zagolovochnom bloke sovremennyx mass-media* [Typological features of clickbait in the headline block of modern mass media]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 2020, no. 1 (64), pp. 155–163.
22. Semkina M. V. *Ispolzovanie gendernyx stereotipov kak priem manipulirovaniya soznaniem v televizionnoj reklame*: Dis. … kand. filol. nauk: 10.01.10 [The use of gender stereotypes as a method of mind manipulation in television advertising. Thesis]. Moscow, 2009. 170 p.
23. Sladkevich Zh. R. *Zagolovki-anonsy v setevyx mediaservisax: mezhdu informirovaniem i klikbejtingom* [Headlines-announcements in online media services: between awareness and clickbaiting]. *Medialingvistika*, 2019, Vol. 6, no. 3, pp. 353–368.
24. Tatarinov K. A., Muzy`ka S. M. *Psixologicheskoe manipulirovanie v reklame* [Psychological manipulation in advertising]. *Azimut nauchny`x issledovanij: pedagogika i psixologiya*, 2020, Vol. 9, no. 3(32), pp. 179–182.
25. Terskix M. V., Zajceva O. A. *Priemy vozdejstviya v socialnoj reklame* [Methods of influence in social advertising]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2015, no. 3 (5), pp. 96–115.
26. Fedotova L. N. *Dvadczatiletie reklamy v sovremennoj Rossii: pervye itogi* [The twentieth Anniversary of advertising in modern Russia: first results]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2013, no. 10 (354), pp. 129–136.
27. Chanysheva Z. Z. *Informacionnye texnologii smyslovyx iskazhenij v klikbejt-zagolovkax* [Information technology of semantic distortions in clickbait headlines]. *Vestnik Permskogo nacionalnogo issledovatelskogo politexnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 2016, no. 4, pp. 54– 62.
28. Shpomer E. A. *Reklama i eyo potrebitel: ot agressii − k tolerantnosti. Analiz situacii* [Advertising and its consumer: from aggression to tolerance. Situation analysis]. *Reklama i sovremennyj mir: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Tver, 2016, pp. 66–75.

ADVERTISING TECHNOLOGIES: CLICKBAIT HEADLINE AND FAIRY TALE

Ivashkin V. V., Smeyukha V. V.

The article is devoted to the study of the features of advertising texts in the Telegram social network, namely, the consideration of technologies such as a clickbait title and a fabulous plot. Against the background of an increase in advertising volumes, there is a decrease in consumer interest in advertising information, which increases the importance of using psychological, linguistic and structural techniques to enhance the effectiveness of advertising communication. The use of clickbait headlines in journalistic texts can provoke a negative response from readers due to violations of ethical principles of journalism (deceiving the audience, misleading). In advertising texts, the clickbait header forms consumer motivation and stimulates interest in the advertised product. The use of fairy−tale plots in advertising texts increases attention to advertising - it plays out well-known archetypal situations (conflicts), stories, familiar characters (heroes, antiheroes, magic givers, etc.), spiritual, mental, and material concepts that reflect society's ideas about an ideal world (society). The authors of the article use the following research methods: observation, analysis, comparison, classification method, philological (with its help, the features of the advertising text were studied), data from sociological research were used. During the analysis, the following conclusions were obtained: the use of a clickbait title and a fabulous effect in an advertising text simultaneously enhances the effectiveness of an advertising message; psychological categories are widely used in the process of designing clickbait titles.: fear, anxiety, panic; curiosity, envy, selfishness, excitement, surprise, etc.; headline texts include trigger words, colloquialisms, slangisms, emotionally colored vocabulary, numbers, addressing readers as “you”, a significant number of punctuation marks, which increases the degree of attention. The introduction of the plot of a fairy tale into the advertising text (the hero faces a problem, finds its solution through magic, a miracle, becomes happy) makes it simple and understandable – it contains the idea of approaching a state of happiness through the purchase of the advertised product.

Keywords: advertising, clickbait title, fairy tale plot, technology, audience attention.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 57–79.

УДК 070
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-57-79

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С РАБСЕЛЬКОРАМИ В КРЫМСКОЙ ПРЕССЕ В 1920–1930-е гг.

Яблоновская Н. В.

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
yablon@rambler.ru

Статья рассматривает зарождение и развитие рабселькоровского движения в печатных изданиях Крымской АССР в 1920–1930 гг. Объектом исследования выступили крымские газеты «Красный Крым», «Маяк коммуны», «Енъи дюнья» и др. издания, а также официальные документы, рассматривавшие вопросы подготовки рабочих и крестьянских корреспондентов. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в начале 1920-х гг. крымская пресса активно включилась в рабселькоровское движение. При редакциях газет были созданы соответствующие ячейки, в которых проводились занятия по повышению журналистского мастерства, дежурства, собрания и конференции, предлагалась необходимая литература, создавалась система по приобщению к корреспондентской работе общественников и передовиков производства. В крымских изданиях появился ряд специальных рубрик, предназначенных для рабселькоров, росло количество поступающей корреспонденции и опубликованных заметок рабселькоров. В то же время уже к середине 1920-х гг. движение столкнулось с проблемами обеспечения защиты рабкоров при выполнении ими профессиональной деятельности и низкого уровня их подготовки. 1920–1930-е гг. стали временем развития массовой низовой печати, которая должна была стать «коллективным корреспондентом». Однако в этот период проявились признаки кризиса: снизилась действенность рабселькоровских корреспонденций и уменьшился их приток. Несмотря на это, рабселькоровское творчество не утратило полностью своего общественно-политического значения и продолжало стимулироваться партийными и советскими органами как инструмент агитации и пропаганды, а также формирования лояльности в широких слоях населения.

Ключевые слова: рабкор, селькор, рабселькоровское движение, Крым, история крымской журналистики.

ВВЕДЕНИЕ

Движение рабселькоров – рабочих и крестьянских корреспондентов – стало уникальной особенностью нарождающейся советской периодической печати в начале 1920-х гг. Поскольку большинство авторов «старых» газет и журналов воспринимались большевистскими редакциями как классово чуждые, партийные органы и принадлежащие им печатные издания в условиях дефицита журналистов развернули широкую целенаправленную работу по подготовке «свежих» кадров из рабочих и крестьян.

Общесоюзный опыт подготовки рабселькоров был достаточно изучен в советский период ([1; 27; 33; 49; 50; 52] и др.), в рамках которого авторы рассматривали рабселькоровское движение как проявление демократизма советского общества, показательный элемент диалога советской власти с народом, форму связи редакций с трудящимися, обличителя недочетов в работе советских и партийных органов, источник формирования журналистских кадров. Новейшие исследования более свободны в трактовках задач и результатов деятельности рабселькоров, которая оценивается, с одной стороны, как «институт политического контроля» [8, с. 66], а с другой, как «инструмент массового медиаобразования» [20, с. 60], «гражданский журнализм» [3], форма общественного диалога [57, с. 68]. В последние годы появились работы, анализирующие рабселькоровское движение в специализированных изданиях, например, в женской

прессе [35], [36], а также обобщающие опыт рабселькоровского движения в отдельных регионах: Сибири [20], [68], Тамбовской области [8–10], [55], Удмуртии [57–58] и некоторых других. Опыт крымских изданий по организации рабселькоровского движения до сих пор не был введен в научный оборот, что стало стимулом для нашего обращения к нему в настоящей статье.

Цель статьи – установить формы, достижения и недостатки организации рабселькоровского движения в крымской прессе 1920–1930-х гг.

Объектом исследования выступили крымские газеты «Красный Крым», «Маяк коммуны», «Енъи дюнья» и др. издания, а также официальные документы, рассматривавшие вопросы подготовки рабочих и крестьянских корреспондентов. Предмет исследования – формы и результаты организации рабселькоровского движения в Крыму в 1920–1930-х гг. Теоретико-методологическую базу нашей статьи составили работы В. Н. Алферова, С. В. Бершадской, А. Г. Веселовского, Е. В. Евдокимовой, С. Г. Корконосенко, Е. И. Матхановой, О. Д. Минаевой, Л. Ф. Розенштейна, А. А. Слезина, О. Д. Якимова и др.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало формирования в Крыму системы советской прессы в начале 1920-х гг.

После установления в Крыму советской власти были закрыты все выходившие в дореволюционный период и во время Гражданской войны небольшевистские издания. Редакторы некоторых из них, например Н. П. Чоглаков («Таврические губернские ведомости») и А. П. Лурье («Южные ведомости»), были расстреляны.

Большевики приступили к формированию однопартийной прессы, которая должна была стать частью социалистического строительства и орудием утверждения советской идеологии. Целевой аудиторией периодических изданий Красного Крыма стала новая элита – рабочие и крестьяне.

Главным партийным областным органом на русском языке являлась газета «Красный Крым» – наследница «Таврической правды» (Севастополь, январь-апрель 1918 г.) и «Таврического (Крымского) коммуниста» (Мелитополь, Симферополь, апрель-июнь 1919 г.). Ее первый номер увидел свет 17 ноября 1920 г. До начала Великой Отечественной войны «Красный Крым» выступал как орган Крымского ЦИК и обкома ВКП(б). Практически одновременно происходило и формирование областных газет для национальных меньшинств. В ноябре 1920 г. в Крыму как орган Мусульманского бюро при Крымском обкоме РКП (б) снова начала выходить крымскотатарская газета «Енъи дюнья» («Новый мир», с 1929 г. – «Янъы дюнья», с 1938 г. – «Къызыл Къырым» («Красный Крым»)). Второго декабря 1920 г. в Симферополе вышел первый номер газеты немецких колонистов «Die Rote Krim» («Красный Крым»). В декабре 1921 г., когда «Die Rote Krim» была переименована в «Hammer und Pflug» («Молот и плуг»). 25 марта 1921 года Крымским обкомом РКП(б) была основана газета на армянском языке «Кармир уги» («Красный путь») [5, с. 54–55]. 8 мая 1921 года решением Армбюро название газеты было изменено на «Коммунаи занг» («Колокол коммуны») [5, с. 54–55]. Газета выходила еженедельно на армянском и русском языках (русскоязычной была четвертая полоса издания) как орган Армбюро при Крымском обкоме РКП. Существование немецкой и армянской газет было недолгим – во второй половине 1922 г. их выпуск был прекращен Крымским обкомом по причине недостатка средств.

Поскольку партийно-советская система СМИ выстраивалась по иерархическому принципу, то вслед за областными газетами были основаны городские и районные – органы соответствующих партийных комитетов.

Городские советские газеты начали выходить в Севастополе, Керчи, Феодосии и Ялте. В Севастополе 2 декабря 1920 г. вышел в свет «Маяк коммуны» (ныне – «Слава Севастополя»). В Феодосии 25 ноября 1920 г. были впервые опубликованы «Известия Феодосийского военно-революционного комитета», которые считаются продолжателями большевистских изданий периода Гражданской войны. В дальнейшем газета сменила множество названий: «К работе!», «Крымский рабочий», «Знамя труда», «Рабочий», «Рабочий и крестьянин», «Сельская правда», «Пролетарий» и, наконец, «Победа», под которым выходит с июля 1944 г. до настоящего времени. 12 марта 1921 г. увидели свет «Известия Керченского городского Совета рабочих, красноармейских и военморских депутатов и укома РКП» (в дальнейшем – «К труду», «Труд», «Известия Керченского уисполкома и укома РКП», «Известия Керченского окружного исполкома и окркома РКП», с 1 января 1923 г. по 30 декабря 1930 г. – «Красная Керчь», с 1 января 1931 г. по 30 декабря 1959 г. – «Керченский рабочий»). В Ялте 12 марта 1922 г. начали выходить «Ялтинские известия» (1922–1933) – орган Ялтинского окркома (с 7 июня (№ 4) по 17 августа (№ 43) 1922 г. газета называлась «Красная Ялта»).

Предпринимались и попытки организации районных газет. Например, в Бахчисарае с 1921 г. по 1931 гг. выходила районная газета на крымскотатарском и русском языках «Къызыл япрак» («Красный листок») [14, л. 78] (в дальнейшем – «За сталинский урожай», «Ленинская правда», «Коммунист», с 1960-х гг. до настоящего времени – «Слава труду»). В Ялте в 1924 г. – газета «Смычка» на крымскотатарском и русском языках, в 1927 г. – «Бюллетень Ялтинского райкома ВКП(б), исполкома и райпрофбюро». В Феодосии 5 июля 1921 г. была организована еженедельная газета «Догры ёл» («Правильный путь») на крымскотатарском языке – орган Агитпропа Феодосийского укома РК большевиков. В 1922–1923 гг. ее сменила газета «Къызыл Шаркъ» («Красный Восток»), орган татарской секции Феодосийского окркома РКП (б). Однако массовое открытие районных газет в Крыму происходило уже в 1930-е гг., в период развития массовой низовой прессы.

Новая печать постоянно убеждала свою аудиторию в том, что отстаивает ее интересы, состоявшие, главным образом, в борьбе с «бывшими», «эксплуататорами», «буржуями» – то есть теми, для кого предназначалась основная масса «старых» изданий.

Наряду с партийной начала формироваться и комсомольская пресса, направленная на молодежную аудиторию. Вначале материалы для молодежи выходили в виде приложений к партийным изданиям. В 1921 г. как приложение газеты «Красный Крым» издавалась «Страничка молодежи» (с 14 июня 1923 г. – «Комсомолец»). Тогда же татарское бюро при крымском обкоме РКСМ в качестве приложения к «Енъи дюнья» начало выпускать комсомольский листок «Яш орду» («Молодая армия»). Приложение к газете «Колокол коммуны» «Красная молодежь» стало органом Армянского бюро при Крымском обкоме ВЛКСМ.

Затем появились самостоятельные молодежные издания. Летом 1921 г. вышли «Известия Крымского областного комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи» (№ 2 от 5 июля 1921 г.). В 1922 г. в Симферополе как орган Крымского обкома и Симферопольского окружного комитета РКСМ выходила газета «Юный строитель». Через два года в крымской столице была создана газета рабоче-крестьянской молодежи «Молодой большевик», орган Крымского обкома ВЛКСМ (1924 (7 декабря) –

1928 (1 декабря)). 14 июля 1922 г был отпечатан первый номер газеты комсомольской газеты на крымскотатарском языке «Яш къувет» («Юная сила). С 1923 г. газета «Яш къувет» стала органом Крымского обкома ВЛКСМ и была переведена в Симферополь

Зарождение рабселькоровского движения в Крыму в 1920-е гг.

В сложных условиях общественной трансформации 1920-х гг. партийно-советская печать испытывала серьезные кадровые трудности. Решением проблемы нехватки профессиональных журналистов стало привлечение внештатных авторов – рабочих и крестьянских корреспондентов. Перед прессой партийными органами была поставлена задача организации массового движения рабселькоров, выполнять которую начали и крымские издания.

Уже в январе 1921 г. редактор «Красного Крыма» М. Марголин обратился в Крымский обком РКП(б) с предложением открыть краткосрочные курсы подготовки корреспондентов. «Правильную постановку производственной пропаганды в газете, – писал он, – можно облегчить лишь при условии хорошего корреспондирования материала непосредственно предприятиями и самими же рабочими» [13, л. 15]. На заседании, проведенном им совместно с работниками КрымРОСТА, было решено набирать слушателей с помощью «разверстки по ячейкам приблизительно по одному от ячейки и от комсомола» и обращения к желающим из среды беспартийных рабочих. Курс был рассчитан на месяц занятий 3 раза в неделю по 2 часа (дописано от руки: «вечером, так что рабочие не отрываются от производства») [13, л. 15]. Программа должна была состоять из двух частей: теоретической («газета, производственная пропаганда, задачи корреспондента») и практической (сбор информации, редактирование, распределение материала, верстка, выпуск и др.) [13, л. 15]. Лекторами и ассистентами школы были готовы выступить сотрудники «Красного Крыма» и КрымРОСТА. Обращаясь в областком, М. Марголин предлагал утвердить положение о школе, уполномочить кого-нибудь быть ответственным за постановку дела в ней и утвердить настоящий циркуляр к Симферопольскому уездкому для рассылки по ячейкам [13, л. 15].

В результате 9 марта 1921 г. «Красный Крым» опубликовал заметку «Давайте учиться!» [60], в которой сообщил об организации в Симферополе школы журналистов. Начать работу школа должна была на текущей неделе в рабочем показательном клубе. Во все профессиональные союзы редакцией были разосланы «требования о присылке учеников». Приглашались «пролетарии, рабочие, красноармейцы» для того, чтобы по примеру школ журналистики Москвы и Харькова «путем взаимной критики и поддержки» подготовить «начинающих товарищей» к газетной работе.

В июне 1921 г. газета напечатала агитационный врез: «Отмеченный в газете хороший пример вызывает подражание. Выставление на позор виновных искореняет зло. Пишите, рабочие, обо всем в свою газету» [28, с. 4]. В августе того же года газета просила «товарищей из провинции», желающих быть корреспондентами «Красного Крыма», сообщить об этом в редакцию [29, с. 4].

В январе 1923 г. «Красный Крым» жаловался на то, что из-за небольшого тиража (осенью 1922 г. – 2500 экземпляров, в начале 1923 г. – 3000 экземпляров) большая его часть «расходится среди торговцев», а «рабочие, красноармейцы, крестьяне, советские служащие газеты не видят». Редакция считала, что вследствие этого она получает «сравнительно мало писем от рабочих», и «совсем почти нет писем от крестьян и красноармейцев» [38]. Однако уже в апреле 1923 г. в заметке «Собрание рабочих корреспондентов» газета сообщила о том, что при редакции организуется коллектив

корреспондентов. На первом собрании присутствовали 10 человек, которые выразили желание принять участие в рабочей печати и «выказали живой интерес к поставленному вопросу». Участниками было избрано оргбюро из трех рабкоров: Гуляка, Львовского и Хлебникова. М. Хлебников стал председателем бюро, а т. Львовский – секретарем. Куратором организации рабкоров был завотделом «Рабочая жизнь», зав. культотделом Крымпрофсовета т. Пекман [56].

Члены организации проводили работу по вербовке рабкоров и увеличению числа подписчиков «Красного Крыма». 5 мая 1923 г., в День советской печати, они провели

Рис. 1. Первые рабкоры «Красного Крыма» («Красный Крым», 1930, 10 декабря, с. 1)

конференцию подписчиков, после чего, по их собственному признанию, «тираж газеты стал заметно увеличиваться» [48]. На бюро рабкоров поднимались разнообразные вопросы – от творческих до организационных. 6 июня 1923 г., например, на бюро обсуждались: 1) посылка приветственного делового письма редакции газеты «Правда» от имени симферопольских рабкоров, 2) созыв 17 июня 1923 г. конференции рабочих и крестьянских подписчиков и читателей «Красного Крыма» [60].

В июне 1923 г. организация насчитывала 52 человека, избранных от различных производств и учреждений. Из 52 рабкоров 29 человек были рабочими, 21 – служащими, 2 – крестьянами, большая часть рабкоров (42 человека) были беспартийными, членов РКП (б) было 6, членов РКСМ – 4 [43]. На 1 мая 1924 г. у газеты было 44 рабкора, наибольшее количество из них – в Алуште (15), наименьшее – в Джанкое (2) [41].

В редакции еженедельно проводились практические занятия, на которых рабкоров учили писать в газету: присутствующим предлагалась тема, на которую нужно было написать корреспонденцию, затем проводился разбор написанного и избирался автор лучшего материала. Занятиями руководил зав. отделом «Рабочая жизнь» т. Пекман. В них принимали активное участие и военкоры частей, расположенных в Симферополе [48].

Гостями заседаний также становились «избачи» – работники изб-читален. Например, 4 августа 1925 г. «Красный Крым» в заметке «Избачи у рабкоров» рассказал о

совместном заседании собрания своих корреспондентов со слушателями областных курсов для «избачей». «В повестке дня – боевой вопрос о селькорах, – писала газета. – «В этом вопросе близко заинтересован избач. К нему в первую очередь обращаются крестьяне со всевозможными вопросами, касающимися печати. <…> На помощь селькору готова рабкория, прикрепившая своих активных рабкоров к селькорам» [45].

Смычка (*перен. советск.,* т. е. слияние, объединение кого-либо или чего-либо с экономическими или политическими целями) стала знаком времени: рабкоры объединялись не только с «избачами», но и с селькорами, военкорами, юнкорами, читателями, а рабкоровские организации при редакциях газет должны были сотрудничать со стенгазетами предприятий, руководить их работой. «На местах часто недоумевают, – писал «Красный Крым» в 1924 г., – вокруг кого и чего им организовываться. <…> Лучшим объединяющим центром можно рекомендовать стенную газету. Она является первым застрельщиком в рабочей печати и первым опытом для начинающих корреспондентов» [41].

Смычка с рабкорами стенгазет становилась одной из главных тем обсуждения и на бюро рабкоров «Маяка коммуны». Например, на заседании в августе 1924 г. речь шла о стенгазете «Печатник Севастополя». «Там мы почерпнем новые силы, – говорилось в заметке о севастопольской рабкории. – С помощью рабкоров стенных газет мы еще более оживим рабочую страницу «Маяка коммуны» [53]. Местные бюро должны были работать по общим директивам центрального бюро при «Маяке».

На страницах «Красного Крыма» рабкоры рассказывали о стенгазетах своих предприятий. «Редколлегия стенной и живой газеты при симферопольском клубе совторгслужащих работала довольно живо, издававшаяся «Промокашка» отмечала все достижения и недостатки», – писал рабкор Чуб. – Сейчас редколлегия, после летнего перерыва, снова приступит к выпуску стенгазет и живой газеты. Кроме того, решено установить связь с рабкорами “Красного Крыма”» [62].

В ноябре 1925 г. «Красный Крым» написал о проведенной им в стенах редакции на вечере рабкоровской спайки выставке стенных газет. На ней были представлены «Челнок» швейников, «Красный консервщик» фабрики «Возрождение», «Форсунка» хлебозавода, «Папуша» из «Табаксырья». Автор заметки отмечал, что содержание стенгазет складывалось преимущественно из вопросов производственных и бытовых, непосредственно затрагивающих интересы рабочих предприятий, а по исполнению стенгазеты подразделялись на рисованные и отпечатанные на машинке. «В стенгазетах, написанных от руки, – отмечал он далее, – больше плакатности, больше красочности, и совершенно невольно привлекается внимание, что легко можно было заметить по количеству толпившихся у той или иной газеты читателей. Наконец, писаная от руки стенгазета имеет то преимущество, что ее охотно почитают и малограмотные рабочие (она крупно написана), в то время как печатную на машинке газету не станет читать малограмотный, для которого сам по себе технический процесс чтения представляет трудность» [2].

В газете появилась рубрика «Уголок рабселькора», в которой разъяснялись основные задачи, стоящие перед добровольными помощниками редакции на данном этапе социалистического строительства. Например, публиковались заметки «Что писать о самообложении», «Не оставаться в стороне!» (о задачах рабселькоров в распространении займа) и т. п. В рубрике «Почтовый ящик» газета отвечала рабселькорам, подтвердились ли указанные ими факты и являются ли они социально

значимыми, приняты ли по ним меры, сообщалось и о заметках, поданных «на расследование».

Активно работала со своими общественными корреспондентами, которых здесь сначала называли краскорами (красными корреспондентами), и севастопольская газета «Маяк коммуны». В ее рубрике «Рабочая жизнь» появились подрубрики «Уголок рабкора» и «Севастопольская рабкория». «Пишите о своей жизни и работе в газету!» – призывал рабкор морзавода под псевдонимом Кузнец. – «Я – ваш рабкор, стоящий с вами у станка, призываю вас участвовать в пролетарской газете, влиться в рабкорский коллектив на морзаводе» [30]. К рабселькоровскому движению предлагалось примкнуть и юным журналистам – юнкорам. В заметке «Рабочая молодежь должна писать в газету (Почему молчит юнкория)» юнкор П. Родинов высказал разочарование тем, что юные корреспонденты практически не участвуют в движении, и призвал комсомольцев подать пример рабочей молодежи [51].

Помимо выполнения информационно-творческой работы на рабкоров ложились и организационные обязанности – например, участвовать в подписной кампании. «Рабкоры! Бюро краскоров дает вам боевой наказ: выиграть сражение на фронте подписки», – писала газета в объявлениях в мае 1924 г. «Рабочие должны выписывать “Маяк”», – вторил ей рабкор А. Судробин. – «Что делается в нашем городе – нас должно так же интересовать, как и то, что делается у нас дома, а всевозможные приказы местного исполкома, как свод законов, должен быть у каждого на столе» [59]. «Не все выписывают “Маяк”» называлась заметка рабкора Чуткого, в которой он критиковал тех, кто имеет «козочек, коровок и домишки, рассуждая, что, мол, можно взять у того, кто выписывает газету, и почитать» [63].

Издание поддерживало связь с рабкорами не только через переписку, но и лично: в редакции устанавливались ежедневные дежурства рабкоров, на которые последних вызывали через объявления в газете, проводились заседания бюро «краскоров», рабкоровские собрания, выездные заседания и даже экскурсии.

Показательна повестка дня одного из заседаний, опубликованная в газете 5 августа 1924 г. Бюро предложило общему собранию привести «организационное оформление» рабкории в соответствие с принципами, выработанными всероссийским совещанием рабкоров. По мнению членов бюро, это значило проводить работу на добровольных началах и вместе с тем добиться наибольшего охвата пишущих, организовав «рабкорские группы со своими автономными бюро на больших предприятиях» – морзаводе, в военном порту и на железной дороге. Для их организации были выделены «специальные товарищи». В эти группы планировалось вовлекать рабочих, пишущих для стенгазет.

Одной из задач заседания стало оформление при редакции Общества друзей нового быта, а также активное участие рабкоров в общественных организациях: ОДН (обществе «Долой неграмотность»), «Лиге времени» (организации, боровшейся за правильный учет и распределение времени), НОТ (движение за научную организацию труда). Также бюро постановило на деньги, предоставленные редакцией, оборудовать при «Маяке» красный уголок рабкоров и снабдить его специальной литературой [53].

Севастопольской рабкорией при «Маяке» был принят следующий порядок работы: общее собрание проводится раз в две недели по субботам; очередные заседания бюро созываются по субботам за час до общего собрания; помимо общих собраний, еженедельно, начиная с сентября, ведутся занятия с корреспондентским кружком; по

возможности в свободные дни организуются экскурсии, «имеющие своей целью сплочение рабкоровской массы» [53].

В середине 1920-х гг., когда газета стала также органом Ялтинского горкома партии, к своей работе она подключила ялтинских корреспондентов. «Рабкоры Ялты организуются, – сообщало издание. – С «Маяком коммуны» установят тесную связь. Откликнутся на все кампании словом и делом» [24]. Первое заседание ялтинских рабкоров прошло 2 июля 1924 г. На нем присутствовало 18 человек. Перед собравшимися была поставлена задача установить связь с «Маяком коммуны» «для усиленной работы по строительству нового быта и для борьбы с бытом старым во всех его формах и проявлениях» [24]. Формы организации работы ялтинские корреспонденты должны были перенять у своих севастопольских товарищей – «передать повседневную и подготовительную <…> работу гибкому, активному бюро с вынесением результатов этой работы на общее собрание рабкоров» [24]. В ялтинское бюро «Маяка» были избраны тт. Шубин (Массандра), Степанова (служащая столовой «Товарищ»), Горев (погранотдел ГПУ), Шоломов (электростанция) и Шик (милиция) [24]. Вскоре в Ялте, в помещении редакции по ул. Набережной, 109а, с 18 до 20 часов ежедневно заработал «Уголок рабкоров Ялты и района», в котором вели дежурства члены бюро. «Рабкоры, приходите в уголок. Здесь вы получите все нужные вам указания. Новые книги по рабкоровскому движению», – гласили объявления в газете.

Рис. 2. А. Михайлов – председатель Бюро рабкоров газеты «Маяк коммуны» («Маяк коммуны», 1924, 5 августа, с. 3)

Действенность обращений рабкоров демонстрировала рубрика «Нам отвечают», в которой официальные органы комментировали приведенные в заметках факты. Результативность газетной критики не вызывала сомнений у аудитории и была одной из главных причин корреспондентской активности. Например, рабкор КЫ-СЫ-МЫ в заметке «“Маяк” пользуется любовью» отмечал: «Как только “Маяк” появляется в мастерской, живо расхватывают его по рукам. Присматриваются, критикуют:

– Лучшает “Маяк!” Ого! Шесть страниц выпустил. Молодец! Нужно будет катнуть в “Маячок”, что спецодежду не всем выдали. Пусть поторопит!» [32].

В рубрике «Ответы корреспондентам» редакция сообщала о дальнейшей судьбе того или иного обращения их авторам. Например, в одном из номеров диалог с корреспондентами выглядел так: «Рабкору Дьякову. – Заметка о гадалке не пойдет. Рабкору Белинскому. – “Хозяйский расчет” не пойдет. Ваша последующая заметка делает первую ненужной. Т. Варюхину. – Заметку, написанную карандашом, невозможно разобрать. Рабкору Белинскому. – “А кот Васька…” не пойдет. Неинтересно. Воспитанникам общежития памяти Октябрьской революции. – Ваше обращение в

редакцию переслали в исполком» и т.д. [44]. Как нетрудно заметить, по объективным причинам отказы в публикации в разы превышали положительные решения.

Тем не менее, количество рабселькоров неуклонно росло. В газете «Енъи дюнья», например, в 1926 г. на учете стояло 160 селькоров. В январе 1926 г. от них было получено 294 корреспонденции, в феврале – 371, в марте – 501, в апреле – 425. Это явилось косвенным свидетельством растущей популярности издания (по сведениям редакции, за эти месяцы и подписка на газету в деревне выросла на 265 экземпляров (17,7 % тиража предыдущего года)) [14, л. 22]. Из полученных редакцией 1594 корреспонденций, было использовано в газете 1254, отправлено на расследование 38, остались неиспользованными 302. Для переписки с селькорами на четвертой полосе газеты существовала рубрика «Хаберджилеримизле язышув» («Переписка с нашими корреспондентами») [67, с. 152].

В редакцию «Красного Крыма» на 1 октября 1928 г. поступило 16138 корреспонденций, за 1929 г. – 19239 [15, л. 11]. «Маяк коммуны» в 1929 г. поместил 480 рабкоровских заметок, в 1930 г. их количество возросло до 970. Количество писем селькоров в «Маяк коммуны» за март-октябрь 1929 г. составило 318, а только за февраль 1930 г. – 322. В целом, количество поступившей в газету корреспонденции за январь-март 1929 г. было 1470, за аналогичный период 1930 г. – 3156 [34]. В газете «Янъы дюнья» (до 1928 г. – «Енъи дюнья») в 1931–1932 гг. насчитывался 521 рабселькор [4] (по сравнению со 160 в 1926 г.).

Сотрудница редакции тов. Бердичевская разбирает смотровые письма.

Рис. 3. Сотрудница редакции «Красного Крыма» Бердичевская разбирает смотровые письма («Красный Крым», 1929, 21 февраля, с. 2)

При редакции «Маяка коммуны» с 1927 г. начал работу эсперантский рабкоровский кружок [46]. Закончивший его рабкор Харуто (вагоновожатый по профессии), например, стал одним из первых в Севастополе энтузиастов международной связи. В марте 1928 г. было основано «Севастопольское бюро международной связи», лучшее в СССР. Руководительницей Крымского отделения СЭСР (Союза эсперантистов Советских Республик) и заведующей службой эсперкоров (корреспондентов-эсперантистов) стала И. С. Лисичник [11, с. 217]. С конца 1928 г. эсперкоровское бюро международной связи вошло в качестве отдела в редакцию «Маяка коммуны». За первые 8 месяцев работы она наладила переписку с 76 эсперкорами, получила 500 писем и отправила 550 [11, с. 218]. Межрабсвязь (международная рабочая связь) стала популярной на многих крупных предприятиях Севастополя. Всего с 1928 до 1931 г. жителями Севастополя с помощью эсперантистов было отправлено и получено около 4000 коллективных писем [11, с. 219]. Написанные на их основе материалы постоянно публиковались в «Маяке коммуны» и «Красном черноморце», стенгазетах города.

Так, в день советской печати, 5 мая 1930 г., «Маяк коммуны» рассказал о своих зарубежных рабкорах. «Иметь “специальных корреспондентов” из 30 стран – какая газета могла бы позволить себе такую роскошь? Наши корреспонденты из-за рубежа не получают гонорара. Подчас им не на что купить марку для отсылки корреспонденции. Посылая свои письма, они рискуют лишением работы, тюрьмой, ссылкой – и все же они пишут. Из стран белого террора, из кровавой Венгрии, Румынии, Польши идут к нам письма наших рабкоров, нередко пройдя ряд стран, чтобы попасть к нам. Вспомним полученное нами 1 мая приветствие от революционных рабочих Кубы, посланное окружным путем. Вспомним нашего латвийского корреспондента, который, уже попав в тюрьму, оттуда шлет нам в зашифрованном виде привет “семейству сатанскому и вивбатальскому”, что означает в переводе с эсперанто – “привет революционным эсперантистам, да здравствует борьба!”», – писала газета [37].

Обращает на себя внимание то, что многие заметки рабселькоров были подписаны псевдонимами: Жилец, Молчаливый, Очевидец, Посещающий, Стружка, Рабочий, Знающий, Рабкор 252 и т.д. – и криптонимами. В 1928 г. даже появляется рубрика «Правда ли, что» – короткие сообщение рабселькоров о злоупотреблениях, подписанные псевдонимами. Очевидно, массовая анонимность «сигналов» была обусловлена тем, что у многих активистов были причины опасаться расправы, тем более что сами газеты время от времени сообщали о гибели рабселькоров в результате «обострения классовой борьбы». Собрание рабкоров «Маяка коммуны» в 1924 г., например, взволновало известие об убийстве николаевского рабкора Г. Малиновского. Дело Малиновского, полностью сфабрикованное, как стало известно позднее [25, с. 201–225], дало толчок политической кампании по поддержке и защите рабселькоров.

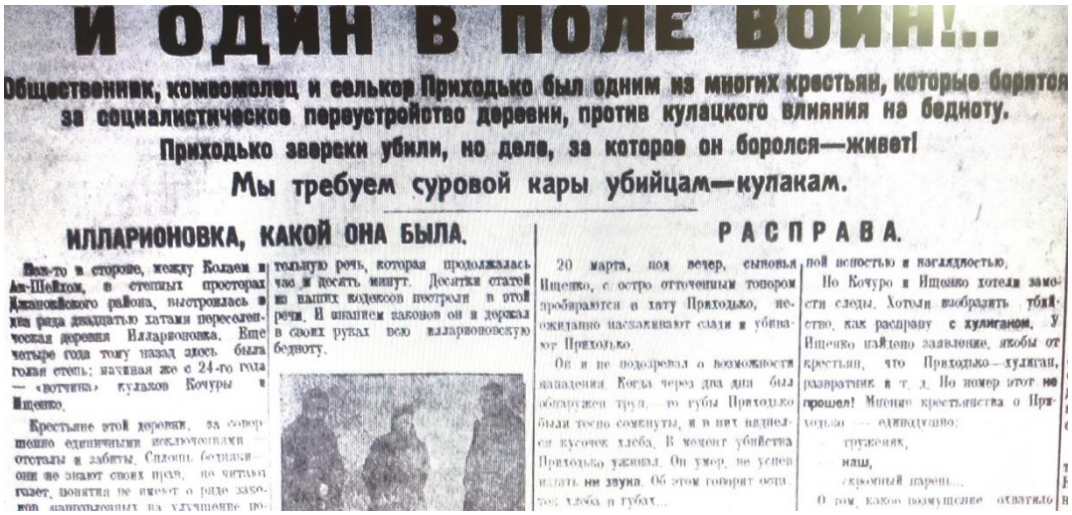
Севастопольские же рабкоры увидели в нем реально существующую проблему: «Рабкоры всегда находятся под опасностью нападения со стороны тех, с кем они ведут борьбу в печати. Новое убийство подтверждает это лишний раз... – Довольно ограничиваться угрозами. Нужны решительные меры», – говорили они на собрании [53].

В результате обсуждения собрание постановило просить газету «Правда» – «организатора рабкории всего Советского Союза» – образовать при газете Всесоюзный фонд помощи рабкорам, пострадавшим от преследований в результате своей деятельности. Рабкоры Севастополя решили в течение 6 месяцев вносить в этот фонд 30 % своего гонорара [22]. В связи с этим в «Маяке коммуны» был организован «Железный фонд рабселькоров» – фонд помощи пострадавшим рабселькорам, деньги в который перечислялись с помощью «вызовов» корреспондентами друг друга: «Никитин вносит 25 коп. и вызывает т. Абрамова. Абрамов вносит 25 коп.» и т. д. Всего, с прежде поступившими средствами, в «железный фонд» газеты на конец марта 1925 г. было собрано 68 руб. 43 коп. [22].

Кампания по защите рабселькоров привела к существенным изменениям в законодательстве. Как указывал в статье «Печать, закон и корреспонденты» (1925) прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР А. Я. Вышинский, с дела Малиновского Верховный суд и Наркомюст начали рассматривать покушения на корреспондентов не по статьям об убийстве, а как контрреволюционное действие. «1 ноября 1924 г. Верховный суд в своем пленуме, обсудив вопрос о квалификации убийств селькоров и рабкоров, постановил разъяснить всем губернским судам, что убийства корреспондентов рабочей и крестьянской печати – рабкоров, селькоров, военкоров и т.д., совершенные в связи с их корреспондентской деятельностью, квалифицируются как террористические акты, направленные против рабоче-

крестьянской власти, и подлежат наказанию по 58 статье, то есть с применением высшей меры наказания», – разъяснял автор [12, с. 59].

Однако, несмотря на усиленные меры по защите рабселькоров, нападения на них не прекращались. Так, 20 марта 1928 г. кулаками в собственном доме был убит селькор газеты «Красный Крым» Федор Приходько из деревни Илларионовка Джанкойского района, опубликовавший разоблачительный материал «Кулацкие проделки». Ему был

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН!..

Общественник, комсомолец и селькор Приходько был одним из многих крестьян, которые борятся за социалистическое переустройство деревни, против кулацкого влияния на бедноту.

Приходько звереки убили, но дело, за которое он боролся—живет!

Мы требуем суровой кары убийцам—кулакам.

ИЛЛАРИОНОВКА, КАКОЙ ОНА БЫЛА.

Где-то в стороне, между Колаем и Ак-Шейхом, в степных просторах Джанкойского района, выстроилась в ка ряда двадцатью хатами переселенческая деревня Илларионовка. Еще четыре года тому назад здесь была голая степь; начиная же с 24-го года — «вотчина» кулаков Кочуры и Ищенко.

Крестьяне этой деревни, за совершенно единичными исключениями отсталы и забиты. Сидят, бедняги — они не знают своих прав, не читают газет, понятия не имеют о ряде законов, направленных на улучшение по-

тельную речь, которая продолжалась час и десять минут. Десятки статей из наших кодексов построили в этой речи. И кнутом наконец он и держал в своих руках всю илларионовскую бедноту.

РАСПРАВА.

20 марта, под вечер, сыновья Ищенко, с остро отточенным топором пробираются в хату Приходько, неожиданно набрасываются сзади и убивают Приходько.

Он и не подозревал о возможности нападения. Когда через два дня был обнаружен труп, то губы Приходько были тесно сомкнуты, и в них нашелся кусочек хлеба. В момент убийства Приходько ужинал. Он умер, не успев издать ни звука. Об этом говорит остаток хлеба в губах...

ной ненавистью и наглядностью.

Но Кочуро и Ищенко хотели замести следы. Хотели изобразить убийство, как расправу с хулиганом. У Ищенко найдено заявление, якобы от крестьян, что Приходько—хулиган, разбойник и т. д. Но номер этот не прошел! Мнение крестьянства о Приходько — единодушно:

— труженик,

— наш,

— скромный парень...

О том, какое возмущение охватило

Рис. 4. Полоса газеты «Красный Крым», посвященная убийству селькора Федора Приходько («Красный Крым», 1928, 1 апреля, с. 3)

всего 21 год. Этой трагедии газета посвятила ряд материалов под общим заголовком «И один в поле воин!..»: подробно рассказала о сути конфликта общественника с его убийцами, описала обстоятельства смерти, опубликовала фото с места преступления. Подробно излагая историю убийства, издание заканчивает ее на оптимистичной ноте: деревня Илларионовка в память об убитом селькоре переименована в Федоровку, убийцы найдены и будут наказаны, сход односельчан постановил в доме Ф. Приходько организовать избу-читальню – «Федоровка будет жить по-новому» (заголовок) [23]. Разбору произошедшего газета посвятила экстренное собрание рабкоров, юнкоров и редколлегии.

Рабселькоровское движение в годы коллективизации и индустриализации

Конец 1920-х гг. в СССР стал временем гигантских изменений. В 1928 г. началась коллективизация, провозглашенная в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б). С мая 1929 г. в стране был запущен процесс наращивания промышленного потенциала, названный индустриализацией. Советская пресса под руководством идеологических отделов партии активно включилась в процесс позитивного освещения начатых преобразований, проводя различные информационные кампании.

Продолжалась подготовка рабселькоров и руководство их работой и выпуском стенных газет. 24 апреля 1930 г. в заметке «Дадим печати пролетарские кадры» «Маяк коммуны» сообщил об открытии заочного института журналистики при ГИЖе (Государственном институте журналистики) в Москве [19].

В номере «Маяка коммуны» от 5 мая 1930 г. целая полоса была посвящена постоянному большевистскому руководству стенгазетами (помимо общих моментов, приводились цифры: только на одном на Севастопольском морском заводе (СМЗ) выпускалось 22 стенных газеты, из них 18 – цеховых, 3 – молодежных, 1 – школы грамоты, самая молодая из них – стенная газета служащих главной конторы СМЗ «Блокнот», была организована в октябре 1929 г.) [21]. «Рабкор – не только корреспондент газеты, – утверждала редакция «Маяка». – Рабкор должен быть первым активистом в общественной работе, лучшим ударником на производстве» [34]. Газетой было создано бюро достижений при редколлегиях стенных газет, положение о работе которого редакция выпустила отдельной брошюрой в 1932 г. [47].

Для идеологического руководства общественниками газета открыла рубрики «В помощь антирелигиознику», «В помощь агитатору и пропагандисту». Контакты рабселькоров с редакцией поддерживались рубриками «Почтовый ящик», «Ответы подписчикам», «Отклики и разъяснения», «Письма в редакцию», «По сигналам опубликованных писем», «По следам наших сигналов».

Редакция женского журнала «Къадынлыкъ социализм ёлында» с первого же его номера, вышедшего в марте 1932 г., начала кампанию по формированию сети селькоров и рабкоров. Текст на форзаце номеров издания гласил: «Любая читающая, пишущая (или, может быть, малограмотная) женщина должна писать в наш журнал. <…> Мы ждем сообщений, статей и других текстов от женщин-работниц МТС, женщин совхозных предприятий, колхозниц, тружениц, учительниц и учениц» [31]. Обратная связь с аудиторией подразумевала и изучение ее реакции на опубликованные материалы. Читательницы должны были не только сообщать новости, но и подсказывать журналистам издания, какие статьи они хотели бы в нем увидеть.

Крымские газеты с гордостью называли имена рабселькоров, ставших профессиональными журналистами, например, Исмаила Ирсмамбетова, сотрудника областных газет «Красный Крым», «Янъы дюнья», «Яш къувет», главного редактора ялтинской газеты «Ударник», выдвинутого на журналистскую работу на всекрымском совещании рабселькоров в 1932 г. [42]

В соответствии с требованиями нового периода 16 апреля 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке рабселькоровского движения». Согласно ему, если раньше в задачи рабкоров входило «разоблачение и вскрытие “мелких” недостатков механизма», то теперь, с одной стороны, – деятельность по «решительному улучшению качества работы всех звеньев государственного, хозяйственного аппарата», а с другой, – освещение «ярких положительных сторон достижений социалистического строительства на всех его участках» [40, с. 285–286]. Как видно уже из этих самых общих формулировок, на рабкоров были возложены не только информационные, но и производственные и общественные функции. Трудно не согласиться с О. Д. Минаевой, указывающей на то, что постановление взвалило на рабселькора не свойственные ему обязанности: «Рабкоры в целом должны отвечать фактически за организацию и эффективную работу всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, включая «своевременный посев, правильную организацию уборки урожая». Получалось, что многочисленные обязанности организаторов и руководителей промышленности, инженеров и технологов, строителей, председателей колхозов, плановиков, бухгалтеров и других специалистов были возложены на рабселькоров» [35, с. 26]. В документе также было отмечено недостаточное внимание партийных и профсоюзных организаций к

рабселькоровскому движению, особенно к «массовой низовой печати». В новых условиях именно заводские многотиражки и стенгазеты, газеты МТС, колхозов и совхозов должны были стать «коллективным рабкором» [40, с. 287].

Несмотря на свою противоречивость, постановление вызвало всплеск активности в крымских редакциях, иногда приводившей к конфликтам. Так, в № 31–32 журнала «Журналист» за 1931 г. был опубликован критический материал «Перестройка или самообман?», автор которого под псевдонимом «Крымский» обвинил газету «Красный Крым» в имитации перестройки, к которой призывал ЦК ВКП(б). Одновременно с этим в Крымский обком компартии обратилась журналист М. Савельева с жалобой на то, что редакция «Красного Крыма» «ни в коей мере не перестраивает своей внутриредакционной работы в соответствии с указаниями ЦК» [15, л. 10]. В жалобе рассказывалось, что «Красный Крым» теряет авторитет на предприятиях: отправленная газетой на завод «Кость» выездная бригада «настолько себя скомпрометировала», что рабочие в стенгазете высмеяли ее. Обращалось внимание на то, что «рабселькоровская сеть почти совершенно развалилась»: «работой рабселькоров никто не руководит», «связь с рабкорами все более и более ухудшается», «резко падает поступление корреспонденций» (9929 поступивших заметок в 1931 г. против 19239 в 1929 г.) [15, л. 10–11]. Автор отмечала то, что рабкоровские заметки слишком долго ждут публикации («маринуются»), из-за чего наиболее активные рабкоры разочаровываются в газете, снижается действенность газетных выступлений, не работают рабкоровские посты, отсутствует руководство стенгазетами на предприятиях [15, л. 11].

При всей вероятной субъективности оценок данный документ фиксирует признаки кризиса рабселькоровского движения, наметившегося в начале 1930-х гг. Возможно, поэтому бюро Крымского обкома, признав в целом работу редакции удовлетворительной, отметило в ней ряд недостатков: «ослабление работы» на предприятиях Симферополя, Феодосии и Евпатории, неукомплектованность аппарата сектора ударных бригад и «непринятие решительных мер» к их укомплектованию, слабое руководство работой бюро расследований, приведшее к ослаблению контроля за действенностью материала, ликвидация отдела «По следам заметок», неудовлетворительный учет поступления и прохождения рабселькоровского материала, в частности отсутствие учета бригадной работы рабкоров, отсутствие штатной рабкоровской сети в сельскохозяйственных районах [15, л. 2]. В постановлении бюро был предложен ряд мер, выполнение которых редакцией помогло бы устранить отмеченные недостатки, в том числе: «4. Поручить тов. Глебовскому (ответственный редактор. – Н. Я.) разработать вопрос об издании «Красным Крымом» рабкоровского бюллетеня для своей сети. <…> 7. Расширить практику прикрепления выдвиженцев к наиболее квалифицированным работникам для повседневной консультации по всем вопросам работы. <…> 10. Подтвердить предыдущее решение бюро о ежедекадном уголке рабселькора в газете. <…> 12. Признать необходимым ежедекадную проверку сектором ударных бригад прохождения и использования рабселькоровского материала в секторах» [15, л. 3–4].

Одновременно с этим сама редакция «Красного Крыма» находила недостатки в освоении новых форм работы у других изданий, например, у севастопольской газеты «Маяк коммуны». Так, 8 сентября 1932 г. в газете «Красный Крым» был помещен обзор публикации «Маяком коммуны» писем рабочих за июнь-август 1932 г. [16, л. 3]. В обзоре указывалось, что: 1) «Маяк коммуны» «не понял и не воспринял новых форм работы с рабочим письмом, 2) «Маяк коммуны» «безобразно слабо ведет борьбу за действенность

рабочих писем» [16, л. 3]. Редакция «Маяка коммуны» данный обзор не перепечатала, хотя по правилам тех лет это полагалось, в связи с чем возник конфликт между ответственным редактором «Красного Крыма» Г. Глебовским и представителем севастопольского горкома ВКП(б) Голузо, вставшим на защиту городской газеты [16, л. 3–4].

В докладной записке в сектор печати культпропа обкома ВКП(б) за 1932 г. (не подписана) сообщалось, что несмотря на установленную ЦК непосредственную ответственность партийных организаций за состояние низовой печати, партийное руководство газетами и рабкоровской работой остается явно неудовлетворительным. Отмечалось отсутствие учета выходящих стенных газет, в том числе в Симферополе, где был «специальный инструктор печати при культпропе горкома партии» [16, л. 5]. Автор документа упоминает такую форму партийного руководства низовой печатью, как включение в общий план партийной работы вопросов о ней и заслушивание докладов редколлегий об их работе, но при этом указывает, что названная форма не введена в практику многих партийных организаций и партийных ячеек [16, л. 5].

Постепенно становился строже и подход к личности рабселькора. Велась борьба за чистоту рабкоровского движения, вводилось требование опираться в рабкоровской среде на членов партии, ударников, общественников. В этом сказались как общие тенденции внутренней политики по партийному и социальному ранжированию граждан, так и потребность в предварительной фильтрации поступающих материалов. В упомянутой выше докладной записке, например, как негативный факт указывалось то, что в Евпаторийском районе выходило 180 стенгазет, но только в 12 из них редакторами были члены партии (при наличии 27 партийных ячеек) [16, л. 5].

Автор докладной записки утверждал, что «вследствие слабого партийного руководства классово чуждым людям удается проникать в рабселькоровские ряды и использовать низовую печать для своих контрреволюционных целей», и приводил конкретные примеры. Одним из них стала история рабкора Рудницкого из деревни Ново-Веселая Биюк-Онларского района. Он прислал за месяц около 10 заметок, а потом оказался на скамье подсудимых «за контрреволюционные действия, направленные на срыв хлебозаготовок» [16, л. 5–6]. Типическим был и случай с рабкором М. М. Никаноровым, который «с каждой почтой присылал одну-две заметки», а затем обратился в редакцию «Красного Крыма» за помощью в восстановлении в колхозе. «Выяснилось, – пишется далее, – что Никаноров исключен из колхоза 7 месяцев тому назад и активно участвовал в селькоровской работе только для того, чтобы использовать авторитет газеты для восстановления в колхозе» [16, л. 6]. Нередкими были и ситуации конфликта интересов, когда критические заметки в газету преследовали личные цели. Например, рабкор Птухин неоднократно рассказывал о безобразиях в колхозе «Рельсы социализма». Однако, как выяснилось при проверке Ленинского КК РКИ и прокуратуры, в данном колхозе произошел конфликт между председателем Феодором Семейко и завхозом Легкоступом, сыном которого был Птухин, «дважды исключенный из колхоза за хулиганство и лодырничество», а также изгнанный из МТС «за дезорганизацию и вредительство» [16, л. 6].

Рабселькоры в массе своей не были людьми высокообразованными и политически грамотными, и в определенный момент партия начала обращать усиленное внимание на «политические ошибки и ляпсусы» на страницах низовой печати. Недовольство

Крымского обкома, например, вызвала многотиражка симферопольской типографии «Наша верстатка», опубликовавшая такой пассаж: «Твердой, сталинской ступнею прошел комсомол на легкий путь 4-го завершающего года пятилетки, став несокрушимой подступью к новостройке второй пятилетки – пятилетки новых героических побед в бесклассовом социалистическом обществе» [16, л. 7].

Иногда за «ошибки» в низовой печати выдавались факты и мнения, не укладывающиеся в генеральную линию партии. Так, докладной записке голодного 1932 г. упоминаются случаи «кулацкого хныканья об “отсутствии хлеба”», «классовой слепоты перед фактами спекуляции и разбазаривания хлеба и расхищения социалистической собственности» [16, л. 8].

О наметившемся кризисе рабселькоровского движения свидетельствует и содержание единственного сохранившегося в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) экземпляра «Бюллетеня рабселькоровских писем газет “Красный Крым” и “Крымский колхозник”» (№ 14 от 25 марта 1932 г.), решение о выпуске которого было принято бюро Крымского обкома 28 октября 1931 г. (см. выше). Бюллетень представлял собой 4-полосное издание формата А 4, напечатанное на газетной бумаге. В его передовице «Действенность рабселькоровских заметок – на высшую ступень» автор, Яков Клебанов, сообщал о проверке бюро жалоб ОКК НК-РКИ (Крымской областной контрольной комиссии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. – *Н. Я.*) действенности рабселькоровских заметок [26]. Проверка показала, что «в большинстве своем на заметки не реагируют», а нередко «хозяйственники даже не читают стенных заводских газет (симферопольский завод “Серп и молот”), сигнализирующих о недостатках на производстве, о плохом хозяйственном руководстве» [26]. Сказанное было проиллюстрировано таким фактом: по Крымсоюзу было «замариновано», как тогда выражались, 70 рабкоровских заметок [26].

Пытаясь побороть кризисные явления, бюллетень ввел рубрику «Бюллетень в действии». Как следует из названия, в ней рассказывалось о реакции властей на опубликованные материалы. Например, говорилось о том, что по заметке в № 12 «Баня нужна не только для директора» были приняты меры прокуратурой, а баня передана в ведение РОКК, которому предложено в семидневный срок обеспечить ее работу [6]. На второй странице рассказывалось о рейде бригад «Красного Крыма» и НК РКИ. Далее шли рабкоровские заметки из разных районов Крыма.

В 1930-е гг. другие крымские газеты также начали выпускать бюллетени рабселькоровских писем. Так, «Керченский рабочий» издавал такой бюллетень в 1932–1935 гг., «Маяк коммуны» и «Колхозный путь» – в 1933–1935 гг. Газета «Красный черноморец» с 1927 по 1932 гг. печатала приложение «Военкор–черноморец»: с 7 сентября 1927 г. по май 1928 г. – на своих страницах, а далее – как самостоятельное издание. В помощь рабселькорам и редакторам стенных газет выходили также бюллетени [7], многочисленные пособия (большая часть из них представляла собой переизданные, а иногда и переведенные на крымскотатарский язык московские издания): «Divar gazetasının çalışuvunu nasıl atlandırmalı: kolhoz ve brigada divar gazetaları red. zaoçniy kursları» («Как улучшить работу стенгазеты: заочные курсы редакторов колхозных и бригадных стенгазет») В. Горелика [69], «Агитаторларгъа файдаланмакъ ичюн материаллар» («Материалы в помощь агитаторам») С. Сейдаметова [54], «Как надо писать заметки» С. Шефтеля [65], «Заочные курсы редакторов колхозных и бригадных

стенных газет» А. Шнейдермана [66], а также мемуары участников движения: «Записки старого рабкора» К. К. Онипко [43] и т.п.

Внимание к рабселькоровскому движению заметно усилилось в 1934 г. В этот период рабкоры и стенгазеты были наделены дополнительной ролью «помощников по чистке партии». Например, доклад председателя Областной комиссии по чистке П. Ф. Сахаровой на общегородском слете рабкоров Симферополя 14 июня 1934 г. так и назывался: «Большевистская печать и ее армия рабселькоров помогут партии очистить и укрепить свои ряды» [4]. «Чистка является высшей формой самокритики. Печать должна поставить так работу, чтобы на этой критике и самокритике воспитать широкие массы», – говорилось в докладе [4].

Авторы критических материалов снова начали подвергаться насилию, а государство в который раз усилило меры по их защите, в том числе с помощью громких разоблачительных публикаций в прессе. Так, 25 ноября 1934 г. было совершено нападение на общественника и корреспондента газеты «Красный Крым» из Ленинского района Мартына Белого, в результате чего он слег и через 15 дней скончался. Первоначально эта смерть от «паралича сердца» не связывалась органами следствия с избиением и профессиональной деятельностью потерпевшего. Однако после журналистского расследования, проведенного корреспондентом «Крестьянской газеты» Окснер, и публикации в газете «Правда» ситуация кардинально изменилась. Вслед за центральными изданиями «Красный Крым» выпустил статью «Озверевший враг и его покровители», в которой утверждалось, что с селькором расправилось «озверевшее кулачье» [64]. Через несколько дней газета опубликовала постановление Крымского обкома «Об убийстве в Ленинском районе классовыми врагами колхозника-общественника тов. Мартына Белого», в котором говорилось о наказании (от выговоров до увольнений) ряда должностных лиц от сотрудников милиции до инструктора райкома и ряда сотрудников «Красного Крыма», не распознавших факта убийства и попыток его сокрытия классовыми врагами [39]. «Редакция газеты “Красный Крым”, – говорилось в постановлении, – допустила грубую политическую ошибку, выступив по вопросу об убийстве тов. Мартына Белого только 4-го февраля, не напечатав полученное ею еще 8 декабря письмо гр-на Боша о кулацкой расправе с селькором Мартыном Белым» [39].

В конце 1930-х гг., когда в результате Большого террора крымская пресса снова начала испытывать кадровый голод, партия вспомнила о рабселькорах как о перспективном кадровом резерве редакций. «Многие секретари парткомов и редактора газет жалуются на отсутствие газетных кадров, это пустой разговор, – говорилось в «Материалах к отчету Крымского обкома партии на XIX областной партийной конференции» (1938 г.). – Они забывают об огромной армии рабселькоров, среди которых имеется немало способных людей, проявивших себя в социалистическом строительстве и во время выборов в Верховный Совет СССР, принимающих активное участие в печати. Этих людей надо смелее выдвигать на газетную работу и создавать им условия для работы» [18, л. 76]. Среди эффективных мероприятий по подготовке газетных работников были названы рабселькоровские семинары при редакциях районных газет, курсы рабселькоров, инструктаж и консультации. Наиболее способных рабселькоров предлагалось привлекать к обработке материалов, составлению планов редакции и т. п. [18, л. 76].

Рис. 5. Участники совещания рабкоров и редколлегий стенгазет в редакции газеты «Стальной путь» (Красный Крым, 1935, 27 декабря, с. 3)

По-прежнему остро стоял и вопрос о действенности статей и заметок, которая, как свидетельствуют материалы обкома, была слабой стороной не только рабселькоровских материалов, но и всей крымской прессы. «Газеты нередко поднимают острые вопросы, – указывал обком, – но мер по их материалам не принимается. Многие РК (районные комитеты ВКП(б). – *Н. Я.*) (Бахчисарай, Куйбышев, Лариндорф, Ак-Шейх) не только редакциям своих газет, но не отвечают и редакциям областных газет, в особенности редакции газеты "Ени-Дунья" («Янъы дюнья». – *Н. Я.*). Многие РИК'и и РайЗО месяцами не отвечают на заметки, присланные им для расследования» [18, л. 77]. По мнению Крымского обкома, бороться за действенность газетам должны были помочь партийные организации. «Надо привлекать к строжайшей ответственности глушителей рабселькоровских заметок», – утверждалось в материалах по состоянию крымской печати в 1938 г. [18, л. 77].

ВЫВОДЫ

В начале 1920-х гг. крымская пресса активно включилась в рабселькоровское движение. При редакциях газет «Красный Крым», «Маяк коммуны», «Енъи дюнья» и др. были созданы соответствующие ячейки, в которых проводились занятия по повышению журналистского мастерства, дежурства, собрания и конференции, предлагалась необходимая литература, создавалась система по приобщению к корреспондентской работе общественников и передовиков производства. Особое внимание уделялось руководству стенными газетами. В крымских изданиях появился ряд специальных рубрик, предназначенных для рабселькоров, росло количество поступающей корреспонденции и опубликованных заметок. Во многом успешно решались задачи по формированию из рабселькоров кадрового резерва ряда изданий, а также инструмента для их диалога с читателями. В то же время уже к середине 1920-х гг. движение столкнулось с рядом проблем, в первую очередь, – обеспечения защиты рабкоров при выполнении ими профессиональной деятельности и низкого уровня их подготовки.

Конец 1920-х – 1930-е гг. стали временем развития массовой низовой печати, которая должна была стать «коллективным корреспондентом». Однако в этот период

коллективизации и индустриализации в рабселькоровском движении начали проявляться признаки кризиса: в условиях усиления административно-командных методов управления снизилась действенность рабселькоровских корреспонденций и уменьшился их приток. Несмотря на это, рабселькоровское творчество не утратило своего общественно-политического значения и продолжало стимулироваться партийными и советскими органами как источник журналистских кадров, инструмент агитации и пропаганды, а также формирования лояльности в широких слоях населения.

Список литературы

1. *Алферов В. Н.* Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР. – Москва: Мысль, 1970. – 304 с.
2. *Б.* О стенных газетах // Красный Крым. – 1925. – 20 ноября. – С. 3.
3. *Бершадская С. В.* Гражданский журнализм сибирской провинции начала 1920-х гг. (на материалах СМИ Центрально-Сибирского региона) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – № 23(2). – С. 306– 313.
4. Большевистская печать и ее армия рабселькоров помогут партии очистить и укрепить свои ряды: доклад председателя Областной комиссии по чистке П. Ф. Сахаровой на общегородском слете рабкоров Симферополя 14 июня 1934 г. // Красный Крым. – 1934. – 18 июня. – С. 2.
5. *Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Крымская республика: год 1921-й : (краткий исторический очерк). – Симферополь: Таврия, 1992. – 126 с.
6. Бюллетень в действии // Бюллетень рабселькоровских писем газет «Красный Крым» и «Крымский колхозник». – 1932. – № 14. – 25 марта. – С. 1.
7. В помощь селькору и низовой сельской печати Крыма: бюллетень Крымского редакционного отделения «Крестьянской газеты». – Симферополь, 1932, № 1 (декабря). – 24 с.
8. *Веселовский А. Г.* Действенность рабселькоровских заметок и «сигналов» в 1920 е гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 7 (111). – С. 65– 71.
9. *Веселовский А. Г.* Первые шаги рабселькоровского движения (по материалам тамбовских газет первых лет советской власти) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – № 3–1(49). – С. 65–68.
10. *Веселовский А. Г.* Методы работы редакций тамбовских газет с авторским активом в 1920-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 3(119). – С. 233–238.
11. *Власов Д. В.* Журналистика российского эсперанто-движения в XX в.: тенденции развития и типологические особенности: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Санкт-Петербург, 2014. – 322 с.
12. *Вышинский А.* Печать, закон и корреспонденты // Журналист. – 2018. – № 1. – С. 56–59.
13. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 49.
14. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 571.
15. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 1127.
16. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д.1189.
17. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп.1. – Д.1369.
18. ГАРК. – Ф. П-1. – Оп.1. – Д.1844.
19. Дадим печати пролетарские кадры (При ГИЖе открывается заочный институт журналистики) // Маяк коммуны. – 1930. – 24 апреля. – С. 4.
20. *Евдокимова Е. В.* Журнал как инструмент массового медиаобразования целевой аудитории и потенциальных авторов в 1920-е гг. (на примере издания «Сибирский рабселькор») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 6. – С. 59–69.
21. *Ж. О.* Проделано много, но хромает руководство (По стенгазетам СМЗ) // Маяк коммуны. – 1930. – 5 мая. – С. 5.
22. Железный фонд рабселькоров // Маяк коммуны. – 1925. – 31 марта. – С. 3.
23. И один в поле воин!.. // Красный Крым. – 1928. – 1 апреля. – С. 3.
24. *И. Л.* Рабкоры Ялты организуются // Маяк коммуны. – 1924. – 9 июля. – С. 4.
25. *Киянская О. И., Фельдман Д. М.* Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы. – Москва: ФОРУМ, 2015. – 448 с.

26. *Клебанов Я.* Действенность рабселькоровских заметок – на высшую ступень // Бюллетень рабселькоровских писем газет «Красный Крым» и «Крымский колхозник». – 1932. – № 14. – 25 марта. – С. 1.
27. *Корконосенко С. Г.* Рабселькоровское движение как проявление демократизма социалистического общества (по материалам газет Ленинградской области. 1971–1975 гг.): Дис. .... канд. ист. наук: 07.00.10. – Москва, 1979. – 223 с.
28. Красный Крым. – 1921. – 16 июня. – С. 4.
29. Красный Крым. – 1921. – 7 августа. – С. 4.
30. *Кузнец.* Пишите о своей жизни в газету! // Маяк коммуны. – 1924. – 15 мая. – С. 3.
31. Къадынлыкъ социализм ёлында. – 1932. – № 1. – Форзац.
32. *КЫ-СЫ-МЫ.* «Маяк» пользуется любовью // Маяк коммуны. – 1924. – 6 июня. – С. 3.
33. *Матханова Е. И.* Рабселькоровское движение в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства СССР (1921–1925 гг.): Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Москва, 1953. – 16 с.
34. Маяк коммуны. – 1930. – 5 мая. – С. 6.
35. *Минаева О. Д.* Движение рабселькорок в 1920-1930-х гг. Опыт журналов «Работница» и «Крестьянка». – Москва: Факультет журналистики МГУ, 2023. – 256 с.
36. *Минаева О. Д.* Рабселькоры и их задачи в 1920-х гг. Опыт журналов «Работница» и «Крестьянка» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2022. – № 2. – С. 21–49.
37. Наши зарубежные рабкоры // Маяк коммуны. – 1930. – 5 мая. – С. 2.
38. Недостатки нашей газеты // Красный Крым. – 1923. – 6 января. – С. 2.
39. Об убийстве в Ленинском районе классовыми врагами колхозника-общественника тов. Мартына Белого: постановление Областного комитета ВКП(б) от 9 февраля 1935 года // Красный Крым. – 1935. – 12 февраля. – С. 2.
40. О перестройке рабселькоровского движения: постановление ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). –Т. 5. 1929–1932. – Москва: Политиздат, 1984. – С. 285–288.
41. О рабкорах на местах // Красный Крым. – 1924. – 6 мая. – С. 6.
42. Они выросли в рядах рабселькоров // Красный Крым. – 1936. – 5 мая. – С. 2.
43. *Онипко К. К.* Записки старого рабкора. – Симферополь: Крымское государственное издательство, 1932. –56 с.
44. Ответы корреспондентам // Маяк коммуны. – 1924. – 1 июня. – № 123. – С. 3.
45. *П.* Избачи у рабкоров // Красный Крым. – 1925. – 4 августа. – С. 3.
46. Первые энтузиасты международной связи // Маяк коммуны. – 1930. – 5 мая. – С. 2.
47. Положение о работе бюро достижений при редколлегиях стенных газет / Ред. газ. «Маяк коммуны». Бюро расследований. – Севастополь: издательство и типография издательства «Маяк коммуны», 1932. – 19 с.
48. Рабкоры Симферополя – рабкорам «Правды» // Красный Крым. – 1923. – 16 июня. – С. 2.
49. Работа с рабселькорами: сборник статей. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 120 с.
50. *Рафаил М. А.* Рабкоры и селькоры. – Москва: Огонек, 1925. – 64 с.
51. *Родинов П.* Рабочая молодежь должна писать в газету (Почему молчит юнкория) // Маяк коммуны. – 1924. – 19 июня. – С. 2.
52. *Розенштейн Л. Ф.* Большевистская печать в борьбе за укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в первый период нэпа (1921–1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1952. – 23 с.
53. Севастопольская рабкория // Маяк коммуны. – 1924. – 5 августа. – С. 3.
54. *Сейдаметов С. Х.* Агитаторларгъа файдаланмакъ ичюнматериаллар [Материалы для использования агитаторами]. – Симферополь: Къырымдевнешр, 1939. – 31 с.
55. *Слезин А. А.* Рабселькоровское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2002. – Т. 8, № 3. – С. 544–548.
56. Собрание рабочих корреспондентов // Красный Крым. – 1923. – 4 апреля. – С. 3.
57. *Старкова Г. И.* Довоенная молодежная пресса Удмуртии в контексте общественного диалога // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2015. – № 5. – С. 66–77.

58. *Старкова Г. И.* Стенные газеты как форма проявления и средство развития социальной активности молодежи Удмуртии в 20-е годы XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, № 5-2. – С. 191–201.
59. *Судробин А.* Рабочие должны выписывать «Маяк» // Маяк коммуны. – 1924. – 15 мая. – С. 3.
60. *Сумароков А.* Давайте учиться! // Красный Крым. – 1921. – 9 марта. – С. 4.
61. *Сумароков А.* У рабочих корреспондентов // Красный Крым. –1923. –10 июня. – С. 2.
62. *Чуб.* Снова за работу // Красный Крым. – 1925. – 7 октября. – С. 3.
63. *Чуткий*. Не все выписывают «Маяк» // Маяк коммуны. – 1924. – 19 июня. – С. 2.
64. *Чучкалов, Михайлов.* Озверевший враг и его покровители // Красный Крым. – 1935. – 4 февраля. – С. 4.
65. *Шефтель С.* Как надо писать заметки. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешр, 1938. – 28 с.
66. *Шнейдерман А.* Заочные курсы редакторов колхозных и бригадных стенных газет. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешр, 1937. – 27 с.
67. *Юксель Г. З.* Развитие информационных жанров в крымскотатарской журналистике 1917–1928 годов (на примере изданий «Голос татар», «Миллет», «Крым», «Енъи дюнья») // Ученые записки КГИПУ. – 2004. – № 5. – С. 149–155.
68. *Якимов О. Д.* Рабселькоровское движение в национальных регионах Восточной Сибири: генезис и трансформация // Вестник Якутского государственного университета. – 2008. – Т. 5, № 4. – С. 27–36.
69. *Gorelik V.* Divar gazetasının çalışuvunu nasıl atlandırmalı: kolhoz ve brigada divar gazetaları red. zaoçniy kursları [Как улучшить работу стенгазеты: для заочных курсов редакторов колхозных и бригадных стенгазет]. – Simferopol: «Yeni dunya» gazetası, 1937. – 37 c.

References

1. Alferov V. N. *Vozniknovenie i razvitie rabsel'korovskogo dvizhenija v SSSR* [The emergence and development of the workers' and village correspondents' movement in the USSR]. Moscow: Mysl' publ., 1970. 304 p.
2. B. *O stennyh gazetah* [About wall newspapers]. *Krasnyj Krym*, 1925, November 20, p. 3.
3. Bershadskaja C. V. *Grazhdanskij zhurnalizm sibirskoj provincii nachala 1920-h gg. (na materialah SMI Central'no-Sibirskogo regiona)* [Civil journalism of the Siberian province in the early 1920s (based on the media of the Central Siberian region)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 23(2), pp. 306–313.
4. Bol'shevistskaja pechat' i ee armija rabsel'korov pomogut partii ochistit' i ukrepit' svoi rjady: doklad predsedatelja Oblastnoj komissii po chistke P. F. Saharovoj na obshhegorodskom slete rabkorov Simferopolja 14 ijunja 1934 g. [The Bolshevik press and its army of worker village correspondents will help the party cleanse and strengthen its ranks: report of the chairman of the Regional Commission for the Purge P. F. Sakharova at the citywide meeting of worker correspondents of Simferopol on June 14, 1934]. *Krasnyj Krym*, 1934, June 18, p. 2.
5. Broshevan V. M., Formanchuk A. A. *Krymskaja respublika: god 1921-j : (kratkij istoricheskij ocherk*) [Crimean Republic: year 1921: (a brief historical essay)]. Simferopol': Tavrija Publ., 1992. 126 p.
6. *Bjulleten' v dejstvii* [he Bulletin in Action]. *Bjulleten' rabsel'korovskih pisem gazet «Krasnyj Krym» i «Krymskij kolhoznik»*, 1932, no. 14, March 25, p. 1.
7. *V pomoshh' sel'koru i nizovoj sel'skoj pechati Kryma: bjulleten' Krymskogo redakcionnogo otdelenija «Krest'janskoj gazety»* [To help the village correspondent and the grassroots rural press of Crimea: bulletin of the Crimean editorial department of the "Krestyanskaya gazeta"]. Simferopol', 1932, no. 1 (dekabrja), 24 p.
8. Veselovskij A. G. *Dejstvennost' rabsel'korovskih zametok i «signalov» v 1920 e gg.* [The Effectiveness of Workers' and Village Correspondents' Notes and "Signals" in the 1920s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 2012, issue 7 (111), pp. 65–71.
9. Veselovskij A. G. *Pervye shagi rabsel'korovskogo dvizhenija (po materialam tambovskih gazet pervyh let sovetskoj vlasti)* [The First Steps of the Workers' and Village Correspondents' Movement (Based on Materials from Tambov Newspapers of the First Years of Soviet Power)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 31(49), pp. 65–68.

10. Veselovskij A. G. *Metody raboty redakcij tambovskih gazet s avtorskim aktivom v 1920-e gg.* [Methods of work of editorial offices of Tambov newspapers with the authors' activists in the 1920s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3(119), pp. 233–238.
11. Vlasov D. V. *Zhurnalistika rossijskogo jesperanto-dvizhenija v XX v.: tendencii razvitija i tipologicheskie osobennosti*: Dis. ... kand. filol. nauk [Journalism of the Russian Esperanto movement in the 20th century: development trends and typological features. Abstract of thesis]: 10.01.10. Sankt-Peterburg, 2014. 322 p.
12. Vyshinskij A. *Pechat', zakon i korrespondenty* [Press, law and correspondents]. *Zhurnalist*, 2018, no. 1, pp. 56–59.
13. GARK. F. P-1. Op. 1. D. 49.
14. GARK. F. P-1. Op. 1. D. 571.
15. GARK. F. P-1. Op. 1. D. 1127.
16. GARK. F. P-1. Op. 1. D.1189.
17. GARK. F. P-1. Op.1. D.1369.
18. GARK. F. P-1. Op.1. D.1844.
19. *Dadim pechati proletarskie kadry (Pri GIZhe otkryvaetsja zaochnyj institut zhurnalistiki)* [Let's Give the Press Proletarian Cadres (A Correspondence Institute of Journalism Opens at the State Institute of Journalism)]. *Majak kommuny*, 1930, April 24, p. 4.
20. Evdokimova E. V. *Zhurnal kak instrument massovogo mediaobrazovanija celevoj auditorii i potencial'nyh avtorov v 1920-e gg. (na primere izdanija «Sibirskij rabsel'kor»)* [Magazine as a Tool for Mass Media Education of the Target Audience and Potential Authors in the 1920s. (based on the publication "Siberian Workers' Correspondent")]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologij*, 2020, vol. 19, no. 6, pp. 59–69.
21. Zh. O. *Prodelano mnogo, no hromaet rukovodstvo (Po stengazetam SMZ)* [Much has been done, but the leadership is limping (Based on the wall newspapers of the SMZ)]. *Majak kommuny*, 1930, May 5, p. 5.
22. *Zheleznyj fond rabsel'korov* [The iron fund of worker- peasant correspondents]. *Majak kommuny*, 1925, March 31, p. 3.
23. *I odin v pole voin!*.. [And one in the field is a warrior!..]. *Krasnyj Krym*, 1928, April 1, p. 3.
24. L. *Rabkory Jalty organizujutsja* [The worker-correspondents of Yalta are organizing]. *Majak kommuny*, 1924, July 9, p. 4.
25. Kijanskaja O. I., Fel'dman D. M. *Ocherki istorii russkoj sovetskoj literatury i zhurnalistiki 1920-h 1930-h godov. Portrety i skandaly* [Essays on the history of Russian Soviet literature and journalism of the 1920s - 1930s. Portraits and scandals]. Moscow: FORUM Publ., 2015. 448 p.
26. Klebanov Ja. *Dejstvennost' rabsel'korovskih zametok na vysshuju stupen'* [Effectiveness of Workers' and Village Correspondents' Notes - to the Highest Level]. *Bjulleten' rabsel'korovskih pisem gazet «Krasnyj Krym» i «Krymskij kolhoznik»*, 1932, no. 14, March 25, p. 1.
27. Korkonosenko S. G. *Rabsel'korovskoe dvizhenie kak projavlenie demokratizma socialisticheskogo obshhestva (po materialam gazet Leningradskoj oblasti. 19711975 gg.): Dis. .... kand. ist. nauk* [Workers' and Village Correspondents' Movement as a Manifestation of Democratism in Socialist Society (Based on Materials from Leningrad Region Newspapers. 1971-1975). Thesis]: 07.00.10. Moscow, 1979. 223 p.
28. Krasny Krym, 1921, June 16, p. 4.
29. Krasny Krym, 1921, August 7, p. 4.
30. Kuznec. *Pishite o svoej zhizni v gazetu!* [Write About Your Life in the Newspaper!]. *Majak kommuny*, 1924, May 15, p. 3.
31. Qadinliq socializm jolinda, 1932, no. 1, flyleaf.
32. KY-SY-MY. *«Majak» pol'zuetsja ljubov'ju* [The Lighthouse" is loved]. *Majak kommuny*, 1924, June 6, p. 3.
33. Mathanova E. I. *Rabsel'korovskoe dvizhenie v period perehoda na mirnuju rabotu po vosstanovleniju narodnogo hozjajstva SSSR (1921–1925 gg.)*: Avtoref. dis. …kand. ist. Nauk [The Workers' and Peasants' Correspondence Movement during the Transition to Peaceful Work to Restore the National Economy of the USSR (1921–1925). Abstract of thesis]. Moscow, 1953. 16 p.
34. *Majak kommuny*, 1930, May 5, p. 6.
35. Minaeva O. D. *Dvizhenie rabsel'korok v 1920–1930-h gg. Opyt zhurnalov «Rabotnica» i «Krest'janka»* [The Worker–Peasant Correspondents' Movement in the 1920s-1930s. The Experience of the Magazines "Rabotnitsa" and "Krestyanka"]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ., 2023. 256 p.

36. Minaeva O. D. *Rabsel'kory i ih zadachi v 1920-h gg. Opyt zhurnalov «Rabotnica» i «Krest'janka»* [Workers–Peasant Correspondents and Their Tasks in the 1920s. The Experience of the Magazines "Rabotnitsa" and "Krestyanka"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika*, 2022, no. 2, pp. 21-49.
37. *Nashi zarubezhnye rabkory* [Our Foreign Workers' Correspondents]. *Majak kommuny*, 1930, May 5, p. 2.
38. *Nedostatki nashej gazety* [Disadvantages of Our Newspaper]. *Krasnyj Krym*, 1923, January 6, p. 2.
39. *Ob ubijstve v Leninskom rajone klassovymi vragami kolhoznika-obshhestvennika tov. Martyna Belogo: postanovlenie Oblastnogo komiteta VKP(b) ot 9 fevralja 1935 goda* [On the murder in the Leninsky district by class enemies of the collective farmer and social activist comrade Martyn Bely: resolution of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of February 9, 1935] // *Krasnyj Krym*, 1935, February 12, p. 2.
40. *O perestrojke rabsel'korovskogo dvizhenija: postanovlenie CK VKP(b) ot 16 aprelja 1931 g.* [On the restructuring of the worker-peasant correspondent movement: resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of April 16, 1931]. *Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s`ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986).* Vol. 5. 1929–1932. Moscow: Politizdat Publ., 1984, pp. 285–288.
41. *O rabkorah na mestah* [On worker correspondents in the field]. *Krasnyj Krym*, 1924, May 6, p. 6.
42. *Oni vyrosli v rjadah rabsel'korov* [They grew up in the ranks of worker-peasant correspondents]. *Krasnyj Krym*, 1936, May 5, p. 2.
43. Onipko K. K. *Zapiski starogo rabkora* [Notes of an old worker correspondent]. Simferopol': Krymskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Pudl., 1932. 56 p.
44. *Otvety korrespondentam* [Answers to correspondents]. *Majak kommuny*, 1924, June 1, no. 123, p. 3.
45. P. *Izbachi u rabkorov* [Workers of public libraries at workers' correspondents]. *Krasnyj Krym*, 1925, August 4, p. 3.
46. *Pervye jentuziasty mezhdunarodnoj svjazi* [The first enthusiasts of international communications]. *Majak kommuny*, 1930, May 5, p. 2.
47. *Polozhenie o rabote bjuro dostizhenij pri redkollegijah stennyh gazet* [Regulations on the work of the achievements bureau under the editorial boards of wall newspapers] / Red. gaz. «Majak kommuny». Bjuro rassledovanij. Sevastopol': Izdatel'stvo i tipografija izdatel'stva «Majak kommuny» publ., 1932. 19 p.
48. *Rabkory Simferopolja rabkoram «Pravdy»* [Rabkors of Simferopol to rabkors of "Pravda"]. *Krasnyj Krym*, 1923, June 16, p. 2.
49. *Rabota s rabsel'korami*: *sbornik statej* [Work with rabsel'skoy correspondents: a collection of articles]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1959. 120 p.
50. Rafail M. A. *Rabkory i sel'kory* [Worker Correspondents and Peasant Correspondents]. Moscow: Ogonek Publ., 1925. 64 p.
51. Rodinov P. *Rabochaja molodezh' dolzhna pisat' v gazetu (Pochemu molchit junkorija)* [Working Youth Should Write to the Newspaper (Why the Youth Newspaper Is Silent)]. *Majak kommuny*, 1924, June 19, p. 2.
52. Rozenshtejn L. F. *Bol'shevistskaja pechat' v bor'be za ukreplenie sojuza rabochego klassa s trudjashhimsja krest'janstvom v pervyj period njepa (1921–1925 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Bolshevik Press in the Struggle to Strengthen the Alliance of the Working Class with the Toiling Peasantry in the First Period of the NEP (1921–1925): Abstract of Thesis]. Leningrad, 1952. 23 p.
53. *Sevastopol'skaja rabkorija* [Sevastopol Worker Correspondence]. *Majak kommuny*, 1924, August 5, p. 3.
54. Sejdametov S. H. Ağitatorlarğa qullanmaq içün materiallar [Materials for use by agitators]. Simferopol': Qırımdevneşr Publ., 1939. 31 p.
55. Slezin A. A. *Rabsel'korovskoe dvizhenie: neizvestnaja gran'* [Workers' Correspondent Movement: An Unknown Facet]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta*, 2002, vol. 8, no. 3, pp. 544–548.
56. *Sobranie rabochih korrespondentov* [Meeting of Workers' Correspondents]. *Krasnyj Krym*, 1923, April 4, p. 3.
57. *Starkova G. I. Dovoennaja molodezhnaja pressa Udmurtii v kontekste obshhestvennogo dialoga* [Pre-war Youth Press of Udmurtia in the Context of Public Dialogue]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika*, 2015, no. 5, pp. 66–77.
58. Starkova G. I. *Stennye gazety kak forma projavlenija i sredstvo razvitija social'noj aktivnosti molodezhi Udmurtii v 20-e gody XX veka* [Wall newspapers as a form of manifestation and means of development of

social activity of Udmurtia youth in the 1920s]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 2009, vol. 151, no. 5–2, pp. 191–201.
59. Sudrobin A. *Rabochie dolzhny vypisyvat' «Majak»* [Workers should subscribe to "Mayak"]. *Majak kommuny*, 1924, May 15, p. 3.
60. Sumarokov A. *Davajte uchit'sja!* [Let's study!]. *Krasnyj Krym*, 1921, March 9, p. 4.
61. Sumarokov A. *U rabochih korrespondentov* [At the workers' correspondents]. *Krasnyj Krym*, 1923, June 10, p. 2.
62. Chub. *Snova za rabotu* [Back to work]. *Krasnyj Krym*, 1925, October 7, p. 3.
63. Chutkij. *Ne vse vypisyvajut «Majak»* [Not everyone subscribes to "Mayak"]. *Majak kommuny*, 1924, June 19, p. 2.
64. Chuchkalov, Mihajlov. *Ozverevshij vrag i ego pokroviteli* [The brutal enemy and his patrons]. *Krasnyj Krym*, 1935, February 4, p. 4.
65. Sheftel' S. *Kak nado pisat' zametki* [How to write notes]. Simferopol': Qırımdevneşr Publ., 1938. 28 p.
66. Shnejderman A. *Zaochnye kursy redaktorov kolhoznyh i brigadnyh stennyh gazet* [Correspondence courses for editors of collective farm and brigade wall newspapers]. Simferopol': Qırımdevneşr Publ., 1937. 27 p.
67. Juksel' G. Z. *Razvitie informacionnyh zhanrov v krymskotatarskoj zhurnalistike 1917–1928 godov (na primere izdanij «Golos tatar», «Millet», «Krym», «Yeni dunya»)* [Development of information genres in Crimean Tatar journalism in 1917-1928 (based on the publications "Voice of the Tatars", "Millet", "Krym", "Yeni Dunya")]. *Uchenye zapiski KGIPU*, 2004, no. 5, pp. 149–155.
68. Jakimov O. D. *Rabsel'korovskoe dvizhenie v nacional'nyh regionah Vostochnoj Sibiri: genezis i transformacija* [he workers' and village correspondents' movement in the national regions of Eastern Siberia: genesis and transformation]. *Vestnik Jakutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, vol. 5, no. 4, pp. 27–36.
69. Gorelik V. *Divar gazetasının çalışuvunu nasıl atlandırmalı: kolhoz ve brigada divar gazetaları red. zaoçniy kursları* [How to improve the work of a wall newspaper: for correspondence courses for editors of collective farm and brigade wall newspapers]. Simferopol: «Yeni dunya» gazetası Publ., 1937. 37 p.

ORGANIZING WORK WITH WORKER–PEASANT CORRESPONDENTS IN THE CRIMEAN PRESS IN THE 1920–1930s

N. V. Yablonovskaya

The article deals with the origin and development of the worker –peasant correspondents' movement in the printed publications of the Crimean ASSR in the 1920s and 1930s. The objects of the study were the Crimean newspapers "Krasny Krym", "Mayak Kommuny", "Yeni Dunia" and other publications, as well as official documents that examined the issues of training worker–peasant correspondents. As a result of the study, the author comes to the conclusion that in the early 1920s the Crimean press actively joined the worker –peasant correspondents' movement. Corresponding cells were created at the editorial offices of the newspapers, where classes were held to improve journalistic skills, duty shifts, meetings and conferences, the necessary literature was offered, and a system was created to involve public figures and leading workers in correspondent work. A number of special sections intended for worker–peasant correspondents appeared in the Crimean publications, the number of incoming correspondence and published notes by worker–peasant correspondents grew. At the same time, by the mid-1920s, the movement had already encountered problems with ensuring the protection of worker correspondents in the performance of their professional activities and the low level of their training. The late 1920s and 1930s became the time of development of the mass grassroots press, which was supposed to become a "collective correspondent". However, during this period, signs of a crisis appeared: the effectiveness of the workers' and village correspondents' reports decreased and their influx decreased. Despite this, the work of the workers' and village correspondents did not completely lose its socio-political significance and continued to be stimulated by party and Soviet bodies as an instrument of agitation and propaganda, as well as the formation of loyalty in broad sections of the population.

Key words: worker correspondent, peasant correspondent, worker–peasant correspondent movement, Crimea, history of Crimean journalism.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 80–88.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-80-88

СНОВА О «ПАРАДОКСЕ ВОГЮЭ»: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Э. М. ДЕ ВОГЮЭ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Корчевская О. В.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
ok_vs@inbox.ru

В статье предлагается новое прочтение книги «Русский роман» (1886) французского писателя Э. М. де Вогюэ. Корректируются оценки Вогюэ современными исследователями В. П. Трыковым, Е. Д. Гальцовой, А. И. Гичкиной, С. Л. Фокиным. Опровергается приписываемое В. П. Трыковым Вогюэ противопоставление рационального и бездуховного Запада мистической и иррациональной России. В действительности в «Русском романе» имеет место противопоставление латинского духа славянско-германскому, отличающихся способами мышления. Уточняется выявленный В. П. Трыковым «парадокс Вогюэ», заключающийся в сознательном отталкивании от «французской парадигмы рациональности» при невольном притяжении к ней. В действительности Вогюэ разграничивал «l'esprit français» и материалистическо-нигилистическую рациональность. Подлинная парадоксальность восприятия Вогюэ обнаруживается в понимании им феномена гениальности, где соединяются классицистическая, романтическая и реалистическая концепции гения. Система ценностей Вогюэ обуславливает восприятие им русской литературы: он невысоко ставит литературу русского классицизма и романтизма из-за их подражательного и вторичного характера; ценя Пушкина за его «классицистический дух» в творчестве, он отказывает поэту в статусе «национального гения».

Ключевые слова: Э. М. де Вогюэ, «Русский роман», классицизм, греко-римская традиция, русская литература, А. С. Пушкин, «парадокс Вогюэ», «l'esprit français».

ВВЕДЕНИЕ

Книга «Le Roman Russe» (Русский роман, 1886) французского дипломата, путешественника, писателя, историка литературы и литературного критика Эжена-Мельхиора де Вогюэ (1848–1910), около семи лет прожившего в России, женатого на русской и изучившего русский язык, знакомого Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, считается открытием русской литературы Западу. Однако эта книга до сих пор полностью не переведена на русский язык, опубликованы в переводе лишь фрагменты: предисловие (2010), главы о Тургеневе, Толстом и Достоевском (1897). При этом изрядную долю исследовательского внимания «Русский роман» получил в 2010-е гг.: ему посвящены многочисленные исследования В. П. Трыкова, монография А. И. Гичкиной «Eugene-Melchior de Vogûé ou comment la Russie pourrait sauver la France» [Эжен-Мельхиор де Вогюэ, или как Россия может спасти Францию»], статьи Е. Д. Гальцовой и Е. Н. Ореховой, глава в монографии С. Л. Фокина.

В этих исследованиях взгляд Вогюэ на Россию и русскую литературу интерпретируется по-разному: уже в названиях работ А. И. Гичкиной проступает идея славянского мессианизма; В. П. Трыков, акцентируя в биографии Вогюэ связь с движением «католического возрождения», пытается вписать французского писателя в славянофильскую парадигму, построенную на противопоставлении рационального и бездуховного Запада иррациональной и мистической России; Е. Д. Гальцова и С. Л. Фокин пробуют взглянуть на «Русский роман» с точки зрения постмодернистской

имагологии. Попутно Е. Д. Гальцова рассуждает о «почвенничестве» Вогюэ, отказывая ему в ревностном католицизме, а С. Л. Фокин называет Вогюэ антимодернистом и делает акцент на проблеме противоречивого отношения французского писателя к феномену «русской души» с ее «скифством». Но доминирующий метод С. Л. Фокина – мифопоэтический: в целом путешествие Вогюэ в Россию исследователь интерпретирует как путешествие в Потусторонний мир.

Несовпадение интерпретаций позиции Вогюэ связано, на наш взгляд, с тем, что в мировоззрении автора «Русского романа» обнаруживаются черты и западника, и славянофила, и почвенника, но при этом ни к одному из этих течений французский писатель не склонялся полностью. Попытка же вписать его в какую-либо из этих парадигм, подтягивание его взглядов под соответствующую исследовательскую риторику, оборачивается интерпретационными неточностями.

Наиболее основательный аналитический разбор «Русского романа» представлен, несомненно, в работах В. П. Трыкова. Заставляет задуматься вывод исследователя о «парадоксе Вогюэ». В. П. Трыков видит парадокс в том, что французский писатель, симпатизируя «мистицизму» и «синтетизму» «славянского духа» и осуждая безоглядный рационализм Запада, «между тем, быть может, **неосознанно** (выделено мной. – *О. К.*) руководствуется в оценке многих его проявлений восходящими к классической рационалистической парадигме категориями вкуса и чувства меры, оставаясь в этом отношении наследником той традиции, которую, казалось бы, он порицал в лице французских просветителей» [3, с. 91]. Однако за замеченным В. П. Трыковым парадоксом притяжения-отталкивания Вогюэ от «рационалистической парадигмы» может стоять дифференцированное понимание писателем рациональности, и соответственно, связанных с приматом рационального начала, но понимающих его по-разному литературных направлений и течений: классицизма, просветительского классицизма, реализма, натурализма.

Полагаем, что по-настоящему разобраться в системе ценностей Вогюэ, с которой он подходил к европейской и русской литературе, позволит, во-первых, анализ ключевой семантической оппозиции «Русского романа» – «l'esprit français» – «l'esprit russe», а также детальное исследование восприятия писателем французского классицизма, которыми вышеперечисленные исследователи пренебрегли.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Множество пассажей в предисловии к «Русскому роману» о классицизме свидетельствуют о том, что для Вогюэ это вершинный период французской литературы из-за связи с античной традицией и латинским духом французов. «Esprit» - одно из ключевые понятий «Русского романа» – имеет множество значений: дух, душа, ум, остроумие, разум, рассудок, сознание, смысл. В «Русском романе» преобладает его употребление в значении «дух» как сущность чего-то: «l’esprit des races» [дух рас], «l’esprit occidental» [западный дух], «l’esprit classique» [классический дух], «l’esprit évangélique» [евангельский дух], «l’esprit de pitié» [дух жалости]. Когда речь идет о сущности нации, понятие «esprit» приближается к «менталитету», «психотипу нации». Для обозначения оригинальных и выдающихся ментальных особенностей нации Вогюэ нередко употребляет понятие «génie»: «génie russe», «génie français». Реже, но отмечается употребление «esprit» в значении «ум»: «bel esprit» [тонкий / острый ум], «inclination d’esprit et de cœur» [наклонность ума и сердца]. За таким «словарем» Вогюэ ясно различимо влияние концепций «духа нации» и «гения нации» Шатобриана, Монтескье,

Гердера, Тэна и др. Один раз у Вогюэ встречается понятие «bon sens normand» [нормандский здравый смысл]. Перегибы рационализма, появившиеся у французских просветителей-энциклопедистов, передаются словом «raison»: «raison émancipée» [эмансипированный разум], «le culte de la raison» [культ разума], «l'orgueil de la raison» [гордыня разума].

Ключевая семантическая оппозиция «Русского романа» «l'esprit français» – «l'esprit russe» представлена и разъясняется автором в предисловии. Вогюэ пишет: «Nous et tous nos frères de race, nous avons hérité de nos maîtres latins le génie de l'absolu; les races du Nord, slaves ou anglo-germaines, ont le génie du relatif; qu'il s'agisse des croyances religieuses, des principes du droit ou des procédés littéraires»[1] [7, с. 523]. В. П. Трыков не раз обращается к этой фразе: то показывает с ее помощью разделение Вогюэ принципов «тэновской теории расы, среды и момента» [5, с. 139]; то доказывает, что русские в отличие от аналитически мыслящих французов наделены способностью к синтезу, – однако адекватности в ее толковании исследователь не достигает.

В действительности мышление через категории абсолютного и относительного вовсе не тождественно мыслительным операциям анализа и синтеза. Речь идет о противопоставлении метода обобщения и абстракции эмпирическому познанию, оппозиции безусловного и условного бытия, абстрактно-общего и единично-конкретного, «вещи в себе» и вещи в сопричастности с бытием других вещей. Определяя сущность латинских народов через «le génie de l'absolu», Вогюэ проводит важную для себя мысль о том, что мышление французов унаследовано ими от античности: философия Декарта и знаменитое картезианское мышление (а оно и подразумевается обычно под «l'esprit français») берут начало в философских трудах Аристотеля и Цицерона. И именно картезианская философия и эстетика, признающая лишь метод обобщения и абстракции и опровергающая чувственное, эмпирическое познание, лежит в основе эстетики классицизма [8, с. 42]. Вогюэ, не упоминая Декарта и картезианство, подчеркивает, что нормативная поэтика классицизма сосредоточена на абсолютном, абстрактно-общем: выделяется одна фигура центрального героя, внутри характера – одна главная страсть, строго ограничивается действие, то, чего нельзя увидеть, заменяется множеством условностей [7, с. 524]. В качестве примеров Вогюэ приводит «Сида» Корнеля, «Федру» Расина и «Заиру» Вольтера – французский классицизм XVII в. прекрасно продолжается в просветительском классицизме XVIII в.

«Le génie de l'absolu» и классическое образование, по Вогюэ, дисциплинировали французский ум и дух, сделали его «net et clair» [четким и ясным]. Безусловными ценностями для писателя являются антично-классицистские «mesure» [мера], «goût» [вкус], «ordre» [порядок]. А вот к французскому остроумию (а это один из вариантов перевода словосочетания «l'esprit français») писатель относится неоднозначно. Вообще во французской культуре закрепилось противопоставление «l'esprit cartésien», «картезианского духа», восходящего к греко-римлянам, и «l'esprit gaulois», «галльского духа», восходящего к древним галлам и заключающегося в смеси сообразительности, остроумия и насмешливости. Но у Вогюэ такого противопоставления нет.

[1] Предлагаем в данном случае свой перевод этой фразы, поскольку в опубликованном переводе С. Ю. Васильевой есть неточности. «Мы и все наши братья по расе унаследовали от наших латинских учителей гений абсолютного <мышления>, народы же Севера, славяне и англо-германцы, обладают гением относительного <мышления>; идет ли речь о религиозных верованиях, о правовых принципах или литературных методах» (перевод мой. – *О. К.*)

«Le génie du relatif» германцев и славян, оставшихся в стороне от античной традиции и не прошедших через дисциплину нормативной поэтики классицизма, концентрировался на «относительном», т.е. на временном, условном, случайном. Поэтому их дух и ум представляется Вогюэ «широким и смутным», видящим «одновременно много вещей» и полагающим, что «изображение мира должно быть столь же сложным и противоречивым, каковым является и сам мир» [7, с. 524]. Драматургии французских классицистов Вогюэ противопоставляет драмы Шекспира «Генрих VI», «Ричард III» и «Валленштейн» Шиллера, видя в них воплощение германского духа. Их герои – «шумная толпа, несущаяся сквозь цепь событий», события в их трагедиях – «кусок жизни, отделенный от целого простейшим способом, без причинения ему какого-либо ущерба» [7, с. 524]. Такая же путаность и хаотичность отличает, по Вогюэ, литературу немецкого романтизма. Торжество же «духа относительности» над «абсолютным» Вогюэ видит в искусстве реализма. «Натуральная» литература подражает не идеальной, гармонизированной природе, как в классицизме, а природе «как она есть», с ее «неосознанностью», «нравственным безразличием, отсутствием выбора» [7, с. 509].

Вогюэ не употребляет слово «l'absolu» в значении абстракции Бога. Но В. П. Трыков приписывает ему это: исследователь вырывает из контекста понятие «le goût de l'absolu» [вкус к абсолютному] и делает его характерной чертой русской души, синонимом мистицизма, якобы утраченного «Западной Европой под воздействием просветительской идеологии с ее культом Разума и самоопределяющейся личности» [3, с. 88]. В действительности Вогюэ не противопоставляет Россию Западной Европе, западный рационализм – русскому мистицизму, как это делали славянофилы. При этом он констатирует религиозное брожение, начавшееся во Франции в последней четверти XVIII в. и продолжившееся в XIX в., и тот факт, что за убылью религиозного чувства во французской литературе последовало уменьшение сострадания к человека.

Проявление этого французский писатель видит в романах Стендаля, отмеченных «abominable sécheresse» [отвратительной сухостью], восходящей к беспринципным нравам политиков эпохи Директории Барраса и Талейрана [7, с. 518]. Неоднозначно оценивается им восходящая к Вольтеру насмешливость Стендаля. Кульминацией реализма «без веры, без чувства, без милосердия» для Вогюэ является роман «Бувар и Пекюше» Флобера [7, с. 521]. Французская литература 1870–1880-х гг. Вызывает у него полное отторжение: для Вогюэ равно неприемлемы и позитивизм, не учитывающий недоступность научному анализу главенства души, которую вдохнул в человека Бог, и «чистое искусство», с декларируемым им целенаправленным отрывом красоты от морали, а также тотальным пессимизмом и нигилизмом.

Антитезой французской литературы 1870–1880-х гг. для Вогюэ является русская и английская литература, представители которой, при нередкой оторванности от «христианской догмы» и официальной церкви, сохранили утраченную французами «религиозную монаду», «религиозное качество сердца» [7, 527]. Следовательно, мистицизм у Вогюэ (при предельной размытости этого понятия в работе автора [3, с. 87]) не только русская черта, как считают В. П. Трыков и А. И. Гичкина.

Примечательно, что И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой стоят для Вогюэ в одном ряду с английской писательницей Джордж Элиот, он даже намекает, что может предпочесть последнюю автору «Войны и мира» и «Анны Карениной» [7, с. 529]. Романы Тургенева, Толстого и Элиот обладают общими достоинствами и недостатками. Они испытывают терпение французского читателя, привыкшего к выработанным классицизмом четкому и ясному слогу и композиции, своим многословием, «отсутствием композиции и явного

действия». Требуется постоянное напряжение «внимания и памяти», чтобы следить за образами, «точными в деталях», но в целом «смутными, с размытыми контурами» [7, с. 528]. Но зато они привлекают своей «бесхитростной простотой и тонкостью психологического анализа», за которым стоит «полное понимание внутреннего мира человека», «совершенная естественность», «достоверность чувств и языка» всех героев, от блестящего бомонда до скромного простонародья [7, с. 529].

Парадоксально смешивая англичан и славян, Вогюэ делает важную оговорку: последним не хватает мужественного, волевого характера первых. Результатом является чрезмерная податливость русских чужому влиянию, без различения полезного и вредного: «Они не обладают интеллектуальной твердостью и мужественностью англосаксов, этой твердокаменной нации, неизменно уверенной в самой себе, которая умеет владеть собой, как она владеет Океаном. Непостоянная душа русских плывет по воле волн сквозь все философские течения и все заблуждения, останавливаясь то на нигилизме, то на пессимизме» [7, с. 527].

Итак, система ценностей Вогюэ восходит к эстетике классицизма, основанной на антично-картезианском мышлении и сосредоточенной на идеально-гармонизированной природе. За эстетикой классицизма стоял не столько «культ разума», сколько дисциплина ума, характера и творчества, проявляющаяся в четком, ясном слоге и композиции. Эстетика классицизма, по Вогюэ, – лучшее и главное воплощение французского духа. Латинско-классицистическому духу Вогюэ противопоставлял дух германско-славянский, не склонный к ограничению ума, характера и творчества, но сохранивший религиозное чувство, религиозное беспокойство в форме христианского чувства сострадания и/или мистицизма. Этому духу органична эстетика романтизма и реализма.

С этих позиций Вогюэ рассматривает русскую литературу от ее истоков до 1880-х гг. Примечательно, что русскую литературу XVIII в. Вогюэ ценит невысоко, считая ее подражанием низкопробным французским образцам («Littérature artificielle, qui se traîne sur des idées banales et fanées, à l'heure où le monde est en travail d'idées nouvelles. De leur communication intime avec les écrivains français du dix-huitième siècle, les disciples russes ont retenu surtout les petits vers, la tragédie, la défroque mythologique et les grâces flétries. Ils nous prennent la perruque et presque rien du cerveau. On dirait que ces amis de Voltaire, de Montesquieu et de Diderot n'ont lu que Chompré, Crébillon ou Chaulieu»[1] [11, p. 25]. Это говорит о том, что, наряду с поэтикой классицизма, Вогюэ ценил вкус и «оригинальность» в творчестве. Понятие «оригинальности», введенное в литературную критику как атрибут гениальности в эпоху предромантизма, довольно часто встречается в «Русском романе» Вогюэ.

Русский романтизм также невысоко оценивается Вогюэ, поскольку писатель не считает его «manifestation la plus originale de l'esprit russe» [самым оригинальным воплощением русского духа]. По Вогюэ, романтизм пресёк влияние французской литературы и французского ума на русских и переориентировал их на искусство немцев и англичан. Самым ярким примером подражательности немецкому романтизму для Вогюэ является Жуковский. Дух Байрона в России был воплощен Лермонтовым.

[1] Искусственная литература, которая волочится за банальными и избитыми идеями, в то время как мир вырабатывает новые идеи. Из своего близкого общения с французскими писателями XVIII века их русские ученики взяли только короткие стихи, трагизм, мифологический аллегоризм и увядающее изящество. Беря себе наш парик, они не касаются мозга. Похоже, что эти друзья Вольтера, Монтескье и Дидро читали только Шомпре, Кребийона или Шольё (перевод мой. – *О. К.*)

Пушкина же Вогюэ изображает не столько романтиком или реалистом, сколько классицистом, что совершенно ускользает от внимания В. П. Трыкова. В своей статье, посвященной восприятию Вогюэ Пушкина, ученый приходит к выводу о «трех отрицаниях»: Вогюэ отказывает Пушкину в принадлежности к реализму, не считает его национальным поэтом и проходит мимо знаменитой формулы Белинского о «лелеющей душу гуманности» как свойстве, определившем «общий колорит» пушкинской поэзии [5, с. 136]. Отказ Вогюэ отнести Пушкина к реалистам В. П. Трыков не комментирует, однако на следующих элементах своей «отрицательной формулы» останавливается подробно. По мнению исследователя, автор «Русского романа» выводит Пушкина из «парадигмы русской иррациональности и мистицизма» в силу того, что поэт является почитателем «французской литературы ненавистного Вогюэ XVIII века», в частности Вольтера [5, с. 139].

В действительности Вогюэ считает Пушкина уникальным явлением в русской литературе из-за его «équilibre parfait» [совершенной уравновешенности] в творчестве (Пушкина-человека, по его мнению, отличали при этом «африканские» необузданность и страстность). И связывает он это равновесие в какой-то мере с классическим образованием поэта. Явно не случайно Вогюэ сообщает, что Лицей создавался Александром I «по образцу наполеоновских лицеев», а среди учителей был француз – господин де Будри, родной брат Ж.-П. Марата, одного из вождей якобинцев.

Вогюэ убежден, что в творчестве Пушкин был классицистом: «Près de ce cœur de fou résidait l'esprit littéraire le plus sage, clair et mesuré, classique dans la meilleure acception du terme»[1] [11, p. 41]. Доказывает свою точку зрения Вогюэ тем, что Пушкин в своих литературно-критических суждениях в письмах выступает за классицистов Расина и Буало. Да и влияние Вольтера на Пушкина, о котором пишет Вогюэ, было не только развращающим, но и благотворным – у него он научился владению мыслью и слогом.

«Отпечаток Вольтера» Вогюэ находит «Повестях Белкина», «Капитанской дочке», «Пиковой даме» и особенно в «Истории Пугачева»: «l'ordonnance du plan, le choix des détails, la phrase claire et courte, un peu sèche, tout cela semble pensé en français, et ce style n'a pas d'analogue dans la prose russe»[2] [11, p. 47]. Такая же характеристика укрепилась за стилем Юлия Цезаря в «Записках о Галльской войне»: лаконичная, суховатая «аттическая проза», точная, сжатая и энергичная манера.

Вогюэ резюмирует, что Пушкин представляет собой явление уникальное и единственное в русской литературе: «il a toutes les qualités littéraires qu'on ne reverra plus chez les écrivains de son pays; il est aussi concis qu'ils sont diffus, aussi limpide qu'ils sont troubles; son style châtié, alerte, est élégant et pur de son comme un bronze grec; en un mot, il a le goût, un terme qui après lui n'aura plus guère d'emploi dans les lettres russes»[3] [11, p. 49].

---

[1] Рядом с этим безумным сердцем обитал самый мудрый, самый ясный и самый уравновешенный литературный ум, классический в лучшем смысле этого слова (перевод мой. – *О. К.*)

[2] …продуманность плана, выбор деталей, ясные и краткие, чуть суховатые, фразы – все это как будто продумано по-французски, и этот стиль не имеет аналогов в русской прозе (перевод мой. – *О. К.*)

[3] …его литературные качества уникальны для писателей его страны; он столь же лаконичен, сколь они многословны, столь же прозрачен, сколь они туманны; его отточенный, энергичный стиль элегантен и чист по звучанию, как греческая бронза; словом, у него есть вкус, понятие, которое после него вряд ли будет иметь дальнейшее употребление в русской литературе (перевод мой. – *О. К.*)

В этой фразе обращает на себя внимание сравнение звучания пушкинского слога с «греческой бронзой». Это не единственная отсылка к античности в характеристике Пушкина в «Русском романе». Широкую известность получила также фраза Вогюэ: «Ce Slave a sur toutes choses les idées claires d'un Athénien» [1] [11, p. 48]. Но как ее интерпретировать? В. П. Трыков видит тут указание на языческое и артистическое мышление Пушкина [5, с. 137]. В действительности речь идет о ясном и четком мировоззрении. Вогюэ явно намекает на восходящую к Тертуллиану метафорическую оппозицию «Афин и Иерусалима», как предельных и принципиально разнящихся основаниях европейской философии и культуры, где Афины являются выражением «начала, стремящегося к исчерпывающему рациональному объяснению сущего», а Иерусалим «символизирует безусловную и не опирающуюся на рациональные доводы веру, источником которой является божественное откровение» [10, с. 128].

Вогюэ подчеркивает античные корни пушкинского «langue de diamant» [алмазного языка], повторяя вслед за П. Мериме, что «le latin pourrait seul rendre autant de pensées en aussi peu de mots, avec le même éclat, les mêmes tours[2]» [11, p. 45]. Французский же язык, по Вогюэ, обладает недостаточной лаконичностью для перевода Пушкина. Поистине оригинальное объяснение принципиальной непереводимости Пушкина на другие языки!

Высоко ценя в Пушкине «классицистический дух», Вогюэ отказывает ему в подлинной «оригинальности» гения и в выражении русского национального духа и характера в творчестве, поскольку не находит у него глубокого религиозного чувства и чувства сострадания. Это свидетельствует о противоречивости понимания им феномена гениальности: с одной стороны, писатель придерживается классицистической идеи о том, что гений есть мера и универсальность, с другой, оценивает личности писателей с преромантической точки зрения «оригинальности», а также концепции гения как выразителя и носителя национального духа и характера. И эти концепции у Вогюэ парадоксально пересекаются: Пушкин, обладая чувством меры и универсальностью, не воплощает русский дух и поэтому не является национальным гением, а Достоевский, несомненный оригинальный носитель и выразитель русского духа, не обладает чувством меры и универсальностью [11, p. 267].

ВЫВОДЫ

В «Русском романе» Вогюэ нет приписываемого В. П. Трыковым противопоставления рационального и бездуховного Запада мистической и иррациональной России. Вместо этого имеет место противопоставление латинского духа славянско-германскому. Отличаются они не склонностью к анализу и синтезу, и не материализмом и мистицизмом, как утверждает В. П. Трыков, а мышлением через категорию абсолютного (методу обобщения и абстракции) латинских народов и мышлением через категорию относительного (эмпирическому познанию частного и единичного) германцев и славян. Указанный дух мышления, по Вогюэ, обуславливает характер нации и творческий дух: латинские нации отличаются дисциплиной и упорядоченностью, в то время как германцам и славянам присущи безграничность и безмерность в жизни и творчестве. Проявляется этот дух и в эстетических направлениях: французам органичен классицизм, являющийся наивысшим воплощением их духа, германцы и славяне же выразили себя в романтизме и реализме.

[1] У этого славянина ясные представления обо всем афинянина (перевод мой. – *О. К.*)

[2] …только латынь могла бы передать столько мыслей в столь немногих словах, с тем же блеском, с теми же оборотами речи (перевод мой. – *О. К.*)

Сформулированный В. П. Трыковым «парадокс Вогюэ» нуждается в серьезном уточнении, как и «французская парадигма рациональности». У Вогюэ нет осознанного отталкивания при невольном притяжении к «французской парадигме рациональности», как утверждает В. П. Трыков. Классицистскому чувству меры он был предан абсолютно и осознанно, а вот сухую рассудочность, материалистическую и нигилистическую рациональность порицал.

При этом концепция Вогюэ и правда не лишена противоречивости и непроясненности важных моментов. Прежде всего, это касается понимания Вогюэ феномена гениальности, где парадоксально соединяются классицистическая, романтическая и реалистическая концепции. Противоречие можно усмотреть и в том, что англичане у Вогюэ при хаотичности в творчестве обладают мужественным и волевым характером. Религиозное чувство и гуманность, которые Вогюэ приписывает как национальную черту англичанам и русским можно объяснить историко-политическим контекстом: в отличие от Франции, которую начиная с 1789 г. и на протяжении всей первой половины XIX в. сотрясали революции, Англия и Россия в XVIII–XIX вв. сохраняли относительную стабильность и отличались консерватизмом.

Взгляд на Вогюэ в контексте спора славянофилов и западников показывает, что этого французского писателя нельзя отнести ни к одной из сторон. У него нет идей Святой Руси и славянского мессианизма, отторжения от западной цивилизации, отличавших славянофилов. Равно как нет западнического призыва идти за Западом. Нет католического прозелитизма. И точно нет русофобских тирад о рабском духе и восточном деспотизме. Позиция французского писателя находится в стороне от крайностей западничества и славянофильства, русофобии и русофилии. Но ее сущность, равно как и генезис, эволюция, а также влияние идей Вогюэ на последующую традицию (в частности, на восприятие проблемы «Запад-Россия-Восток» в литературе Серебряного века и русской эмиграции первой волны) еще ждут своего исследователя.

Список литературы

1. *Гальцова Е. Д.* Между «русской модой», культурными стереотипами и «реализмом-любовью»: И.С. Тургенев в книге Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 6. – С. 190–202.
2. *Орехова Е. Н.* «Русский роман» Вогюэ как открытие русской литературы во Франции // Вестник Костромского государственного университета. – 2011. – № 5-6. – С. 158– 161.
3. *Трыков В. П.* Константы «русскости» и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманит. и соц. науки. – 2018. – № 4. – С. 83–93.
4. *Трыков В. П.* Концепция реализма Эжена Мельхиора де Вогюэ в контексте споров о реализме в современном литературоведении // Знание, понимание, умение. – 2015. – № 4. – С. 233–246.
5. *Трыков В. П.* Пушкин в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2011. – №3 (32). – С. 135–140.
6. *Вогюэ Э.-М. де.* Современные русские писатели. Толстой – Тургенев – Достоевский / Изд-е В. Н. Маракуева. – М.: Типография О.В. Рихтер, 1887. – Ч. 3: Достоевский. – 74 с.
7. *Вогюэ Э.-М. де.* Русский роман. Предисловие // К истории идей на Западе: «Русская идея». – СПб, 2010. – С. 499–534.
8. *Писарчик Л. Ю.* Р. Декарт и классицизм // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 1. – С. 41-57.
9. *Фокин С. Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. – СПб: РХГА, 2013. – 396 с.
10. *Шейнов Т.Г.* «Афины и Иерусалим» Лео Штрауса и Льва Шестова // Вопросы философии. – 2024. – № 4. – С. 126–136.
11. *Vogüé E. M. de.* Le roman russe. – Paris : Librairie Plon, 1886. – 351 с. – Режим доступа Available from https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k131798g.texteImage. – (Дата обращения 15.01.2025).

References

1. Gal'cova E. D. *Mezhdu «russkoj modoj», kul'turnymi stereotipami i «realizmom-lyubov'yu»: I.S. Turgenev v knige E.-M. de Vogyue «Russkij roman»* [Between «Russian fashion», Cultural Stereotypes and «Realism-Love»: I.S. Tourgenev in «Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 9. Filologiya*, 2018, no 6, pp. 190–202.
2. Orekhova E. N. *«Russkij roman» Vogyue kak otkrytie russkoj literatury vo Francii* [«Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé as a Presentation of Russian literature to France]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no 5-6, pp. 158–161.
3. Trykov V. P. *Konstanty «russkosti» i evolyuciya russkogo kul'turnogo soznaniya v knige Ezhena-Mel'hiora de Vogyue «Russkij roman»* [Constants of «Russianness» and Evolution of the Russian Cultural Consciousness in «Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2018, no 4, pp. 83–93.
4. Trykov V. P. *Koncepciya realizma Ezhena Mel'hiora de Vogyue v kontekste sporov o realizme v sovremennom literaturovedenii* [E.M. de Vogüé and his Concept of Realism in the Context of Debates on Realism in Contemporary Literary Scholarship]. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015, no 4, pp. 233–246.
5. Trykov V. P. *Pushkin v knige Ezhena-Mel'hiora de Vogyue «Russkij roman»* [Pouchkine in «Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, 2011, no 3 (32), pp. 135–140.
6. Vogyue E.-M. de. *Sovremennye russkie pisateli. Tolstoj – Turgenev – Dostoevskij* [E.M. de Vogüé. Contemporary Russian Writers. Tolstoy - Turgenev - Dostoevsky]. Moscow, V.N. Marakuev Publ., 1887, Part 3: Dostoevskij, 74 p.
7. Vogyue E.-M. de. *Russkij roman. Predislovie* [«*Le Roman Russe» by E.M. de Vogüé. Preface*]. *K istorii idej na Zapade: «Russkaya ideya»*, Saint-Petersburg, 2010, pp. 499–534.
8. Pisarchik L. Yu. R. *Dekart i klassicizm* [Decartes and Classicism]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no 1, pp. 41–57.
9. Fokin S. L. F*igury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka* [Figures of Dostoevsky in French Literature of the 20th century]. Saint-Petresburg, RHGA Publ., 2013, 396 p.
10. Shejnov T.G. *«Afiny i Ierusalim» Leo Shtrausa i L'va Shestova* [«Athenes and Jerusalem» of Leo Strauss and Lev Shestov]. *Voprosy filosofii*, 2024, no 4, pp. 126–136.
11. Vogüé E. M. de. *Le roman russe*. Paris, Librairie Plon, 1886/ 351 p. Available from https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k131798g.texteImage. (accessed 15 January 2025).

"VOGÜÉ'S PARADOX" REVISED: THE PROBLEM OF E. M. DE VOGÜÉ'S CONCEPT OF RUSSIAN LITERATURE IN CONTEMPORARY LITERARY STUDIES

Korchevskaya O. V.

The article offers a new reading of the book "Le Roman Russe" (1886) by the French writer E. M. de Vogüé. It refutes V. P. Trykov's idea of Vogüé's opposing the rational, materialistic West to mystical, irrational Russia and discovers and examines an opposition of the French (Latin) spirit to the Norhern spirit of the Germans and the Slavs, differing in their thinking modes. "Vogüé's Paradox", revealed and formulated by V. P. Trykov, is revised. There is no conscious repulsion from the French paradigm of rationality combined with an involuntary attraction to it in «Le Roman Russe». It is proved that Vogüé positevely regarded "l'esprit français" (clarity and precision of thinking, sense of taste and measure, limitation of the investigation field), while disapproving of materialistic and nihilistic rationality. The true paradox of Vogüé's perception is found in his understanding of the phenomenon of genius, which combines the classicist, romantic and realist conceptions of genius. Vogüé's values determine his perception of the Russian literature: he doesn't think much of the Russian Classicism and Romanticism due to their secondary and imitating nature, he praises Pouchkine for his classical Latin mind in his creative work while refusing him the national genius status.

Key words: E. M. de Vogüé, «Le Roman Russe», classicism, Greco-Roman tradition, Russian literature, A. Pouchkine, «l'esprit français».

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 89–101.

УДК 82-312.4:323.28
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-89-101

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА» В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ: К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЖАНРОВОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ

Норец М. В., Солодилова В. В.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федеоация
mnorets@yandex.ru, solodilova.vv@mail.ru

Статья посвящена исследованию трансформации ключевых образов политического насилия – «революционера» и «террориста» – в массовой литературе. В последние десятилетия наблюдается заметный рост интереса к темам терроризма и революции, что обуславливает необходимость переосмысления традиционных нарративов шпионского жанра. При анализе ключевых понятий исследования – революционера и террориста – прослеживается диахроническая эволюция этих архетипов: от романтизированных героев приключенческой прозы XIX в. («Алый Первоцвет» Э. Орци) до сложных антигероев современных шпионских романов с террористической тематикой («Террорист» Дж. Апдайка). В статье проанализирована возможность использования приключенческих шпионских романов с элементами террора в качестве основы для формирования современного жанра *террористического шпионского романа.* Приключенческие романы о революционных деятелях («Овод» Э. Войнич, «Скарамуш» Р. Сабатини) стали связующим звеном между шпионским романом и новым субжанром *террористического шпионского романа,* где террорист занимает центральное место в сюжете. В ходе исследования авторы сопоставляют цели и мотивы жертвенности революционера и фанатизма террориста, применяют историко-идеологический подход к смене идеологических парадигм, что дает основание разделить устоявшиеся в массовой литературе модели «революционер» и «террорист» на два полюса – этический (борьба за идеал) и прагматический (насилие как инструмент).

Ключевые слова: массовая литература, образ героя, революция, революционер, терроризм, террорист, шпионский роман.

ВВЕДЕНИЕ

Шпионский роман, будучи жанром, активно реагирующим на изменения в политической и социальной сферах, служит зеркалом для отражения актуальных проблем общества [18, 19]. В условиях глобализации и увеличения числа конфликтов на международной арене, шпионские романы становятся не только развлекательными произведениями массовой литературы, но и важными культурными артефактами, способными формировать общественное мнение о терроризме и его мотивах.

Термин «терроризм» в современном дискурсе представляет собой многозначное и контекстуально-зависимое понятие, которое активно используется как в научной, так и в массовой литературе. Для более глубокого понимания феномена терроризма следует сфокусировать внимание на социальных, политических, культурных и исторических аспектах термина «терроризм», а также на его интерпретации в контексте шпионских романов. Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью понимания того, как массовая литература отражает и формирует общественное сознание относительно терроризма, а также его влияния на восприятие международной политики.

Современная массовая литература, включая шпионские романы, служит важным индикатором общественных настроений и представлений о терроризме. Шпионские романы часто используют терроризм как центральный элемент сюжета, что позволяет авторам исследовать сложные моральные и этические дилеммы. Таким образом,

терроризм в массовой литературе становится не только сюжетным ходом, но и средством для анализа социальных, политических и культурных изменений в социуме. В данном контексте особое внимание заслуживает фигура героя, который может быть представлен как революционером, так и террористом. Несмотря на схожесть их целей – свержение существующего порядка и изменение социальной реальности – эти два типа персонажей различаются как по своим методам, так и по моральной оценке со стороны общества. Массовая литература играет значительную роль в формировании общественного мнения о данных фигурах, что подчеркивается в работах современных авторов шпионских романов. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию не только литературных традиций, но и социальных процессов, происходящих в современном мире.

Вопрос о соотношении революционной деятельности и терроризма представляет собой актуальную проблему не только в области политики, истории и социологии, но и в области литературоведения. Политика революционного террора всегда интересовала ученых через призму исторического опыта, – к примеру, в сравнении исторического опыта Великой Октябрьской и французской революций [10].

На сегодняшний день, в условиях политической нестабильности и в процессе глобализации, термины «революция» и «терроризм» становятся все более взаимосвязанными. Цель данной статьи заключается в исследовании вопроса: является ли революционная деятельность проявлением терроризма в современном понимании этих понятий, с особым акцентом на их интерпретацию в массовой литературе. Также в статье будут проанализированы такие классические произведения как «Алый Первоцвет» баронессы Эммы Орци и «Овод» Этель Войнич, с целью выявления их роли в формировании зарождающегося субжанра *террористического шпионского романа.* В рамках исследования будет рассмотрен контекст, в котором данные произведения были созданы, а также их тематические и жанровые особенности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Существует множество точек зрения на связь между революцией и терроризмом. Революционные действия могут включать террористические элементы, однако не всякая революция является террористической. Стоит отметить важность контекста: революция может быть направлена на свержение угнетающего режима, тогда как терроризм зачастую воспринимается как средство насилия ради достижения узких политических целей. В контексте массовой литературы этот вопрос также становится предметом обсуждения. В шпионских романах и других произведениях массовой культуры часто наблюдается смешение этих понятий.

Важным аспектом нашего исследования является разграничение понятий «революционный террор» и «терроризм».

Польский ученый Бернгард А. в своей работе «Стратегия терроризма» трактует понятия «террор» и «терроризм» следующим образом: «*Террор* является насилием и устрашением, используемыми объективно более слабыми в отношении более сильных. *Терроризм* – это деятельность, насильственные акты, совершаемые против отдельных граждан или объектов» [6].

Революционный террор часто рассматривается как средство борьбы за социальные изменения и политические преобразования, в то время как терроризм может быть

направлен на создание страха и дестабилизацию общества без четкой политической программы. Это различие имеет ключевое значение для понимания мотивации героев произведений массовой литературы.

В романе «1984» Джорджа Оруэлла революционные действия сопротивления представляются как форма борьбы против тоталитарного режима, в то время как методы подавления этого сопротивления могут быть охарактеризованы как террористические [20]. Современная массовая литература активно использует образы революции и терроризма для создания напряженных сюжетов. В этом контексте стоит обратить внимание на работы таких авторов, как Сьюзен Коллинз и ее трилогию «Голодные игры», где революция против угнетения представлена сквозь призму насилия и террора [14]. Это произведение демонстрирует, как революционные действия могут восприниматься обществом как форма террора, особенно когда они сопровождаются жертвами среди мирного населения.

Для понимания различий между революционером и террористом в контексте шпионского романа необходимо обратиться к *социокультурным* и *политическим* аспектам термина «терроризм». Как отмечает М. М. Бахтин [4], литература часто отражает сложные моральные дилеммы, с которыми сталкиваются герои. Из этого логично понимать, что герои литературных произведений могут быть оценены через их действия и мотивы. Герои шпионских романов – это сложные персонажи, чьи действия и мотивы позволяют читателю глубже понять природу конфликта. В контексте террористического шпионского романа герой становится связующим звеном между двумя мирами: миром революционеров, стремящихся к изменениям, и миром террористов, использующих насилие как инструмент манипуляции. Анализируя действия и внутренние конфликты этих персонажей, читатель может получить представление о том, какие факторы определяют их выбор.

Терроризм не относится к повсеместным явлениям. Использование этой тактики предполагает набор социокультурных и политических характеристик общества. Если эти характеристики отсутствуют, тактика терроризма реализована быть не может. Массовая литература, как один из основных каналов формирования общественного сознания, играет важную роль в формировании представлений о терроризме [11]. В произведениях, охватывающих эту тему, часто прослеживаются *социокультурные факторы*, способствующие возникновению террористических группировок. Например, авторы литературы могут акцентировать внимание на социальном неравенстве, культурной маргинализации и политической репрессии, которые служат катализаторами радикализации отдельных индивидов или групп [5]. Следует также отметить, что массовая литература не только отражает существующие стереотипы о террористах, но и формирует их, – литература имеет способность как усиливать, так и подрывать необъективность, создавая образы террористов как «других». Таким образом, массовая литература может способствовать созданию мифов о террористах, что приводит к упрощению сложных социальных процессов. *Политические аспекты* терроризма также занимают важное место в массовой литературе. Многие произведения рассматривают терроризм как следствие политических конфликтов и идеологических противоречий [5]. В британском законе о терроризме 2006 г. (Антитеррористический акт Великобритании 2006 г.) термин «терроризм» получил следующее определение: *терроризм* – это действие или угроза, призванная влиять на правительство или запугать общественность. Его цель – продвигать политическую, религиозную или идеологическую причину.

Под этим углом зрения литература становится площадкой для обсуждения вопросов власти, легитимности и сопротивления. Авторы используют нарративные стратегии для критики существующего политического порядка и выявления механизмов манипуляции общественным мнением. Массовая литература может выполнять функцию политической активности, предоставляя читателям возможность осмыслить сложные политические реалии. Это подчеркивает важность литературы как инструмента для анализа и критики политических систем, что позволяет читателям более глубоко понять причины и последствия террористических актов.

Еще одним важным этапом нашего исследования является сравнительный анализ образов террориста и революционера в контексте шпионских романов. Революционер часто изображается как идеалист, движимый высокими целями, тогда как террорист зачастую представляется как безжалостный манипулятор. Однако эти образы могут пересекаться, что подчеркивает сложность человеческой природы и многообразие мотиваций.

Сравнительный анализ
«революционера» и «террориста» в массовой литературе

Согласно концепциям постмодернистской теории, герой шпионского романа часто представлен как амбивалентная фигура, обладающая сложной моральной природой. В этом контексте главные герои могут быть интерпретированы как отражение двойственности человеческой природы, где террористические действия могут восприниматься как форма сопротивления угнетению. Таким образом, термин «революционер» и «террорист» становятся взаимозаменяемыми в зависимости от точки зрения и контекста. Вопрос о различии между революционером и террористом является актуальным для изучения массовой литературы, так как эти два типа персонажей часто пересекаются в контексте политических конфликтов. *Цели, методы* и *идеологии,* движущие каждым из них, а также их *психотипы* и *социальный статус* представляют собой важные аспекты, требующие внимательного анализа. Наше исследование также направлено на сравнительное исследование этих двух фигур в массовой литературе, опираясь на примеры из классических произведений, таких как «Алый Первоцвет» баронессы Эммы Орци [21] и «Овод» Этель Войнич [8].

Революционеры, как правило, стремятся к радикальным изменениям в обществе через массовое движение и организованное сопротивление. Их *цели* часто связаны с идеалами свободы, равенства и справедливости. В революционно-романтическом романе «Овод» Этель Войнич главный герой Артур является примером революционера, который борется за освобождение своего народа от угнетения [8]. Его действия направлены на создание нового социального порядка, в котором будут соблюдаться права всех граждан.

Революционер в шпионском романе часто изображается как идеалист, стремящийся к созданию нового общества. Его действия мотивированы высокими целями, такими как свобода, равенство и справедливость. С другой стороны, террористы используют насилие как средство для достижения своих *целей*. Их действия зачастую направлены на запугивание населения или дестабилизацию существующего порядка. По мнению американского криптографа, писателя и специалиста по компьютерной безопасности Брюса Шнайера, целью терроризма является всеобщий страх, иногда для достижения политический целей, иногда из лютой ненависти. Писатель считает, что убийство людей

в террористических актах не является целью террористов – это сопутствующий ущерб. Их целью также не является взрыв воздушных или наземных транспортных средств – это всего лишь методы достижения цели. Настоящей мишенью террористов являются все остальные, миллиарды людей, не убитых в террористических актах, но находящихся в ужасе из-за этих убийств. Настоящая цель – не сам акт, а реакция социума на него. И социум делает в точности то, что хотят террористы [13].

В романе «Алый Первоцвет» Эммы Орци террористическая деятельность представлена через призму личных интересов и мести, что подчеркивает разницу в *мотивации* между революционерами и террористами [21]. Таким образом, можно утверждать, что террористы действуют в рамках узких, эгоистичных целей, тогда как революционеры стремятся к более широким социальным изменениям.

Идеология революционера обычно основывается на философских учениях о справедливости и равенстве. Например, марксистская идеология служит основой для многих революционных движений, где акцент делается на классовую борьбу и необходимость свержения угнетателей [16]. В то время как террористы могут использовать идеологию как оправдание для насилия, зачастую искажая ее с целью достижения своих целей. В этом контексте важно отметить, что идеология террористов может быть более фанатичной и ограниченной по сравнению с революционерами.

С ростом исламистского экстремизма и глобального терроризма изображение террористов в массовой художественной литературе изменилось: их стали изображать как религиозных экстремистов, движимых извращенной интерпретацией своей веры. Этот сдвиг можно увидеть в современной популярной литературе и средствах массовой информации, где террористов часто представляют фанатиками, готовыми совершать аморальные действия во имя своих убеждений. Возникновение таких группировок, как Аль-Каида и ИГИЛ (запрещенные в России террористические организации), еще больше укрепило этот образ исламистского террориста в художественной литературе. Одной из ключевых причин такого изменения в изображении является растущая распространенность реальных террористических атак, совершаемых исламистскими экстремистами. Эти нападения оказали глубокое влияние на общество и сформировали стереотип восприятия террористов в массовой литературе. Страх и неуверенность, окружающие эти нападения, привели к демонизации исламистских террористов, – в произведениях авторов современных шпионских романов изображаются величайшими злодеями, которых необходимо победить любой ценой. Стоит отметить, что корректность такого стереотипа сомнительна, так как «демонизация террористической угрозы, искусственное придание ей особой важности направляют общество по ложному пути» [Цит по: 12, с. 104].

Психотипы революционеров и террористов также имеют значительные различия. Революционер часто изображается как человек с высоким уровнем эмпатии, стремящийся к улучшению жизни других. Террористы же часто изображаются как более изолированные личности, движимые ненавистью или жаждой мести. Их действия могут быть обусловлены травматическим опытом или чувством безнадежности, а также мотивированы глубокими внутренними конфликтами и травмами.

Социальный статус также играет важную роль в формировании этих персонажей. Революционеры могут происходить из разных слоев общества – от интеллигенции до рабочих масс. В отличие от них, террористы зачастую представляют собой маргинализированные группы или индивидов, которые чувствуют себя отчужденными от общества.

Терроризм в массовой литературе: анализ классических произведений «Алый первоцвет» и «Овод» как основы для зарождающегося жанра террористического шпионского романа

В литературоведении жанр шпионского романа традиционно ассоциируется с элементами приключения, интриги и политической конспирологии. Однако с возникновением новых угроз, таких как терроризм, этот жанр подвергся значительным трансформациям. Современные авторы начали интегрировать в свои произведения элементы социальной критики и анализа политических реалий, что привело нас к небезосновательному предположению о формировании нового субжанра шпионского романа – *террористического шпионского романа.*

В литературоведении термин «терроризм» часто используется для обозначения насильственных действий, направленных на запугивание населения или изменение политической структуры. В контексте массовой литературы терроризм может быть представлен как средство достижения политических целей, что делает его важным элементом сюжета и характеров. Массовая литература отражает общественные страхи и надежды, формируя восприятие терроризма в сознании читателей.

Роман «Алый Первоцвет» [21], написанный баронессой Эммой Орци в 1905 г., является ярким примером приключенческого произведения, в котором элементы терроризма и шпионажа переплетаются. Действие романа разворачивается во время Французской революции, когда британский аристократ, сэр Перси Блейкни, действующий как роялист, становится частью подпольной борьбы против революционного режима. В этом отношении можно утверждать, что Орци создала образ шпиона, который использует методы обмана и манипуляции для достижения своих целей. Персонажи Орци воплощают идеализируемые черты аристократического героя, который противостоит террорам и насилию революционного времени. Таким образом, роман можно рассматривать как предшественника современного террористического шпионского романа, где личные мотивы и политические цели переплетаются.

В отличие от «Алого Первоцвета», роман «Овод» [8], написанный Этель Войнич в 1897 г., фокусируется на деятельности революционной организации в Италии первой половины XIX в. Главный герой, Артур Бертон, вовлечен в подпольную борьбу против австрийского правления. В этом произведении терроризм представлен как форма сопротивления угнетению, где насилие становится средством борьбы за свободу. Революционно-романтический роман «Овод» демонстрирует сложные моральные дилеммы, с которыми сталкиваются персонажи, что подчеркивает многогранность понятия терроризма в контексте борьбы за идеалы. Таким образом, роман Войнич также может быть интерпретирован как предшественник террористического шпионского романа, где личные и политические интересы героев становятся движущей силой сюжета. Оба произведения представляют собой важные вехи в развитии жанра шпионского романа, который впоследствии будет активно использовать элементы террористической деятельности. Справедливо отметить, что жанр шпионского романа эволюционировал от простых приключенческих сюжетов к более сложным нарративам, включающим элементы психологической драмы и социальной критики.

Следует отметить, что в обоих произведениях наблюдается использование стереотипов о террористах и шпионах, что формирует определенные ожидания у

читателя. Эти стереотипы становятся основой для дальнейшего развития жанра, который впоследствии будет включать более сложные и многогранные образы.

По нашему мнению, произведения «Алый Первоцвет» и «Овод» действительно могут считаться основой для зарождающегося субжанра *террористического шпионского романа*. Они представляют собой важные примеры того, как литература может отражать социальные и политические реалии своего времени, формируя восприятие терроризма и шпионажа в сознании читателей. Исследование этих контекстов открывает новые горизонты для дальнейшего анализа взаимодействия литературы и социальных явлений.

Статус «революционера» и «террориста» в шпионском романе

Шпионский роман как жанр представляет собой уникальную площадку для исследования динамики персонажей, в частности, революционеров и террористов. В контексте данного жанра возникает вопрос о том, повышается ли статус этих персонажей на протяжении произведения, если в их образах преобладают признаки эпосного героя. Эпосный герой традиционно характеризуется такими признаками, как высокие моральные качества, выдающиеся способности и стремление к достижению значимых целей. В соответствии с определениями, предложенными М. М. Бахтиным, эпосный герой воплощает коллективные идеалы и ценности своего времени. «Эпический человек лишен всякой идеологической инициативы (лишены ее и герои, и автор) [4]. В шпионском романе подобный герой может быть представлен как революционер или террорист, чьи действия становятся отражением более широких социальных и политических конфликтов.

Революционеры в шпионских романах часто изображаются как борцы за справедливость, чьи действия направлены на свержение угнетающего режима. Примером может служить роман «Тень ветра» испанского писателя Карлоса Руиса Сафона, где главный герой становится символом сопротивления [23]. На протяжении произведения его статус повышается благодаря его моральным выборам и готовности жертвовать собой ради блага общества. Это соответствует концепции эпосного героя, который действует в интересах коллектива.

Важно отметить, что статус революционера может трансформироваться от простого борца до символа надежды и перемен. Такая трансформация происходит через осознание героем своей роли в историческом процессе и принятие на себя ответственности за последствия своих действий. Это позволяет читателю воспринимать его как эпосного героя, чьи действия имеют глубокие исторические корни. В отличие от революционеров, террористы в шпионских романах часто изображаются с более сложной моральной структурой. Например, в романе Джона Апдайка «Террорист» (2006) [2] главный герой становится жертвой обстоятельств, что позволяет читателю увидеть его не только как злодея, но и как человека, движимого идеалами. Такой подход может привести к повышению статуса террориста, особенно если его действия обоснованы личными трагедиями или социальными несправедливостями.

Впервые на страницах художественного произведения террориста-романтика, который разуверился в верности своих действий и суждений, представил русский писатель и драматург Леонид Андреев. Его повесть «Тьма» (1907) описывает путь исключительной личности, романтизированного террориста по имени Алексей, сосредоточенной на трансформациях жизни – максимальном улучшении окружающего мира. Прототипом главного героя выступил член партии эсеров, инженер, политический деятель и бизнесмен Петр Рутенберг, фигурировавший в качестве главного

подозреваемого в деле об организации так и нераскрытого политического убийства (1906) политика, руководителя Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга, бывшего священника Георгия Гапона [1].

Понятия «революционер» и «террорист» могут пересекаться в контексте шпионского романа, когда оба типа персонажей начинают восприниматься как герои своих историй. Это происходит благодаря созданию многослойных образов, которые позволяют читателю сопереживать их внутренним конфликтам и мотивациям. На протяжении повествования в шпионском романе статус как революционера, так и террориста может повышаться за счет их трансформации в «эпосных героев». Однако пути этой трансформации различаются. Революционер чаще всего начинает с позиций жертвы угнетения и постепенно становится символом борьбы за свободу. В то время как террорист может начать с позиций насилия и агрессии, но в процессе повествования его образ может обретать человеческие черты благодаря раскрытию его внутреннего мира. Таким образом, можно утверждать, что шпионский роман предоставляет возможность для переосмысления традиционных представлений о героях. Этот жанр позволяет авторам размывать границы между добром и злом, что способствует повышению статуса персонажей на основе их действий и моральных выборов.

Морально-нравственная сторона революционной деятельности в художественной литературе

В контексте изучения литературы, отражающей социальные и политические изменения начала XX в., морально-нравственная сторона революционной деятельности является одной из наиболее дискуссионных тем. В целом, литература этого периода представляет собой уникальное явление, в значительной степени обусловленное историческими событиями, такими как революции и войны. Эти события не только политизировали литературное творчество авторов, но и способствовали формированию новой личности, отражая изменения в сознании и восприятии мира. В условиях политической нестабильности и борьбы против репрессивных режимов, авторы массовой литературы формируют образы революционеров, которые, несмотря на свои благие намерения, часто прибегают к насилию и террористическим методам.

Одной из ключевых тем, пронизывающих произведения этого периода, является моральная дилемма, с которой сталкиваются молодые люди, вдохновленные идеями революции. Многие из них, будучи очарованными революционным духом, начинают оправдывать насильственные методы борьбы. Литература становится катализатором этих процессов, формируя у молодежи представление о том, что ради достижения высоких целей допустимы любые средства. Это явление можно проследить в произведениях таких авторов, как Максим Горький [9] и Антон Чехов [25], где персонажи часто находятся в состоянии внутреннего конфликта между своими моральными устоями и революционными идеалами.

Революции и войны XX в., включая Первую и Вторую мировые войны, Гражданскую войну в России, а также различные национально-освободительные движения, создали условия для переосмысления человеческой идентичности. В рамках идеологических конфликтов литература стала важным инструментом для осмысления новых реалий. Как отмечает М. М. Бахтин, литература всегда является отражением социокультурного контекста [3], что подтверждает значимость исторического фона для анализа литературных произведений.

Одним из ключевых событий в истории Европы, оказавшим значительное влияние не только на политическую, но и на культурную жизнь континента, является Великая Французская революция (1789–1799). Этот исторический процесс стал источником вдохновения для множества писателей, которые, в свою очередь, отразили в своих произведениях как идеалы революции, так и ее противоречия. Великая Французская революция стала катализатором изменений в общественном сознании и выступила важным фактором формирования новых идеалов свободы, равенства и братства. Революционные идеи проникали в литературу, вызывая бурное обсуждение и переосмысление существующих норм. В этом контексте следует выделить таких авторов, как Виктор Гюго, Шарль Бодлер и Альбер Камю, чьи произведения стали отражением революционных настроений и стремлений.

В числе наиболее значительных произведений, является «Нанон» [22] Жорж Санд, в котором автор исследует последствия революции для трех сословий дореволюционной Франции. Эти произведения демонстрируют сложность и многогранность образа революционера, который в них представлен как фигура, способная к самопожертвованию ради общего блага. Следует отметить, что последствия революционных действий не всегда соответствовали первоначальным намерениям. В художественной литературе можно увидеть, как идеалы свободы и справедливости оборачиваются жестокостью и террором. Литературные персонажи, стремящиеся изменить мир к лучшему, зачастую становятся жертвами своей же борьбы. Это подчеркивает сложность и многогранность моральных аспектов революционного движения. Революция, как показывает исторический опыт, может привести не только к освобождению от гнета, но и к созданию новых форм угнетения. В этом смысле вопрос справедливости предположения – от революционера до террориста всего лишь один шаг – остается открытым.

В своей речи на VII-ом Всероссийском съезде Советов революционер и бывший Председатель Совета народных комиссаров СССР Владимир Ленин подчеркивает эту условность границ: «Нас всегда обвиняли в терроризме. Это ходячее обвинение, которое не сходит со страниц печати. Это обвинение в том, что мы ввели терроризм в принцип. Мы отвечаем на это: “Вы сами не верите в такую клевету … Нам террор был навязан… В нашем идеале нет места насилию над людьми…”» [5].

В фокусе нашего исследовательского внимания также находится угол, под которым рассматриваются действия революционеров. И действительно, тема классового подхода к оценке действий революционного движения в целом на сегодняшний день является предметом оживленных дискуссий. О принципе классового подхода излагает на страницах газеты КПРФ «Родина» ее главный редактор Н. Ф. Бондаренко: «С точки зрения буржуазии, Ленин – преступник страшнее Пугачева. Другой оценки от буржуазии мы не дождемся. Даже будучи мертвым для нее нет страшнее врага, чем Ильич, ибо он угрожает ее существованию и сегодня. А с точки зрения трудящихся Ленин – освободитель от гнета, борец за их интересы. Более того: он – не метеор, вспыхнувший и исчезнувший в пространстве, а путеводная звезда, которая навсегда зажглась на небосклоне человечества» [7].

На страницах художественных произведений революционеры зачастую изображаются как герои, готовые пожертвовать всем ради блага народа. Этот образ формировался в условиях борьбы против колониальных держав и репрессивных режимов, что способствовало возникновению симпатий к ним со стороны широких масс. Молодые люди, проникнутые революционными и национально-освободительными идеям,

стремились оправдать неприглядную сторону революционного движения. В. Г. Чертков, редактор и издатель произведений Л. Н. Толстого, отмечает: «И вот эти то люди, большею частью из самых добрых и отзывчивых, увлеченные благородными целями и личными достоинствами революционеров, начинают одобрять также и безнравственные приемы революционной борьбы и признавать, вместе с революционерами, что цель оправдывает средства» [24]. Фактически амбивалентность действий инспирированных революционными настроениями людей говорит о том, что с одной стороны, революционер – это борец за свободу, а с другой – потенциальный преступник.

ВЫВОДЫ

Современный литературный ландшафт представляет собой многослойную структуру, в которой жанры взаимопроникают и эволюционируют в ответ на социальные и политические изменения, образуя новые формы. С нашей точки зрения, одной из таких форм может выступать субжанр шпионского романа – *террористический шпионский роман.* Как мы предполагаем в нашем исследовании, *террористический шпионский роман* является развитием приключенческих шпионских романов, в которых активно используется тематика терроризма и политического революционного террора. В нашей работе была предпринята попытка проанализировать эту взаимосвязь, и также выяснить, каким образом персонажи – шпионы и террористы – становятся ключевыми фигурами, позволяющими различать революционное движение и терроризм.

Террористический шпионский роман представляет собой субжанр, в котором переплетаются элементы приключения, социальной критики и политической аналитики. Понимание различий между революционным движением и терроризмом возможно только через призму героев произведений массовой литературы. Анализируя их действия и мотивы, читатели могут получить более глубокое понимание актуальных социальных и политических вопросов. Это подчеркивает значимость литературного анализа как инструмента для осмысления современного мира. Анализ социокультурных и политических аспектов термина «терроризм» в шпионских романах позволяет сделать вывод о том, что массовая литература не только отражает актуальные проблемы современности, но и формирует представления о них в сознании читателей. В условиях глобализации и увеличения числа конфликтов, связанных с терроризмом, важно продолжать исследование данного феномена в литературе для более глубокого понимания его влияния на общество.

Различия между революционером и террористом в массовой литературе являются многогранными. Цели и методы их действий, идеологические установки, психотипы и социальный статус формируют уникальные образы каждого из них. В то время как революционеры стремятся к улучшению общества через массовое движение, террористы используют насилие для достижения узких целей. Таким образом, исследование этих двух фигур позволяет глубже понять не только литературные нарративы, но и социальные реалии, с которыми они связаны.

Статус революционера и террориста в шпионских романах может значительно повышаться на протяжении произведения при наличии признаков эпосного героя. Этот процесс происходит через трансформацию персонажей и их моральные выборы, что позволяет читателю воспринимать их как более сложные и многослойные фигуры. Таким

образом, шпионский роман становится платформой для детального анализа социальных и политических конфликтов, а также для переосмысления традиционных представлений о героях.

В ходе нашего исследования мы также пришли к выводу, что такие художественные произведения, как приключенческий роман «Алый Первоцвет» Эммы Орци и революционно-романтический роман «Овод» Этель Войнич действительно могут считаться основой для зарождающегося субжанра *террористического шпионского романа.* Они представляют собой важные примеры того, как литература может отражать социальные и политические реалии своего времени, формируя восприятие терроризма и шпионажа в сознании читателей. Исследование этих текстов открывает новые горизонты для дальнейшего изучения взаимодействия литературы и социальных явлений.

Исследование морально-нравственной стороны деятельности революционеров в художественной литературе позволяет лучше ориентироваться в социальных процессах. Образ революционера как героя и антигероя отражает противоречивую природу человеческой борьбы за справедливость. Литература становится не только зеркалом общества, но и мощным инструментом формирования общественного сознания, вдохновляя молодое поколение на активные действия. Однако благие намерения могут быть искажены в процессе реализации, что подчеркивает необходимость критического осмысления исторических событий и их художественного отражения. Революционная деятельность может рассматриваться как проявление терроризма в современном понимании этих понятий, особенно в контексте массовой литературы. Массовая литература играет значительную роль в формировании общественного мнения о революции и терроризме, создавая сложные нарративы, которые отражают страхи и надежды общества. Дифференциация понятий «революционер» и «террорист» заключается в их целях, методах и моральных основаниях действий. Революционеры стремятся к социальным изменениям в ответ на притеснение, тогда как террористы используют насилие как средство достижения своих целей, нередко пренебрегая моральными нормами. В нашем исследовании мы изучили динамику, связанную с этими понятиями, способствующую более осознанному восприятию исторических и современных конфликтов. В конечном итоге, вопрос о том, где проходит граница между революцией и терроризмом, остается открытым для дальнейшего изучения.

В заключение следует отметить, что шпионский роман с элементами террора представляет собой сложный и многогранный жанр, в котором главные герои могут быть одновременно террористами и революционерами. Это открывает новые горизонты для исследования и формирования современного субжанра *террористического шпионского романа*. Учитывая текущие мировые тенденции и вызовы, такие произведения могут стать важным инструментом для анализа социальных и политических процессов, а также способствовать более объективному пониманию природы человеческой морали в условиях конфликта.

Список литературы

1. *Андреев Л. Н.* Избранное. – М.: Профиздат, 2010. – 368 с.
2. *Апдайк Дж.* Террорист. – М.: АСТ, 2009. – 320 с.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Эксмо, 2017. – 640 с.
4. *Бахтин М. М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа). – СПб. : Азбука, 2000. – 298 с.
5. *Берладир Ю. В., Харичкин И. К.* Политическая сущность международного терроризма. – Москва: Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, 2021. – С. 99–108.

6. *Бернгард А.* Стратегия терроризма. – Варшава, 1978. – 23 с.
7. *Бондаренко Н.* Ф. Принципы защиты В. И. Ленина // «Родина». – 21.04.2016. – № 15. – С. 1.
8. *Войнич Э.* Овод. – М.: Вече, 2022. – 384 с.
9. *Горький М.* Жизнь Клима Самгина. – М.: АСТ, 2022. – 1440 с.
10. *Гуторов В., Ширинянц А.* Терроризм и революция. – П.: Репозиторий Университета имени Адама Мицкевича в Познани, 2018. – С. 235 – 247.
11. *Дмитриев А. И., Максимов А. В.* Теоретические основы терроризма. Определение экономического ущерба при оценке эффективности общегосударственной системы противодействия терроризму // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 1. – С. 13 – 18.
12. *Иноземцев В. Л.* Повторенье мать ученья // Свободная мысль. – 2008. – № 11. – 196 с.
13. *Калиниченко К.* Передача «Резонер» // радио «ПЛН FM» (102.6 FM). – 2025.
14. *Коллинз С.* Голодные игры. – М.: АСТ, 2020. – 384 с.
15. *Ленин В. И.* О большевиках. Речь на VII-ом Всероссийском съезде Советов // ПСС. Т.39. – 5-е изд.. – М.:, 1919. – 404 с.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии:. – М.: Азбука, 2023. – 384 с.
17. *Махмудов Р. М.* Социокультурные предпосылки терроризма в современной социокультурной ситуации мирового сообщества. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2021. – Том 13, № 2. – С. 115-122.
18. *Норец М. В.* Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография. – Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 364 с.
19. *Норец М. В.* Детективный и шпионский роман: «клеточная» модель жанроформирования // Культура народов Причерноморья Филологические науки. – 2014. – № 267– С. 188-193.
20. *Оруэлл Дж.* 1984. – М.: Галерея классики, 2023. – 416 с.
21. *Орци Э.* Алый Первоцвет. – М.: Рипол-Классик, 2020. – 320 с.
22. *Санд Ж.* Нанон. – М.: Художественная литература, 1999. – 375 с.
23. *Сафон К.* Тень ветра. – М.: АСТ, 2023. – 480 с.
24. *Чертков В. Г.* О революции. Насильственная революция или христианское освобождение? – Англия: Свободное слово, 1904. – 53 с.
25. *Чехов А. П.* Рассказ неизвестного человека. – М.: RUGRAM, 2011. – 60 с.

References

1. Andreev L. N. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Profizdat Publ., 2010. 368 p.
2. Apdajk Dzh. *Terrorist* [The Terrorist]. Moscow, AST Publ., 2009. 320 p.
3. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo.* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 640 p.
4. Bahtin M. M. *Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana).* [Epic and Novel (Towards a methodology for the study of the novel)]. St. Petersburg, Azbuka, 2000. 298 p.
5. Berladir Yu. V., Harichkin I. K. *Politicheskaya sushchnost' mezhdunarodnogo terrorizma* [The political nature of international terrorism]. Moscow, Institut mezhdunarodnyh otnoshenij i socialno-politicheskih nauk Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 2021, pp. 99–108.
6. Berngard A. *Strategiya terrorizma* [Strategie of terrorism]. Warsaw, 1978. 23 p.
7. Bondarenko N. F. *Principy zashchity V. I. Lenina* [Principles of defending V. I. Lenin]. «*Rodina»*, 21.04.2016, no 15, pp. 1.
8. Vojnich E. *Ovod* [The Gadfly]. Moscowб Veche, 2022. 384 p.
9. Gorkij M. *Zhizn Klima Samgina* [The Life of Klim Samgin]. Moscow, AST, 2022. 1440 p.
10. Gutorov V., Shirinyanc A. *Terrorizm i revolyuciya* [Terrorism and Revolution] – Poznan, 2018, pp. 235–247.
11. Dmitriev A. I., Maksimov A. V. *Teoreticheskie osnovy terrorizma. Opredelenie ekonomicheskogo ushcherba pri ocenke effektivnosti obshchegosudarstvennoj sistemy protivodejstviya terrorizmu*. [Theoretical foundations of terrorism. Assessing economic damage in evaluating the effectiveness of the national counter-terrorism system]. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*, 2017, no 1, pp. 13–18.

12. Inozemcev V. L. *Povtorenie mat ucheniya* [Repetition is the mother of learning]. *Svobodnaya mysl'*, 2008, no 11. 196 p.
13. Kalinichenko K. *Peredacha «Rezoner»*. *Radio «PLN FM» (102.6 FM)*, 2025.
14. Kollinz S. *Golodnye igry* [The Hunger Games]. – Moscow, AST Publ., 2020. 384 p.
15. Lenin V. I. *O bolshevikah*. *Rech na VII-om Vserossijskom sezde Sovetov* [Role of the Bolsheviks. Speech on VII All-Russian Congress of Soviets]. *PSS*. Vol. 39. 5-th ed. Moscow, 1919. 404 p.
16. Marks K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoj partii* [The Communist Manifesto]. Moscow, Azbuka Publ., 2023. 384 p.
17. Mahmudov R. M. *Sociokulturnye predposylki terrorizma v sovremennoj sociokulturnoj situacii mirovogo soobshchestva* [Sociocultural preconditions of terrorism in the modern global sociocultural context]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2021, Vol. 13, No 2, pp. 115-122.
18. Norets M.V. *Detektivnyj i shpionskij roman: «kletochnaya» model' zhanroformirovaniya* [Detective and spy novel: the "cellular" model of genre formation]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya. Filologicheskie nauki*, 2014, no 267. pp. 188-193.
19. Norets M.V. *Genezis zhanra shpionskogo romana v anglijskoj literature: monografiya* [The genesis of the spy Novel genre in English literature: a monograph]. Simferopol', Biznes-inform, 2014. 364 p.
20. Oruell Dzh. *1984* [1984]. Moscow, Galereya klassiki Publ., 2023. 416 p.
21. Orci E. *Alyj Pervocvet* [The Scarlet Pimpernel]. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2020. 320 p.
22. Sand Zh. *Nanon* [Nanon]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1999. 375 p.
23. Safon K. *Ten vetra* [The Shadow of the Wind]. Moscow, AST Publ., 2023. 480 p.
24. Chertkov V. G. *O revolyucii. Nasilstvennaya revolyuciya ili hristianskoe osvobozhdenie?* [Violent Revolution or Christian Liberation?]. England, Svobodnoe slovo Publ., 1904. 53 p.
25. Chekhov A.P. *Rasskaz neizvestnogo cheloveka*. Moscow, RUGRAM Publ., 2011. 60 p.

EVOLUTION OF THE IMAGES OF "REVOLUTIONARY" AND "TERRORIST" IN SPY PROSE: TOWARDS THE QUESTION OF A NEW GENRE HYBRIDIZATION

Norets M. V., Solodilova V. V.

This article explores the transformation of key figures of political violence — the «revolutionary» and the «terrorist» – in popular literature. Contemporary popular fiction, particularly the spy novel, serves as a unique platform for examining complex social and political phenomena. In recent decades, there has been a noticeable surge of interest in themes of terrorism and revolution, necessitating a reevaluation of traditional spy genre narratives. The study traces the diachronic evolution of these archetypes: from the romanticized heroes of 19th-century adventure prose (e.g., «The Scarlet Pimpernel» by E. Orczy) to the complex antiheroes of modern spy novels with terrorist themes (e.g., «Terrorist» by J. Updike). The article examines whether adventure spy novels incorporating elements of terror could serve as the foundation for the emerging genre of the *terrorist spy novel*. The author argues that adventure novels featuring revolutionary figures (e. g., «The Gadfly» by E. Voynich, «Scaramouche» by R. Sabatini) acted as a bridge between traditional spy fiction and the new subgenre of *terrorist spy fiction*, where the terrorist occupies a central role in the plot. The study employs a comparative analysis of the sacrificial motives of revolutionaries and the fanaticism of terrorists, applying a historical-ideological approach to shifts in ideological paradigms. This allows the author to categorize established literary models of the «revolutionary» and the «terrorist» into two poles: the ethical (struggle for an ideal) and the pragmatic (violence as a tool). The core of the research lies in reinterpreting the genesis of the spy genre through the lens of political violence.

Keywords: popular literature, hero archetype, revolution, revolutionary, terrorism, terrorist, spy novel.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 102–121.

УДК 82-94
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-102-121

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ VII. «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» РОМАН

Орехов В. В.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
v-orehov@mail.ru

В статье рассматривается первая часть романа-фельетона барона де Базанкура «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год», посвященная эпохе Великой французской революции и публиковавшаяся в 1850 г. в монархической газете «L'Assemblée nationale». Внимание в статье сосредоточено также на литературном и историографическом контексте: художественных произведениях (О. де Бальзака, Ж. Санд, А. Дюма) и исторических трудах (А. Тьера, Ф.-О. Минье, Ж. Мишле, А. де Ламартина, Л. Блана), от которых Базанкур должен был отталкиваться или, по крайней мере, существование которых должен был учитывать в процессе художественной интерпретации революционных событий. Указанные литературные тексты и исторические исследования проводили мысль о закономерности Великой французской революции, что противоречило идеологическим задачам, которые ставил перед своим романом монархист барон де Базанкур. Романист оказывался в ситуации, когда приходилось черпать фактический материал из известных исторических трудов, но при этом формулировать порою прямо противоположные выводы; это вынуждало искать способы радикального переосмысления уже введенного в читательский оборот исторического материала.

Ключевые слова: Барон де Базанкур, Монтаньяр, А. Дюма, Великая французская революция, 1793.

ВВЕДЕНИЕ

Революция 1848 г. радикально изменила не только политический, но и литературный ландшафт Франции. С учреждением Второй республики социальные противоречия не были преодолены, и страну охватила напряженная партийная борьба. В обобщенном виде ситуацию можно представить как противостояние, с одной стороны, левых сил (от умеренных республиканцев до коммунистов), а с другой – объединившихся в т. н. «партию порядка» монархистов, бонапартистов и держателей крупных активов. Резкая политизация прессы и общества вела к тому, что литературные интересы аудитории ослабели и поменяли направление. Оторванная от социально-исторической действительности тематика проигрывала в популярности перипетиям реальной идеологической борьбы. Теперь читатель стремился увидеть в литераторе не столько представителя того или иного художественного направления (школы, стиля), сколько выразителя определенной системы политических принципов. В сложившихся условиях литератору приходилось, во-первых, определяться с выбором близких ему по духу политических сил, а во-вторых, обновлять художественную тактику.

Это в полной мере касалось и барона де Базанкура. Его политический выбор был обусловлен происхождением, принадлежностью к определенному социальному кругу, светским амплуа. Барон де Базанкур поддерживал монархистов и сотрудничал с монархической газетой «L'Assemblée nationale». Результатом творческих поисков стал роман-фельетон «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год», печатавшийся на страницах этого издания в 1850–1851 гг.

Роман состоит из двух приблизительно разновеликих частей, каждая из которых могла бы восприниматься как самостоятельное произведение. Они даже печатались с

паузой в полгода (первая часть – с 3 мая по 13 сентября 1850 г.; вторая – с 23 апреля по 23 августа 1851 г.). Обе части романа связанны общей тематикой и заглавным героем, и тем не менее, их объединение в один текст должно было представлять для автора определенную методологическую проблему. Первая часть, посвященная событиям Великой французской революции, должна была писаться по лекалам исторического романа, что предполагало воссоздание реальных исторических персонажей, колорита пусть не слишком давней, но все же ушедшей эпохи. А вторая часть посвящалась революции 1848 г., то есть актуальной современности, что заставляло следовать иному канону. Этот канон Базанкуру приходилось «нащупывать» и создавать самостоятельно: если о Великой французской революции литературные произведения уже существовали, то к революции 1848 г. романист Базанкур обращался, пожалуй, первым.

В настоящей статье мы рассмотрим лишь первую часть романа «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год. Часть первая. 1793 год», ставя первоочередной **целью** восстановление историографической основы и литературного контекста произведения.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Жорж Монтаньяр. 1793 г.

Завязка событий в романе относится к весне 1793 г., то есть к периоду, когда по словам Базанкура, «Франция следовала от эшафота Людовика XVI к резне Террора» [23, t. 1, p. 9]. Действия поначалу разворачиваются в Провансе в окрестностях города Арль, где дельта Роны образует разнообразные ландшафты. Очевидно, что автору места эти хорошо знакомы, во всяком случае он с заметным увлечением изображает вековые дубы, оливковые и шелковичные деревьями; «пышных и ярких птиц» в тростнике, «подобном гибкому лесу»; и полудиких лошадей, которые «устраивают дикие скачки по топким землям», напоминая «своими длинными гривами крылатых коней, что в немецких балладах уносят белых призраков в просторы вселенной» [23, t. 1, p. 6]. Кстати, упомянутые лошади уникальной камаргской породы, имеющие белую масть, и сегодня составляют одну из главных местных достопримечательностей.

В этом природном раю (а достаточно сказать, что ныне здесь региональный природный парк) живет главный герой романа – юноша-простолюдин Жорж. Ему лет 25–26, и в его облике находим детали, излюбленные романтической литературой: загорелое лицо с «отважным и горделивым выражением», «с четко выраженными чертами, что обычно присуще южанам», «с выступающими скулами»; «сильно изогнутые брови, оттеняющие живой и пылкий взгляд, устремленный вперед и никогда не ищущий сумрачного убежища под тяжелыми веками»; «черные длинные волосы» [23, t. 1, p. 7].

Идиллические пейзажи контрастируют с условиями местной жизни: «Париж распространил по всей Франции гидру революции», и теперь «поверженная, как и ее пылающие замки», аристократия «скитается от города к городу, преследуемая варварскими ордами, отребьями черни, которые республика, опьяненная пролитой ею кровью, сделала хозяевами Франции» [23, t. 1, p. 8].

Для иллюстрации гражданских противоречий автор избрал один из наиболее характерных в этом отношении регионов. И. Тэн в созданном значительно позднее историческом труде «Происхождение современной Франции» отмечал, что нигде так, как в департаменте устьев Роны, «расцвет революционного дерева» «не был так скороспел, нигде местные условия и темперамент жителей не оказывали такого сильного влияния на рост его» [20, с. 78–78]. К 1792 г. в Арле монархисты, объединявшиеся в политическую

группу *Chiffonistes*, сумели узурпировать власть и развернуть репрессии против революционеров, так что этот вопрос даже рассматривался в Национальном собрании [28]. К моменту, который описывает Базанкур, власть монархистов в городе уже была сметена силами марсельских патриотов [12, с. 312], совершивших вооруженный поход против «арльских заговорщиков». Бразды правления оказались в руках якобинцев.

Впрочем, Базанкур не вдается в подробности предшествующей истории, а сразу обрисовывает ситуацию 1793 г., когда население уже разделено на два враждующих лагеря: сторонников и противников революции. К числу революционеров принадлежит главный герой романа Жорож и еще ряд персонажей – местные якобинцы из числа простолюдинов. Позитивными чертами отмечен только Жорж, который руководствуется революционной идеей, а не корыстью и низменными инстинктами. Все остальные революционеры изображаются в подчеркнуто негативном и саркастичном ключе. Так, один из «соратников» Жоржа, провинциальный санкюлот, воплощение грубости и морального ничтожества, горделиво называет себя новым «революционным» именем Кассий [23, t. 1, p. 20–21]. В самых темных тонах описан глава местной коммуны, который «правит, как суверен», и, «подобно богам Олимпа, решает судьбы всех местных жителей» [23, t. 1, p. 24–25].

Лагерю, так сказать, «революционной черни» противопоставлены персонажи, к которым автор относится благосклонно. Во-первых, это те самые скрывающиеся от якобинцев аристократы – «благородные сердца» [23, t. 1, p. 34]. Главные среди них – уже немолодой маркиз де Савернуа, его сын граф Анри и дочь Жанна. Впрочем, и некоторые люди низкого сословия оказываются в лагере, которому симпатизирует автор. Скажем, слуга маркиза Жак, полагающий целью своего существования беззаветное служение господину. Но нам интереснее иной персонаж – отец Жоржа, «помогающий» автору установить «идеологические ориентиры».

В целом Базанкур мало вдается в концептуальную составляющую социального конфликта, отдавая предпочтение событийной стороне сюжета. Наиболее четко суть идеологических противоречий представлена в пространном диалоге между Жоржем и его отцом, крестьянином, живущем в уединенной лесной хижине и сохраняющим патриархальные взгляды. Жорж пытается убедить отца в справедливости своей революционной миссии, при этом излагает мысли посредством расхожих лозунгов о правах человека [23, t. 1, p. 15]. «Митинговая» риторика заставляет читателя видеть в соображениях Жоржа результат юношеского увлечения громкими фразами. Этому противостоит умудренная речь старика, призванная логикой и фактами разбить «демагогические» аргументы сына. Скажем, на лозунг о социальном равенстве старик возражает: «Какого равенства ты хочешь? Ты хочешь, чтобы идиоты и лентяи стали равны с умными и трудолюбивыми, чтобы негодяи оказались на равных с добрыми людьми?» [23, t. 1, p. 16] В этом случае, используя голос «доброго крестьянина», Базанкур идет по пути, проложенному авторами многочисленных антисоциалистических брошюр [19, с. 162], распространяемых «партией порядка» как раз в пору создания романа: компрометирует идеологический принцип, подменяя сущность понятия. Подобным образом романист поступает с «фактом». На слова Жоржа о несправедливости угнетения, старик рассказывает историю, как в прошлом некий аристократ спас их семейство, подарив дом взамен хижины, уничтоженной пожаром. Словом, в представлении старого крестьянина, с которым заметно солидарен автор, жизнь до революции выглядела как совершенная гармония между сословиями, и эту гармонию из корыстных интересов разрушили демагоги, обманувшие общество утопическими мечтами.

Расставив «идеологические вешки», Базанкур более не возвращается к этому вопросу и в оценках следует намеченному «фарватеру»: все контрреволюционеры в романе совершают поступки благородные, тогда как все революционеры – низкие и жестокие. Лирические отступления постоянно напоминают читателю, что сам автор на стороне аристократии и ненавидит якобинцев. Предельно упростив таким образом идеологическую «схему» повествования, Базанкур сосредоточивается на психологической и авантюрной интриге. Психологическая – связана с характером главного героя: Жорж, оставаясь революционером, демонстрирует благородство души, не свойственное в романе другим революционерам. В Арле он мешает разъяренной толпе устроить самосуд над аристократами и этим завоевывает поддержку большинства сограждан. Затем он спасает от разъяренных якобинцев семейство Савернуа, нашедшее приют в хижине его отца. Как согласуется это великодушие с жестокостью революции?

Авантюрная интрига романа – заговор аристократов. Здесь автору открывается простор для повествовательных поворотов, хорошо отработанных в прежних романах. Маркиз де Савернуа стремится поднять монархическое восстание, а якобинцы стараются схватить маркиза и его семью. Все это позволяет наполнить сюжет напряженными сценами: вооруженные стычки, бесчинства якобинцев, встречи заговорщиков в подземельях старинного замка, попытки спрятаться в монастыре, погони, спасение то одного, то другого члена семьи Савернуа. В какой-то момент действие переносится в Париж. Семью Савернуа приводят сюда интересы контрреволюционной борьбы, а Жорж отправляется в «сердце Республики», поскольку избран членом Конвента. Юноша погружается в атмосферу межпартийной борьбы, где политические силы, как «дикие звери, предоставленные на этой кровавой арене сами себе, пытались пожрать друг друга» [23, t. 3, p. 29]. Кстати, только с этого момента становится понятным, почему роман носит заглавие «Монтаньяр…».

Монтаньяры (в буквальном переводе – горцы) – политическая партия, представители которой продвигали наиболее решительную революционную повестку и опирались на поддержку беднейших слоев населения. В Конвенте ее депутаты занимали самые верхние ряды левой стороны, отсюда и название партии – La Montagne, или Гора. Руководителем этой политической силы был Дантон. Хотя партия была не самой многочисленной (до 150 депутатов [21, с. 297]), монтаньярам удалось добиться победы над жирондистами в Конвенте. Для современников Базанкура «монтаньяры» снова приобрели актуальность, поскольку после революции 1848 г. этим именем назвала себя группа демократически настроенных депутатов Учредительного собрания. В 1849 г. блок этих депутатов, последовательных противников монархизма, получил название «Новая Гора». И Базанкур, таким образом, явно подсказывал аудитории параллели между 1793 годом и современностью.

Итак, Жорж попал на заседание Конвента 31 мая 1793 г. (как раз в тот момент, когда наступал решающий момент схватки монтаньяров с жирондистами) и влился в ряды монтаньяров. С этого времени его и начинают называть Жорж Монтаньяр.

Политический выбор Жоржа автор объясняет юношеской наивностью:

> *«В его сердце было еще слишком много чистоты и веры, чтобы он мог постичь глубину прискорбных тайн человеческого духа. Республика виделась ему неизменным знаменем абсолютной истины; как мог он поверить, что безобразные, эгоистичные и трусливые человеческие страсти сорвутся с цепи и что родина, уже и без того искалеченная, станет ареной, где безжалостное*

самолюбие и смертельная ненависть будут рвать друг друга на куски» [23, t. 3, p. 35].

В интерпретации Базанкура, Жорж оказался жертвой того нравственного разложения, которое было запущено революцией 1798 г.:

«<…> Роковой демон, витавший над Францией с 89 года, отравил своим дыханием все благородные мысли, все порывы, внушаемые свыше. Этот роковой демон влил во все жилы свою желчь, свой яд и свою испорченную кровь» [23, t. 3, p. 37].

Для чего же автору понадобилось ввести своего героя в круг революционеров наиболее радикального крыла?

Задача автора – показать постепенное и драматичное разочарование героя в идеалах революции. Жоржу по воле автора приходится быть свидетелем, а порою едва ли не «соучастником» наиболее кровавых событий. С первых шагов в Конвенте он оказался причастен к падению жирондистов, многие из которых будут казнены. Он наблюдал казнь Марии-Антуанетты. Был у эшафота во время казни его кумира Дантона. Наконец, он стал приближенным лицом Робеспьера и наблюдал безжалостную работу Революционного трибунала, под арест которого попадает даже его отец.

В конце концов жестокость революции доводит благородную душу Жана до крайней степени разочарования. Лишь случайная встреча с дочерью маркиза Савернуа Жанной возвращает ему веру в жизнь. Однако пробудившееся чувство наталкивается на непреодолимые преграды. Сердечная привязанность Жоржа враждебно воспринимается в кругу революционеров, и даже сам Робеспьер замечает, что любовь отвлекает Монтаньяра от революционной деятельности. Более того, Жанна оказывается причастна к заговору аристократов. Ее арестовывают агенты Фуке; мятеж терпит поражение; маркиз де Савернуа гибнет. Отчаянные попытки Жоржа спасти возлюбленную ни к чему не приводят. Жанну отправляют на казнь. В финале этой части романа Жоржа Монтаньяр предстает человеком, чью жизнь полностью разрушила революция.

Источники исторического материала

Как помним, барон де Базанкур уже писал исторические романы, однако они посвящались Средневековью. Обращение к давним, почти баснословным временам имеет очевидное преимущество: недостаток точной исторической информации открывает безграничный простор художественному воображению, которое «заполняет белые пятна» [6, с. 8]. Обращение же к недавним эпохам подразумевает возможность для читателя сопоставлять романное повествование с документами, историческими трудами, рассказами очевидцев. Автор оказывается в сильной степени зависим от реальной исторической событийности, что обусловливает необходимость широкого освоения фактов и ограничивает свободу их произвольной интерпретации. Видимо, именно этой трудностью объясняется, что к середине XIX в. Франция знала лишь единичные литературные обращения к эпохе Великой революции. Так что в «Монтаньяре…» Базанкур разрабатывал тему, которая была нова не только для него самого, но и в целом для французской литературы.

Характерно, однако, что почти одновременно с «Монтаньяром…» появился еще один роман-фельетон о Великой французской революции. В декабре 1850 г. (т. е. через три месяца после того, как завершилась публикация первой части «Монтаньяра…») «La Presse» начала печатать роман А. Дюма «Анж Питу», обращенный к событиям 1789 г.

Априори можно сказать, что синхронное появление текстов не случайность, а следствие социального запроса. Интереснее другое: почему два автора, находясь в одинаковых условиях, выбрали разные тактики (а они радикально разные) художественного осмысления исторических материалов. Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно понять, из каких источников они могли брать материал для своих сочинений.

К интересующему нас периоду существовало уже несколько серьезных исторических трудов о Великой французской революции, различающихся по охвату материалов и способу их осмысления. Кратко охарактеризуем исследования, которые пользовались популярностью и, по-видимому, были хорошо знакомы обоим романистам.

По многим причинам системное изучение событий французской революции не могло начаться ни в конце XVIII в., ни в эпоху Наполеона [38]. Первые серьезные шаги в этом направлении стали предприниматься уже в эпоху Реставрации, причем заметно, что с самого начала тема оказалась сильно политизирована. Вернувшая себе влияние аристократия склонна была трактовать Революцию как историческую аномалию, «стихийное бедствие, подобное землетрясению» [16, с. 232]. Именно так события представлены в романе «Монтаньяр…», и такая позиция, вероятно, был во многом основана на семейных и околосемейных «преданиях» барона де Базанкура, оживлявших, например, воспоминания о прабабушке романиста Софи д'Удето – графине, хозяйке аристократического салона, умевшей создать атмосферу утонченного общения, близко знавшей с Ж.-Ж. Руссо и не понятно за какие грехи пострадавшей в пору революционного смятения. Представление о «случайности» Революции служило как бы моральным оправданием Реставрации: исторический шторм миновал и потому вещи вернулись к своим извечным местам. Такая «успокоительная историософия» поддерживалась, однако, не всеми. Среди противников была, скажем, мадам де Сталь, мнение которой обществу было трудно игнорировать. В 1818 г. посмертно печатались ее «Размышления о главных событиях французской революции», где уже первые строки выглядели как полемический ответ сторонникам «случайности»:

> *«Французская революция – одна из великих эпох общественного устройства. Те, кто считает ее событием случайным, не вглядывались ни в прошлое, ни в будущее. Они увидели актеров, а не пьесу, и, угождая собственным пристрастиям, приписали нынешним людям то, что приуготовлено веками. Однако достаточно окинуть взором главные исторические кризисы, дабы убедиться, что все они были неизбежны, если каким-либо образом опирались на развитие идей, и что после борьбы и более или менее продолжительных бедствий торжество просвещения всегда благоприятствовало величию и совершенствованию человеческого рода»* [45, p. 1–2].

Что касается «*развития идей*», то и по этому вопросу в эпоху Реставрации существовало «умиротворяющее» объяснение. В ходу было мнение, что Вольтер, Руссо и подобные им литераторы и философы «заразили» общество утопическими идеями, приведшими к социальной катастрофе [10, с. 57]. То есть революция опять же трактовалась как результат стихийного зла, напоминавшего чуму. И тут уместно обратиться к одному из первых сочинений дядюшки Базанкура – Проспера де Баранта «Панорама французской литературы восемнадцатого столетия». Исследование впервые публиковалось еще в наполеоновскую пору в 1909 г., а в эпоху Реставрации в 1822 г. очередное переиздание де Барант снабдил предисловием, где фиксировал утвердившуюся в обществе подмену причин и следствий:

«При абсолютном правлении, когда все государственные учреждения, все классы нации были отрешены от законного участия в государственных делах, литература в силу вещей стала органом общественного мнения, элементом политической жизни <…>. Страшное крушение было следствием того несправедливого и неразумного положения, в которое поставила себя власть, которая уже не была способна ни просвещать, ни укреплять, и литература оказалась под ударом как единственный видимый враг, содействовавший падению власти. Здание рухнуло из-за отсутствия фундамента, а обвинили в падении ветер, подувший на него» [22, p. 3–4].

В 1823–1824 гг. об эпохе «страшного крушения» в свет вышли два полноценных исторических исследования, которые стоит воспринимать как некую идейно-тематическую целостность, поскольку эти труды создавались друзьями-единомышленниками и не только «пересекались» в отдельных моментах, но концептуально дополняли друг друга.

Сначала скажем об «Истории французской революции» (1824) Ф.-О. Минье. Она печаталась чуть позже, чем начала выходить многотомная «История…» Тьера (1823), но была меньшей по объему, вышла одномоментно, так что сразу воспринималась как свершившееся научное событие. Автор предупреждал читателя, что в его намерения входило лишь бегло проследить ход событий с 1789 до 1814 г. [37, p. 1]. Действительно, если сравнивать этот труд с масштабными «Историями…», появившимися позднее, то он может быть оценен как краткое описание событий. Но и цель его была не в скрупулезности фиксации фактов, а в утверждении историософских установок. С первых строк Минье оправдывал Революцию ее фундаментальными достижениями:

«Революция <…> заменила произвол законом, привилегии – равенством; она освободила людей от сословных различий, землю – от границ между провинциями, промышленность – от гнета корпораций и гильдий, земледелие – от феодальной зависимости и десятинных податей, собственность от оков субституции; и она снова вернула все под эгиду единого государства, единого закона, единого народа» [37, p. 2].

Минье, разумеется, сознавал, что апология революции будет встречена контраргументом о революционном терроре, и, заранее парируя это возражение, замечал, что борьба за «великие преобразования» «наряду с долгосрочными благами привела к временным чрезмерностям» (des excès passagers) [37, p. 2]. То есть «ужасы террора», которые в историософии противников революции занимали ключевую позицию, Минье низвел до уровня «временных перегибов», не определяющих сути главных событий. При этом историк указывал на причины революции. Это не «философы» и не «честолюбцы», а тирания, «пожиравшая собственное будущее», абсолютизм, «истощивший прочность государственных пружин» [37, p. 9–10]. Отсюда следует, что и ответственность за жертвы революции возлагалась на абсолютную монархию.

Для эпохи Реставрации эти рассуждения выглядели вызывающе смело. Но они и были спровоцированы этой эпохой. Редактор первого перевода «Истории…» Минье на русский язык К. К. Арсеньев утверждал, что это исследование вышло в свет, когда Францию уже тяготил установившийся порядок, но она «не теряла еще надежды изменить его путем легальной, мирной оппозиции» [2, с. I]. «История…» Минье играла роль своеобразного «поучения царям».

Если Минье выявлял главные тенденции революционных событий, то А. Тьер сосредоточился на создании четкой хронологии, фиксации множества подробностей, создании панорамных картин, широком цитировании исторических документов. Это заставляло расширять объем исследования: оно составило 10 томов и печаталось с 1823 по 1827 г. Трактовка революции была та же, что у Минье. Причины упадка, приведшего к катастрофе, Тьер обнаруживал в том, что государственная власть эпохи абсолютизма превратилась в борьбу кланов и группировок, в систематические злоупотребления, что разоряло страну и не встречало достойной реакции со стороны монарха. Повествование Тьера не оставляет сомнения, что автор с искренним сочувствием относится к жертвам революции, но это сочувствие нигде не заставляет усомниться в благой цели революции и в ее необходимости.

Политическое значение «Истории…» Тьера очень точно отражено в предисловии издателя к ее четвертому изданию (1834), вышедшему уже после Июльской революции:

> *«Французская революция, мало известная новым поколениям, представлялась им в тумане прошлого лишь кровавым и страшным сном; Реставрация и вся связанная с ней ветошь прошлого заставили найти в воспоминаниях о той эпохе аргументы против идей свободы, прогресса и политических реформ, а также почву для обвинений против людей, боровшихся за их триумф. История г-на Тьера, объясняя, защищая и реабилитируя прошлое, позволила лучше понять настоящее и будущее. Не приходится сомневаться, что новая точка зрения, с которой г-н Тьер представил ту великую эпоху, способствовала развитию в общественном мнении огромного сопротивления, нацеленного против Реставрации»* [47, t. 1, p. 2].

Во многом благодаря трудам Минье и Тьера Великая французская революция становилась для общества не «страшным крушением», а примером борьбы за свои права, и это убеждение становилось тем крепче, чем сильнее клонилась к абсолютизму политика Карла X. Июльская революция 1830 г. действительно позволила расширить демократические свободы и поначалу оправдывала надежды своих сторонников. Однако постепенно и либеральная монархия Луи-Филиппа, отвечая интересам лишь узкого общественного круга, перестала соответствовать требованиям французов. В обществе снова актуализировалась идея республики, а соответственно, возобновился и запрос на информацию о Первой республике и о революции, к ней приведшей. И вот в 1847 г. начали печататься сразу три «Истории…» революции – очень разные, но одинаково сильно приковавшие к себе общественный интерес.

Наиболее оригинальной по манере преподнесения материала была семитомная «История французской революции» Ж. Мишле. Именно стиль его повествования, кажется, до сих пор в наибольшей степени привлекает внимание исследователей. Мишле сумел предать научному труду занимательность романа. Этому способствовала прежде всего осознанно поставленная во главу угла авторская эмоциональность и субъективность [14, с. 61], и дело даже не в обилии метафор, риторических вопросов и восклицаний, не в оценочности множества высказываний [15, с. 122–123], дело в подчинении всего повествовательного комплекса как бы сиюминутному потоку авторского размышления или воображения. Рассказом Мишле зачастую руководит не столько хронологическая данность событий и сухая статистика, сколько собственное суждение историка о причинах и следствиях, о символичности того или иного поступка или исторического лица, драматизме той или иной ситуации. Так что применительно к Мишле вполне уместным было бы говорить о драматургии исторического повествования.

Не случайно известный французский знаток творчества Мишле Поль Вьяланекс назвал его «Историю…» «революционным Евангелием» [49, p. 62].

Что важно, Мишле наполнил повествование яркими событийными картинами, построенными с использованием художественных приемов: символизации деталей, обобщении подробностей, фокусировке на «лицах из толпы». В качестве иллюстрации приведем эпизод – из рассказа о разгоне солдатами парижан, пытавшихся захватить Тюильри 12 июля 1789 г. (за два дня до штурма Бастилии):

> *«<…> Вид немецких солдат, выстроившихся в боевом порядке на площади, все еще вызывал волнение. Мужчины выкрикивали проклятья, дети швыряли камни. В этот самый момент Безанваль <…> отдал безумный, варварский приказ, достойный его легкомыслия, пустить на людей драгун. Драгуны смогли продвинуться в этой тесной толпе, лишь раздавив несколько человек. Их полковник, принц де Ламбеск <…> натыкается на баррикаду из стульев; на него начинают сыпаться бутылки и камни; он отвечает выстрелами. Женщины пронзительно кричат; мужчины начинают закрывать ворота Тюильри за Ламбеском. <…> Какой-то мужчина сбит с ног и растоптан, какой-то убегающий старик, серьезно ранен.*
>
> *Толпа, с криками ужаса и гнева покинув Тюильри, наполняет Париж рассказами об этой жестокости, о том, как немцы толкали своих лошадей на женщин и детей, о старике, раненном, как говорили, рукой самого принца...»* [36, t. 1, p. 93–94].

Безанваль и де Ламбеск – конкретные исторические лица, но «кричащие женщины», «какой-то мужчина», «какой-то старик» – это символы, концентрирующие в себе важнейшие проявления коллективных переживаний и «запускающие» работу читательского воображения.

Мы потому так подробно говорим о стиле Мишле, что материалы его «Истории…» оказались чрезвычайно востребованы литераторами, в том числе Базанкуром и Дюма. К этому еще вернемся. Пока же отметим, что, во-первых, стилистическая «художественность» «Истории…» Мишле не противоречила исторической достоверности (автор опирался на множество документов и свидетельств), служила научной задаче [46, p. 64], а во-вторых, труд историка решал важную идеологическую задачу – обосновать закономерность создания республики. Республиканские взгляды были восприняты Мишле вместе с детскими и юношескими впечатлениями; его отец был участником революционных событий, «романтиком от революции» [14, с. 52]; республиканцы были в кругу семейного общения, так что с юных лет «1789 год затмевал для него (Мишле. – *В. О.*) все иные даты национальных преданий» [48, p. 43].

Определяя причины революции, Мишле, обращается к гораздо более давним временам, нежели Минье или Тьер. Для них революция явилась реакцией на пороки абсолютизма, утрированные произволом Людовика XV и слабостью Людовика XVI. Мишле видит первоистоки зла еще в Средневековье, когда католическая церковь «забыла» о христианском принципе справедливости, стала орудием давления на общество и таким образом поощряла неуклонно набиравший силу монархический деспотизм. Так что, по Мишле, почва для революционного взрыва готовилась столетиями, а сама революция восстанавливала справедливость, которая является для человека непреложной ценностью со времен зарождения христианства.

И еще: для Мишле принципиально понимание революции как стихийного, общенационального явления; революция – это воля народа, жертвы революции – результат деятельности отдельных лиц, либо игнорирующих волю народа, либо неверно ее истолковавших:

> *«<…> В гуманную и благожелательную эпоху нашей Революции действующим лицом был сам народ, весь народ, всякий человек. А в эпоху насилия, в эпоху кровавых деяний, куда позднее ввергли Революцию опасности, действующим лицом оказалось лишь малое, бесконечно малое число людей. Я выяснил и проверил это либо по письменным свидетельствам, либо по рассказам старшего поколения»* [36, t. 1, p. XVII].

По выражению А. В. Гордона, «Мишле может считаться слагателем республиканского мифа»: «Он создал исторический образ страны, с которым рождавшаяся Французская Республика себя идентифицировала» [**7**, с. 52].

К моменту создания романов Базанкура и Дюма в свет вышли лишь пять из семи томов «Истории…» Мишле. Причем 5 том вышел в 1850 г. (то есть во время публикации романов) и повествование в нем доведено до 2–3 июня 1793 г. Тем не менее магистральная мысль историка романистам, безусловно, была ясна, а опубликованные им материалы достаточно подробно характеризовали эпоху.

Зато в полном объеме обоим романистам была доступна восьмитомная «История жирондистов» А. де Ламартина, успевшая выйти из печати в 1847 г. и ставшая вершиной популярности и без того широко известного автора. Хотя Ламартин и заявлял, что намерен описать судьбу лишь небольшого числа революционеров из числа партии жирондистов, он создал очень широкую панораму, охватывающую события с весны 1791 по лето 1794 г., создав портреты не только жирондистов, но и многих из их противников. По охвату событий это действительно была история, но по принципу отбора материала и стилю изложения это в большей степени исторический роман. Ламартин обходился без вымышленных персонажей, но зачастую основывался мифологизированных сведениях. Известно, что он несколько лет собирал материалы и при этом получил много устных свидетельств часто анекдотического и тенденциозного характера [29, p. 311]; кроме того, сам признавал, что идеализирует свои персонажи [29, p. 314], а жанр восьмитомника определял как нечто среднее между историей и мемуарами [35, t. 1, p. II–III]. В результате получилось яркое и драматичное повествование, в котором восставали грандиозные фигуры главных деятелей революции, разворачивались картины ключевых моментов политической борьбы; это был своего рода легендарный эпос о великой эпохе. Уже через полтора-два десятилетия критики и читатели перестанут расценивать «Историю жирондистов» как исторический труд и отнесут к сфере чисто художественной, но аудиторией конца 1840-х – начала 1850-х гг. сочинение Ламартина воспринималось как историческое исследование и чуть ли не главное произведение автора.

Ламартин освещает события как безусловный республиканец, полагая, что революция воплотила в жизнь принципы свободы, равенства и братства, лежащие в основе христианства [35, t. 1, p. 16]. Он неоднократно будет акцентировать внимание на жестокости политического противостояния, на жертвах террора, однако нигде не поставит под сомнение республиканские ценности, и даже врага жирондистов Робеспьера будет изображать без однозначного осуждения и как личность почти титаническую. В глазах Ламартина, Робеспьер человек, который ощущал свое «предназначение» – «воцарение разума посредством демократии»; человек, которым двигало «божественное стремление» к «истине и справедливости законов», «похвальная деятельность» которого

заключалась «в смертельной борьбе с пороком, ложью и деспотизмом» и которому, наконец, было присуще абсолютное самоотречение, «подобное древним жертвоприношениям». Лишь путь, избранный Робеспьером, отождествлявшим себя со всей революцией и с богом, был ошибочен [35, t. 8, p. 376–377].

Еще одна многотомная (12 томов) «История французской революции» была написана ровесником Базанкура, известным социалистом Луи Бланом. Из перечисленных трудов это исследование содержало, пожалуй, наиболее добросовестный научный аппарат со множеством отсылок к первоисточникам. Подобно Мишле, Л. Блан отыскивал корни революционного движения в Средневековье. По убеждению историка, предпосылки для протестного движения были созданы в тот период, когда христианская церковь в основах своей организации уподобилась мирской власти и срослась с мирской властью, вытеснила принцип «братства» в сферу еретических учений. Союз церкви и деспотизма обеспечивал и практически оправдывал социальную несправедливость. Апофеозом этого процесса Блан показывает состояние власти во Франции XVIII в. С чрезвычайной скрупулезностью Блан «распутывает» придворные интриги, которые вели к обнищанию французского народа.

Поскольку, по убеждению Луи Блана, революция была явлением закономерным, ее деятели должны находиться за пределами осуждений: «Их неистовство обеспечило нам мирную жизнь. Они исчерпали ужас, исчерпали смертную казнь; и сам террор из-за его чрезмерности стал с тех пор навсегда невозможен» [24, t. 1. p. 2]. Впрочем, в одном из уведомлений для читателей о выходе «Истории…» Блан напоминал, что французская революция была «великой битвой», которая «еще продолжается» [26, p. XXXVII].

«История…» Л. Блана насыщена фактическим материалом, но и она к моменту написания романов Базанкура и Дюма еще не была завершена. В 1847 г. в Париже вышли лишь два тома, и повествование в них было доведено до 4 августа 1789 г., когда Учредительное собрание отменило привилегии дворянства и духовенства. 3 и 4 тома вышли уже в 1852 г. Правда, в 1847 г. Брюсселе вышел 1 том «Истории…», так сказать, в иной комплектации: здесь парижские тома были объединены в один текст со сплошной нумерацией, причем повествование было продолжено до лета 1791 г. [25].

Мы остановились лишь на самых известных и, что называется, «концептуальных» трудах о французской революции. Хотя были и другие. Например, 40-томное собрание документов «Парламентская история французской революции…» (1834–1838), предваренное большим аналитическим предисловием, где «родословная» революционного движения велась с V в. [27, p. 11]. Сказанного, думается, достаточно для заключения, что исторические труды об истории Великой французской революции, созданные как в эпоху Реставрации, так и на закате Июльской монархии, во-первых, давали богатейший фактаж, который можно было использовать для художественного осмысления событий, а во-вторых, были пропитаны настроением «революционного энтузиазма» [2, с. VIII].

Литературный контекст

Художественная литература, между тем, сильно запаздывала с обращениями к революционным событиям. Среди известных романов эпохи Реставрации, пожалуй, можно вспомнить лишь «Шуаны» (1829) Бальзака. События разворачиваются в 1799 г. в Бретани в пору очередного контрреволюционного восстания. Персонажи противоборствующих сторон выписаны детализировано и колоритно, причем Бальзак не акцентирует внимание на своих симпатиях одной или другой стороне, так что Н. И. Кареев даже полагал, что Бальзак в романе не проводил «никакой политической

тенденции» [11]. Это заключение, однако, несколько категорично. Дело в том, что роман писался в эпоху, когда существовала тенденция героизировать контрреволюционные восстания как проявление народной преданности монархическим основам [17, с. 280]. Между тем Бальзак изобразил восстание как разгул необузданной жестокости, обусловленной невежеством и дикостью местных крестьян. Причем это не просто следует из анализа событий и характеров, но и прямо декларируется автором:

> *«<…> В восстании <…> не было ничего благородного, и можно с уверенностью сказать, что если Вандея разбой превратила в войну, то Бретань войну превратила в разбой. Изгнание королевского дома и запрещение религии служили шуанам лишь поводом для грабежа <…>. Когда подлинные защитники монархии явились в Бретань с целью набрать солдат среди ее невежественного и воинственного населения, они тщетно пытались придать при помощи белого знамени какое-то величие гнусным действиям мятежников»* [3, с. 130–131].

Совершенно справедливым видится замечание Б. Г. Реизова, что Бальзак стремился продемонстрировать, «насколько опасно поднимать нецивилизованные массы страны» [17, с. 305]. В отвлеченном рассуждении эта мысль могла быть близка и Базанкуру. В своем первом романе «Летучий эскадрон королевы (1560)», говоря о возмущении черни, он констатировал, что «народ есть страшное и кровавое оружие» [13, с. 58]. Но применительно к эпохе революции этот вывод плохо согласовывался с намерениями Базанкура, поскольку в «Монтаньяре…» он старался показать попытки маркиза де Савернуа и его сына поднять контрреволюционное восстание в Вандее как дело в высшей степени благородное.

В пору Июльской монархии следует остановить внимание на романе Жорж Санд «Мопра» (1837). Роман, собственно, не столько о революции, сколько о «предчувствии революции». Действие разворачивается в провинции за какое-то время до 1789 г. Главный герой – отпрыск дворянского семейства из «породы мелких феодальных тиранов, которые в течение стольких веков наводняли и разоряли Францию» [18, с. 299]. Судьба сводит его с получившей хорошее воспитание и образование девушкой, которая, проходя через многие душевные испытания, наконец преображает разнузданного дикаря-феодала в человека, наделенного чувством собственного долга и уважением к правам любой личности. Роман, таким образом, был своеобразным переосмыслением идей Руссо о воспитании. Идеологически он касался революции лишь косвенно: показан нравственный упадок феодалов, некоторых священнослужителей и т. д. Наиболее очевидно «революционность» идеологии звучала в эпилоге, где главные герой и героиня романа, то есть выразители нравственного идеала, сохранили верность «идее всеобщего равенства» и «охотно, от всего сердца, отдали большую часть своего имущества, подчиняясь законам республики», поскольку «считали эти жертвы справедливыми» [18, с. 576].

В представлении современников романа даже такая опосредованная идеологизация должна была выглядеть как апология революции. Это хорошо заметно по истории романа в России. Первый перевод был опубликован уже в 1837 г. (в год публикации оригинала) в «Московском наблюдателе» [41]. Именно этот перевод В. Г. Белинский (считая «Мопра» «одним из лучших созданий Жоржа Занда» [5, с. 175]) оценил как наиболее удачный. Перевод достаточно точен, за исключением нюанса: в нем отсутствует упомянутый пассаж из эпилога о поддержке героями романа идей революции. Между тем, этот момент не был привнесен автором с течением времени; он присутствовал в

оригинале изначально: и в журнальной [42, Juin, p. 642], и в книжной [43, p. 404–405] версии текста. То есть из перевода этот пассаж исключен из цензурных опасений.

Если так, то опасения эти были вполне обоснованы. Много позднее, в 1854 г., когда возникнет вопрос, можно ли дозволить российской публике чтение очередного парижского издания «Мопра», цензор будет настаивать на запрете, поскольку:

> *«С явной целью подчеркнуть мнимую необходимость <…> революции, г-жа Санд сначала вводит читателя в феодальный замок Мопра, в котором отец и шесть сыновей, настоящие средневековые бандиты, живут лишь грабежом и вымогательствами. Почти все герои романа преисполнены восхищением к доктринам общественного договора и к пагубным идеям, приведшим к роковой революции 93 года»* [1, с. 814].

Судя по всему, точно так же воспринимали роман Жорж Санд и французские легитимисты.

Впрочем, с большей вероятностью на память барону де Базанкуру прежде всего должен был приходить иной роман, который появился не так давно; это «Шевалье де Мезон-Руж» А. Дюма, печатавшийся в газете «La Democratic pacifique» с мая 1845 по январь 1846 г. Идеологическая составляющая в романе просматривалась слабо. Главная интрига сюжета – знаменитый «заговор гвоздик», составленный в 1793 г., чтобы спасти из заключения Марию-Антуанетту. Главный герой – Морис, республиканец из партии, «объединявшей всех молодых патриотов-буржуа» [8, т. 24, с. 35] – полюбил аристократку, причастную к заговору. Морис против воли также оказывается вовлечен в эту историю. После множества попыток освободить королеву заговорщики терпят крах: Морис и его возлюбленная приговорены к гильотине.

Повествование дает понять, что автор сочувствует и благородным молодым республиканцам, и отважным аристократам-заговорщикам, и Марии-Антуанетте, и, конечно же, ее малолетнему сыну – «ребенку-мученику» [8, т. 24, с. 35]. В негативном ключе изображены лишь некоторые персонажи из числа санкюлотов, лишенных всяких нравственных ориентиров. Напрашивается вывод, что революция высвободила не только силы благородных республиканцев, но и темные страсти людей низких, по чьей вине гибнут те, кому сочувствует автор.

Текст переполнен мелодраматичными сценами и романтическими преувеличениями. Поступки героев далеки от реалистичного психологизма. Скажем, друг главного героя идет на казнь только из солидарности с ним. Роман не был в числе наиболее известных произведений Дюма и, вероятно, скоро забылся бы, если бы его сюжет не зазвучал с особой силой в 1847 г.

Основываясь на романе, А. Дюма и его постоянный соавтор О. Моке написали историческую драму «Шевалье де Мезон-Руж, эпизод из времен жирондистов». Премьера состоялась 3 августа 1847 г. в Историческом театре и встретила самый оживленный прием [34, p. 153–157]. Из принципиальных изменений в сюжете – появление жирондистов, о которых не было речи в романе. Возможно, это стало откликом на только что вышедшую «Историю жирондистов» Ламартина. Кроме того, был изменен финал. В пьесе главные герои избегают гибели, спасаясь благодаря другу Мориса Лорену, который, жертвуя собой, занимает их место в камере смертников. Там Лорен оказывается среди приговоренных жирондистов и обращается к ним с таким словами: «Граждане жирондисты! Дайте место на вашем *последнем банкете* (курсив мой. – *В. О.*)... Я тоже умру за отечество!» [33, p. 130].

«Последний банкет» жирондистов – это, конечно, аллюзия к оппозиционным «банкетам реформистов», начавшимся незадолго до этого и привлекшим всеобщее внимание. Таким образом, современные оппозиционеры отождествлялись в пьесе с жирондистами, «людьми мужественными и добродетельными, искавшими средний путь между контрреволюционерами и "демагогами"» [39, p. 40]. Намек, конечно, публикой был «прочитан», и финал сцены «последнего банкета» произвел особенно сильное впечатление: хор исполнил так называемую «Песню жирондистов», в которой приговоренные на казнь клянутся посвятить свою смерть Франции и свободе [33, p. 130]. Куплеты песни принадлежали авторам пьесы (хотя текст припева был позаимствован у автора «Марсельезы» Руже де Лиля [39, p. 41]). Песня идеально соответствовала революционным настроением общества, она вышла на улицы Парижа и стала одной из самых узнаваемых песен революции 1848 г., на многие десятилетия вошла в репертуар патриотов и республиканцев [39, p. 41]). Позднее Дюма, ссылаясь на успех «Песни жирондистов», утверждал, что его театр стал «литературной баррикадой» революции [40, p. 64]. Таким образом, поначалу почти нейтральный в политическом отношении сюжет романа «Шевалье де Мезон-Руж» превратился в 1847 г. чуть ли не в призыв к революции.

Еще более известным сочинением А. Дюма о Великой революции, нежели «Шевалье де Мезон-Руж», стал цикл из четырех романов «Записки врача». Первый роман серии «Джузеппе Бальзамо» начал публиковаться в мае 1846 г. («La Press»), то есть всего через несколько месяцев после завершения печати романа «Шевалье де Мезон-Руж». Хотя произведения эти очевидно связаны относительной общностью изображаемой эпохи, «Шевалье де Мезон-Руж» в задуманную серию не вписывался. Была тому, конечно, чисто формальная причина: в цикле ряд сквозных персонажей (среди них и Бальзамо), которые уже невозможно было включить в «Шевалье де Мезон-Руж». Но главное, что в цикле обозначилась более широкая концепция революционных процессов.

В романе «Шевалье де Мезон-Руж» Дюма ограничен узкими временными рамками – период заточения Марии-Антуанетты перед казнью. Сам материал диктовал автору сочувственное отношение к королеве, обреченной на мученичество. Задуманный же цикл романов позволял автору, обратится к предреволюционной эпохе (с 1770 г.), что подразумевало решение вопроса о причинах революции, и причины эти автор видел в роковых просчетах королевского двора, в частности, самой Марии-Антуанетты Австрийской. Эта мысль проходит через весь роман «Джузеппе Бальзамо», однако основная функция этого сочинения была явно не идеологической, а развлекательной.

Под именем Джузеппе Бальзамо выведен небезызвестный граф Калиостро. Он возглавляет сообщество масонов и клянется разрушить французскую монархию ради достижения гуманистической цели – равенства людей перед законом. Его действия сводятся, по существу, к выгодному использованию слабых сторон королевской власти, которая своим пороками приближает себе гибельный финал. Французский двор – место борьбы корыстных интересов, губящих Францию. Король Людовик XV погряз в интригах, полностью подчинен фаворитке и не интересуется проблемами государства. В целом, монархия той поры – нравственный упадок при внешнем блеске.

Политические мнения автора в тексте звучат редко и опосредованно. Скажем, говоря о тогдашних прическах аристократок, Дюма замечает: «<…> Мода будто говорила, что так как головам аристократов недолго оставаться на плечах, то их должно всячески украшать и поднимать как можно выше над головами простолюдинов» [8, т. 18, с. 325]. Из подобных замечаний можно было понять, что автор не склонен идеализировать

придворные нравы предреволюционной поры, но это была «фоновая» информация; главным в романе было увлекательное «распутывание» придворных интриг и развитие любовной истории. Эпилог романа печатался 22 января 1848 г. [31] – за месяц до революции.

Видимо, недостаточная политизированность текста тогда уже ощущалась. По успеху пьесы «Шевалье де Мезон-Руж…» Дюма должен был чувствовать, что публику интересуют рассказы не столько о предыстории революции, сколько о самой революции. И судя по всему, в его планах было следующий роман цикла посвятить непосредственно революционным событиям. Вслед за эпилогом «Джузеппе Бальзамо» было помещено предуведомление, что далее автор представит роман, в котором охватит события с 1789 по 1794 гг., так что перед читателем предстанут основные этапы революционной истории [31, p. 2].

Что-то заставило скорректировать план: очередной роман цикла появился (печатался с декабря 1848 г.), но был посвящен событиям 1784–1786 гг. Он назывался «Ожерелье королевы» и рассказывал о скандале, имевшем всеевропейскую известность. Судебный процесс, разбиравший попытку Жанны де Ламотт завладеть баснословно дорогими украшениями, продемонстрировал вопиющую распущенность и коррумпированность придворной среды. Дело было настолько авантюрным, что разжигало любопытство даже без всякого «художественного оформления». Скажем, Луи Блан в «Истории французской революции» посвятил «расследованию» этой аферы не один десяток страниц [24, t. 2, p. 119–157] и констатировал, что «среди второстепенных причин революции, эта была, безусловно, самой яркой, самой действенной» [24, t. 2, p. 157]. Версия событий в романе Дюма была несколько фантастичной, представляла в качестве тайного «координатора» аферы Бальзамо, но вела к той же мысли – распущенность двора компрометировала власть и вела к революции.

Эта мысль была остро актуальной, когда ее в предреволюционной атмосфере высказывал в 1847 г. Л. Блан, но в романе, публиковавшемся через год после революции, она должна была смотреться как «общее место» прошлых политических баталий. Чтобы приблизить роман к политическому моменту, Дюма снабдил его предисловием, где напоминал, что «уже в 1832 году»[1] в книге «Галлия и Франция» предсказал революцию 1848 г., «изложил ее причины, проследил ее нарастание». В качестве подтверждения Дюма цитировал свои слова из этой книги: «Вот бездна, которая поглотит наше нынешнее правительство. Фонарь, который мы зажигаем на его пути, осветит лишь его крушение. <…> И раздастся голос: “Да погибнет королевская власть, но да спасет Бог короля!” И это будет мой голос» [8, т. 20, с. 5].

Это правда. Книга «Галлия и Франция» (историческое исследование романиста, основанное на значительном количестве источников [4, с. 10]), содержала объемный эпилог, в котором писатель прослеживал общую логику развития Франции с древнейших времен и заключал, что история Франции – постоянное движение от деспотизма к свободе. В этом контексте свержение монархии и упразднение дворянских привилегий в эпоху Великой революции – закономерный шаг [30, p. 354], реставрация – случайное нарушение «провиденциальной воли» [30, p. 355]; правление Луи-Филиппа – последняя ступень существования монархии [30, p. 357]. Так что в известной мере Дюма

[1] Здесь Дюма ошибочно датирует книгу «Галия и Франция» 1832 годом. На самом деле она вышла в 1833 г. В своих «Мемуарах» романист исправляет собственную ошибку и говорит, что эпилог к «Галии и Франции» создавался в 1833 г. [32, p. 265].

действительно предсказал революцию 1848 г. Июльская монархия с первых лет имела многих противников; Дюма это сознавал и сам ощущал себя в качестве оппозиционера [9, с. 114–115]. Вопрос в другом. Июльская монархия уже стала прошлым, новая реальность актуализировала вопрос не о пороках ушедшей королей, а о принципах и ценностях недавно провозглашенной Второй республики. И лучшим подспорьем в осмыслении этого вопроса было обращение к историческому примеру – к эпохе Первой республики.

То есть Дюма так же, как и Базанкур, наверняка, сознавал, что темп и масштаб политической современности, затмили для читателя увлекательность давно «обкатанных» романных интриг. Между тем «Джузеппе Бальзамо» и «Ожерелье королевы» писались «по старым лекалам»: мистика, мелодраматические эффекты, бесконечные диалоги, заговоры в подземельях, «манипулирование исторической хронологией» [44, p. 13] и т. д. Ситуация требовала, чтобы в следующих текстах были скорректированы выбор исторического материала и принципы его художественного преломления. И таким текстом, построенном на новом отношении к истории, для Дюма станет роман «Анж Питу», опубликованный, напомним, почти одновременно с «Монтаньяром…» барона де Базанура.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменившаяся после 1848 г. политическая и литературная реальность актуализировала интерес к событиям Великой французской революции и заставила авторов искать новые принципы отражения исторических событий в художественном тексте. Приходилось учитывать, что события Великой революции неизбежно будут восприниматься читателем в тесном соотнесении, с одной стороны, с современностью, а с другой – с историческими фактами, широко представленными в трудах историков. Это одновременно и политизировало тему, и ограничивало возможность замещать исторические факты вымыслом (или манипулировать фактами) в угоду занимательности текста или идеологическим запросам.

Первая часть романа барона де Базанкура «Монтаньяр, или Две республики…» повествовала об эпохе революционного террора 1793 г. и явно была призвана дискредитировать революционное движение вообще и республиканскую идею в частности; доказать, что революционные преобразования были навязаны Франции горсткой лиц из корыстных побуждений и личных амбиций. С этой целью автор демонизирует почти всех представленных в повествовании революционеров и романтизирует аристократов и монархистов. Проблема, однако, в том, что наиболее известные литературные произведения о Великой французской революции (О. де Бальзака, Ж. Санд, А. Дюма) внушали аудитории мысль прямо противоположную – о закономерности Великой революции как единственного пути к освобождению Франции от деспотизма и феодальных пережитков. Более того, исторические труды представляли обширный фактический материал, доказывающий ту же мысль – о закономерности Великой революции. Таким образом, идеологическая позиция барона де Базанкура вынуждалазаставляла его вступать в противоречие не только с другими литераторами, но и с историческими трудами, из которых ему, тем не менее, приходилось черпать фактический материал. То есть исторические факты в его распоряжении были те же, что у предшественников, а выводы должны были получиться прямо противоположными. Какими способами Базанкур добивался решения этой задачи, подробно рассмотрим в следующей статье нашего цикла.

Список литературы

1. *Айзенштоκ И. Я, Полянская Л. И.* Французские писатели в оценке царской цензуры // Литературное наследство. Т. 33–34. – М.: АН СССР, 1939. – С. 783–795.
2. *Арсеньев К. К.* Предисловие // Минье [Ф.-О.]. История французской революции. – СПб.: Изд. О. Н. Попова, 1895. – С. I–XXVII.
3. *Бальзак О. де.* Собр. соч.: В 24-х т. Т. 16. – М.: Правда, 1960. – 439 с.
4. *Бейнарович О. Л.* Эволюция творчества Александра Дюма от драмы к исторической прозе // Романский коллегиум: междисциплинарный сб. научных трудов. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. – С. 4–14.
5. *Белинский В. Г.* Полное собр. соч.: В 13-ти т. Т. V. Статьи и рецензии. 1841–1844. – М.: АН СССР, 1954. – 863 с.
6. *Вышкин А. Л.* Поэтика романов А. Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять»: Автореф. дисс ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Самара, 2009. – 23 с.
7. *Гордон А. В.* Историзм Жюля Мишле // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 49–63.
8. *Дюма А.* Собр. соч.: В 50-ти т. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1992–2005. – Т. 18, 20, 24.
9. *Земцов В. Н.* Алмаз и мщение: Дюма-отец, Наполеон и Июльская монархия // Запад, Восток и Россия: Историк и Власть. Вопросы всеобщей истории. Вып. 12. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 104–117.
10. *Кареев Н. И.* Историки французской революции. Т. 1. Французские историки первой половины XIX века. – Л.: Колос, 1924. – 286 с.
11. *Кареев Н. И.* Французская революция в историческом романе. – Пг., 1923. – 154 с. – Режим доступа: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/kareev-revolyuciya-v-romane/obschie-soobrazheniya.htm. – (Дата обращения: 23.03.2025).
12. *Карлейль Т.* История Французской революции / Пер. с англ. Ю. В. Дубровина и Е. А. Мельниковой (ч. I). – М.: Мысль, 1991. – 575 с.
13. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
14. *Пахсарьян Н. Т.* История как роман: «История французской революции» Ж. Мишле // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – № 3 (47): Литература и история – факт и вымысел. – С. 48–66.
15. *Раевская О. В.* Жюль Мишле и Ролан Барт: два подхода к присутствию автора в историографическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 8, История. – 2021. – № 5. – С. 118–128.
16. *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1956. – 533 с.
17. *Реизов Б. Г.* Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Худож. лит, 1958. – 568 с.
18. *Санд Ж.* Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1971. – 592 с.
19. *Смирнов А. Ю.* Империя Наполеона III. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.
20. *Тэн И.* Происхождение современной Франции [В 5 т.]. Т. 3. Якобинское завоевание. – СПб., 1907. – 228 с.
21. *Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы. – М.: Наука, 2007. – 307 с.
22. *Barante P. B. de.* Tableau de la littérature française pendant le dix-huitième siècle. – Paris: Charpentier, 1847. – 306 p.
23. *Bazancour [baron] de.* Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848. – Bruxelles: Kiessling et compagnie, 1850. – T. 1–5.
24. *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. 12 vol. – Paris, 1847–1862. – T. 1–12.
25. *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. T. 1. – Bruxelles: Meline, Cans et compagnie, 1847. – 468 p.
26. *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. T. 1. – Bruxelles: Furne et Cie, Pagnerre, 1869. – 570 p.
27. *Buchez P.-J.-B., Roux P.-C.* Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815: contenant la narration des événements... précédée d'une introduction sur l'histoire de France jusqu'à la convocation des États-Généraux. T. 1. – Paris: Paulin, 1834. – 480 p.
28. Compte rendu a l'Assemblée nationale, sur la conspiration des chiffonistes de la ville d'Arles. – Paris: L'imprimerie de Guerin, 1792. – 32 p.

29. *Court A.* Les Girondins de Lamartine. Un incendie. Un feu de paille // Cahiers de l'Association internationale des études francaises. – 1995. – № 47. – Pp. 305–321.
30. *Dumas A.* Gaule et France. – Paris: Victor Magen, 1835. – 375 p.
31. *Dumas A.* Joseph Balsamo. Épilogue // La Presse. 1848. – 22 janvier. – Pp. 1–2.
32. *Dumas A.* Mes mémoires. T. 6. – Paris: Lévy frères, 1863. – 314 p.
33. *Dumas A., Maquet A.* Le chevalier de Maison-Rouge, épisode du temps des girondins. Drame en cinq actes et douze tableaux. – Bruxelles: J. A. Lelong, 1847. – 130 p.
34. *Gignac M.* La théâtralité de la scène et de l'écran: le rôle du décor dans la fiction historique à travers l'exemple du "Chevalier de Maison-Rouge" (1847–1914) // Double jeu. – 2021. – № 18. – Pp. 151–168.
35. *Lamartine M. A.* de. Histoire des Girondins. – Paris: Furne & Cie, 1847. – T. I. – 493 p.; T. VIII. – 425 p.
36. *Michelet J.* Histoire de la Révolution française. – Paris: Chamerot, 1847–1853. – T. 1–6.
37. *Mignet F. A.* Histoire de la Révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814. – Paris, Firmin Didot, père et fils, 1824. – 744 p.
38. *Ritz O.* L'an IX ou l'historiographie de la Révolution en débat // La Révolution française. – 2016. – № 10. Режим доступа: http://journals.openedition.org/lrf/1603. – (Дата обращения: 23.01.2025).
39. *Robert V.* Théâtre et révolution à la veille de 1848. Le Chevalier de Maison-Rouge // Actes de la recherche en sciences sociales. – 2011. – Vol. 1. – № 186–187. – Pp. 30–41.
40. *Saminadayar-Perrin C.* Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate // Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas. – Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2019. – Pp. 47–62.
41. *Sand G.* Мопра // Московский наблюдатель. – 1837. – Ч. 13. – №. 9. – С. 49–89; – Ч. 13. – №. 10. – С. 131–175; Ч. 13. – №. 11. – С. 263–307; Ч. 13. – №. 12. – С. 389–438; Ч. 14. – №. 13. – С. 5–46; Ч. 14. – №. 14. – С. 127–162.
42. *Sand G.* Mauprat // Revue des Deux Mondes. – 1837. – T. 10. – Avril. – Pp. 5–58; Avril. – Pp. 177–250; Mai. – Pp. 320–388; Juin. – Pp. 561–643
43. *Sand G.* Mauprat. T. 2. – Paris: F. Bonnaire, 1837. – 407 p.
44. *Sawyer S.* La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art. – Montreal, 1994. – 162 p.
45. *Staël-Holstein G. de.* Considérations sur les principaux événemens de la Révolution françoise. T. 1. – Paris: Delaunay, Bossange et Masson, 1818. – 440 p.
46. *Stanovsky J.* Tableau de la France de Jules Michelet: espace géographique, historique ou politique? // Echo des études romanes. – 2018. – Vol. 14. – № 1/2. – Pp. 59–69.
47. *Thiers M. A., Bodin F.* Histoire de la Révolution française: accompagnée d'une histoire de la révolution de 1355, ou des États généraux sous le roi Jean. T. 1. – Paris, 1834. – 574 p.
48. *Viallaneix P.* Jules Michelet, évangeliste de la Révolution française // Archives de sciences sociales des religions. – 1988. – № 66/1. – Pp. 43–51.
49. *Viallaneix P.* Michelet et la Révélation de 1789 // Romantisme. – 1985. – № 50. Religions et religion. – Pp. 61–74.

References

1. Ajzenshtok I. Ja, Poljanskaja L. I. *Francuzskie pisateli v ocenke carskoj cenzury* [French writers in the assessment of the tsarist censorship]. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 33–34. Moscow, AN SSSR Publ., 1939, pp. 783–795.
2. Arsen'ev K. K. *Predislovie* [Preface]. *Mignet F. A. Istorija francuzskoj revoljucii*. St. Petersburg, Izd. O. N. Popova Publ., 1895, pp. I–XXVII.
3. Bal'zak O. de. *Sobranie sochinenij: V 24-h t. T. 16* [Collected Works: In 24 volumes. Vol. 16]. Moscow, Pravda Publ., 1960. 439 p.
4. Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 13-ti t. T. V. Stat'i i recenzii. 1841–1844* [Complete Works: In 13 volumes. Vol. V. Articles and Reviews. 1841–1844]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954. 863 p.
5. Bejnarovich O. L. Jevoljucija tvorchestva Aleksandra Djuma ot dramy k istoricheskoj proze [Evolution of the works of Alexandre Dumas from drama to historical prose]. Romanskij kollegium: mezhdisciplinarnyj sb. nauchnyh trudov. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet Publ., 2016, pp. 4–14.

6. Vyshkin A. L. *Pojetika romanov A. Djuma «Koroleva Margo», «Grafinja de Monsoro», «Sorok pjat'»: Avtoref. diss ... kand. filol. nauk* [Poetics of the novels by A. Dumas "Queen Margot", "Countess de Monsoreau", "Forty-five": Abstract of thesis]. Samara, 2009. 23 p.
7. Gordon A. V. *Istorizm Zhjulja Mishle* [The Historicism of Jules Michelet]. *Dialog so vremenem*, 2020, no. 72, pp. 49–63.
8. Djuma A. *Sobranie sochinenij*: V 50-ti t. [Collected Works: In 50 volumes]. Moscow, Art-Biznes-Centr Publ., 1992–2005, vols. 18, 20, 24.
9. Zemcov V. N. *Almaz i mshhenie: Djuma-otec, Napoleon i Ijul'skaja monarhija* [Diamond and Vengeance: Dumas père, Napoleon and the July Monarchy]. *Zapad, Vostok i Rossija: Istorik i Vlast'. Voprosy vseobshhej istorii. Vyp. 12*, Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2010, pp. 104–117.
10. Kareev N. I. *Istoriki francuzskoj revoljucii. T. 1. Francuzskie istoriki pervoj poloviny XIX veka* [Historians of the French Revolution. Vol. 1. French historians of the first half of the 19th century]. Leningrad, Kolos Publ., 1924. 286 p.
11. Kareev N. I. Francuzskaja revoljucija v istoricheskom romane [The French Revolution in the Historical Novel]. Petrograd, 1923. 154 p. Available from: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/kareev-revolyuciya-v-romane/obschie-soobrazheniya.htm (accessed 23.03.2025).
12. Karlejl' T. *Istorija Francuzskoj revoljucii* [History of the French Revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 575 p.
13. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
14. Pahsar'jan N. T. *Istorija kak roman: «Istorija francuzskoj revoljucii» Zh. Mishle* [History as a Novel: "History of the French Revolution" by J. Michelet]. *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2021, no. 3 (47): Literatura i istorija – fakt i vymysel, pp. 48–66.
15. Raevskaja O. V. *Zhjul' Mishle i Rolan Bart: dva podhoda k prisutstviju avtora v istoriograficheskom diskurse* [Jules Michelet and Roland Barthes: Two Approaches to the Presence of the Author in Historiographic Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8, Istorija*, 2021, no. 5, pp. 118–128.
16. Reizov B. G. *Francuzskaja romanticheskaja istoriografija* (1815–1830) [French romantic historiography (1815–1830)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1956. 533 p.
17. Reizov B. G. *Francuzskij istoricheskij roman v jepohu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1958. 568 p.
18. Sand Zh. *Sobranie sochinenij: V 9-ti t. T. 3.* [Collected works: In 9 volumes. Vol. 3]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1971. 592 p.
19. Smirnov A. Ju. *Imperija Napoleona III* [Empire of Napoleon III]. Moscow, Jeksmo Publ., 2003. 288 p.
20. Tjen I. *Proishozhdenie sovremennoj Francii [V 5 t.]. T. 3. Jakobinskoe zavoevanie* [The Origin of Modern France. Vol. 3. The Jacobin Conquest.]. St. Petersburg, 1907. 228 p.
21. Chudinov A. V. *Francuzskaja revoljucija: istorija i mify* [The French Revolution: History and Myths]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 307 p.
22. Barante P. B. de. *Tableau de la littérature française pendant le dix-huitième siècle*. Paris, Charpentier, 1847. 306 p.
23. Bazancour [baron] de. *Le Montagnard, ou les Deux républiques. 1793–1848*. Bruxelles: Kiessling et compagnie, 1850, vol. 1–5.
24. Blanc L. *Histoire de la Révolution française. 12 vol.* Paris, 1847–1862, vol. 1–12.
25. Blanc L. *Histoire de la Révolution française. T. 1.* Bruxelles, Meline, Cans et compagnie, 1847. 468 p.
26. Blanc L. *Histoire de la Révolution française. T. 1.* Bruxelles, Furne et Cie, Pagnerre, 1869. 570 p.
27. Buchez P.-J.-B., Roux P.-C. *Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815: contenant la narration des événements... précédée d'une introduction sur l'histoire de France jusqu'à la convocation des États-Généraux. T. 1.* Paris, Paulin, 1834. 480 p.
28. *Compte rendu a l'Assemblée nationale, sur la conspiration des chiffonistes de la ville d'Arles*. Paris, L'imprimerie de Guerin, 1792. 32 p.
29. Court A. *Les Girondins de Lamartine. Un incendie. Un feu de paille* // Cahiers de l'Association internationale des études francaises, 1995, no. 47, pp. 305–321.
30. Dumas A. *Gaule et France*. Paris, Victor Magen, 1835. 375 p.

31. Dumas A. *Joseph Balsamo. Épilogue* // La Presse, 1848, 22 janvier, pp. 1–2.
32. Dumas A. *Mes mémoires. T. 6.* Paris, Lévy frères, 1863. 314 p.
33. Dumas A., Maquet A. *Le chevalier de Maison-Rouge, épisode du temps des girondins. Drame en cinq actes et douze tableaux*. Bruxelles, J. A. Lelong, 1847. 130 p.
34. Gignac M. *La théâtralité de la scène et de l'écran: le rôle du décor dans la fiction historique à travers l'exemple du "Chevalier de Maison-Rouge" (1847–1914)* // Double jeu, 2021, no. 18, pp. 151–168.
35. Lamartine M. A. de. *Histoire des Girondins*. Paris, Furne & Cie, 1847, vol. 1, 8.
36. Michelet J. *Histoire de la Révolution française*. Paris, Chamerot, 1847–1853, vol., 1–6.
37. Mignet F. A. *Histoire de la Révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814*. Paris, Firmin Didot, père et fils, 1824. 744 p.
38. Ritz O. *L'an IX ou l'historiographie de la Révolution en débat* // La Révolution française, 2016, no. 10. Available from: http://journals.openedition.org/lrf/1603. (accessed: 23.01.2025).
39. Robert V. *Théâtre et révolution à la veille de 1848. Le Chevalier de Maison-Rouge* // Actes de la recherche en sciences sociales, 2011, vol. 1, no. 186–187, pp. 30–41.
40. Saminadayar-Perrin C. *Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate* // Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas. Besançon, Presses universitaires de Franche-Comté, 2019, pp. 47–62.
41. Sand G. *Monpa* // Московский наблюдатель, 1837, vol. 13, no. 9, pp. 49–89; vol. 13, no. 10, pp. 131–175; vol. 13, no. 11, pp. 263–307; vol. 13, no. 12, pp. 389–438; vol. 14, no. 13, pp. 5–46; vol. 14, no. 14, pp. 127–162.
42. Sand G. *Mauprat* // Revue des Deux Mondes, 1837, vol, 10, Avril, pp. 5–58; Avril, pp. 177–250; Mai, pp. 320–388; Juin, pp. 561–643
43. Sand G. *Mauprat. T. 2.* Paris: F. Bonnaire, 1837. 407 p.
44. Sawyer S. *La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art*. Montreal, 1994. 162 p.
45. Staël-Holstein G. de. *Considérations sur les principaux événemens de la Révolution françoise. T. 1*. Paris, Delaunay, Bossange et Masson, 1818. 440 p.
46. Stanovsky J. *Tableau de la France de Jules Michelet: espace géographique, historique ou politique?* // Echo des études romanes, 2018, vol. 14, no. 1-2, pp. 59–69.
47. Thiers M. A., Bodin F. *Histoire de la Révolution française: accompagnée d'une histoire de la révolution de 1355, ou des États généraux sous le roi Jean. T. 1.* Paris, 1834. 574 p.
48. Viallaneix P. *Jules Michelet, évangeliste de la Révolution française* // Archives de sciences sociales des religions, 1988, no. 66-1, pp. 43–51.
49. Viallaneix P. *Michelet et la Révélation de 1789* // Romantisme, 1985, no. 50. Religions et religion, pp. 61–74.

BARON DE BAZANCOURT: LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT. PART VII. "REVOLUTIONARY" NOVEL

Orekhov V. V.

The article examines the first part of Baron de Bazancourt's feuilleton novel "Montagnard, or Two Republics. 1793–1848", dedicated to the era of the Great French Revolution and published in 1850 in the monarchist newspaper L'Assemblée nationale. The article also focuses on the literary and historiographic context: works of art (O. de Balzac, J. Sand, A. Dumas) and historical works (A. Thiers, F.-O. Mignet, J. Michelet, A. de Lamartine, L. Blanc), which Bazancourt had to build on or, at least, take into account the existence of in the process of artistic interpretation of revolutionary events. The aforementioned literary texts and historical studies advanced the idea of the regularity of the Great French Revolution, which contradicted the ideological tasks that the monarchist Baron de Bazancourt set for his novel. As a result, the novelist found himself in a situation where he had to draw factual material from well-known historical works, but at the same time formulate sometimes directly opposite conclusions; this forced him to look for ways to radically rethink the historical material already introduced into reader circulation.
Key words: Baron de Bazancourt, Montagnard, A. Dumas, The Great French Revolution, 1793.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 122–130.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.111=811.512.145'33=811.411.21
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-122-130

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДЕОНТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ, КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Бекиров Р. А., Бекирова Л. И.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
rbekirov@mail.ru, bekirova.79@mail.ru

В работе рассматриваются вопросы выражения деонтической модальности в английском, крымскотатарском и арабском языках, а также вопросы функционирования модальных слов, модальных глаголов в рассматриваемых языках: «способность», «разрешение», «долженствование» и «возможность». Также рассмотрены примеры перевода с английского языка на крымскотатарский и арабский языки предложений, демонстрирующих деонтическую модальность и соответствующих английским модальным глаголам «should», «can» и «must/may». Как показывает практика, наиболее употребительными являются «استطاع» (мочь, быть в состоянии) и «أمكن» (быть возможным) как эквиваленты модального глагола «can», «وجب» (быть обязательным, являться долгом), «ينبغي» (следует, надлежит, необходимо) и «على» (предлог «на» вступающий в комбинацию с личными местоимениями) чаще всего используются для передачи значений таких глаголов как «should», «can» и «must/may». Что касается выбора переводных соответствий, то в данном случае необходимо отталкиваться от контекста, играющего главную роль при выборе модального глагола, так как значение зависит от субъективной оценки говорящего, эмоциональной нагрузки и экспрессии. Среди наиболее употребительных модальных слов крымскотатарского языка можно выделить: «керек», «мумкюн», «бельки».

Ключевые слова: модальность, деонтический, ангийский, крымскотатарский, арабский, контрастивная лингвистика.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из лингвистических категорий, обладающих сложностью и многоаспектностью, является модальность. Ее понятийный аппарат восходит к логике и философии. Именно философский подход к рассмотрению модальности помогает понять суть этого явления, заключённую в описание событий, требующих предиката мочь, передающего суть таких категорий как «возможное», «необходимое», «случайное», «предположение», «уверенность» и «сомнение». В лингвистике под модальностью в широком смысле принято понимать любые языковые средства, выражающие отношение говорящего к речевому акту. Одним из первых в языкознании определение модальности дал Ш. Балли: «Модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [3, с. 44]. Также он отметил одно из основных свойств модальных глаголов: передача различных оттенков суждения.

Актуальность работы обусловлена сравнительно слабой разработанностью данной тематики, особенно – в сопоставительном аспекте.

Что касается способов выражения модальности, то к ним принято относить любые средства языка, которые могут заключить в себе модальное значение: от артиклей до

модальных слов, глаголов и т. д. Модальность представляет собой сложный симбиоз логико-философских и лингвистических умозаключений, которые отображают семантику различных выражений, проявляющихся в таких типах значений как: намерение, суждение или точка зрения. И. В. Антипов и Р. П. Мильруд [8], Ю. В. Костюченко [5], Ф. Р. Палмер [17], Н. Г. Мингазова и Л. Ф. Шангараева [9] и ряд других ученых занимались вопросами модальности.

Функции модальности и модальных слов в крымскотатарском языке имеют следующее определение: «Модальные слова представляют собой группу слов, которые выражают отношение говорящего к тому, что он говорит. Такое отношение в речи семантически реализуется по-разному: в виде утверждения, возражения, неопределённости высказывания, отрицания, убеждения, предположения, сомнения, желания и т.д. Исторически они или восходят к самостоятельным словам, или образуются от них посредством словообразовательных элементов» [6, с. 280]. В арабском языке «модальность выражается посредством модальных глаголов и их производными, а также некоторыми иными средствами» [4; 13].

Согласно общей формулировке, деонтическая модальность передает значения «возможности», «необходимости» и «разрешения», проистекающие из действующих законов, традиций и моральных принципов. Однако по вопросам понимания определения деонтической модальности и подходов к исследованиям существуют различные мнения и доводы.

Так определяют проблему авторы статьи «Деонтическая модальность и лингвистические средства её репрезентации в кодексе профессиональной этики»: «Деонтическая модальность, или нормативная модальность, модальность долженствования – «характеристика практического действия с точки зрения определенной системы норм». Нормативный статус действия чаще всего выражается понятиями «обязательно», «разрешено», «запрещено», «(нормативно) безразлично», используемыми в нормативном высказывании.» [2, с. 106]. В статье принят в качестве основного тезис о прямом, номинативном значении деонтической модальности, где в качестве примеров приводятся выдержки из различных кодексов, что обусловлено характером статьи. При этом они отмечают следующее: «Деонтическая модальность – это выраженная в суждении информация, побуждающая людей к определенным поступкам. В естественном языке высказывание строится в форме совета, пожелания, команды, правила поведения или приказа. В таких суждениях часто присутствуют термины “запрещено, разрешено, имеет право, обязан, должен”» [2, с. 105].

А. В. Сытько отмечает: «Деонтическая модальность представляет выражение отношения субъекта речи к действиям, своим или окружающих, по созданию того или иного положения дел в мире. Выступая одним из важных элементов процесса познания действительности, она социально обусловлена.» [10, с. 15]. «Внутренняя необходимость субъекта представляет собой добровольное обязательство перед собой или другими, потребности, полезность, моральные установки (совесть, долг), напр.: Он должен это сделать: он обещал, или Он должен это сделать, иначе ему будет стыдно, или Он должен это сделать: ему это выгодно» [10, с. 17]. В статье «Функциональная семантика перволичных деонтических конструкций с речевыми глаголами» деонтическая модальность определяется следующим образом: «В деонтической конструкции используются инфинитивы глаголов любой семантики, обозначающие: поведенческие действия (ты должен пойти домой, надо мыть руки, необходимо создавать рабочие места);

ментальные действия и состояния (я должен подумать, тебе необходимо верить, нам надо знать); эмоциональные действия и состояния (тебе следует гордиться, вы должны радоваться); коммуникативную деятельность (я должен отметить, ты должен сказать)» [11, с. 158–159].

Ф. Р. Палмер [17], Абдель-Фаттах Махмуд М. [15], Джефри Лич и Дженнифер Котс [16] и ряд других авторов определяют вопрос деонтической модальности в более широком понимании этого явления, относя к ее вопросам не только проблемы, проистекающие из действующих законов, традиций и моральных принципов. Лич и Коатс, говоря о выражении оттенков модальности, называют это явление «семантической неопределенностью» [16, с. 25].

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к мнению, что вопросы деонтической модальности определяются не только вопросами действующих законов, норм этики, но также и проблемами её функционирования в естественном языке.

Перевод предложений английского, крымскотатарского и арабского языков позволяет ярко продемонстрировать средства выражения деонтической модальности. Основная проблема, с которой сталкивается переводчик, – это поиск подходящего значения модального глагола или иного средства передачи модальности. Чтобы упростить этот процесс, необходимо в первую очередь знать, к какой категории модальных глаголов или иных языковых стредств относится переводимое слово.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Способы выражения деонтической модальности в арабском и крымскотатарском языках, соответствующие «should»

We should change the organization of this event. – Бу тедбирнинъ тешкилятыны денъиштирмек керекмиз. – يجب أن نغير ترتيبات التدبير. – Нам следует изменить организацию этого мероприятия.

I should quit my role in this movie. – Мен бу фильмдеки ролюмни ташламакъ кереким. – ينبغي أن أعتزل دوري في هذا الفيلم. – Мне следует отказаться от моей роли в этом фильме.

You should inform that there will be an open lesson. – Сизлер ачыкъ дерс акъкъында хабер бермелисинъиз. – يجب عليك تقديم تقرير عن الدرس المفتوح. – Вы должны сообщить, что будет открытый урок.

«Should» (следует) переведен на крымскотатарский и арабский языки в указанных примерах с использованием различных модальных глаголов и модальных слов. В первом примере «should» переведен как «керек» и «يجب» соответственно. Ф. Р. Палмер утверждает, что «“ought to” (следует: моральный долг) и “should” рассматриваются в аспекте динамической необходимости, хотя иногда им присущи крайне деонтические характеристики». Также он добавляет, что «мы можем включить глаголы “should” и “ought to” в категорию деонтической модальности. Используя их в речи говорящий берет на себя ответственность за суждение, не вовлекая себя в само действие» [17].

Из указанных характеристик понятно, что модальный глагол «should» в английском языке более динамический, чем деонтический. Такие же характеристики присущи модальному глаголу «يجب» (вменяется в обязанность, должен, необходимо) в арабском языке и модальным словам «керек», «бермек» в крымскотатарском. Однако так как не существует явного правила в каких случаях использовать «يجب» или другие модальные глаголы, такие как «ينبغي» (является должным, необходимым) и «يتعيّن» (назначается,

должен, необходимо), у которого значение не столь явно эпистемично, остается лишь опираться на специфику стиля при выборе между «يجب» и «ينبغي».

«Should» во втором примере весьма приемлемо переведен как «керек» и «ينبغي», хотя «يجب» и «عليّ» (я должен) также уместны в данном случае. Комбинация «يجب» и «عليّ» в данном случае выражала бы слишком сильную модальность, которую в таком случае следовало бы рассматривать как эквивалент «меджбур».

В третьем примере глаголу «should» соответствует глагол «бермек». Однако необходимо отметить, что глагол «бермек» в этом примере находится в форме долженствовательного наклонения.

«Долженствовательное наклонение выражает действие, совершение или несовершение которого обязательно для субъекта. Грамматическая форма этого наклонения передается двухвариантным суффиксом *-малы* (после основ с заднерядными гласными) и *-мели* (после основ с переднерядными гласными).» [7, с. 235].

В арабском варианте переведен сочетанием глагола «يجب» и предлога со слитным местоимением «عليك», который акцентирует долженствование на конкретном субъекте. Это, в свою очередь, является маркером деонтической модальности.

Одной же из особенностей модальных глаголов современного арабского литературного языка является то, что, в основном, они используются в так называемой фиксированной форме: 3 лицо, единственное числа, мужской род, настояще-будущее время. Например: يمكن, ينبغي, يجب и т. д. Субъект долженствования при этом представлен либо в глаголе действия, либо в слитном местоимении, присоединяющемся непосредственно к модальному глаголу или посредством предлога.

Значение, которое может быть выведено из модального глагола «should», может нести в себе следующие интерпретации:

- Это – важно, чтобы ты знал о …
- Это – необходимо, чтобы ты знал о …
- Для тебя лучше знать о …

Если мы предположим, что любое значение из указанных выше может быть тем сообщением, которое пытался передать говорящий (безусловно, опираясь на контекст и подтекст), тогда, возможно, наиболее уместным будет перевести «should» используя перифразы: «сен ичюн бильмек муимдир» – «من المهم أن تعرف» (для тебя важно знать), «сен керчектен де бильмек керексинъ» – «من الضروري أن تعرف» (тебе крайне необходимо знать), «сен бильмек керексинъ» – «من المستحسن أن تعرف» (тебе будет лучше знать) для «it is important» (это – важно), «necessary» (необходимо) и «better for you to know» (тебе лучше знать) соответственно.

Способы выражения деонтической модальности в арабском и крымскотатарском языках, соответствующие «can»

Определяющую роль в понимании категории модальности играет контекст. Особенно ярко это иллюстрирует функционирование арабских глаголов, обозначающих разрешение и запрещение, то есть те значения, которые тождественны функциональной нагрузке модального глагола «can» в английском языке. Н. Д. Арутюнова утверждает, что «в языковом представлении высказывания решающую роль играет контекст, в котором выражается норма» [1, с. 68]. Рассмотрим реализацию этого тезиса в аспекте деонтической модальности на примере арабского, английского и крымскотатарского языков.

1. Can Jafar stay at home? – Джафер эвде къалмакъ мумкюнми? – هل يستطيع جعفر أن يبقى في البيت؟ – Джафар может остаться дома?

2. You can turn it off (TV); I'm not watching. – Оны (телевизорны) сёндюрмек мумкюн;мен бакъмайым . – يمكنك إغلاق التلفاز، فأنا لا أريد المشاهدة – Можно его (телевизор) выключить; я не смотрю.

3. To solve your problem, maybe I can be your lawyer? – Меселенъизни чезмек ичюн, бельки сизинъ адвокатынъыз олайым? – ربما أستطيع أن أكون محاميك لحل مشكلتك؟ – Чтобы решить вашу проблему, возможно, я могу стать вашим адвокатом?

«Can» (мочь/быть возможным) в указанных выше примерах явно несет в себе деонтическое разрешение; несмотря на это, в первом примере используется «استطاع» (мочь, быть в состоянии), а во втором и третьем – модальный глагол «أمكن» (быть возможным). В крымскотатарском варианте же в первом и втором предложениях используется модальное слово «мумкюн», а в третьем – «бельки» [7, с. 280].

Исследователь Судзуки утверждает, что «can», в отличие от «may» (можно/возможно), будучи использованным в указанных выше примерах, заключает в себе нюанс «способности»: «специфическое значение… приправлено нюансами других значений одного и того же модального глагола» [15]. Нюансы, описанные Судзуки, налицо в модальных глаголах «способности» и «разрешения» в арабском языке: «استطاع», «قدر» (мочь, быть в состоянии), «أمكن», «وسع» (быть позволительным, возможным, мочь), «جاز» (быть разрешённым, позволенным, допущенным) и «سمح» (позволять, допускать). Таким образом, смысл «способности» заключён в модальном глаголе «can» в первом и втором предложениях, а в третьем предложении значение глагола сугубо деонтическое.

Также сложно утверждать, что аспект «способности» может быть заключён в модальных глаголах «جاز» и «سمح». «استطاع», «قدر» и «وسع» изначально обозначают динамическую способность, в то время как «جاز» и «سمح» обозначают деонтическое разрешение. «أمكن» является скорее «противоречивым» по своему значению, если воспользоваться типологией неопределённости Лича [16; 15]. Таким образом, если контекст и подтекст не ясны, сложно определить подходящую опцию для перевода глагола категории «разрешения» или «способности».

Конструкция «لا يسمح لي» (мне не позволено) может быть использована только в том случае, если подтекст несёт в себе только значение разрешения.

Модальные глаголы «استطاع», «قدر» и «وسع» также могут быть использованы для перевода; однако, «جاز» и «سمح» неприемлемы в данном случае.

В третьем случае двойственная природа смысла: и «способность» и «разрешение» могут быть заключены в модальном глаголе в данном случае. Использование такого же двойственного по своему значению эквивалента будет хорошим выбором. Если «استطاع», «قدر» и «وسع» будут использованы, то будет преобладать более сильное значение способности; также возможно употребление деонтического разрешения, что, в данном случае перекликается с волитивным характером.

Роль «разрешения», «дозволения», «возможности» в крымскотатарском языке может играть модальное слово «мумкюн». Оно обладает меньшими деонтическими характеристиками, чем модальное слово «бельки».

Способы выражения деонтической модальности в крымскотатарском и арабском языках, соответствующие «must/may»

Директивы наиболее ярко иллюстрируют функционирование деонтической модальности. Перевод английских модальных глаголов «must» и «may» на крымскотатарский и арабский языки может быть осуществлен следующими способами.

1. You must keep what I've told you to yourself. – Мен санъа айткъанларымны озюнъде тутмакъ керексинъ. – عليك أن تحتفظ بما قلته لك لنفسك. – Ты должен сохранить при себе то, что я тебе сказал.

2. I must pass the exam; otherwise, they'll kick me out. – Манъа имтианымны тапшырмакъ керек, ёкъса къуварлар. – يجب علي أن أحرز الامتحان و إلا فصلوني. – Я должен сдать экзамен, иначе меня выгонят.

3. Learning a language must involve, to some degree, learning its culture. – Тильни огренювде белли бир дереджеде онынъ медениетини огренюв де олмакъ керек. – إن تعلم أي لغة يجب أن يشتمل و لحد ما تعلم ثقافتها – Изучение языка должно в определенной степени включать изучение его культуры.

4. You may eat now. – Энди ашамакъ мумкюн. – تستطيع أن تأكل الآن. – Теперь вы можете есть.

5. You may come in. – Сизге кирмек мумкюн. – . بإمكانك الدخول – Вы можете войти.

6. May I help you, sir? – Сизге ярдым керекми, эфендим? – ؟ هل باستطاعتي مساعدتك – Могу ли я вам помочь, сэр?

В первом примере «must» (должен) переведён на арабский язык как «علي» (я должен). Во втором и третьем примерах используется «يجب» (должен). «علي» и «يجب» взаимозаменяемы, в то время как «يجب عليك» (ты должен) является более сильной по значению конструкцией. В первом примере очевидно присутствие долженствования (авторитетного мнения). Также присутствует оттенок предупреждения, который не несёт в себе использованная модальность «عليك» (ты должен). В разговорных ситуациях, другие грамматические конструкции, такие как императив или предупреждение будут использоваться. Второй пример немного отличается от первого, хотя и является не менее импульсивным. Авторитетность суждения принадлежит не говорящему; она, скорее, внешняя, чем внутренняя и весьма предсказуема. Поэтому, этот пример несёт в себе оттенок эпистемиологической модальности вероятности. Также, может быть отмечен оттенок условности, выраженный в данном предложении. В разговорном арабском языке, «لزم» (надлежать, следовать, требоваться) заменяется на «يجب» чтобы передать задуманный смысл.

Третий пример иллюстрирует классическую проблему: неопределенность. Является ли модальный глагол «must» деонтическим? Или это явное использование субъектно-ориентированной динамической модальности? Или же «must» имеет эпистемический смысл? Все интерпретации возможны; таким образом, использование «يجب», который отличается неоднозначностью значений, как и «must», является хорошим выбором.

В крымскотатарском варианте перевода в трех первых предложениях находит применение модальное слово «керек», иллюстрируя те же характерные черты модальности, что и в английском и арабском вариантах.

Вторая группа примеров использует модальный глагол may для выражения трех значений разрешения (наиболее типичных значений, ассоциируемых с may). В четвертом примере используется модальный глагол «استطاع», который в дополнение к динамической способности может выражать разрешение. Очевидно, что аспект способности присутствует в указанном примере, но доминирующим значением является деонтическое разрешение. В крымскотатарском языке, в этом случае, наиболее уместным является использование модального слова «мумкюн». Исключением является последнее предложение, где нашло своё применение модальное слово «керек».

Подобное объяснение можно применить к следующему примеру. Авторитарный смысл в этом примере более сильно выражен, чем в предыдущем. «أمكن» использован,

чтобы передать «разрешительный» оттенок значения в арабском языке. Однако, «قدر» (в дополнение к «استطاع» и «وسع») обычно используется в такого рода ситуациях. В разговорном арабском языке «قدر» является единственно верным вариантом. Использование выражения «بإمكانك» (ты должен) вместо «يمكنك» (ты должен) никак не влияет на смысл. Несмотря на этот факт, при переводе с арабского языка на английский язык, они передаются следующими выражениями: «it is possible» (это возможно), «you have the permission» (у тебя есть разрешение), и так далее.

Последний пример имеет грамматическую конструкцию вопроса. Деонтическое значение в нем фокусируется на запросе «разрешения», находящегося в компетенции слушателя. В переводе на арабский язык использован модальный глагол «استطاع» и «هل» частица для создания грамматической конструкции «вопрос». Но в разговорной речи, возможно использование выражения «باستطاعتي» (я могу).

Другие модальные глаголы по типу «أمكن» могут быть использованы без вопросительной частицы, а также формы глагола «سمح» могут быть использованы в примерах литературного арабского языка; таким образом, «أتسمح لي بمساعدتك» (позволь не помочь тебе) является верным переводом. Использование модального глагола «may» в последнем примере подчёркивает вежливый и официальных характер вопроса. Данный смысл сложно передать на арабский язык. Замена модального глагола can на арабский вариант «استطاع» является верным решением, но не несёт в себе оттенок вежливости и официальности. Чтоб подчеркнуть этот оттенок значения следует использовать конструкции с глаголом «أمكن».

ВЫВОДЫ

Результаты исследования дают возможность выявить различные семантические свойства модальных слов, модальных глаголов в рассматриваемых языках: «способность», «разрешение», «долженствование» и «возможность». С точки зрения теории они происходят как от деонтической, так и эпистемической модальностей.

Нами были рассмотрены примеры перевода с английского языка на крымскотатарский и арабский языки предложений, демонстрирующих деонтическую модальность и соответстующих английским модальным глаголам «should», «can» и «must/may». Наиболее употребительными являются «استطاع» (мочь, быть в состоянии) и «أمكن» (быть возможным) как эквиваленты модального глагола «can», «وجب» (быть обязательным, являться долгом), «ينبغي» (следует, надлежит, необходимо) и «على» (предлог «на» вступающий в комбинацию с личными местоимениями) чаще всего используются для передачи значений глаголов «should», «can» и «must/may». Что касается выбора переводных соответствий, то необходимо отталкиваться от контекста, играющего главную роль при выборе модального глагола, так как многое зависит от субъективной оценки говорящего, эмоциональной нагрузки и экспрессии.

Среди наиболее употребительных модальных слов крымскотатарского языка можно выделить: «керек», «мумкюн», «бельки». Что касается глагола «бермек», то модальное значение ему придало долженствовательное наклонение. Основной проблемой, с которой сталкивается переводчик в процессе перевода модальных глаголов, является поиск подходящего значения модального глагола или же иного средства.

Список литературы

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд. испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
2. *Байдицкая Л. И., Сабурова Н. А.* Деонтическая модальность и лингвистические средства её репрезентации в кодексе профессиональной этики // Научный вестник Воронежского

государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №5 (19). – С. 105–110.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Из-во Иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. *Гранде Б. М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 592 с.
5. *Костюченко В. Ю.* Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2018. – № 3. – С. 71–82.
6. *Меметов А.* Земаневий къырымтатар тили. – Симферополь: Къырым девлет окъув педагогика нешрияты, 2006. – 320 с. – Къырымтатар тилинде.
7. *Меметов А., Мусаев К.* Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.
8. *Мильруд Р. П., Антипов И. В.* Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. Томский государственный университет. – 2009. – №1 (5). – С. 29–38.
9. *Мингазова Н. Г., Шангараева Л. Ф.* Категория модальности в татарском и арабском языках // Филология и культура. – 2013. – №3 (13). – С. 94–97.
10. *Сытько А. В.* Понятийное содержание воли в деонтической семантике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2019. – № 2. – С. 15–22.
11. *Сытько А. В.* Функциональная семантика перволичных деонтических конструкций с речевыми глаголами (на материале немецкого и русского языков) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2021. – № 199. – С. 158–170.
12. *Шагаль В. Э., Мерекин М. Н., Забиров Ф. С.* Учебник арабского языка. – М.: Воениздат, 1983. – 784 с.
13. *Юшманов Н. В.* Грамматика литературного арабского языка. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 1999. – 160 с.
14. Электронная библиотека ИФ РАН Деонтология. – Режим доступа: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc25c36368caea0a5d95c. – (Дата обращения: 20.12.2024).
15. *Abdel-Fattah M. M.* On the Translation of Modals from English into Arabic and Vice Versa: The Case of Deontic Modality. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/248905985_On_the_Translation_of_Modals_from_English_into_Arabic_and_Vice_Versa_The_Case_of_Deontic_Modality. – (Дата обращения: 24.12.2024).
16. *Coates J., Leech G. N.* The Meanings of the Modals in British and American English //York Papers in Liguistics. – 1980. – №8. – pp. 23–34.
17. *Palmer F. R.* Mood and modality. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 254 p.
18. *Wilson D., Sperber D.* Relevance Theory. – Режим доступа: https://www.dan.sperber.fr/?p=93. – (Дата обращения: 09.01.2025).

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of human]. 2-nd ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Baiditskaya L. I., Saburova N. A. *Deonticheskaya modal'nost' i lingvisticheskie sredstva ee reprezentatsii v kodekse professional'noi ehtiki* [Deontic modality and linguistic means of its representation in the code of professional ethics] *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universitetayu. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2015, no. 5 (19), pp. 105–110.
3. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Inostrannaja literature Publ., 1955. 416 p.
4. Grande B. M. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Course of Arabic grammar in comparative historical coverage]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 592 p.
5. Kostyuchenko V. Yu. *Kategoriya modal'nosti s tochki zreniya logiki i lingvistiki: skhodstva, razlichiya i perspektivy sinteza* [The category of modality from the point of view of logic and linguistics: similarities, differences and prospects for synthesis]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, no. 3, pp. 71–82.

6. Memetov A. *Zemanevii k"yrymtatar tili* [Moder Crimean Tatar language]. Simferopol', K"yrym devlet ok"uv pedagogika neshriyaty Publ., 2006. 320 p. K"yrymtatar tilinde.
7. Memetov A., Musaev K. *Krymtatarskii yazyk. CH. I. Obshchie svedeniya o yazyke. CH. II. Morfologiya. Uchebnoe posobie* [Crimea Tatar language. P. I. General information about the language. P. II. Morphology. Textbook]. Simferopol', Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 2003. 288 p.
8. Mil'rud R. P., Antipov I. V. *Tipologicheskie kharakteristiki modal'nosti v nauchno-issledovatel'skom pis'mennom tekste* [Typological characteristics of modality in scientific research written text]. *Yazyk i kul'tura. Tomskii gosudarstvennyi universitet*, 2009, no. 1 (5), pp. 29–38.
9. Mingazova N.G., Shangaraeva L.F. *Kategoriya modal'nosti v tatarskom i arabskom yazykakh* [Category of modality in the Tatar and Arabic languages]. *Filologiya i kul'tura*, 2013, no. 3 (13), pp. 94–97.
10. Syt'ko A. V. *Ponyatiinoe soderzhanie voli v deonticheskoi semantike* [Conceptual content of will in deontic semantics] *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2019, no. №2, pp. 15–22.
11. Syt'ko A. V. *Funktsional'naya semantika pervolichnykh deonticheskikh konstruktsii s rechevymi glagolami (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)* [Functional semantics of primary deontic constructions with speech verbs (based on the German and Russian languages)] *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2021, no. 199, pp. 158–170.
12. Shagal' V. E., Merekin M. N., Zabirov F. S. *Uchebnik arabskogo yazyka* [Arabic textbook]. Moscow, Voenizdat Publ., 1983. 784 p.
13. Yushmanov N. V. *Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka* [Grammar of the Literary Arabic language]. St. Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 1999. 160 p.
14. *Ehlektronnaya biblioteka IF RAN Deontologiya* [Electronic library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Deontology]. Available from: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc25c36368caea0a5d95c. (accessed 20 December 2024).
15. Abdel-Fattah M. M. *On the Translation of Modals from English into Arabic and Vice Versa: The Case of Deontic Modality*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/248905985_On_the_Translation_of_Modals_from_English_into_Arabic_and_Vice_Versa_The_Case_of_Deontic_Modality. (accessed 24 December 2024).
16. Coates J., Leech G. N. *The Meanings of the Modals in British and American English*. *York Papers in Liguistics*, 1980, no.8, pp. 23–34.
17. Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 254 p.
18. Wilson D., Sperber D. *Relevance Theory*. Available from: https://www.dan.sperber.fr/?p=93. (accessed 9 January 2025)

WAYS OF EXPRESSING DEONTIC MODALITY IN THE ENGLISH, CRIMEAN TATAR AND ARABIC LANGUAGES

Bekirov R. A., Bekirova L. I.

The work examines the issues of expressing deontic modality in English, Crimean Tatar and Arabic, as well as the issues of the functioning of modal words, modal verbs in the languages under consideration: “ability”, “permission”, “should” and “possibility”. At the same time, we examined examples of translation from English into Crimean Tatar and Arabic of sentences demonstrating deontic modality and corresponding to the English modal verbs "should", "can" and "must/may". As practice shows, the most commonly used are "استطاع" (to be able, to be able) and "أمكن" (to be possible) as equivalents of the modal verb "can", "وجب" (to be obligatory, to be a duty), "ينبغي" (should, it is necessary, it is necessary) and "على" (the preposition "na" entering into combination with personal pronouns) are most often used to convey the meanings of such verbs as "should", "can" and "must/may". As for the choice of translation correspondences, in this case it is necessary to start from the context, which plays a major role in the choice of a modal verb, since it completely depends on the subjective assessment of the speaker, emotional load and expression. Among the most commonly used modal words of the Crimean Tatar language are: "kerek", "mumkyun", "belki". It is obvious that the main problem that a translator faces in the process of translating modal verbs is finding a suitable meaning of a modal verb or other means.

Keywords: modality, deontic, English, Crimean Tatar, Arabic, contrastive linguistics.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 131–137.

УДК 811.512.161:81'373
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-131-137

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Джелилова Л. Ш.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Симферополь, Российская Федерация
trysto@mail.ru

В статье рассматриваются виды языковых гендерных маркеров и общие принципы их использования в процессе конструирования моделей феминности в дискурсе турецкой бытовой и литературной речи. Рассмотрено эксплицированное в турецком языке отношение общества к женскому началу и использование гендерно маркированной лексики в качестве средства передачи различных коннотаций. В лексикографический материал статьи вошли гендерно маркированные лексические единицы, содержащие в той или иной форме указание на пол, слова с оценочными семами, служащие для характеристики женщин и различных явлений. Была выделена лексика, содержащая гендерные маркеры по метафорическому принципу: 1) номинации, репрезентирующих биологические признаки лиц женского пола; 2) группа артефактоморфизмов, использующих физиологическую схожесть или схожесть характера/нрава женщины; 3) мифоморфизмы; 4) номинации, использующие указания на возраст женщины и ее статус в семье/браке. Отдельную группу составили наименования, в которых семантические признаки женского пола поддерживаются также с помощью морфологического индикатора и женских имен. Зафиксирована тенденция образования негативно коннотированных гендерно маркированных неологизмов. Это дает представление о том, как внешние признаки феминности, закрепившиеся в турецкой культуре, экстраполируются языком на лексику, не связанную с биологическим полом: фитонимы, зоонимы, артефакты и др. – по признаку внешнего или внутреннего сходства. Отмечены способы морфологической передачи семантического признака пола в заимствованных словах. Указан также лексический способ передачи признака женского пола с помощью слова *kadın* «женщина».

Ключевые слова: современный турецкий язык, гендерно маркированная лексика, модели феминности, конструкты гендерной лексики.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время гендерно маркированная лексика рассматривается как понятие, связанное с применением особых стратегий передачи образных средств в художественном тексте. К исследованию данной темы, в соответствии с акцентом на определенную область изучения гендера в современной лингвистике, можно отнести исследования, выполненные на стыке таких наук как социология, лингвистика и культурология (А. В. Кирилина, И. Е. Герасименко, И. И. Халеева, М. В. Томская). Когнитивно-лингвокультурологическое направление в изучении гендера особо выделяются работы В. А. Ефремова, Л. Н. Денисовой, Т. С. Чехоевой, Д. В. Минец. Дискурсивным изучением гендера в современной лингвистике занимались Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, Л. Г. Дуняшева, М. В. Демина), а лексикографическим Е. С. Гриценко, И. В. Зыкова, М. В. Сергеева, В. А. Ефремов и З. И. Резанова.

В современном турецком языкознании обширных исследований на данную тему нет. Существуют словари турецкого языка (толковые, диалектологические, словари городских или профессиональных арго/жаргонов), в которых гендерно маркированные слова указаны с некоторыми пояснениями и этимологией. Новизна нашего исследования обусловлена тем, что впервые лингвокультурологическому описанию подвергается пласт современной турецкой лексики, маркированной по гендерному признаку.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, тюркские языки в общем, и турецкий язык в частности, не имеют грамматической категории рода, что не отменяет наличие различий по полу у ряда существительных как объективного факта. Поэтому носителям языков данной языковой группы порой несложно определить «пол» существительного. Эти знания имплицитно присутствуют у носителей языка и проявляются, например, при построении устойчивых, эмоционально окрашенных словосочетаний. Напр.: *İstanbul baba. Ankara ana. Heybetli Fırat* (рус. *Отец-покровитель Стамбул. Матушка Анкара. Могущественный Ефрат* и др.). При построении подобных словосочетаний, как видим, используется правило: существительное с конечным гласным – женского рода; сущ. с конечным согласным звуком принадлежит мужскому роду).

Гендерно маркированная лексика проявляет скрытые в подсознании носителей языка знания родового потенциала существительных, выражает социокультурные особенности восприятия конкретным народом мужского и женского. В нашем исследовании мы рассматриваем эксплицированное в турецком языке отношение общества к женскому началу и использование гендерно маркированной лексики в качестве средства передачи различных коннотаций. В наш лексикографический материал входят гендерно маркированные лексические единицы, содержащие в той или иной форме указание на пол, слова с оценочными семами, служащие для характеристики женщин и различных явлений. В работе выделены универсальные закономерности и национально-специфические особенности понятий и их функционирования в речи.

Номинаций, репрезентирующих биологические признаки, характерные только для лиц женского пола, довольно много в турецком языке: *Dağanası* или *Dağlaranası* – очень крупная, грузная женщина. Буквально «Матерь гор»; *Suanası* – (зоол.) медуза морская. Буквально «мать воды»; *Erkek Fatma* – волевая, сильная, неуклюжая, грубоватая женщина. Буквально «мужик-Фатма, гром-баба»; *Denizgüzeli* – (зоол. *Arctocephalinae*. Морской котик). Полная, круглая, крупная женщина. Буквально «морская красавица»; *Devanası* – очень полная, крупная женщина. Буквально «мамка великана». Часть этой лексики живет в фольклоре и текстах художественной литературы. Встречаются и слова-термины.

Физиологическая схожесть или схожесть характера/нрава женщины стала определяющим признаком для следующей группы артефактоморфизмов (слов, отражающих процесс наделения артефактов антропоморфными признаками): *Ajda bardağı* – изящный чайный стакан. Буквально «талия Ажды»; *Cadısüpürgesi* – метла с длиной рукоятью. Буквально «ведьмина метла».

Мифоморфизмов в турецком языке немного, однако они широко используются в бытовой речи: *Cadı* – ведьма (злая женщина); *Melek* – ангел (кроткая женщина); *Tanrıça* – богиня (красивая женщина); *Denizkızı* – русалка. Буквально «морская дева»; *Cadıkazanı* – круговерть, свистопляска. Буквально «ведьмин котёл».

Достаточно много слов в турецком языке с компонентом *ebe (*рус. *повитуха, баба): Dilebesi* – болтун, болтунья, сплетница. Буквально «языкастая; повитуха-сплетница»; *Ebekuşağı* – радуга. Буквально «повитухин кушак/пояс; широкий, тугой пояс»; *Ebebulguru* – снежная крупа (крупные осадки). Буквально «повитухин булгур»; *Ebegümeci* – (бот. *Malva*) Многолетнее растение. Просвирник. Мальва. Буквально «повитухина чаша».

В турецкой речи широко распространены номинации, указывающие на возраст женщины и ее статус в семье/браке, в том числе для метафорического наименования

растений. Это могут быть термины родства или просто различные номинации: *Elkızı* – чужачка, невестка. Буквально «чужая девка»; *Evkadını; Evhanımı* – хозяйка дома, домохозяйка. Буквально «домашняя ханума»; *Kaynanadili* – (бот.) Опунция (кактусовое растение). Буквально «тёщин язык»; *Kızkurusu* – старая дева. Буквально «сухоцвет; пустоцвет; высохшая дева»; *Lohusaotu* – (бот.) кирказо́н, или аристоло́хия (многолетние лианы). Буквально «трава роженицы».

Зоологическая и ботаническая терминология турецкого языка изобилует гендерно маркированной лексикой. Целый ряд зоонимов и фитонимов, например, используют компонент *gelin* (рус. *невестушка*): *Gelinböceği* – (зоол. *семиточечная божья коровка*). Буквально «букашка-невеста»; *Gelinkuşu* – (зоол. *жаворонок*). Буквально «невестушка пташка»; *Gelincik* – (зоол. *ласка)*. Буквально «невестушка»; *Gelinotu* – (бот. *физалис обыкновенный*). Буквально «невестина трава»; *Gelincik* – (бот. *мак-самосейка)*. Буквально «невестушка»; *Gelinfeneri* – (бот. *физалис обыкновенный*). Буквально «невестин фонарь»; *Gelinparmağı* – (бот. *конский щавель (авелук), портулак*). Буквально «невестин палец».

Единственное слово с компонентом *gelin*, где выделены кротость и нежность нрава человека (женщины): *Gelinhavası* – штиль; тихая, ясная погода. Буквально «невестина погода».

Фитонимы с компонентом *güzel* (рус. *краса, красавица*): *Camgüzeli* – (бот. *Impatiens walleriana*) Недотрога Уоллера. Буквально «Оконная красавица»; *Çayırgüzeli* – (бот. *Erarostis*). Полевичка (цветок полевой). Буквально «Краса лугов»; *Denizgülü* – (бот. *Anemone Viridis*). Европейский вид морской Актинии. Буквально «морская роза».

Многочисленны фитонимы с компонентами *avrat, hatun* (рус. *бабёночка, красотка*): *Güzelavratotu* – (бот. *Atropa Belladonna*). Белладонна, красавка, сонная одурь. Буквально «трава красивой бабы»; *Dulavratotu* – (бот. *Greater burdock*). Лопух большой, репейник. Буквально «Вдовья трава; трава вдовушки»; *Güzelhatun* – (бот. *Amaryllıs*) цветок амариллис. Буквально «красотка».

Зоонимы, фитонимы и иные слова с компонентом *hanım* (рус. *женщина, жена, дама*): *Hanımeli* – (бот.) каприфо́ль, жимолость душистая. Буквально «ладонь госпожи»; *Hanımparmağı* – (бот.) сорт винограда «Дамский палец»; *Hanımböceği* – (зоол.) божья коровка. Буквально «Дама-жучиха»; *Kirlihanım (peyniri)* – сорт подсушенной, поджаренной брынзы. Буквально «выпачканная дама».

Особый интерес в турецком языке представляют слова со скрытым эротическим подтекстом (лексика старой османской дворцовой культуры). Слова с компонентом *kadın* (рус. *женщина*) и др.: *Kadıngöbeği, Hanımgöbeği* – вид кондитерской сладости, печеньице с пупком. Буквально «дамский пупок»; *Kadınbudu* – мясные биточки из фарша, яиц и риса. Буквально «дамские бедра»; *Kadındüğmesi* – (бот.) Гомфрена шаровидная, шаровидный амарант (съедобное растение). Буквально «дамские пуговки»; *Kadıntuzluğu* – (бот.) барбарис обыкновенный. Буквально «дамская соль/солонка»; *Dilberdudağı* – вид восточной сладости. Буквально «губы красавицы».

Слова с компонентом *kız* (рус. *девушка, девица*): *Kızkuşu* – (зоол.) чибис. Буквально «птица-девица»; *Kızböceği* – (зоол.) стрекоза плоская. Буквально «девичье насекомое»; *Kızmemesi* – (бот.) сорт мелкого персика. Буквально «девичья грудь».

Женские имена собственные издревле использовались в зоонимах и фитонимах (особенно в названиях с религиозным подтекстом; при наименовании трав, ягод, в целительную силу которых верили): *Ayşekadın fasulye* – (бот.) крупная плоская стручковая фасоль. Буквально «фасоль тётушки Айше»; *Havvaanaeli* – (бот. *Anastatica hierochuntia*).

Однолетнее растение с мелкими белыми цветами. Буквально «Ладонь прародительницы/матери-Евы»; *Karafatma* – (зоол.) черный таракан. Буквально «чёрная Фатма»; *Fatmaanaeli* – оберег, амулет природного вида или изделие. Буквально «ладонь святой матушки Фатимы»; *Meryemanaeldiveni* – (бот. *Campanula rotundıfolıa*) колокольчик круглолистный. Буквально «рукавица матери-Марии»; *Meryemanakulağı* – (бот.) иерихóнская рóза (однолетнее растение рода Анастатика). Буквально «Ухо матери-Марии»; *Meryemana asması* – ползучее растение, лианы, вьюн. Буквально «покров матери-Марии»; *Meryemana dikeni* – (бот.) расторóпша пятни́стая. Буквально «шипы/тёрн матери-Марии».

Слова с начальным компонентом *ana* «мать» всегда имели особое значение в турецком язык. *Ana* слово с широким диапазоном значений в гражданском, социальном и политическом плане. Используется в значении *родительницы, основы, оплота, главного, основного, центрального, чего-то очень важного* и закрепляет за собой второе существительное, грамматически образуя стяжательное слово гендерного порядка. Трансформация первоначального значения слова *мать* не уменьшает его значимости. Напротив, эти стяжательные конструкции обозначают мощь и важность: *Anavatan* Родина-мать, *Anayurt* родной край, *anayol* автотрасса, *anacadde* проспект, *anaokulu* детский сад, *anahat* основная линия/трубопровод, *anasayfa* титульный лист, *anasorun* – главный бич (социального характера), *Anayasa* конституция и др.

В современном турецком языке последних десятилетий образовались гендерно маркированные неологизмы: *Hanımköylü* подкаблучник, букв. «из жениной деревни», *Kadınsı* нежный, женственный; *Hanımhanımcık* скромный, букв. «как красна девица»; *Anaç* «по-матерински добрый»; *Anneci* «мамин сынок/дочь». Неологизмы немногочисленны, однако широко употребимы.

Отдельно в нашей работе необходимо выделить морфологически образованные слова-феминитивы турецкого языка, которых не так много. Их, так сказать, «производство» в турецком языке не представляется возможным по причине отсутствия категории рода существительных. Феминитивы арабского языка стали заимствованиями в турецком языке. В арабском они образуются очень просто — добавлением к основе мужского рода буквы *(«та марбута»*, которая читается как [а]). К примеру: ملك – ملكة малик / малика «король – королева»), شأعر شأعر шаир / шаире «поэт, поэтесса» и т. д.

Есть несколько феминитивов, заимствованных из славянских языков: *kraliçe* краличе «королева», *çariçe* чариче «царица»; феминитивы, заимствованные из французского *kontes* (фр. *comtesse*) «графиня», *aktris* (фр. *actrice*) «актриса», *konsomatris* (фр. *consommatrice*) «эскорт-девица, развлекающая девушка». Все эти феминитивы используются в турецком языке без каких-либо изменений.

Собственно, в турецком языке для того, чтобы назвать лицо женского пола по профессии или роду занятий, прибегают к лексическому способу: к соответствующему существительному добавляется слово *kadın* «женщина». Только таким пояснительным образом можно указать на женский род второго существительного. Например, *kadın barmen* «женщина-бармен», *kadın kasiyer* «кассирша», *kadın terzi* «портниха», *kadın hakem* «женщина-судья», *kadın satıcı* «продавщица», *kadın çevirmen* «переводчица», *kadın ressam* «художница», *kadın avukat* «женщина-адвокат», *kadın gazeteci* «журналистка» и т. д.

Гендерный маркер *kadın* может стоять и вторым/последующим: *kasiyer kadın* «кассирша», *terzi kadın* «портниха» и т. д. Порядок слов тут не имеет особого значения. Однако следует отметить, что в последних примерах нами были рассмотрены не феминитивы в строгом смысле слова, а гендерно маркированные словосочетания.

ВЫВОДЫ

Таким образом, несмотря на формальное отсутствие категории рода в турецком языке, гендерно маркированная лексика в нем является часто встречающимся явлением. Часть рассмотренных нами примеров содержит гендерные маркеры по принципу внешнего или внутреннего сходства: 1) номинации, репрезентирующих биологические признаки лиц женского пола; 2) группа артефактоморфизмов, использующих физиологическую схожесть или схожесть характера/нрава женщины; 3) мифоморфизмы; 4) номинации, использующие указания на возраст женщины и ее статус в семье/браке. В данной категории отдельную группу составляют наименования, в которых семантические признаки женского пола поддерживаются также с помощью морфологических показателей *gelin* (рус. *невестушка*), *güzel* (рус. *краса, красавица*), *kız* (рус. *девушка, девица*), *kadın* (рус. *женщина*), *ebe (*рус. *повитуха, баба), ana* (рус. *мать*) и т. п. и женских имен. Обращает на себя внимание также тенденция образования негативно коннотированных гендерно маркированных неологизмов для обозначения феминного мужчины или юноши (с морфологическими индикаторами *hanım*, *kadın*, *ana).* Отмечены способы морфологической передачи семантического признака пола в заимствованных словах: феминитивы арабского происхождения, образованные в арабском добавлением к основе мужского рода буквы □, феминитивы из славянских и романских языков с морфологическими индикаторами соответственно *–çe* и *–is.* Указан также лексический способ передачи признака женского пола с помощью слова *kadın* «женщина».

В заключение можно отметить, что формирование гендерных стереотипов подразумевает практику приписывать женщинам и мужчинам конкретные свойства, качества или роли на основании их принадлежности к социальной группе женщин или мужчин. В нашей работе мы показали, как внешние признаки феминности, закрепившиеся в турецкой культуре, экстраполируются языком на лексику, не связанную с биологическим полом: фитонимы, зоонимы, артефакты и др. – по признаку внешнего или внутреннего сходства.

Список литературы

1. *Демешкина Т. А., Толстова М. А.* Концепция диалектного словаря гендерно маркированной лексики // Сибирский филологический журнал. – 2022. – №2. – С. 187–200.
2. *Грищенко Е. С.* Женщины и женственность в американском предвыборном дискурсе // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 3. – С. 112–123.
3. *Грищенко Е. С.* Язык как средство конструирования гендера: дис. … д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2005. – 401 с.
4. *Демешкина Т. А., Толстова М. А.* Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 12. – С. 83–105.
5. *Демешкина Т. А., Толстова М. А.* Концепция диалектного словаря гендерно маркированной лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – 3 (215). – С. 17-24
6. *Ефремов В. А.* Гендерные стереотипы и русская лексикография // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6. – С. 100–111
7. *Зыкова И. В.* Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 219 с.
8. *Кирилина А. В.* Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. – 2002.– № 2. – С.134–141.
9. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во ин-та социологии РАН, 1999. – 189 с.

10. *Колесникова М. С.* Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М.: Рудомино, 2002. – С. 28–36.
11. *Резанова З. И.* Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 47–57.
12. *Рябова Т. Б., Мутаев У. К., Карушева Ю. М.* «Родина-мать» в символической политике современной России глазами россиян // Женщина в российском обществе. Этнополитология: гендерные аспекты. – 2016. – № 4. – С. 31-42.
13. *Dalkıranoğlu B.* Kadınla İlgili 20 Kelimenin Anlamı ve Etimolojik Kökeni. // Liste List. – 2017. – 8 Mayıs. – Available from: https://listelist.com/kadinla-ilgili-kelimeler/ (accessed 25 January 2025).

References

1. Bulygina E. Ju., Tripol'skaja T. A. *Genderno markirovannaja leksika: leksikograficheskaja tradicija i dinamicheskie processy v sovremennom russkom jazyke* [Gender-marked vocabulary: lexicographic tradition and dynamic processes in modern Russian language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2022, no. 2, pp. 187–200.
2. Gricenko E. S. *Zhenshhiny i zhenstvennost' v amerikanskom predvybornom diskurse* [Women and Femininity in American Election Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 2009, no. 3, pp. 112–123.
3. Gricenko E. S. *Jazyk kak sredstvo konstruirovanija gendera*: *dis. … d-ra filol. nauk*. [Language as a means of constructing gender, DSc thesis in Philology]. Nijnii Novgorod, 2005. 401 p.
4. Demeshkina T. A., Tolstova M. A. *Gendernaja dialektologija i slovari kak ee istochnik* [Gender dialectology and dictionaries as its source]. *Voprosy leksikografii*, 2017, no. 12, pp. 83–105.
5. Demeshkina T. A., Tolstova M. A. *Koncepcija dialektnogo slovarja genderno markirovannoj leksiki* [The concept of a dialectal dictionary of gender-marked vocabulary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 3 (215), pp. 17–24.
6. Efremov V. A. *Gendernye stereotipy i russkaja leksikografija* [Gender Stereotypes and Russian Lexicography]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no. 6, pp. 100–111.
7. Zykova I. V. *Gendernyj komponent v strukture i semantike frazeologicheskih edinic sovremennogo anglijskogo jazyka*: *dis. ... kand. filol. nauk* [Gender component in the structure and semantics of phraseological units of the modern English language: PhD thesis]. Moscow, 2002. 219 p.
8. Kirilina A. V. *Vozmozhnosti gendernogo podhoda v antropoorientirovannom izuchenii jazyka i kommunikacii* [Possibilities of a gender approach in anthropocentric study of language and communication] // Kavkazovedenie. Caucasiology. – m., 2002.– no.2. – s. 134–141.
9. Kirilina A. V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow, Institut sociologii RAN Publ., 1999. 189 p.
10. Kolesnikova M. S. *Leksikograficheskie aspekty sovremennyh gendernyh issledovanij* [Lexicographic aspects of modern gender studies]. *Gender kak intriga poznanija: gendernye issledovanija v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikacii*. Moscow, Rudomino Publ., 2002, pp. 28–36.
11. Rezanova Z. I. *Gendernaja metafora: tipologija, leksikograficheskaja interpretacija, kontekstnaja reprezentacija* [Gender Metaphor: Typology, Lexicographic Interpretation, Contextual Representation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Filologija*, 2011, no. 2 (14), pp. 47–57.
12. Rjabova T. B., Mutaev U. K., Karusheva Ju. M. *«Rodina-mat'» v simvolicheskoj politike sovremennoj rossii glazami rossijan* [«Motherland» in the symbolic politics of modern Russia through the eyes of Russians]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve. Jetnopolitologija: gendernye aspekty*, 2016, no. 4, pp. 31–42.
13. Dalkıranoğlu B. *Kadınla ilgili 20 kelimenin anlamı ve etimolojik kökeni* [The meaning and etymology of 20 words related to women]. *Liste list*, 2017, 8 mayis. Available from: https://listelist.com/kadinla-ilgili-kelimeler/ (accessed 25 January 2025).

THE GENDER MARKED VOCABULARY IN THE MODERN TURKISH LANGUAGE: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS

Dzhelilova L. Sh.

The article deals with the types of linguistic gender markers and the general principles of their use in the process of constructing femininity models in the discourse of Turkish everyday and literary speech. The article examines the explicit attitude of society to the feminine principle in Turkish and the use of gender-marked vocabulary as a means of conveying various connotations. The lexicographic material of the article includes gender-marked lexical units containing in one form or another an indication of gender, words with evaluative semes serving to characterize women and various phenomena. The vocabulary containing gender markers according to the metaphorical principle was identified: 1) nominations representing biological characteristics of females; 2) a group of artifactomorphisms using physiological similarity or similarity of character/temper of a woman; 3) mythomorphisms; 4) nominations using indications of a woman's age and her status in the family/marriage. A separate group consists of names in which the semantic features of the female gender are also supported by a morphological indicator and female names. A tendency to form negatively connoted gender-marked neologisms is recorded. This gives an idea of how external features of femininity, entrenched in Turkish culture, are extrapolated by the language to vocabulary not associated with biological gender: phytonyms, zoonyms, artifacts, etc. - based on external or internal similarity. The methods of morphological transmission of the semantic feature of gender in borrowed words are noted. A lexical way of transmitting the feature of female gender using the word kadın ("woman") is also indicated.

Key words: Turkish language, gender marked vocabulary, constructs of gender vocabulary

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 138–149.

УДК 81’42
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-138-149

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ)

Долгополова Л. А., Яковлева Е. П.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Симферополь, Российская Федерация
lilian2000@mail.ru, lena-yakovleva81@mail.ru

Цель – проведение сопоставительного исследования невербального конфликтного поведения представителей английской и русской лингвокультур, которые являются участниками социально-политических ток-шоу, а также выявление невербальных средств воздействия, обладающих максимальным суггестивным потенциалом в диалогах-конфликтах в англо- и русскоязычном политическом дискурсе. В работе проведен анализ невербальных коммуникативных средств, реализующих диалог-конфликт, выделены и описаны жестомимические и просодические компоненты невербальной коммуникации, сопровождающие течение диалога-конфликта. С целью комплексного описания невербальной составляющей конфликтных диалогов проведен анализ жестов, определена их выраженность и частотность применения коммуникантами, проанализированы жестовые и просодические средства, сопровождающие конфликтное коммуникативное взаимодействие, описаны их параметрические характеристики. На основе полученных данных установлены общие и дифференциальные характеристики невербального поведения коммуникантов в диалоге-конфликте на различных уровнях дискурсивной деятельности, характерные для представителей англо- и русскоязычной лингвокультур.

Ключевые слова: невербальное поведение, лингвокультура, коммуникация, социально-политическое ток-шоу.

ВВЕДЕНИЕ

Основной функцией политической коммуникации является персуазивная, что обуславливает актуальность данного исследования. Одной из основных целей работы мы видим анализ компонентов невербального поведения русско- и англоязычных коммуникантов, реализующих максимальный прагматический эффект в диалоге-конфликте. В работе предпринята попытка описания просодических и жестомимических параметров конфликтного диалога в социально-политических ток-шоу с целью выявления общих и дифференциальных черт невербального конфликтного поведения представителей данных лингвокультур. Для максимально полного описания коммуникативного поведения участников диалога-конфликта мы считаем необходимым применение комплексного подхода, предполагающего исследование просодических и жестомимических характеристик в совокупности с вербальным компонентом коммуникации, включающим ключевые слова, которые являются актуализаторами диалога-конфликта.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется повышенным интересом к исследованию эффективности вербальных и невербальных средств, применяемых англо- и русскоязычной коммуникантами в конфликтной ситуации, реализующих современную политическую коммуникацию с точки зрения их суггестивного потенциала **Целью** работы является попытка подойти к изучению невербальных средств, путем определения их частотности и выраженности, а также способов их применения в диалогах-конфликтах, которые чаще всего выбирают англо- и русскоязычные коммуниканты. Также целью нашей работы является определение

универсальных и дифференциальных характеристик невербального аспекта диалога-конфликта, выделение кинем, реализующих максимальный суггестивный эффект в русско- и англоязычном политическом дискурсе, сопоставление их характеристик.

С целью регистрации конфликтного речевого поведения участников социально-политических ток-шоу нами было проведено исследование иллюстративного материала, включающего видеозаписи англо- и русскоязычных социально-политических ток-шоу, содержащих конфликтные ситуации различной степени выраженности. Для исследования были выбраны программы, выходящие в эфир России, США и стран Европы с 2015 по 2024 год: Время покажет (Россия), Прямой эфир (Россия), Место встречи (Россия), 60 минут (Россия), Вечер с Владимиром Соловьёвым (Россия), Соловьёв Live (Россия), Кто против? (Россия); The McLaughlin Group (USA), Face the Nation (USA), Conflict Zone (Germany), Debate Night (Scotland), The Daily Show (USA), 60 Minutes (Australia), The Debate (USA), France 24 English (France). Для анализа выбраны эпизоды, в которых коммуниканты видны крупным планом, в полный рост или находятся в сидячем положении. Материалами исследования послужили видеозаписи и соответствующие им вербальные тексты. Визуальный и аудиовизуальный анализ жестового поведения англо- и русскоязычных коммуникантов в диалоге-конфликте позволил выделить интегральные просодические и жестовые характеристики диалога-конфликта в обоих языках и определить характеристики коммуникативного поведения участников ток-шоу на исследуемых отрезках речи. Совокупное время видео демонстрации и звучания составило 2 часа 30 минут. Длительность каждого сегмента составила 10–20 секунд, совокупная продолжительность отрезков, подвергнутых анализу – 100 минут. Для визуального и аудиовизуального анализа были отобраны 500 высказываний (250 русско- и 250 англоязычных), содержащих ключевые слова. В настоящем исследовании за единицу анализа была принята *синтагма* – словосочетание, представляющее собой цельную синтаксическую интонационно-смысловую единицу, рассматриваемую нами как фонетическое единство, которое имеет определенное смысловое завершение и функционирует как самостоятельная структурная единица высказывания. Выбор социально-политических ток-шоу в качестве источника иллюстративного материала обусловлен присутствием в них наибольшего количества конфликтных диалогов по сравнению с другими телевизионными жанрами. В фокусе нашего внимания находятся жестовый и просодический аспекты высказываний, содержащие такие компоненты коммуникации как: жесты, мимика, положение тела в пространстве, фонационные средства наиболее частотно применяемые англо- и русскоязычными коммуникантами при конфликтном взаимодействии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Существует множество исследований, посвященных коммуникативному поведению. Невербальные аспекты коммуникации изучали многие зарубежные исследователи, такие как M. Argyle, R. Birdwhistell, P. Ekman, W. V. Friesen, E. T. Hall, A. Kendon, A. Mehrabian, A. Pease [23; 25; 28; 29; 31; 33; 34]. Среди отечественных ученых следует упомянуть А. А. Бодалева, А. Я. Бродецкого, М. Е. Дуранова, М. С. Кагана, Г. Е. Крейдлина, В. А. Лабунскую, В. П. Морозова, А. В. Мудрик, В. М. Соковнина и др. [2; 3; 6; 7; 9; 12; 15; 16; 19].

Успешная политическая коммуникация основывается на стратегии самопрезентации, формирующей имидж политика и влияющей на восприятие его аудиторией. Невербальная, как и вербальная, сторона коммуникации играет важнейшую роль в процессе построения положительного имиджа коммуниканта. В этой связи

актуальным становится изучение невербального языка политиков как инструмента политической коммуникации, с целью анализа механизмов общественного восприятия политического дискурса и установления эффективных способов взаимодействия политиков с аудиторией.

На процесс коммуникативного взаимодействия оказывают влияние множество факторов. Каждый носитель языка является представителем определенной национальной культуры, что позволяет языковым знакам выполнять роль культурных символов и служить средствами передачи ключевых культурных установок. Именно поэтому язык способен отражать уникальную «национально-культурную ментальность», присущую определенной лингвокультурной общности [14, с. 208]. В попытках исследования коммуникативного аспекта поведения представителей русско- и англоязычных лингвокультур, по нашему мнению, необходимо обратиться к терминам *высококонтекстные* и *низкоконтекстные культуры*, введенным антропологом Э. Холлом и впервые упомянутым в книге «Вне культуры» (1876). Теория Холла не объясняет все особенности коммуникативного поведения представителей лингвокультурной общности, но определяет его доминирующие типы [30].

В соответствии со списком, разработанным в 1986 г. Коупландом и Григгсом, австралийская, английская, немецкая, новозеландская, американская и русская культуры относятся к *низкоконтекстному типу,* которые «акцентируются на вербальной коммуникации, а не на невербальных сигналах или контексте» [26, с. 279]. Для культур такого типа характерно организованное и структурированное коммуникативное взаимодействие с ясным изложением аргументов и фактов. Им присущ конструктивный диалог, позволяющий коммуникантам свободно делиться своими мнениями, взглядами и идеями. А. Вежбицкая утверждает, что в русской культуре наблюдается «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъявлении, богатство языковых средств для выражения эмоций» [4, с. 513]. Эмоциональная речь занимает очень заметное место в структуре русского общения, причем разговаривают много и эмоционально все категории коммуникантов, независимо от возраста, пола и социального положения [18]. С одной стороны, русские гордятся своей прямотой и выражают информацию достаточно эксплицитно; с другой стороны, в эмоциональной сфере они тяготеют к кодированию части информации и выражают ее в имплицитной, косвенной, осложненной форме, что, по мнению некоторых исследователей, позволяет отнести русскую культуру к высококонтекстному типу. О. А. Леонтович пишет, что «Россия на протяжении всей своей истории испытывает значительные влияния как с Запада, так и с Востока и занимает промежуточное место между низкоконтекстными и высококонтекстными культурами» [13, с. 26–34]. Этим фактом, по нашему мнению, обусловлены различия в коммуникативном поведении представителей русско- и англоязычных культур, как в вербальном, так и в невербальном его аспекте.

Исследователи выделяют три основных вида невербальных средств передачи информации: *кинетические* (жесты, позы, мимика), *фонационные* (тембр голоса, темп и громкость речи, интонация, особенности произнесения звуков, паузы), *кинетические* (жесты, позы, мимика) и *графические*. Исследователи В. В. Ганина и Ф. И. Карташкова разделяют невербальные средства на кинетические, жестовые, мимические, пантомимические, тактильные, миремические, паралингвистические [5, с. 208]. Особого внимания заслуживают работы П. Экмана [28, с. 49–98]. Суть проведенных им экспериментов заключалась в показе изображений лицевой экспрессии, демонстрирующих шесть эмоциональных состояний испытуемым из разных стран для

сопоставления этих изображений с определенными экспрессивными категориями. Результаты исследования были представлены В. А. Лабунской в таблице «Показатели однозначной идентификации фотоизображения лицевой экспрессии состояний различных культур». Оказалось, что большинство респондентов, независимо от их культурной принадлежности, успешно справились с заданием [12, с. 342]. Таким образом, экспериментальные исследования, посвященные выявлению стандартизованных экспрессивных единиц, подтверждают концепцию универсальности базовых выразительных категорий и их генетической обусловленности, чего нельзя сказать о жестах, которые могут иметь различные значения и применение в разных культурах. В рамках нашего исследования нас прежде всего будут интересовать просодические и жестовые компоненты невербального поведения коммуникантов в русско- и англоязычном диалоге-конфликте.

Все проявления невербального поведения, отражающие эмоциональный спектр человека, можно классифицировать на нейтральные, положительные и отрицательные. При конфликтном коммуникативном взаимодействии отрицательные проявления могут сигнализировать о негативных чувствах и эмоциях коммуниканта, таких как беспокойство, неуверенность, неодобрение, раздражение и т. д. Российский исследователь в области невербальной коммуникации Г. Е. Крейдлин предлагает классификацию, отражающую все формы и стадии кинетического поведения людей. Среди жестов (кинем) исследователь выделяет три основных семиотических класса: *эмблемы* – кинемы, имеющие «самостоятельное лексическое значение» и способные передавать смысл независимо от вербального контекста (коммуникативные и симптоматические); *иллюстраторы* – кинемы, выделяющие речевой или иной фрагмент коммуникации изображающие то, что сказано; *регуляторы* – кинемы, управляющие ходом коммуникативного процесса, т. е. устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию [10, с. 529].

В качестве рабочей мы приняли классификацию П. Экмана и У. Фризена, включающую следующие виды жестов: жесты-эмблемы, жесты-иллюстраторы, жесты-регуляторы, жесты-адапторы, способствующие снятию внутреннего напряжения и жесты-аффективы, служащие для выражения чувств и эмоций коммуниканта [28].

С целью анализа и выявления особенностей конфликтного невербального поведения участников англо- и русскоязычных социально-политических ток-шоу было проведено параметрическое описание жестового и просодического поведения русскоязычных и англоязычных участников социально-политических ток-шоу в конфликтной ситуации. Описание осуществлено на основе контрастивной методики, предлагаемой Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным, применяемой для описания коммуникативного поведения народов [18]. В качестве факторов невербального поведения мы учитываем жестикуляцию (параметры: направление, скорость воспроизведения, сила воспроизведения, амплитуда), просодические характеристики (параметры: мелодика, темп, паузы) и мимику коммуникантов. С целью определения частотности применения жестовых средств, при помощи методов наблюдения и визуального анализа была проведена их регистрация в диалоге-конфликте. Также было определено числовое соотношение применения определенных видов жестов русско- и англоязычными коммуникантами, а также их соотношение с ключевыми словами.

На начальном этапе исследования жестовые средства были зафиксированы и распределены в соответствии с классификацией П. Экмана и У. Фризена [28]. Так, каждый жест был отнесён к одной из пяти групп жестов: жесты-эмблемы, жесты-

иллюстраторы, жесты-регуляторы, жесты-аффективы, жесты-адапторы. Затем определялась их кинетическая выделенность по четырём параметрам. При таком подходе собранный нами материал представляется в процентах и указан в таблице 1.

Таблица 1. *Частота использования видов жестов в англо- и русскоязычном диалоге-конфликте (в %)*

Вид жеста	Англоязычные ток-шоу	Русскоязычные ток-шоу
Эмблемы	4%	2%
Иллюстраторы	75%.	44%
Регуляторы	10%.	24%
Аффективы	5%	25%
Адапторы	2%	4%

Затем посредством визуального анализа были описаны характеристики жестов, такие как направление, скорость воспроизведения, сила воспроизведения амплитуда (*большая, малая, средняя)*, и формы кинетического поведения, которые варьируются в зависимости от *направления:* вправо/влево, от себя/к себе, вверх/вниз; от *скорости воспроизведения* быстрый/медленный/средний; от *силы воспроизведения:* сильный/слабый/средний; от *амплитуды:* большая/малая/средняя. Таким образом была определена степень выраженности невербальных коммуникативных признаков русского и английского коммуникативного поведения в диалоге-конфликте, которая оценивалась по шкале *частотно, выражено, редко, не выражено.*

Таблица 2. *Параметрическое описание русского и английского невербального коммуникативного поведения в диалоге-конфликте*

	Параметры	Описание	Русскоязычное коммуникативное поведение	Англоязычное коммуникативное поведение
			Степень выраженности коммуникативных признаков	
Жест и особенности его реализации	амплитуда	большая	частотно	редко
		малая	выражено	выражено
		средняя	выражено	частотно
	направление	вправо	выражено	выражено
		влево	редко	редко
		от себя	частотно	редко
		к себе	выражено	частотно
		вверх	частотно	частотно
		вниз	частотно	частотно
	скорость	быстрый	частотно	выражено
		медленный	не выражено	не выражено
		средний	выражено	частотно
	сила	сильный	частотно	не выражено
		слабый	не выражено	частотно
		средний	выражено	выражено

На втором этапе исследования отмечались направление шкалы и терминального тона, фиксировались темп речи и паузация в синтагме. Основной показатель мелодики речи – это шкала, которая может быть нисходящей, восходящей и ровной. Шкалы классифицируются по 3-м типам: 1) по направлению общего мелодического движения (нисходящие, восходящие, ровные); 2) по направлению мелодического движения в ритмических группах (ступенчатые, скользящие, скадентные); 3) по степени плавности изменения общего мелодического движения (постепенные, с нарушенной постепенностью) [1, с. 120]. Шкала вместе с тоном образует общий мелодический контур, который может быть рассмотрен как «мелодическая единица супрасегментного уровня» [6, с. 121]. Различают простые тоны, характерные для реплик, высказываний, простых коротких предложений (направленные вверх, вниз, вперед) [1, с. 120]. Паузы были определены как длительные: от 800 до 1200 миллисекунд; средние: от 500 до 800 миллисекунд; краткие: от 100 до 500 миллисекунд. Темп речи сравнивался с нормой говорения, равной 200–220 слов в минуту [32, с. 541]. Применение компьютерной программы Praat в процессе обработки аудиоматериалов позволило вычислить темпоральные и динамические характеристики просодической структуры при анализе мелодических характеристик высказывания, а также вывести графические представления результатов для их дальнейшего анализа.

Таблица 3. *Просодические характеристики русско- и англоязычного коммуникативного поведения*

Параметры	Характеристики параметров	Русское конфликтное коммуникативное поведение	Английское конфликтное коммуникативное поведение
		коммуникативные признаки	
Мелодика (направление шкалы и терминального тона)	нисходящее	редко	частотно
	ровное	выражено	выражено
	восходящее	выражено	редко
	восходяще-нисходящее	частотно	редко
Пауза	длительная	редко	редко
	средняя	выражено	выражено
	краткая	частотно	частотно

В результате исследования было определено, что темп речи в диалогах-конфликтах обычно высокий как у англоязычных, так и у русскоязычных коммуникантов.

С целью максимально полного описания жестовых и просодических характеристик коммуникативного поведения англо- и русскоязычных участников ток-шоу в диалоге-конфликте, мы считаем необходимым проведение анализа невербального аспекта в комплексе с вербальным компонентом, включая анализ лексико- синтаксических средств, применяемых участниками диалогов-конфликтов. Таким образом, возникла необходимость выявления частотности ключевых слов в русско- и англоязычных диалогах-конфликтах. Нами были определены ключевые слова, которые участники диалога-конфликта используют для максимально эффективного воздействия на аудиторию. С целью определения акцентуации/деакцентуации ключевого слова внутри

синтагмы анализировалась его позиция: инициальная; медиальная; финальная. Для аудиторского, электронно-акустического, визуального и аудиовизуального анализа были отобраны 500 синтагм, одинаковых по временному промежутку и содержащих в себе ключевые слова, в результате были получены следующие данные: в англоязычном варианте на 250 слов приходятся 175 ключевых слов, на 250 слов в русскоязычном варианте приходится 182 ключевых слова. Также были выделены наиболее часто применяемые в диалогах-конфликтах ключевые слова. В англоязычном диалоге-конфликте к наиболее распространенным можно отнести следующие слова: debt, agreement, spending, budget, democrats, republicans, military, economy, deficit, president, credit, market, interest rates, taxes, support, Trump's ego, honor, volunteer services, war, glory Gaza, Ukraine, Israel, war, retaliation, NATO, pressure, ceasefire, elections. В русскоязычном диалоге-конфликте среди наиболее частотных слов можно указать следующие: новости, курс валют, доллар, рубль, экономика, события, стабильность, ослабление, укрепление, Трамп, санкции, долгосрочная перспектива, политический фактор, кризис, санкции, торговая война, инвестиции, производственные цепочки, Донбасс, Путин, НАТО, отношения, Совет Европы, прорыв, выборы, ситуация, последствия. В результате анализа было установлено, что в большинстве случаев в синтагме в англо- и русскоязычных диалогах-конфликтах наблюдалось совпадение жеста с ключевым словом. Кроме того, наличие пауз соответствовало ключевым словам.

Поскольку основной функцией политической коммуникации мы считаем функцию ориентирующего воздействия, рассмотрим прагматические особенности жестового и просодического оформления диалога-конфликта на различных уровнях дискурсивной деятельности на примере.

T. Sebastian: «I`m not attacking you! I`m telling you what the defense minister is saying to you! To you!»

N. Bennett: «We will defend ourselves. Don't create a symmetry where is no symmetry! They are attacking us! We are defending ourselves! We're surrounded by the craziest people!» | Conflict Zone

В диалоге-конфликте преобладают высказывания на повышенных тонах. На *волюнтативном* уровне ориентирующего речевого воздействия в данном примере происходит реализация стратегии дискредитации. Инициальная реплика ведущего, усиленная приемом повтора и повышением голоса, выражает намек на недостаточную информированность оппонента в обсуждаемых вопросах. На *аффективном уровне* ориентирующего речевого воздействия адресантом оказывается влияние на эмоциональную сферу адресата. Жестовый компонент коммуникации выражен посредством применения аффективов и регуляторов. В данном случае реактивная реплика содержит обвинение в применении манипулятивной стратегии «связывание» (или «привязка») которая заключается в том, чтобы связать одно событие или факт с другим. Данный прием позволяет создавать ассоциацию между двумя различными событиями или фактами, формируя отношение к ним массового адресата. По мнению

Алана Пиза, «ладони – это голосовые связки языка телодвижений, говорящие больше, чем любая другая часть тела» [34, с. 386]. Жест «ладонь вниз» является универсальным для представителей англо- и русскоязычной лингвокультур и является сдерживающим или успокаивающим жестом. В данном случае жест является реактивным на эмоциональную реплику *Don't create a symmetry where is no symmetry!* Жест оппонента «указующий перст» часто сопровождает тактику обвинения в англо- и русскоязычной культурах и является конфликтогенным по своей природе [34, с. 386]. Оба коммуниканта демонстрируют некооперативное пространственное поведение «придвигаясь к оппоненту, как бы наступая на него», что характерно для представителей как англо-, так и русскоязычной лингвокультур [22, с. 359–504]. Наклон головы вниз выражает отрицательное или осуждающее отношение коммуниканта к собеседнику.

В результате исследования было установлено, что *жестовые* характеристики в диалогах-конфликтах обеих культур с точки зрения оформления являются идентичными, различие наблюдается в степени выраженности невербальных коммуникативных признаков. Особенности реализации жеста, его амплитуда, направление, скорость и сила воспроизведения у русскоязычных коммуникантов имеют повышенные значения, что объясняется повышенной степенью эмоциональности коммуникативного поведения представителей данной лингвокультуры. Пониженные значения признаков, характеризующих жестовую составляющую англоязычных диалогов-конфликтов, говорят о более сдержанной жестикуляции коммуникантов.

В русскоязычных ток-шоу наблюдается более высокий процент жестов-регуляторов и аффективов, чем в англоязычных диалогах-конфликтах, что говорит о большей выраженности эмоциональной составляющей высказываний, а также об активном регулировании диалога посредством жестов в русскоязычной среде. В англоязычной среде акцент делается на иллюстрации сказанного, из чего следует вывод, что в приоритете англоязычных коммуникантов находится аргументированность высказываний.

С точки зрения *просодического оформления речи* конфликтующих сторон направление шкалы и терминального тона у англоязычных коммуникантов преобладают нисходящий и ровный тоны. В высказываниях русскоязычных коммуникантов преобладает восходяще-нисходящий тон, присутствуют высказывания с восходящим и ровным направлениями движения тона.

Темп речи в диалоге-конфликте может выступать как просодическое средство достижения персуазивного эффекта. В англо- и русскоязычных диалогах-конфликтах в активной стадии обычно преобладает быстрый темп речи, исключения составляют важные в смысловом отношении отрезки речи, произносимые в медленном темпе. Описанные различия в просодическом оформлении конфликтного диалога указывают на применение различных стратегии и тактик в конфликтной коммуникации. Англоязычные коммуниканты предпочитают более формальный стиль коммуникации и чаще заканчивают мысль в связи с импозитивностью и непопулярностью тактики перебивания в англоязычном дискурсе, в то время как для русскоязычных коммуникантов характерен акцент на эмоциональном контексте диалога.

Паузами выделяются ключевые слова в синтагмах. Позиция ключевого слова в синтагме в обоих видах речи ключевые слова занимают в основном медиальную (45% в англо- и 51% в русскоязычном диалоге-конфликте) и финальную (32% в англо- и 36% в русскоязычном диалоге-конфликте) позицию.

ВЫВОДЫ

Невербальное и просодическое оформление коммуникативного поведения участников социально-политических ток-шоу обусловлено индивидуальными особенностями носителей англо- и русскоязычных лингвокультур, следовательно, внутри культур одного типа существуют свои отличия, характерные для невербальной коммуникации и просодического оформления высказываний, обусловленные национальными особенностями коммуникантов.

Сравнивая полученные в результате исследования статистические данные употребления различных видов жестов в англо- и русскоязычном диалоге-конфликте, мы пришли к выводу, что в обоих языках используется практически идентичный жестовый репертуар, призванный реализовывать максимальное суггестивное воздействие на аудиторию в диалоге-конфликте.

Несмотря на идентичность жестов, сопровождающих конфликтное взаимодействие в обеих культурах, существует значительное различие в степени их выраженности. Русскоязычные коммуниканты демонстрируют более высокие показатели амплитуды, скорости и силы жестикуляции, что говорит о большей эмоциональности их поведения в конфликтных диалогов, в то время как англоязычным коммуникантам присущ более сдержанный стиль жестикуляции.

В русскоязычных диалогах наблюдается более высокий процент жестов-регуляторов и аффективов, сопровождающих диалоги-конфликты, что подчеркивает высокую значимость эмоционального контекста и необходимости активного регулирования коммуникативного конфликтного взаимодействия. В англоязычных конфликтных диалогах акцент делается на иллюстрации сказанного, что свидетельствует о более аналитическом подходе к конфликтной коммуникации.

Просодическое оформление речи русско- и англоязычных коммуникантов в диалоге-конфликте имеет свои специфические особенности, связанные с направлением шкалы и терминального тона. Преобладание нисходящего и ровного тонов в англоязычных диалогах-конфликтах говорит о аргументированности и возможности завершить свою мысль. Восходяще-нисходящий тон русскоязычных участников ток-шоу может использоваться для управления течением диалога-конфликта, позволяя коммуниканту контролировать течение диалога, занимая лидирующую позицию и регулируя реакцию и реактивные реплики собеседника. Темп речи также играет важную роль в достижении персуазивного эффекта, причем ускоренный темп речи в активной стадии конфликта характерен как для русско- так и для англоязычной культур.

На одинаковый объём иллюстративного материала приходится приблизительно одинаковая частотность употребление ключевых слов в диалоге-конфликте. В результате проведённого анализа было выявлено, что в обоих видах диалогов-конфликтов ключевые слова занимают, в основном, медиальную и финальную позицию. В большинстве случаев в диалогах-конфликтах наблюдалось совпадение жеста-иллюстратора с ключевым словом в синтагме. Паузы используются для выделения ключевых слов. Паралингвистические средства в речи представителей вышеперечисленных культур применяются коммуникантами для акцентирования ключевых слов с целью актуализации информации в сознании адресата.

В результате анализа лексико-синтаксических средств и их просодического оформления в речи конфликтантов было установлено, что для осуществления воздействия на адресата в диалоге-конфликте коммуниканты предпочитают выделять

ключевые слова посредством паралингвистических единиц. Полученные данные дают основание полагать, что пик жеста и ключевое слово визуально и аудиально акцентируют важную информацию в сознании адресата.

Выделенные различия в стилях и стратегиях ведения диалога-конфликта указывают на более глубокие культурные различия в подходах к конфликтной коммуникации. Русскоязычные коммуниканты более эмоционально вовлечены и ориентированы на регуляцию коммуникативного взаимодействия, тогда как англоязычные конфликтанты предпочитают более формальные и логически структурированные подходы к ведению диалога.

Список литературы

1. *Антипова А. М.* Система английской речевой интонации. – М.: Высшая школа, 1981. – 120 с.
2. *Бодалев А. А*. Психология межличностного общения. – Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. – 89 с.
3. *Бродецкий А. Я.* Внеречевое общение в жизни и в искусстве: Азбука молчания. – М.: Владос, 2000. – 192 с.
4. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 513 с.
5. *Ганина В.В.* Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. Иваново: Иван. гос. ун-т. –2006. – 208 с.
6. *Дуранов* М. Е. Педагогическое управление обучением студентов как социокультурный процесс. – Челябинск: ЧГАКИ, 2003. – 121 с.
7. *Каган М. С.* Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
8. *Карташкова Ф. И.* Психофизиологические реакции человека и их отражение в английском языке. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. – 108 с.
9. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика в её соотношение с вербальной: Автореф дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2000. – 385 с.
10. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 529 с.
11. *Крейдлин Г.Е.* Семиотика, или Азбука общения: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2013. – 240 с.
12. *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 342 с.
13. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. – М. : Гнозис, 2007. – С. 26–34.
14. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
15. *Морозов В. П.* Эмоциональный слух человека // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 1985. – № 6. – С. 568–577.
16. *Мудрик А. В.* Социальная педагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Академия, 2013. – 240 с.
17. *Постникова Л. В.* Просодия и политический имидж оратора (на материале речей американский президентов): Автореф дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2003. – 198 с.
18. *Прохоров Ю. Е. Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. – М. : Флинта, 2007. – 443 с.
19. *Соковнин В. М.* О природе человеческого общения (опыт философского анализа). – Фрунзе: МЕКТЕП, 1973. – 234 с.
20. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 484 с.
21. *Шагидевич А. С.* Мелодика как один из компонентов просодии при изучении фонетических средств русского языка. – Набережные Челны: ИНЭКА, 2009. – С. 83–84.
22. *Aiello J. R.* Human spatial behavior. Handbook of environmental psychology. – New York, 1987. –pp. 359–504.
23. *Argyle M.* Bodily Communication. – London: Routledge, 2013. – 363 p.
24. *Argyle M., Dean J.* Eye Contact, Distance and Affiliation // Social Encounters: Reading in Social Interaction. – Harmondsworth, 1976. pp. 289–304.
25. *Birdwhistell R.* Kinesics and Context: Essays on Body Motion and Communication. – Philadelphie: University of Pennsylvania Press, 1970. – 352 p.
26. *Copeland L., Griggs J.* Going international: how to make friends and deal effectively in the global marketplace. – New York: New American library, 1985. – 279 p.

27. *Crystal D.* Prosodic Systems and Intonation in English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 381 p.
28. *Ekman P., Friesen W.V.* The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding // Semiotica. – 1969. – pp. 49–98.
29. *Hall E. T.* Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. – Intereultural Press, 1990. – 196 p.
30. *Hall E. T.* Beyond Culture. – New York: Anchor Books, 1989. – 256 p.
31. *Kendon A.* Gesticulation, Speech and the Gesture Theory of Language Origins // Sign Language Studies 9 – 1975. – pp. 349–373.
32. *Laver J.* Principles of Phonetics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 541 p.
33. *Mehrabian A.* Nonverbal Communication. – Chicago, 1972. – 226 p.
34. *Pease A.* The Definitive Book of Body Language: The Hidden Meaning Behind People's Gestures and Expressions. – Buderim, 2004. – 386 p.
35. *Stec K., Huiskes M., Wieling M., Redeker G.* Multimodal character viewpoint in quoted dialogue sequences // A Journal of General Linguistics. – 2011. – pp. 1 – 19.

Источник иллюстративного материала

Conflict Zone выпуск от 5 ноября 2015 г. https://www.youtube.com/watch?v=-NyH2pB0n84

References

1. Antipova A. M. *Sistema anglijskoj rechevoj intonacii* [The system of English speech intonation]. Moscow, Vysshaja shkola, Publ., 1981. 120 p.
2. Bodalev A. A. *Psihologija mezhlichnostnogo obshhenija* [Psychology of interpersonal communication]. Rjazan', RVSh MVD RF Publ., 1994. 89 p.
3. Brodeckij A. Ja. *Vnerechevoe obshhenie v zhizni i v iskusstve: Azbuka molchanija* [Non-verbal communication in life and art: The ABC of silence]. Moscow, Vlados Publ., 2000. 192 p.
4. Vezhbickaja A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moskva, Russkie slovari, Publ., 1997. 513 p.
5. Ganina V.V. *Jemocii cheloveka i neverbal'noe povedenie: gendernyj aspekt* [Human emotions and non-verbal behavior: gender aspect]. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Publ., 2006. 208 p.
6. Duranov M. E. *Pedagogicheskoe upravlenie obucheniem studentov kak sociokul'turnyj process* [Pedagogical management of students' learning as a socio-cultural process]. Cheljabinsk: ChGAKI Publ., 2003. 121 p.
7. Kagan M. S. *Mir obshhenija. Problema mezhsubektnyh otnoshenij*. [The World of Communication. The Problem of Intersubjective Relations]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 319 p.
8. Kartashkova F. I. *Psihofiziologicheskie reakcii cheloveka i ih otrazhenie v anglijskom jazyke* [Psychophysiological reactions of a person and their reflection in the English language]. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Publ., 2015. 108 p.
9. Krejdlin G. E. *Neverbal'naja semiotika v ejo sootnoshenie s verbal'noj: Avtoref diss. … kand. filol. nauk* [Non-verbal semiotics in its relationship with verbal. Abstract of thesis]. Moscow, 2000. 385 p.
10. Krejdlin G. E. *Neverbal'naja semiotika: Jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. – 529 s.
11. Krejdlin G. E. *Semiotika, ili Azbuka obshhenija: uchebnoe posobie* [Semiotics, or the ABCs of Communication: a textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 240 p.
12. Labunskaja V. A. *Ne jazyk tela, a jazyk dushi! Psihologija neverbal'nogo vyrazhenija lichnosti* [Not the language of the body, but the language of the soul! Psychology of non-verbal expression of personality]. Rostov-na-Donu, Feniks, Publ., 2009. 342 p.
13. Leontovich O. A. *Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju* [Introduction to Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. pp. 26–34.
14. Maslova V. A. *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology]. Moscow, Akademija Publ., 2001. 208 p.
15. Morozov V. P. *Jemocional'nyj sluh cheloveka* [Human emotional hearing]. *Zhurnal jevoljucionnoj biohimii i fiziologii*, 1985. no. 6. pp. 568–577.
16. Mudrik A. V. *Social'naja pedagogika* [Social pedagogy]. Moscow, Akademija Publ., 2013. 240 p.
17. Postnikova L. V. *Prosodija i politicheskij imidzh oratora (na materiale rechej amerikanskij prezidentov): Avtoref diss. … kand. filol. nauk* [Prosody and the political image of the speaker (based on the speeches of American presidents). Abstract of thesis]. Moscow, 2003. 198 p.

18. Prohorov Ju. E. Sternin I. A. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow, Flinta Publ., 2007. 443 p.
19. Sokovnin V. M. *O prirode chelovecheskogo obshhenija (opyt filosofskogo analiza)* [On the nature of human communication (an attempt at philosophical analysis)]. Frunze, MEKTEP Publ., 1973. 234 p.
20. Stefanenko T. G. *Jetnopsihologija* [Ethnopsychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 484 p.
21. Shagidevich A. S. *Melodika kak odin iz komponentov prosodii pri izuchenii foneticheskih sredstv russkogo jazyka* [Melody as one of the components of prosody in the study of phonetic means of the Russian language]. Naberezhnye Chelny, INJeKA Publ., 2009. pp. 83–84.
22. Aiello J. R. *Human spatial behavior. Handbook of environmental psychology.* New York, 1987, pp. 359–504.
23. Argyle M. *Bodily Communication*. London, Routledge, 2013. 363 p.
24. Argyle M., Dean J. *Eye Contact, Distance and Affiliation. Social Encounters*: *Reading in Social Interaction*. Harmondsworth, 1976, pp. 289–304.
25. Birdwhistell R. *Kinesics and Context: Essays on Body Motion and Communication*. Philadelphie, University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
26. Copeland L., Griggs J. *Going international: how to make friends and deal effectively in the global marketplace*. New York, New American library, 1985. 279 p.
27. Crystal D. *Prosodic Systems and Intonation in English*. Cambridge, Cambridge University Press, 1969. 381 p.
28. Ekman P., Friesen W.V. *The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding. Semiotica*, 1969, pp. 49–98.
29. Hall E. T. *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans*. Intereultural Press, 1990. 196 p.
30. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Anchor Books, 1989. 256 p.
31. Kendon A. *Gesticulation, Speech and the Gesture Theory of Language Origins*. *Sign Language Studies 9*, 1975, pp. 349–373.
32. Laver J. *Principles of Phonetics*. Cambridge, Cambridge University Press.1994. 541 p.
33. Mehrabian A. *Nonverbal Communication*. Chicago, 1972. 226 p.
34. Pease A. *The Definitive Book of Body Language: The Hidden Meaning Behind People's Gestures and Expressions.* Buderim, 2004. 386 p.
35. Stec K., Huiskes M., Wieling M., Redeker G. *Multimodal character viewpoint in quoted dialogue sequences. A Journal of General Linguistics*, 2011, pp. 1–19.

PARAVERBAL MEANS OF SUGGESTIVE INFLUENCE IN CONFLICT DIALOGUE (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH SOCIAL AND POLITICAL TALK SHOWS)

Dolgopolova L. A., Yakovleva E. P.

The purpose of this article is to conduct a comparative study of non-verbal conflict behavior of representatives of English and Russian linguistic cultures who are participants in socio-political talk shows. Identification of means of paraverbal influence with maximum suggestive potential in conflict dialogues in English- and Russian-language political discourse. The paper analyzes nonverbal communicative means that implement dialogue-conflict, identifies and describes the gestural and prosodic components of nonverbal communication that accompany the course of dialogue-conflict in political communication. In order to comprehensively describe the paraverbal component of conflict dialogues, gestures were analyzed and classified, the frequency of their use by communicants was determined, prosodic means accompanying conflict communicative interaction were analyzed, and their parametric characteristics were described. The article also analyzes the lexical and syntactic component of utterances, the means of its prosodic and gestural design and the forms of their implementation in English- and Russian-language political discourse. Based on the data obtained, the general and differential characteristics of nonverbal behavior of communicants in dialogue-conflict at various levels of discursive activity, characteristic of representatives of English- and Russian-speaking linguistic cultures, realizing the maximum suggestive potential, are established.

Keywords: non-verbal behavior, linguistic culture, communication, socio-political talk show.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 150–157.

УДК 811'37
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-150-157

КОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ В РАМКАХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ «FEMALE» И «MALE»

Мурашова Л. П.

Кубанский государственный технологический университет,
Краснодар, Российская
L-P-Murashova@mail.ru

Цель статьи – исследовать особенности формирования и функционирования гендерно окрашенных концептов на примере «Woman» и «Man», которые входят в категориальные поля «Female» и «Male». Другой релевантной целью этой статьи является определение набора признаков, актуализируемых в англоязычном языковом сознании при упоминании центральных концептов – членов категориальных полей «Female» и «Male», сопоставление данных признаков, выявление асимметрий, а также концептуальное моделирование полей. Статья резюмирует значительный массив статистических данных, полученных в результате анализа вхождений ядерных лексем в Британский национальный корпус английского языка и их дистрибуции. Таким образом, в работе представлены образы, отражающие восприятие мужчины и женщины, а также мужского и женского начала через языковые средства. Это связано с тем, что английские слова male и female обозначают не только биологический пол (мужчина/женщина), но и принадлежащие ему характеристики (мужское/женское). Сопоставительный анализ данных позволяет сформировать общее представление о том, как образы Мужчины и Женщины представлены в языковом сознании носителей английского языка, основываясь на ключевых концептах «Woman» и «Man», относящихся к категориальным полям «Female» и «Male».

Ключевые слова: гендерно маркированные концепты, категориальное поле «Female», категориальное поле «Male», концепты «Woman» и «Man».

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивное исследование гендера основано на понимании, что гендер не только проявляется в речи и закреплен в языке, он также отражен в структурах сознания, опосредуется ими и в то же время определяет их. Ментальная область существования лингвистического гендера выходит далеко за рамки языка, и в ней гендер может рассматриваться как когнитивный элемент. Когнитивная наука исследует процессы, благодаря которым человек получает, обрабатывает, хранит и использует знания. То есть основная цель – изучение процессов восприятия, категоризации, осмысления окружающего мира, механизмов накопления знаний и функционирования различных систем, обеспечивающих работу с информацией [1]. Сам когнитивизм определяется как «наука о знании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности» [7, с. 6].

Когнитологи исследуют ментальные репрезентации явлений в форме концептов, категорий и символов. При этом когнитивная картина мира изучается через поведение и деятельность человека, которые «протекают при активном участии языка, образующего речемыслительную основу любой человеческой деятельности» [8, с. 7].

В рамках когнитивной теории гендер рассматривается как пред-дискурсивная категория, причем язык «является одновременно средством выражения и отражения ее» [16, с. 489]. Таким образом, когнитивный подход оказывается эффективным инструментом для исследования гендера в языке и коммуникации, поскольку позволяет рассматривать его как способ формирования гендерного восприятия и мышления через языковые средства.

Гендерно маркированный концепт «Женщина» является одним из важнейших компонентов любой лингвокультуры, поэтому исследования на эту тему довольно многочисленны. Данный концепт стал предметом работ как отечественных (Васюк В. В., Великородных О. В., Голубева И. В. и др.), так и зарубежных ученых (Р. Лакофф, Н. Столяр, А. Пруденса и др.). Исследователи часто прослеживают параллели между концептами «Мужчина» и «Женщина» на материале разных пластов одного или нескольких языков (Кирилина А. В., Ефремов В. А., Чистюхина Е. А., Семенова Д. В.).

В то же время, несмотря на обилие исследований по теме, вышеупомянутые гендерно маркированные концепты редко подвергались анализу с позиции когнитивной науки и никогда – в рамках более крупных ментальных структур: категориальных полей «Female» и «Male».

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важнейшим инструментом исследования гендера в когнитивной науке является категория «концепт». Она оказывается своего рода ключом к пониманию многих других важных категорий. У понятия «концепт» существует ряд аналогов и множество определений. Аналогами понятия концепт могут выступать термины «лингвокультурема» [3]; «логоэпистема» [2] и «ноэма» [4]. Концепт трактуется как «единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, часть картины мира, квант знания» [5, с. 90–91], как «познавательная психическая структура, организация которой позволяет отражать реальность в её многогранных аспектах» [15, с. 23]. Совокупность концептов формирует концептосферу, которая, по мнению Д. С. Лихачева, представляет собой «систему концептов нации» [6, с. 5].

Ученые полагают, что каждый концепт образован понятийным ядром, образом, а ткаже дополнительными признаками, которые помогают уточнить важные детали. Ю. С. Степанов выделяет в концепте три компонента. Первый компонент является наиболее актуальным, он общеизвестен и составляет основной признак в содержании концепта. Второй компонент отображается не столь «живо», выражая дополнительный, «пассивный» признак. Третий компонент уже не осознается непосредственно в повседневной жизни, являясь «внутренней формой» концепта. Как правило, в третьем компоненте отражена историческая и этимологическая информация [12].

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, важно дифференциировать содержание, которое «включает в себя когнитивные признаки, которые отражают отдельные характеристики предмета или явления» [11, с. 115], и структуру концепта. Содержание концепта организовано в виде ядра и различных уровней периферии: ближней, дальней и крайней. Яркость того или иного признака в сознании носителей концепта определяет его место в этой структуре. Структура концепта состоит из чувственного образа, информационного содержания и интерпретационного поля. Она описывается через перечисление когнитивных признаков, относящихся к каждому из этих элементов.

Гендер, на наш взгляд, отражен в четырех основных концептах: «мужчина», «женщина» и «мужское» и «женское» в русском языке и в двух – «Female» и «Male» – в английском, причем более мелкие концепты, такие как «Woman», «Mother», «Wife» и др. и «Man», «Father», «Boy» и др. будут входить в их состав. В связи со сложностью и обилием включенной информации мы предлагаем рассматривать английские концепты «Female» и «Male» не просто как отдельные категории, а как «категориальные поля», включающие другие концепты. Таким образом удастся избежать терминологической путаницы.

В статье представлен анализ концептов масштабного типа с широкой периферией, мыслительных структур, которые упорядочивают многообразие дискретных явлений в сознании. Эти структуры являются целостными, комплексными и функциональными. Такой концепт является цельным представлением образа, включающим как логические, так и эмоциональные компоненты, а также сочетающим устойчивые и изменяющиеся характеристики описываемого объекта или феномена. При детальном исследовании основных гендерных концептов категориальных полей «Female» и «Male» возможно описание их основного содержания, отличительных черт, а затем и приблизительной структуры полей.

Образ «женщины» в широком смысле формируется как объединение нейтрального представления о женщине и множества ролевых и возрастных вариаций, таких как мать, сестра, дочь, девушка или ребёнок. При этом, несмотря на наличие этих категорий, женщина и девочка остаются разными понятиями. Тот же принцип актуален и для образа «мужчины».

Новизна предпринятого исследования с методологической точки зрения заключается в применении концептуально-фреймового подхода к анализу языкового материала, в попытке описания данных с позиции когнитивизма, предполагающего описание категориальных полей «Female» и «Male» в целостности оригинального восприятия, т. е. с точки зрения того, как они мыслятся носителями языка, а не иноязычными реципиентами, имеющими в сознании «дробные» переводы как то: «Female» – особь женского пола, женский, «Male» – особь мужского пола, мужской; а с точки зрения материала – в широте охвата систематизированных и схематизированных корпусных данных всего британского варианта английского языка (а не определенного его пласта). Работа написана с опорой на выборку из Британского национального корпуса английского языка (British National Corpus).

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Для объективного описания репрезентации «женщины» и «мужчины» в английском языке нам представляется рациональным выделить набор признаков и действий, актуализируемых в сознании при упоминании каждого концепта – членов категориальных полей «Female» и «Male».

Таким образом анализу подлежат атрибутивно-номинативные словосочетания с ядерными лексемами концептов, относящихся к категориям «Female» или «Male», а также наиболее частотные номинативно-глагольные сочетания. Данные категориальные поля при этом представляются в виде схем членения действительности с радиальной структурой с различной степенью удаленности периферийных членов от центра – нейтральных ядерных членов «Woman» и «Man».

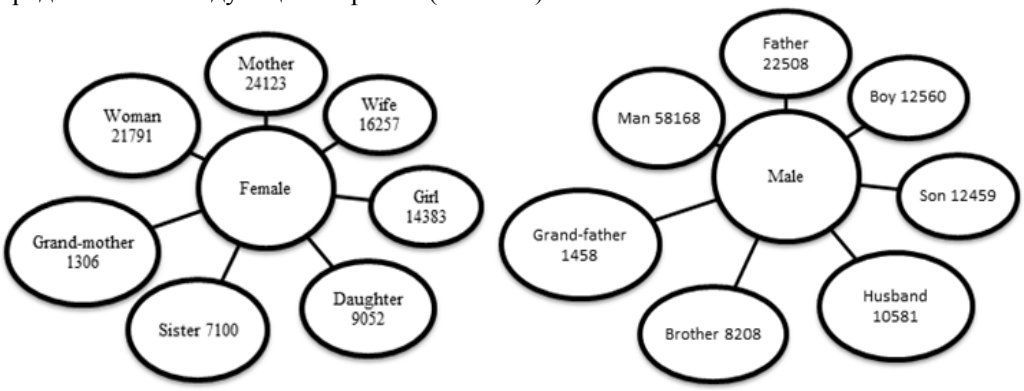
Мы определили ключевые концепты внутри категорий, которые находятся ближе всего к центральной части (ядерным членам) и подлежат первоочередному анализу на основе частотности их употребления в BNC (Британском национальном корпусе английского языка).

Для категории «Female» в качестве наиболее значимых выделены следующие концепты (цифры указывают на количество вхождений в BNC): Woman – 21 791, Mother – 24 123, Wife – 16 257, Girl – 14 383, Daughter – 9 052, Sister – 7 100, Grandmother – 1 306 (схема 1). Лексема Mother встречается чаще других, что свидетельствует о высокой социальной значимости роли матери в англоязычной концептосфере.

В категории «Male» центральными концептами, исходя из частоты употребления в BNC, являются: Man – 58 168, Father – 22 508, Boy – 12 560, Son – 12 459, Husband – 10 581, Brother – 8 208, Grandfather – 1 458.

Примечательно, что при сравнении частотности ролевых маркированных лексем выявляется количественная диспропорция. Например, разница в употреблении Wife и Husband составляет 5 676 вхождений, при этом Wife занимает третье место по частотности, а Husband – только пятое. Это, на наш взгляд, отражает различия в значимости данных концептов в языковой картине мира носителей английского.

Наглядно категориальные поля с радиальной структурой «Female» «Male» и входящие в них концепты с различной степенью удаленности от ядра в зависимости от количества вхождений ядерной лексемы в Британский национальный корпус могут быть представлены следующим образом (Схема 1):

В языке гендер проявляется через систему ключевых характеристик, включающих как объективные, так и стереотипные признаки, определяющие понятия «мужчина» и «женщина», а также категории «мужское» и «женское», которые воспринимаются и осмысляются носителями языка, а также входит в область бессознательной когнитивной метафоры и служит своего рода подводным течением в системе ментальной репрезентации мира с позиции принадлежности к одному из полов, определяя гендерно-маркированное сознание. Подробнее см.: [9; 10].

Нами были проанализированы атрибутивные адъюнкты лексем, номинирующих ядерные концепты, они также были рассмотрены в роли модификаторов и в роли агентов стандартных типовых действий, выраженных глаголами. Сначала были определены атрибутивные элементы, подлежащие исследованию. Поскольку анализируемые концепты представлены существительными, возникла необходимость выделить типичный набор определителей для этих слов. В их число вошли препозитивные конструкции: притяжательное местоимение, прилагательное, существительное, притяжательный падеж существительного, причастие I, причастие II и числительное, а также постпозитивные: прилагательное, причастие I, причастие II, предлог + существительное.

Наиболее часто встречающиеся атрибутивные элементы являются ключевыми индикаторами при анализе в плане характеристики концептов, относящихся к категориальным полям «Female» и «Male», а прилагательные в препозиции, в свою очередь, являются наиболее часто употребляемыми атрибутивными адъюнктами. Таким образом, наиболее часто встречающиеся прилагательные в позиции перед существительным играют ключевую роль в передаче информации о центральном слове в атрибутивно-номинативных конструкциях.

Для существительного Woman, представляющего концепт, относящийся к ядру категории «Female», наиболее употребительными препозитивными прилагательными являются: young – 971, old – 785, other – 461, older – 263, beautiful – 163, elderly – 134, poor – 126, pregnant – 87, little – 71, black – 66, dead – 65, good – 57, white – 56, fat – 52, single – 52, pretty – 50.

Для существительного Man, относящегося к ядру категории «Male», наиболее частотные прилагательные включают: young – 2 666, old – 2 358, other – 324, dead – 311, little – 306, big – 287, good – 256, poor – 255, white – 202, older – 197, great – 189, new – 188, black – 166, rich – 156, tall – 142.

Сопоставительный анализ наиболее частотных прилагательных показывает, что при описании женщины гораздо большее по сравнению с мужчиной значение приобретают оценочные качества внешности: «beautiful», «pretty» и маритальный статус: «single», а для мужчины – материальное благосостояние; «rich», «poor».

В ходе семантического анализа было установлено, что не все словосочетания содержат в себе истинную атрибуцию. Так, например, в атрибутивно-номинативном сочетании «best man» (187 вхождений) только 56 примеров включают истинную атрибуцию, а в остальных случаях использовано устойчивое сочетание “best man” – дружок (на свадьбе).

Далее мы провели семантическую классификацию характеристик, распределив их по следующим категориям:

1. Физические свойства – включают возраст, особенности внешности, физические способности и состояния.
2. Психологические характеристики – охватывают личностные качества, модели поведения, уровень знаний, интеллектуальные способности, а также эмоции и чувства.
3. Социокультурные аспекты – касаются территориальной принадлежности, национальности, расы, религии, социального статуса, общественного положения, восприятия в обществе, а также сферы деятельности и профессии.
4. Общая оценка – отражает обобщённое восприятие и оценку субъекта.

Наиболее представленными как для существительного Woman, так и для существительного Man оказались адъюнкты семантических категорий «возраст» с 2382 примерами (38,31% от общего числа) и 5886 (30,70% от общего числа) соответственно и «внешность» с 713 примерами (11,47%) и 2101 (10,96%). Вопреки расхожему представлению, что возраст и внешность имеют для женщины гораздо большее значение, чем для мужчины, логико-семантический анализ лексических данных данное утверждение подтверждают лишь в отношении возраста, да и то расхождение оказалось не столь значительным, как нами предполагалось изначально. В целом логико-семантической классификации было подвергнуто более 25 тысяч примеров.

Помимо атрибутивных адъюнктов нас интересует функционирование каждой лексемы, номинирующей центральный концепт (X) одного из категориальных полей как модификатора в препозиции (схема X+Noun и X’s+Noun) и в постпозиции (схема Noun + Preposition + X). Наиболее показательными на данном этапе нам представились словосочетания с посессивным значением. В ходе анализа были отобраны следующие словосочетания с существительным Woman: woman’s voice – 70, woman’s body – 54, woman’s face – 52, woman’s life – 51, woman’s eyes – 40, woman’s role – 29, woman’s place – 25, woman’s husband – 23, woman’s hand – 18.

Для существительного Man выявлены такие сочетания, как man's face – 130, man's voice – 95, man's life – 80, man's name – 56, man's head – 51, man's body – 49, man's eyes – 48, man's world – 42, man's hand – 40.

Примечательно, что в отношении мужчины наряду с физическими характеристиками упоминается man's world, тогда как для женщины помимо физических свойств значимыми оказываются woman's role и woman's place, что, по сути, подразумевает их определение в рамках того самого man's world.

С целью составления наиболее полного представления о качественном содержании ядерных концептов «Man» и «Woman» категориальных полей «Female» и «Male», мы проанализировали также действия, ассоциируемые с каждым концептом. Полученная информация была систематизирована в соответствии со временем действия и модальностью. Наиболее частотными как для концептов поля «Female», так и для концептов поля «Male» оказались глаголы со значением речевой активности: «to say», глаголы движения: «to go», и обладания: «to have». Полученные данные опровергают еще одно расхожее представление о том, какой мыслится женщина – «пустословная болтушка»: существенных асимметрий в речевой активности язык не фиксирует.

Каждый элемент концептосферы порожден мышлением и отражен сознанием. По справедливому утверждению И. А. Стренина, сознание можно рассматривать как характеристику мозга, тогда как мышление представляет собой процесс, осуществляемый мозгом, обладающим сознанием. В этом контексте сознание имеет устойчивую, неизменную природу, тогда как мышление подразумевает активную, изменяющуюся сторону деятельности мозга. [13]. Концепты «Man» и «Woman», а также категориальные поля «Female» и «Male», как и любые другие, связаны как с сознанием, так и с мышлением индивидов, и, в отличие от многих других, имеют определяющее значение для социума, поскольку от них зависят механизмы гендерного конструирования действительности. Понятие «сознание» является смежным, но не тождественным понятию «языковое сознание». Понятие «языковое сознание», по определению Е. Ф. Тарасова, представляет собой систему ментальных образов, «овнешняемых с помощью языковых средств» – через слова, устойчивые и свободные словосочетания, предложения, тексты, а также ассоциативные связи [14, с. 26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ полученных данных для различных элементов исследуемых категорий позволил нам реконструировать целостный образ Мужчины и Женщины в языковом сознании носителей британского варианта английского языка. Так женщина представляется носителями английского языка как красивое существо (выделенные качества «beautiful», «pretty»), для которого отведена определенная роль и место (woman's role и woman's place) чаще всего замужней женщины, жены, матери. Роль матери для нее при этом является основной и гораздо более выделенной, чем для мужчины – роль отца.

Мужчина же рисуется носителями английского языка обладателем этого мира (man's world), для которого важно материальное благосостояние (об этом свидетельствует выделенность признаков «rich», «poor»). Андрогинными признаками при этом являются, например, возраст и внешность, а также действия, связанные с речевой активностью, движением и обладанием. Таким образом, анализ статистических данных не подтвердил ожидаемую гендерную маркированность семантических категорий «возраст» и внешность», а также опроверг тот факт, что «болтливость» является гендерной характеристикой женщины.

Систематизировав значительный массив лингвистических данных, мы пришли к пониманию того, какие свойства ядерных концептов категориальных полей «Female» и «Male» наиболее выделены в языковом сознании носителя английского языка, а значит, можем более полноценно схематически представить структуру полей. На наш взгляд, эта структура может быть представлена в виде радиально-градуальной модели, где радиальный (горизонтальный срез) показывает входящие в поля концепты с различной степенью удаленности от ядра (см. схему 1), а градуальный (вертикальный) – находящиеся «на поверхности» сознания наиболее выделенные признаки: 1) возраст, 2) внешность и т.д.

Итак, проведенный когнитивный анализ позволил нам определить совокупность овнешненных с помощью языка признаков, ассоциируемых с женщиной и мужчиной, а также с «женским» и «мужским» носителями английского языка. Иными словами, мы выделили важнейшие непосредственные характеристики виртуального прототипа класса индивидов женского и мужского пола, при помощи анализа языка на предмет манифестации гендера.

Список литературы

1. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М., 1999. – 84 с.
3. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология (теория и методы). – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
4. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 1998. – 316 с.
5. *Кубрякова Е. С.* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1997. – 245 с.
6. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
7. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта, 2006. – 296 с.
8. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
9. *Мурашова Л. П., Правикова Л. В.* Эротизация как основа женской метафоры в английском языке // Язык и культура. –2014. – № 4(28). – С. 89–98.
10. *Новицкая И. В.* Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. – 2019. – № 2(46). – С. 76–101.
11. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
12. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
13. *Стернин И. А.* Коммуникативное и когнитивное // С любовью к языку. Сборник научных трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва–Воронеж, 2002. – С. 44–51.
14. *Тарасов Е. Ф.* Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания, 1993. – 174 с.
15. *Холодная М. А.* Интегральные структуры понятийного. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. – 190 с.
16. *Weatherall A., Gallois C.* Gender and Identity: Representation, Social Action // The Handbook of Language and Gender. – Oxford: Blackwell, 2003. – pp. 487–508.

Источники

1. British National Corpus (BNC). Available from: https://corpus.byu.edu/bnc/. – (Accessed 12 April 2025).

References

1. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics: A course of lectures on English philology]. Tambov, TGU Publ., 2001. 123 p.
2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *V poiskakh novykh putei razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya rechepovedencheskikh taktik* [In search of new ways of developing linguistic and cultural studies: The concept of speech-behavioral tactics]. Moscow, 1999. 84 p.

3. Vorobyev V. V. *Lingvokulturologiya (teoriya i metody)* [Linguoculturology (theory and methods)]. Moscow, Russian University of Peoples' Friendship Publ., 1997. 331 p.
4. Husserl E. *Kartesianskie razmyshleniya* [Cartesian meditations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 316 p.
5. Kubryakova E. S. et al. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Compiled by E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow, Moscow State University Publ., 1997. 245 p.
6. Likhachev D. S. *Kontseptosfera russkogo yazyka* [The conceptosphere of the Russian language]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language]. 1993, vol. 52, no. 1, pp. 3–9.
7. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2006. 296 p.
8. Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika: Uchebnoe posobie* [Cognitive linguistics: A textbook]. Minsk, Tetra Systems Publ., 2004. 256 p.
9. Murashova L. P., Pravikova L. V. *Erotizatsiya kak osnova zhenskoy metafory v angliyskom yazyke* [Erotization as the basis of female metaphor in the English language]. *Yazyk i kultura*, 2014, no. 4(28), pp. 89–98.
10. Novitskaya I. V. *Teoriya kontseptual'noy metafory i razvitie al'ternativnykh kontseptsiy v ramkakh kognitivnogo napravleniya metaforologii (po materialam sovremennoy anglistiki)* [The theory of conceptual metaphor and the development of alternative concepts within cognitive metaphorology (based on modern English studies)]. *Yazyk i kultura*, 2019, no. 2(46), pp. 76–101.
11. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, Vostok – Zapad Publ., 2007. 314 p.
12. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kultury: Opyt issledovaniya* [Constants: A dictionary of Russian culture: A research attempt]. Moscow, School "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1997. 824 p.
13. Sternin I. A. *Kommunikativnoe i kognitivnoe* [Communicative and cognitive]. *S lyubov'yu k yazyku. Sbornik nauchnykh trudov. Posvyashchaetsya E. S. Kubryakovoy*. Moscow – Voronezh, 2002, pp. 44–51.
14. Tarasov E. F. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, Institute of Linguistics Publ., 1993. 174 p.
15. Kholodnaya M. A. *Integral'nye struktury ponyatiynogo* [Integral structures of conceptual]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1983. 190 p.
16. Weatherall A., Gallois C. *Gender and Identity: Representation, Social Action. The Handbook of Language and Gender*. Oxford, Blackwell, 2003, pp. 487–508.

COGNITIVE REPRESENTATION OF GENDER-MARKED CONCEPTS WITHIN THE CATEGORIAL FIELDS «FEMALE» AND «MALE»

Murashova L. P.

The aim of the article is to examine the formation and functioning of gender-marked concepts through the examples of "Woman" and "Man," which belong to the categorical fields of "Female" and "Male." We provide a description of concept as an object of cognitive science research, its component structure and standard content, distinguish the main gender-inclusive concepts, determine the radial structure of gender-inclusive categorical fields with various degrees of remoteness of peripheral members (concepts) from the center of a categorical field and discover the distribution patterns of nuclear lexemes of central concepts. The description of distribution consists of defining a standard set of attributive adjuncts of these lexemes, describing the function of each lexeme as a modifier in preposition and postposition and analyzing the actions associated with each concept. We summarize a significant amount of statistical data obtained as a result of analysis of the occurrences and distribution of nuclear lexemes in the British National Corpus of the English language. Thus, this study presents linguistic representations of how the notions of "man" and "woman," as well as "masculine" and "feminine," are perceived. This distinction arises because the English terms "male" and "female" refer not only to biological sex ("man"/"woman") but also to associated characteristics ("masculine"/"feminine"). Through comparative analysis, we gain a general understanding of how the concepts of "Man" and "Woman" are reflected in the linguistic consciousness of English speakers, based on the central concepts "Woman" and "Man" within the categorical fields "Female" and "Male."

Keywords: gender-marked concepts, categorical field "Female", categorical field "Male", concepts "Woman" and "Man".

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 158–166.

УДК 81.272
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-158-166

ПРОБЛЕМА БИЛИНГВИЗМА И ДИГЛОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Шиян М. В.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Симферополь, Российская Федерация
pantyushenkom@mail.ru

В мировой социолингвистике последних десятилетий возрос интерес к различным аспектам языковых контактов и билингвизма, а именно, определение статуса новых социально-территориальных разновидностей языков, используемых для коммуникации представителями конкретных лингвокультурных сообществ. Подобные варианты характеризуются набором внеязыковых переменных, которые коррелируют с языковыми фактами – этническое происхождение говорящего, его вероисповедание, социальный статус, пол, образование, возраст и пр. В статье рассматриваются основные проблемы и характеристики двуязычия, диглоссии и языкового контакта в российском и зарубежном языкознании. В современной научной литературе отсутствует единообразие в толковании разных видов и синонимичных понятий билингвизма, в том числе диглоссии и её внутриязыковой разновидности. В работе поставлена задача сопоставить их принципиальные признаки и различия, а также представить диглоссию как особый вариант билингвизма.

Ключевые слова: билингвизм, диглоссия, языковая система, языковой контакт, норма языка, социолингвистическая классификация.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных особенностей языковой коммуникации в современном обществе становится двуязычие, в том числе массовое, а также многоязычие.

Как известно, билингвизм является предметом изучения лингвистов, социолингвистов, психологов, историков, географов. В связи с многогранностью проявления двуязычия возникли различные билингвальные теории и учения. Так, исследователи выделяют лингвистический, психологический, социологический, педагогический, литературно-художественный и иные аспекты билингвизма.

Целью настоящего исследования является аналитическое осмысление основных проблем и характеристик двуязычия, диглоссии и языкового контакта в российском и зарубежном языкознании. Заявленная цель обусловливает решение следующих задач:

– сопоставить разновидности и синонимичные понятия билингвизма;

– систематизировать сходства и различия в подходах к определению билингвизма;

– рассмотреть явление диглоссии с точки зрения билингвологии и теории языкового контакта.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Вследствие интенсивного развития лингвистики с конца XIX в. возрастает внимание изучению проблем двуязычия. К числу отечественных лингвистов, которые посвятили свои труды изучению двуязычия относят И. А. Бодуэна де Куртенэ [5], Л. В. Щербу [30], Ф. Ф. Фортунатова [24], А. А. Шахматова [27], Е. Д. Поливанова [20] и др. Наряду с отечественными исследователями, ряд зарубежных языковедов, такие как Л. Блумфилд [4], У. Вайнрайх [6], Г. Шухардт [29], внесли существенный вклад в развитие проблем билингвизма и многозычия.

Как известно, термин «билингвизм», образован от двух латинских основ: *bi* – «двойной» и *lingua* – «язык» [3, с. 232]. Это способ владения двумя языками, а билингвом,

в таком случае, называют человека, способного понимать и пользоваться в ходе общения двумя языками. Между тем, не все исследователи согласны с отожествлением понятий билингвизма и двуязычия, поскольку нередко считают их тождественными. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что билингвизм является свободным, попеременным владением двумя языками [7].

О. С. Ахманова полагает, что билингвизм представляет собой одинаково совершенное владение двумя языками, применяемое в различных условиях общения [2]. Аналогичного определения придерживается и В. А. Аврорин, который отмечает, что «…двуязычием следует считать примерно одинаково свободное владение двумя языками…, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [1, с. 51].

У. Вайнрайх [6], В. Ю. Розенцвейг [21], Е. М. Верещагин [7], в свою очередь, указывают на то, что практику попеременного пользования двумя языками следует называть двуязычием, а лиц, которые ее осуществляют, следует называть двуязычными.

С точки зрения психологического подхода под билингвизмом подразумевают способность индивидуума использовать в ходе коммуникации две языковые системы. Наряду с О. С. Ахмановой, в понятийно-терминологическом словаре Е. М. Верещагина указывается на то, что «двуязычие – это одинаково совершенное владение двумя языками» [7, с. 19].

По мнению А. Д. Петренко, «в случаях двуязычия говорящий может переключаться не только с одного языка на другой, но и с одного его варианта на другой» [18, с. 45]. Имеются в виду различные территориальные и социальные варианты. Автор указывает на тот факт, что двуязычный индивидуум может осуществлять выбор одного из вариантов иного языка, причём данный выбор является зависимым от ряда языковых и внеязыковых факторов. Между тем, следует принимать во внимание немаловажное значение принадлежности индивида к той или иной социальной группе, а также уровень полученного им образования.

Надо признать, что определений понятия билингвизма существует довольно много и все они связаны с пониманием того, что двуязычие происходит в тот момент, когда человек наделен возможностью выразить свои мысли и принять вербальную информацию, которая исходит от собеседника на двух языках.

Под двуязычием предполагается желание индивидуума достичь полного понимания на этих двух языках. В реальных же условиях вероятность такого абсолютного взаимопонимания не всегда полностью реализуется. Возможно, это связано с тем, что один из этих двух языков при определённых условиях может являться главным. Это происходит ввиду действия ряда факторов, например, уровня образованности человека, широты его словарного запаса, ситуации общения и других условий.

В современной лингвистике двуязычие классифицируют по-разному. Классификация чаще всего зависит от аспекта исследования, которое является главным, или же от определенного содержания двуязычия, условий его функционирования, понимания и владения носителями как минимум двух языков.

А. С. Давдян указывает на то, что билингвизм «может иметь разнообразные формы и степени, которые зависят от таких факторов, как период изучения второго языка, интенсивности его использования в повседневной жизни, частоты переключения между языками в различных ситуациях» [11, с. 79]. В результате указанные факторы, безусловно, воздействуют на речевое поведение говорящего, на реализацию как фонетических, так и синтаксических, лексико-семантических средств языка.

Когда исследователи рассуждают о родном и иностранном языках, при котором родной язык употребляется индивидом практически во всех ситуациях общения, а иностранный язык – в одной или нескольких коммуникативных ситуациях, то речь идет об искусственном билингвизме.

Именно поэтому необходимо уточнять эти понятия прежде, чем сопоставлять различные определения. Так, например, Е. М. Верещагин в рамках психологического и социологического направлений в исследовании явления билингвизма вводит в научный обиход так называемую «первичную языковую систему» и «вторичную языковую систему» [7, с. 19].

На основе сделанных выводов, автор приходит к следующему заключению: если индивид во всех ситуациях общения реализует только свою первичную языковую систему, то его можно назвать монолингвом. Если же индивид в разных ситуациях общения использует и первичную, и вторичную языковые системы, то его можно назвать билингвом: «Носителя двух систем общения (т.е. человека, способного употреблять для общения две языковые системы) Е. М. Верещагин называет билингвом» [7, с. 19].

По мнению Л. С. Выготского, следует различать такие формы билингвизма, которые зависят от степени взаимосвязи между двумя языками. Например, симметричный билингвизм, где два языка наделены одинаковым статусом и в равной степени могут быть использованы. Наряду с данной формой существует и асимметричный билингвизм, при котором один язык является доминирующим, а другой используется только в определённых ситуациях общения. Необходимо выделить еще один тип билингвизма – контекстуальный, при котором человек употребляет различные языковые средства в разных речевых ситуациях и контекстах [10, с.53].

В лингвистике получили распространение некоторые типы классификаций билингвизма. По теории Е. М. Верещагина, различают:

– рецептивный билингвизм, в ходе которого билингв понимает речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе, то есть второму языку;

– репродуктивный билингвизм, когда билингв способен воспроизвести прочитанное и услышанное. Примером репродуктивного билингвизма является самостоятельное изучение неродного языка в качестве средства для получения информации;

– продуктивный (производящий) билингвизм, в том случае, когда билингв воспринимает на слух и воспроизводит в своей речи слова, принадлежащие другой языковой системе.

Ко второму типу билингвизма, по мнению Е. М. Верещагина, следует отнести сравнение двух речевых механизмов между собой, так как обе языковые системы функционируют независимо друг от друга, или связаны между собой в ходе вербальной коммуникации:

– чистый билингвизм (в качестве примера чистого билингвизма автор приводит случаи, когда человек может использовать один язык на работе для успешной коммуникации с коллегами, в то время как дома, для общения с семьей, он реализует свой родной язык);

– смешанный билингвизм, при котором языки свободно заменяют друг друга, а между двумя речевыми механизмами, относящимися к порождению разноязычной речи, возникает связь [7, с. 19].

Как справедливо отмечает А. Д. Петренко, «степень различия языковых систем определяется совокупностью не только лингвистических, но и социальных,

исторических, культурных и прочих внеязыковых факторов» [18, с. 45]. В результате, каждый язык идентифицирует личность говорящего. Кроме того, по возрасту индивидуума, в котором происходит изучение второго языка, выделяют билингвизм ранний и поздний [7, с. 19].

Следует также подчеркнуть, что большинство лингвистов при рассмотрении вопросов двуязычия выделяют «индивидуальный билингвизм и групповой (массовый, социальный)» [15; 7; 8]. Существуют разные точки зрения по поводу перспектив и возможностей изучения индивидуального билингвизма. Это объясняется разным характером взаимодействия двух его видов. Ряд исследователей придерживается мнения, что индивидуальный билингвизм не входит в объект исследования социальной лингвистики».

Так, билингвизм некоторых отдельно взятых индивидуумов может повлиять на формирование и изменение некоторых элементов языковой нормы для целого сообщества. Это следует учитывать при описании речевых изменений на уровне социальной группы в целом [13].

Представленная типология билингвизма не является единственно существующей. Ряд исследователей, такие как Г. М. Вишневская, Г. К. Шухардт и Л. В. Щерба, представляют свои классификации и подходы [9; 29; 30], внося вклад в изучение единой концепции и теории двуязычия.

Следовательно, можно заключить, что с началом введения данного термина в лингвистическую науку, «билингвизм» рассматривали по-разному.

К наиболее значимой характеристике двуязычия, бесспорно, относят расширение лингвистической компетенции и возможности коммуникации людей, которые представляют различные культурные и языковые группы.

В данной работе автор опирается в большей степени на определение билингвизма Е. М. Верещагиным, поскольку исследователь предложил свою собственную терминосистему и определение билингвизма на основе взаимодействия психологического и социологического критериев. Данный подход создает прочную основу для дальнейшего исследования вопросов двуязычия.

В Толковом словаре Д. Н. Ушакова двуязычие определяется как «наличие двух равноправных языков в пределах страны или области. Второе значение данного понятия – это знание двух языков и пользование ими в быту как равноценными» [23, с. 665].

Наряду с термином «билингвизм» существует и другое понятие – «диглоссия». Эти понятия близки, но под вторым чаще подразумевается особый вариант билингвизма. В 1959 г. американским исследователем Ч. А. Фергюсоном впервые был введён в научный оборот термин «диглоссия». Словарь иностранных слов русского языка определяет диглоссию как «лингвистическую разновидность двуязычия, заключающегося в том, что индивид или языковой коллектив владеет или пользуется двумя диалектами одного и того же национального языка либо его историческими вариантами» [31, с. 325].

Явление диглоссии интенсивно изучалось в работах отечественных и зарубежных лингвистов в XX столетии. Своеобразие диглоссии широко представлено в работах Дж. Фишмана [32], а применительно к истории русского литературного языка – А. В. Исаченко [14], Б. А. Успенского [22]. Проблема диглоссии раскрыта в научной литературе такими авторами, как В. В. Виноградов [8], Г. Пауль [19], Э. Хауген [25], В. Ю. Розенцвейг [21], У. Вайнрайх [6], Н. Б. Мечковская [17], Л. В. Щерба [30] и др. В последние десятилетия понимание диглоссии в социальном аспекте сохраняет свою

актуальность и активно обсуждается в научном сообществе. Данная проблематика достаточно часто освещается научной литературой последних лет (Н. А. Забелина, А. А. Залевская, А. Д. Петренко, Е. К. Черничкина, и др.) [12; 13; 18; 26].

По мнению В. И. Беликова [3] и Л. П. Крысина [15], природные языки не однородны, а представляют собой разнообразие, формирование и функционирование которого определяется социальной дифференцированностью общества и его коммуникативных потребностей. При этом большинство лингвистов рассматривает национальный язык с точки зрения теории форм его существования, а именно, литературный язык, разговорный язык и территориальный диалект. Данное использование подсистемами одного национального языка и их ситуативно-обусловленная реализация в речи обычно называется внутриязыковой диглоссией. Кроме того, диглоссия может означать и владение различными языками. В таком случае этот термин используется без определения «внутриязыковая» [6, с. 233].

Важную роль в понимании и идентификации понятия «диглоссия» играет функциональный аспект, то есть одновременное существование в социуме двух разных форм языка или двух языков, реализуемых в различных сферах жизнедеятельности.

При определении билингвизма – диглоссии необходимо принимать во внимание частотность и регулярность переключения с одного языка на другой [17, с. 5]. Постольку определение билингвизма должно учитывать и виды коммуникативной деятельности, в рамках которых реализуются оба языка. Таким образом, у каждого автора представлено свое мнение по поводу определения понятия «диглоссия».

По утверждению В. В. Виноградова, для диглоссии характерны:

1) такое функциональное распределение языков, при котором один из них используется в официальных ситуациях общения и не принят в повседневной речи; второй язык возможно реализовать только в повседневном общении и некоторых литературных жанрах;

2) престижность книжного («высокого») языка;

3) надэтнический характер престижного языка: при котором ни для одной из этнических или социальных групп населения этот язык не является родным;

4) искусственный характер владения престижным языком – поскольку такой язык не используется в обиходе, его нельзя освоить естественным путем [8, с. 246].

Как свидетельствуют теоретические материалы научных работ В. В. Виноградова [8], В. Ю. Розенцвейга [21], Л. В. Щербы [30], диглоссия обозначает такую форму владения двумя самостоятельными языками или подсистемами одного языка, при которой эти языки и подсистемы функционально распределены. В том случае, когда один из них используется в «высоких» сферах и ситуациях общения и не принят в повседневном общении; второй язык, напротив, возможен только в повседневной коммуникации. Как справедливо полагает Л. В. Щерба, «важным условием при диглоссии является то обстоятельство, что говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют то из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации» [30, с. 67].

Социология дает право считать, что население делят на двуязычное или многоязычное, а функции языков четко распределены. В этом случае речь идет о явлении, которое в научной лингвистической литературе называется «билингвизмом с диглоссией». То есть говорящий использует научный стиль изложения во время выступления с докладом перед аудиторией, а затем, после окончания доклада и смены обстановки, переключится на разговорный. Дж. Фишман определяет диглоссию как «разновидность билингвизма по иерархии, при которой отдельные языковые системы,

несмотря на их родство, находятся в определенных функциональных отношениях» [32, с. 45]. Как следует из вышесказанного, диглоссия – это одновременное сосуществование в обществе двух языков или двух форм одного языка с их функциональным распределением.

Таким образом, в официальных ситуациях – законотворчестве или переписке между государственными учреждениями реализуется официальный язык (кодифицированная форма языка), а в ситуациях бытовых, которые не имеют статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон, социолект, региолект и.т.п.

Очевидно, что выбор языка диктует коммуникативная ситуация, и данный выбор не зависит от этноязыковой принадлежности говорящих. В отличие от билингвизма диглоссия предусматривает индивидуальную оценку коммуникантами конкретного языка по уровням «высокий-низкий».

К компонентам диглоссии относят разные языки, например, в автономном сообществе Испании, Галисия является классическим примером диглоссии, так как галисийский язык большинство населения считает низшим по сравнению с государственным языком, испанским или португальским), различные варианты одного языка (литературный язык и просторечие), разные стили языка (публицистический или художественный).

А. Д. Швейцер, разграничивая понятия билингвизма и диглоссии, предлагает такие определения: билингвизм – это ситуация, при которой два языка сосуществуют параллельно, а диглоссия – это взаимодействие двух подсистем одного языка [28].

В одной из своих работ Дж. Фишман, например, развивает идею расширенной диглоссии. В основе данной теории лежит представление, что формы двух генетически неродственных языков или исторически индивидуализированных и отдаленных языковых систем, используемых в одном обществе, можно считать феноменом диглоссии, если между ними есть разница в аспекте престижности и власти [32, с. 45].

Автор вводит понятия высокий и низкий язык, предлагая выделять четыре ранга, между которыми существуют отношения соподчиненности:

1. высокий – это классический язык, а низкий – простонародный
(Два языка генетически связаны);
2. высокий – это классический язык, а низкий – простонародный
(Два языка генетически не связаны);
3. высокий – язык официального стиля, а низкий – простонародный.
(Два языка связаны генетически);
4. высокий – язык официального стиля, а низкий – простонародный.
(Два языка не связаны генетически) [32, с. 29].

Х. Клосс разделяет диглоссию на внутреннюю и внешнюю. Под термином внутренняя диглоссия автор понимает ситуацию, предложенную Ч. А. Фергюсоном, а под термином внешняя – диглоссию с неродственными языками или слишком удаленными родственными, например, с отдельными славянскими языками [33].

На основе изучения разных аспектов билингвизма и диглоссии можно сделать вывод о том, что идея диглоссии в случаях использования генетически неродственных языков расширяет понятие до такого уровня, что оно начинает пересекаться с билингвизмом. Основной компонент, который не допускает пересечения этой границы – это противопоставление признаков «высокий» – «низкий» язык в диглоссии, поскольку для билингвизма характерна своеобразная симметрия: «высокий» – «высокий» или «низкий» – «низкий» [33, с. 29].

ВЫВОДЫ

Таким образом, для двуязычного населения характерно не только «сбалансированное» двуязычие, но и диглоссия как особый вариант билингвизма. В данном контексте диглоссия обозначает такую форму владения двумя самостоятельными языками или подсистемами одного языка, при которой эти языки и подсистемы функционально четко распределены и имеют свои задачи.

Следовательно, в условиях диглоссии языки функционально дополняют друг друга, подвергаются взаимопроникновению. Диглоссия представляет собой довольно стабильную ситуацию и может длиться на протяжении значительного отрезка времени, часто – веков, поэтому продолжает существовать и развиваться.

Проблема диглоссии до настоящего времени не получила своего окончательного разрешения в лингвистической науке. Существование различных подходов к этой проблеме свидетельствует о сложности изучаемого вопроса, а это, в свою очередь, требует дальнейших разработок в этом научном направлении.

Данное исследование является частью комплексной научной темы «Социальная и национальная вариативность языка и литературы», разрабатываемой кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в рамках научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко.

Список литературы

1. *Аврорин В. А.* Проблема изучения двуязычия и многоязычия: Двуязычие и школа. – М.: «Наука», 1972. – С. 49–62.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. *Беликов В. И.* «Надёжность советских этнодемографических данных» // Малые языки Евразии: Матлы международной научной конференции – М.: Изд-во Университет, 1997. – С. 12–43.
4. *Блумфилд. Л.* Язык: сборник научных трудов. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
5. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об общих причинах языковых изменений: избранные труды по общему языкознанию. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 221–254.
6. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – 1972. – № 6. – С. 25–60.
7. *Верещагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма): Научные монографии. – М.: МГУ, 1969. – С. 19.
8. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение: учебно-практическое пособие. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. –224 с.
9. *Вишневская Г. М.* Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация: Уч. пос. в 3-х частях. – Иваново: ИвГУ, – 2011. – 224 с.
10. *Выготский Л. С.* К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Умственное развитие детей в процессе обучения: Сб. ст. – Л., 1935. – С. 53–72.
11. *Давдян А. С.* Билингвизм в раннем возрасте: психолингвистические аспекты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3. – С. 79–82.
12. *Забелина Н. А.* О билингвизме. Теория межкультурная коммуникация. – 2007 – № 2. – С. 15-20.
13. *Залевская А. А.* Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. – 2009 – № 10. – С. 11–15.
14. *Исаченко А. В.* О возникновении и развитии категории состояния в славянских языках» // Вопросы языкознания. – М.: Академия наук СССР, 1955. – № 6. – С. 48–65.
15. *Крысин Л. П.* Формы существования русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дафференциация: – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 248 с.
16. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. – 1953. – № 4. – С. 36–48.
17. *Мечковская Н. Б.* Языковой контакт: Общее языкознание. – Минск: Выш. школа, 1983. – 315 с.
18. *Петренко А. Д.* Социофонетика: Крымский резонанс // Социофонетиа и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография. – М.: ИНФА-М, 2018. – С. 150–159.
19. *Пауль Г.* Принципы истории языка: сборник научных трудов. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.

20. *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию: Избр. работы. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
21. *Розенцвейг В. Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. –1972. – № 6. – С. 5–24.
22. *Успенский Б. А.* Избранные Труды / Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – 429 с.
23. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – 1239 с.
24. *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 1. – М.: Гос. уч-пед. изд-во Мин. просв. РСФСР. –1956. – 452 с.
25. *Хауген. Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. – 1972. – № 6. – С. 61–80.
26. *Черничкина Е. К.* Концепция искусственного билингвизма в теории языка. – Волгоград: Перемена, 2007. – 231 с.
27. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.
28. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 349 с.
29. *Шухардт Г. К.* вопросу о языковом смешении / Избранные статьи по языкознанию. – Изд. 2–е. – М.: Едиториал УРСС, 2003 – С. 174–184.
30. *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 313–318.
31. *Ferguson C. A.* Diglossia. – Word 15, 1959, pp. 325–340.
32. *Fishman J. A.* Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism // Journal of Social Issues. – 1967. – pp. 29–38.
33. *Kloss H.* Types of Multilingual Communities: A Discussion of Ten Variables // Sociological Inquiry. – 1966. – pp. 7–17.

References

1. Avrorin V. A. *Problema izucheniya dvuyazychiya i mnogoyazychiya: Dvuyazychiye i shkola* [The problem of bilingualism and multilingualism: Bilingualism and school]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 49–62.
2. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskih terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 2004. 571 p.
3. Belikov V. I. *Nadyozhnost' sovetskikh etnodemograficheskih dannykh* [Reliability of Soviet ethno demographic data]. *Malye yazyki Evrazi*i. Moscow, University Publ., 1997, pp. 12-43.
4. Bloomfield L. *Yazyk: Sbornik nauchnykh trudov* [Language: collection of scientific papers]. Moscow, Progres Publ., 1968. 608p.
5. Baudouin de Courtenay I. A. *Ob obychnikh printsipakh yazykovykh izmenenij: izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [On the common causes of linguistic changes: Selected works on general linguistics]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963. Vol. 1, pp. 221-254.
6. Weinreich U. *Odnojazychie i mnogoyazychie* [Monolingualism and multilingualism]. *Novoe v lingvistike*, 1972,. pp. 25–60.
7. Vereshchagin E. M. *Psikhologicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (Bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism (Bilingualism)]. Moscow, 1969. 19 p.
8. Vinogradov V. S. *Vvedenie v perevodovedenie: uchebno-prakticheskoe posobie* [Introduction to Translation studies (general and lexical issues)]. Moscow, Publ. House of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education, 2001. 224 p.
9. Vishnevskaya G. M. *Literaturno-khudozhestvennyj bilingvizm: lingvisticheskaya interpretaciya: Uch. pos. v 3-kh chastyakh* [Literary and artistic bilingualism: linguistic interpretation. Studybook In 3 parts]. Ivanovo, IvGU Publ., 2011. 224 p.
10. Vygotsky L. S. *K voprosu o mnogoyazychii v detskom vozraste : Umstvennoe razvitie detej v protsesse obucheniya* [On the issue of multilingualism in childhood : Mental development of children in the learning process]. Leningrad, Nauka Publ., 1935, pp. 53–72.
11. Davdyan A. S. *Bilingvizm v rannem vozraste: psiholingvisticheskie aspekty* [Bilingualism at an early age] *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, no. 3, pp. 79–82.
12. Zabelina N. A. *O bilingvizme* [About bilingualism] *Teoriya mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2007, no. 2, pp. 15–20.
13. Zalevskaya A. A. *Voprosy psiholingvisticheskoj teorii dvuyazychiya* [Questions of the psycholinguistic theory of bilingualism] *Voprosy psikholingvistiki*, 2009, no. 10, pp. 11–15.
14. Isachenko A.V. *O vozniknovenii i razvitii kategorii sostoyaniya v slavyanskikh yazykakh: Voprosy yazykoznaniya* [On the emergence and development of the category of condition in Slavic languages: Questions of linguistics]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, no. 6, pp. 48–65.

15. Krysin L. P. *Formy sushestvovaniya russkogo natsional'nogo yazyka : Sovremennyj russkij yazyk : Sotsial'naya i funktsional'naya defferentsiatsiya* [Forms of existence (subsystems) of the Russian national language : Modern Russian language: Social and functional differentiation]. M., Russian Academy of Sciences Publ., 2003, 248 p.
16. Martinet A. *Osnovy obshej lingvistiki* [Fundamentals of general linguistics] *Novoe v lingvistike*, 1953, no. 4, pp. 36-48.
17. Mechkovskaya N. B. *Yazykovoj kontakt : Obshee yazykoznanie* [Language contact : General linguistics]. Minsk, Higher School Publ., 1983, 315 p.
18. Petrenko A. D. *Sotsiofonetika: Krymskij rezonans* [Sociophonetics: Crimean Resonance]. Sotsiofonetika i fonostilistika (oput, aktualnaya problematika, perspektivy). Moscow: INFRA-M Publ., 2018, pp. 150-159
19. Paul G. Printsipy istorii yazyka : sbornik nauchnykh trudov [Principles of the history of language]. Ed. Ed. by Z. N. Petrova, M., Publ. House of Foreign Literature, 1960, 500 p.
20. Polivanov E. D. Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu : Izbranye trudy [Articles on general linguistics : Selected works]. M., Nauka Publ., 1968, 376 p.
21. Rozenzweig V. Yu. Osnovnye voprosy teorii yazykovykh kontaktov : Novoe v lingvistike [Basic issues of the theory of language contacts : New in linguistics]. M., Progress Publ., 1972, no. 6, pp. 5–24.
22. Uspensky, B. A. Izbrannye Trudy : Semiotika istorii. Semiotika kul'tury [Selected Works : Semiotics of history. Semiotics of culture]. M., Gnosis Publ., 1994, 429 p.
23. Ushakov D. N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka : sovremennaya redaktsiya [The great explanatory dictionary of the Russian language: a modern edition]. M., House of Slavic books Publ., 2008, 1239 p.
24. Fortunatov F. F. *Izbrannye trudy. Vol. 1* [Selected works. Vol. 1]. M., State Educational and Pedagogical Publ. House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1956. 452 p.
25. Haugen E. *Yazykovoj kontakt* [Language contact]. *Novoe v lingvistike*, 1972, No. 6, pp. 61–80.
26. Chernichkina E. K. *Kontseptsiya iskusstvennogo bilingvizma v teorii yazyka* [The concept of artificial bilingualism in language theory]. Volgograd., Peremena Publ., 2007, 231 p.
27. Shakhmatov A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazuka* [An essay on the modern Russian literary language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941, 288 p.
28. Schweitzer A. D. *Teoriya perevoda : Status, problemy, aspekty* [Theory of translation: Status, problems, aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 349 p.
29. Shuhardt G. K. *Voprosu o yazykovom smeshenii : Izbrannye stat'i po yazykoznaniyu* [On the question of the linguistic mixing : Selected articles on linguistics]. Moscow, Editor of URSS Publ., 2003, pp. 174–184.
30. Shcherba L. V. *K vorposu o dvuyazychii* [On the issue of bilingualism] *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. 1974, pp. 313–318.
31. Ferguson K. A. *Diglossia. Word 15*, 1959, pp. 325–340.
32. Fishman J. A. *Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism. Journal social problems*, 1967, pp. 29–38.
33. Kloss H. *Types of multilingual communities: a discussion of ten variables. Sociological research*. 1966, pp. 7–17.

THE PROBLEM OF BILINGUALISM, DIGLOSSIA AND LANGUAGE CONTACT IN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS

Shiyan M. V.

In the world of sociolinguistics in recent decades, there has been an increased interest in various aspects of language contacts and bilingualism, namely, determining the status of new socio-territorial varieties of languages used for communication by representatives of specific linguistic and cultural communities. Such variants are characterized by a set of extra–linguistic variables that correlate with linguistic facts - the speaker's ethnic origin, religion, social status, gender, education, age, etc. The article discusses the main problems and characteristics of bilingualism, diglossia, and language contact in Russian and foreign linguistics. There is no uniformity in the interpretation of different types and synonymous concepts of bilingualism in modern scientific literature, including diglossia and its intra-linguistic variety. The paper aims to compare their fundamental features and differences, as well as to present diglossia as a special variant of bilingualism.

Keywords: bilingualism, diglossia, language system, language contact, the language standard, sociolinguistic classification.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 167–177

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81-112.4:811.161.1'37
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-167-177

ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА АДЪЕКТИВОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВКУС» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Валеева Л. В.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
lv_valeeva@mail.ru

В статье представлена и описана парадигма адъективов со значением вкуса, функционирующая в русском языке. Ядро историко-функциональной парадигмы составили четыре базовых прилагательных – *соленый, сладкий, горький, кислый.* Цель исследования заключалась в выявлении и обосновании динамики изменений в семантической структуре прилагательных с учетом функционального своеобразия данной группы слов на материале этимологических, исторических и толковых словарей русского языка. Работа состояла из двух этапов. На первом этапе были изучены и обоснованы праформы доминантных лексем. На втором этапе воссоздана и описана модель функционально обусловленных семантических изменений для лексем со значением «вкус». Анализ функциональной адаптации адъективов в истории русского языка выявил зависимость продуктивности и активности изменений от условий появления праоснов. Были структурированы и рассмотрены три главных направления семантического развития прилагательных со значением вкуса и их производных лексем. Первое направление демонстрирует сохранение семантики перцептивных ощущений. Второе направление связано с модификацией семантики количества, повлекшей закрепление сем интенсивности и чрезмерности. Третье направление связано с проявлением и трансформацией семантики аксиологической и эмоциональной оценки. Зафиксирована наибольшая мотивационная осложненность семантической структуры адъектива *сладкий.*

Ключевые слова: семантика, вкус, русский язык, историко-функциональная парадигма, адъектив, мотивация, соленый, сладкий, горький, кислый.

ВВЕДЕНИЕ

Историческое развитие языка является важнейшим фактором преобразования знаний человека «в некую единую систему взглядов, своего рода единую коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [3, с. 38–39]. В процессе речевой практики знания постепенно приобретают в языке ценностно-смысловой статус.

На ранних этапах овладения родным языком человек наследует не только способы и модели образования языковых форм, но и весь исторически сложившийся жизненный опыт своего народа. Язык интерпретирует окружающий мир, создавая особую реальность, в которой живет человек. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем.

Вкус как перцептивный модус, наряду со слуховым, обонятельным, зрительным и осязательным, принадлежит к первичным человеческим ощущениям. Актуальность исследования функциональной адаптации перцептивных понятий в языке заключается в том, что исходные смыслы сенсорных номинаций возникли не столько в процессе освоения человеком среды обитания, сколько приспособления к ней.

Современное изучение интериоризации перцептивного сознания в языке в рамках антропоцентрической парадигмы свидетельствует о нескольких этапах, ярусах развития

наивной картины мира человека. По утверждению О. Михайловой, первый ярус формируют «представления о человеке как индивиде, биологическом существе» [12, с. 223]. Второй ярус организует знание о личности и обществе. Третий ярус картины мира составляют имена с обобщенной семантикой мысли и чувства, в том числе признаковые имена в переносных значениях, приобретшие значения ментальной лексики [12].

Современное понимание природы языковых представлений вкусового восприятия человека основывается на утверждении о едином содержательном компоненте семантической группы «вкус» для носителей конкретной лингвокультуры. З. Г. Темаргазина, исследуя когнитивную специфику концептов вкуса, синтезирует онтологическую основу представлений о вкусах, как о физиологическом механизме «вкусового восприятия человека, основанного на работе рецепторов, расположенных на языке», и лингвокультурную сферу знаний, в основе которых осознанные и осмысленные опытные данные о своих вкусовых ощущениях [22]. Т. Ю. Щуклина, А. А. Талицкая, А. В. Юрьева и другие рассматривают семантическую структуру адъективов с общим компонентом «имеющий тот или иной вкус» [29, с. 16], «осуществляющий описание вкуса ‘через отсылку к реалиям внеязыковой действительности’» [21, с. 172].

Проблематика изучения семантики вкуса в русском языке включает изучение конкретной лексики с семантикой вкусового восприятия в языке конкретных авторов и произведений (О. В, Четверикова, М. В. Майсеёнок, И. Лю и др.), метафорические и аксиологические языковые репрезентации вкусовых характеристик (Т. О. Ванина, Т. Г. Голощапова, С. А. Моисеева, Е. Ю. Яровая, М. В. Шкаброва, Н. Ю. Шнякина), в сопоставительном аспекте в русском и итальянском, китайском, немецком, чешском, тюркских и других языках (Г. Б. Блинников, М. Д. Чертыкова, Ц. Лю, Б. Н.Жантурина и др.) и под.

Историко-функциональный аспект изучения семантики лексической единицы представляет особую значимость для лингвистики, так как, во-первых, фиксирует языковую основу, являющуюся платформой для всех языковых процессов, во-вторых, позволяет реконструировать этапы развития всех языковых форм. Данный метод представляет собой структурирование общих направлений изменения семантики лексики в результате ее функционирования в истории русского языка в сопоставлении с праосновой рассматриваемого слова.

Цель исследования – выявить и структурировать динамику изменений в ядерных адъективах семантической группы «вкус» в русском языке с учетом функционального своеобразия данной группы в истории русского языка на материале отечественной лексикографии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В наивной языковой картине мира существуют четыре основных градации вкуса: соленое, сладкое, кислое, горькое, что подтверждается лексикографическим материалом и естественнонаучных, и гуманитарных областей знания [16, с. 105; 11].

Языковое освоение вкусового мировосприятия русского человека включает вербальное фиксирование вкусовых ощущений, накопление мотивационных связей производящих слов, реализацию деривационного потенциала базовых лексических единиц с учетом их функциональной совместимости, дальнейшее их эксплицитное и имплицитное развитие с учетом экстралингвистических факторов.

Изучение реконструированной первичной структуры имен прилагательных семантической группы «вкус» проводится на материале корпуса этимологических и исторических словарей русского языка.

Имя прилагательное *соленый* восходит к и.-е. основе *sol- и, по мнению историков языка, сохраняет в семантической структуре архисему объективного вкусового ощущения «соленый вкус» [25; 27]. По мнению Н. Д. Андреева, раннеиндоевропейский бином *SX-LY* (где *X* – велярный спирант) складывается из *SX*, имеющего протосему «солнце», и *LY*, сохраняющего значение «оставлять, оставаться», и в позднеиндоевропейском языке наблюдается модификация денотата «оставшееся от солнцепека, выпаренное > соль» с последующей деэтимологизацией *SXL-Y* «соленый». Таким образом, стало возможным образование и.-е. *sol- со значением «соленая вода», «соль» [1, с. 52].

Адъектив *сладкий* в этимологическом словаре современного русского языка А. К. Шапошникова [34] рассматривается с опорой на древнеболгарское и восточнославянское происхождение слова. Историк выделяет корень *солд-* и суффикс *–ъкъ*, определяет индоевропейскую расширенную основу *sal-d «соленый, имеющий определенный вкус» [34, с. 331]. Ученый приводит литовские лексические соответствия со значением «сладкий» и готскую языковую форму solt со значением «соль». В качестве основной версии при реконструкции прасемантики слова *сладкий* предлагает считать выделение архисемы «имеющий вкус», В качестве менее вероятных, но возможных версий рассматривает древнее праславянское переоформление и видоизменение и.-е. *swed- / swod- / swad- «нравиться, приходиться по вкусу». В группу исторических элементов данной семантической группы исследователь включает *сало, солод, соль* [34].

Этимологическое представление слова *сладкий* в словаре Г. П. Цыганенко выполняется на основе праславянского корня *sold «сладок», образованного с помощью суффикса –d-ъ от той же основы, что и в слове *соль*. «Значение развивалось, вероятно, следующим образом: первоначально *sold «соленый», затем «приправленный» (не только солью), далее – «вкусный» и, наконец, – «сладкий». См. *салат* [26, с. 383].

Исследователь учитывает все фонетические процессы, которые повлияли на формирование современных языковых литературных и диалектных элементов со значением «сладкий». В этот ряд включены фонетические процессы: утрата слабых редуцированных и изменение *кы* в *ки* (*сладъкый – сладкий);* изменение *дт – тт – ст (*сладтъ – сластьь* «сладости, лакомство»); изменение *tj – щ (*сластја – слаща «сладость»*), ср. диал. *слаща* «брюква», от него *слащавый* «очень сладкий, приторный»; изменение праславянского сочетания *-ol между согласными в неполногласное сочетание *–ла- (*sold – *сладъ* «сладок») и изменение в полногласное сочетание *–оло-(солод* «продукт из проросших зерен хлебных злаков сладковатого вкуса, используемое при изготовлении кваса и т. п. Значение восточнославянского существительного *солодь* «почва из солонцов при избытке влаги», по мнению Г. П. Цыганенко, также восходит к слову *соль* [26, с. 383].

Г. А. Крылов определяет единую индоевропейскую природу для общеславянских слов *соль* и *сладкий* [32, с. 371]. В этимологическом словаре М. Фасмера представлено имя прилагательное *солодкий*. По мнению историка языка, праславянская форма *sold-къ обладало первоначальным значением «соленый, вкусный, пряный» [25, с. 713].

Вышеприведенный анализ свидетельствует, что индоевропейский корень *sal- указывает на динамику развития смысла от наличия какого-либо вкуса, как правило, жизненно необходимого (и к таким продуктам относится соль), до создания определенного вкуса (и к таким продуктам относятся сладкие продукты, содержащие сахар или приготовленные с сахаром, мёдом, вареньем). Доминанта *сладкий* и ее

производные образованы на основе реконструированной семы **sal-d* с последующей цепочкой семантических трансформаций от «соленый» через «вкусный» или «приправленный» к «пряный» и «сладкий».

Перцептивный опыт человека реализуется в виде доминантной оппозиции ‘сладкий – горький’. В отечественной лексикографии архетипическое противопоставление обладает объяснительной силой: «горький <…> ‘едкий, противоположный сладкому’ (*как полынь горький)*» [2, с. 297].

Происхождение имени прилагательного *горький* связывают с этимологией глагольных образований *goreti «гореть», «жечь» и процессами адъективации *gor-ьkъ «жгучий, едкий» → «горький» XI в. [4]. В. А. Меркулова указывает на существование в языке подобных словообразовательных моделей: «‘резать’ → ‘резкий, горький’» [10, с. 62] Предлагаются версии образования прилагательного из *горячий*: «от и.-е. *gᵘ̯hor-ĭ-ko- ‘едкий, жгучий’ (>‘то, что обжигает язык’ > ‘горький’), без точных и.-е. параллелей» [2, с. 298]. Н. М. Шанский считает, что прилагательное *горький* в праславянской форме *gorьkъ испытало влияние форм настоящего времени *gorją, *gorjьkъ>*gorьkъ. Развитие значений слова проходило от «обжигающий, горячий» до «производящий неприятное ощущение, горький» [30, с.143–144].

Реконструкция праосновы адъектива *кислый* демонстрирует продуктивный способ суффиксального образования: от глагола *кысати* (**kys-*) с помощью суффикса *–lъ (*kys-l-)* [31, с. 138; 33, с. 394]. М. Фасмер предлагает варианты значений производящего глагола: от «мокнуть» до «бродить» и «гнить» [24, с. 239].

Таким образом, историко-семантическая реконструкция адъективов со значением «вкус» выявило индикацию этапов языкового освоения вкуса: «состояние», «оценка», «внедрение» и «закрепление». Стадии формирования семантики вкуса в истории русского языка реализуют две модели. Первая модель, наблюдаемая в дихотомии *соленый – сладкий,* строится на редукции семы «состояние», эксплицированной в глаголах *оставаться, выпарить, иметь*, активации оценки и последующем преображении семной комбинации праосновы: «выпаренная соленая вода на солнце» → «вкус соли» → *соленый*, «имеющий приятный вкус» → «вкусный» → *сладкий.* Вторая модель связана с процессом генерирования семантики вкуса для прилагательных *горький, кислый.* Внедрение в язык и закрепление в нем ключевых лексем вкуса происходит в результате расширения семантической структуры отглагольных дериватов: «гореть» → «горячий, жгучий, едкий вкус» → *горький;* «киснуть, бродить» → «прокислый вкус» → *кислый.*

Функциональная параметризация адъективов семантической группы «вкус» обусловлена общечеловеческой и национальной природой языка. Она отражает степень интеграции общечеловеческих ценностей, обыденного знания и культурной памяти, существующих в языковом коллективе. Основные вербальные носители вкусовой перцепции создают парадигматические ряды в языке вследствие их корреляции с семантикой включения, желания, эмоций и под.

Анализ и систематизация лексикографического материала выявили общие признаки и характеристики адъективов в процессе их функционирования в разные периоды истории русского языка.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г.) в структуре адъектива *сладкий* закреплены семы «приятный на вкус, не имеющий горечи, кислоты и остроты» и «приятный, услаждающий чувства» [20, с. 144]. Сохраняют семантику мотивирующего

слова *сладкий* атрибутивы *сладковещанный* «церк. приятно говорящий», *сладкоглаголивый* «имеющий способность приятно говорить», *сладкогласный* «имеющий приятный, усладительный голос», *сладковдохновенный* «церк. дыщущий приятностью», *сладкодыхательный* «церк. тоже, что сладковдохновенный», *сладкозвучный* «имеющий усладительный звук», *сладкопесненный* «церк. поемый согласно, приятно, усладительно», *сладкоречивый* «приятно, усладительно выражающий свои мысли; красноречивый» и др. [20, с. 144–145].

В «Корнеслове русскаго языка, сравненнаго со всеми главнейшими славянскими наречиями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками» Фёдора Шимкевича выделены устойчивые значения слова *сладкий:* «1. не имеющий в себе ни кислоты, ни горечи; приятный на вкус; 2. в разных отношениях приятный», а также модифицированные значения «пресный» и «удовольствие». [28, с. 57]. Материал «Словаря русского языка X–XIII веков» Е. С. Отина подтверждает расширение семантической зоны ядерной лексемы и экспликацию семных компонентов ‘пресный’ и ‘наслаждение’ [15, с. 327]. В словаре фиксируется, что дериват *сладострастие* включает сему ‘плотоугодие, похоть’; субстантив *сладкоречие* – сему ‘красноречие’ [15, с. 327].

В Толковом словаре В. И. Даля слово *сладкий* и его эквивалент *солодкий* сохраняют значение «вкусом более или менее похожий на сахар»; а также транслируют семы ‘лучшее’, например, *сладкое мясо*; ‘вкусный’, например, «*Без соли не сладко, а без хлеба не сытно*»; ‘услаждающий чувства’, например, *Сладкий голос, пение* [8, с. 219]. В словаре представлены диалектные семантические варианты, например: *сладенький человек* «приторный, который любит нежничать, сладко говорить» [8, с. 219].

В словарях XX и XXI вв. адъектив устойчиво функционирует в значениях: «имеющий приятный вкус, свойственный сахару или мёду»; «приятный, доставляющий удовольствие» и в контекстуально востребованных значениях: «3. Перен. Приторно-нежный, умильный. 4. Перен. Льстивый, лицемерный. 5 *Сладкое.* Десерт, третье блюдо» [14, с. 728]; «2. Разг. Испачканный вареньем, медом и т.п. 3. Разг. Вкусный. 4. Вызывающий приятное ощущение при восприятии (о звуках, запахах). 5. Разг. Проникнутый удовольствием, счастьем, радостью» [6, с. 1206].

Важно отметить, что описание слова *сладкий* в разных лексикографических источниках характеризует прилагательное посредством устойчивых и регулярных сем ‘вкус’, ‘эстетическое удовольствие’, ‘высокая степень интенсивности, чрезмерность’. Парадигматический ряд аъектива *сладкий* представляют *сахарный*, *приятный*, *слащавый*, *счастливый* [19, с. 420]. Отмечены процессы семной конкуренции, в результате которой утратилась сема ‘пресный’ в структуре лексемы *сладкий*.

Чувственная и душевная зоны производных форм адъектива включали и собственно вкус, и голос, и негу: *сладкозвучный, сладковещанный, сладкоречивый, сладковонный, сладкодохновенный, сладкослышан* и подобные. Значения «услаждающий чувства», «говорить сладенько, нежно, приторно», «приятный, располагающий к неге», «сладкий чувствами или душе» охватываютне только зоны сенсорно-перцептивных восприятий: голос («говорить»), тело («располагающий к неге», то есть к расслабленности), но и зону состояний души («сладкий душе», напр. *Сладостное сознание исполненного долга*) [8, с. 219]. С XIX в. обнаруживаются процессы функциональной дегрессии синкретичных форм, представляющих перцептивные свойства в языке. В современном языке закрепляются вербальные эквиваленты для сложных форм от *сладкий: благозвучный, благоуханный, красноречивый* [19; 20]. М. А. Новак указывает на выявленную

конкуренцию существительных *сласть* и *страсть* как параллелей семантической группы «страсть, волнение, возбуждение, аффект». Исследователь отмечает, что в списках ранней редакции «Апостола» последовательно используется слово *сласть*, в более поздних списках – *страсть* [13, с. 129–130].

Анализ функциональной карты адъектива *сладкий* посредством семантико-мотивационной реконструкции [5] показал, что причиной для закрепления в языке новых значений стало верификация в языке результата употребления сладкого вещества (сахара, меда) или как нормы (удовольствие), и как нарушения нормы (чрезмерность). Ядерные компоненты изучаемой семантической группы явились основанием для формирования в X–XIX вв. значения эстетической оценки «удовольствие, наслаждение» и аксиологической доминанты «интенсивность, чрезмерность». Особый интерес вызывает гипотеза Е. С. Отина об истоках наложения семантики «наслаждения» на семантику «вкуса». По мнению ученого, значение «наслаждение», «блаженство» «появилось в речи славян, знакомых с греческим языком, в результате смешения греческих паронимов τροφή ‘пища’ и τρυφή ‘наслаждение’» [15, с. 248]. Сочетание *пища райская* считается полным лексическим эквивалентом понятия «наслаждение». Новым значениям семантической группы аъектива *сладкий* свойственны слабые мотивационные связи с праосновой **слад*- или их утрата.

Реализация собственно языковых, коммуникативных и лингвокультурных функций адъективом *соленый* в истории русского языка отмечена менее значительным рядом семантических вариаций.

Функциональное развитие адъектива *солёный* связано с получением опыта и развитием навыков носителя русского языка в обыденной жизни, поэтому в семантической структуре ядерного слова и в деривационной семантике *сол*- выявлены малочисленные семантические трансформации.

Одно из направлений функционального акцентирования семантического компонента ‘соль’ в русском языке связано с процессами изготовления и применения вещества. Семантика деривационных форм функционально адаптирована к семам «приготовленный, консервированный в растворе соли» [34, с. 353]. В группе представлены лексические единицы *солянка, соленье, солонина, солоновато* и под. [23, с. 444–445]. В «Словаре церковно-славянского и русского языка» различают производные языковые единицы, связанные с реалиями работы с солью в XIX в.: действиями, свойствами, локализацией и под.: *солеварение* – «выварка соли», *солевощик* – «занимающийся возкою соли с солончаков и озер; чумак», *соление* – «действие солящего», *соленость* – «свойство соленого», *солище* – «место, обильное солью, солончак» и т. д. [20, с. 181].

Другое направление функционирования производных форм праосновы адъектива *соленый* инициировано количественной семантикой, характерной для номинаций со значением «вещество». В процессе развития языка квантитативное значение трансформировалось в семантику избыточности, неупорядоченности. В современных лексикографических источниках описаны дериваты *соленость* – «насыщенность солью; степень солености»; *сборная солянка* – «(разг. неодобр.) неупорядоченная смесь чего-нибудь, мешанина»; *засоление* – «повышение содержания минеральных солей в почве, препятствующее земледелию» и т. п. [16].

Еще одно направление развития функциональной парадигмы прилагательного *соленый* обусловлено развитием ценностного представления о мотивах и результатах проявления вкусовых ощущений. В семантической структуре лексем закрепляются семы

переносного значения: «то, что придает особенный интерес, особый смысл, остроту чему-нибудь» [16, с. 571]; «выразительный и резкий до грубости, непристойный (разг.)» [34, с. 353]. В результате качественной трансформации фиксируется освоение семантики отрицательно оцениваемого состояния с дальнейшим включением семантических эквивалентов *соль* и *соленый* в группу оценочных слов русского языка.

Адъективы *горький* и *кислый* находятся в парадигматических отношениях между собой и с лексемами *сладкий, соленый*, так как функционально одинаково проявляются в значениях вкусового восприятия и развиваются в одинаковых направлениях, дают сходные значения избыточности и оценочности, реализуемые в семантических и семантико-словообразовательных дериватах.

Семантика прилагательного *горький*, прежде всего, передает вкусовые ощущения. В отечественной лексикографии горький вкус описывается как «острый, неприятный, едкий вкус, свойственный хине, полыни, горчице» [6, с. 222] или как «острый на вкус, едкий, горючий, противоположный сладкому» [7, с. 946].

Семантические сдвиги вследствие изменения функциональных возможностей адъектива *горький*, появления новых сочетаний и увеличения частотности их употребления приводят к возникновению ценностной оценочности рассматриваемого атрибута. Например, горький вкус полыни у русского человека ассоциируется со страданиями, несчастьями, обычно символизирует горькую жизнь, нелюбимого человека, чужое место; порождает новые образы «горькой доли вдовы», оберега от русалок [9]. Проекции ценностной семантики прилагательного *горький* наблюдаются в устойчивых сочетаниях *горькая участь, горькая судьба, горе горькое* и под., репрезентирующих жизненные ситуации беды и несчастья.

Семантические связи адъектива формируют гибкую семантику интенсивности, которая осваивает как вкусовые рефлексы, так и адаптируется к культурно-ценностному кодированию переносных смыслов. Производная форма *горчинка* обозначает «слабый горький привкус» [16, с. 105]. Процесс сужения семантической структуры прилагательного ранжирует степень интенсивности семантики горя и несчастья для многозначного слова. В одном значении *горький* релевантно значению «тягостный, мучительный»; в другом значении фиксируется меньшая интенсивность признака: «горестный, печальный» [17, с. 98].

Производные формы, появившиеся в результате семантических изменений и переосмысления семантики вкуса, проецируют оценочную семантику на предметы, качества, действия и под. Субстантив *горьшина* транслирует семантику «худшее», сложные прилагательные *горькосердый* соответствует метафорическому сочетанию «жестокое сердце»> «жестокосердый», *горькотворивый* – «приносящий несчастье» [17, с. 98].

Функциональная парадигма поступательных переосмыслений адъектива *кислый* повторяет модель развития основных языковых форм вкуса в русском языке. Первичный слой словоупотреблений, восходящий к индоевропейской праоснове и кодирующий вкусовые впечатления, сохраняется на протяжении всей истории употребления прилагательного: *кислая капуста, кислая похлебка, кислое молоко* и т. п. Семантика интенсивности признака вкуса формируется с помощью суффиксов: *кисловатый* «слегка кислый на вкус», *кислеъ* «что-либо прокисшее (о продуктах)», то есть чрезмерно кислое [18, с. 138]. В современном русском языке установлена и описана микросистема дериватов с семантикой «кислый», транслирующих различную степень вкусового ощущения: *кислинка, кислятина, прекислый, кисленький, кисловатый* и под.

Ценностная семантика вторичных номинаций прилагательного *кислый* конструируется в результате взаимодействия носителя языка и социума. Оценочная семантика адъектива и его производных проявляется в переносных значениях антропологического типа: визуального воплощения вкуса (*кислая физиономия)*, характеристики человека (*кислота)*. Е Л. Березович описывает пищевую метафору брани, выделяя в диалектах русского языка интерпретацию кислого вкуса в качестве бранного слова: «ср.-урал. *кислое слово* ‘непристойное, бранное слово’»; «влг. *кисленя (кислёня)* ‘употребляется как бранное слово; кислятина’, калуж. *кислота Тихоновская* ‘употребляется как бранное выражение’ [5, с. 343].

ВЫВОДЫ

История появления и функционирования вкусовых ощущений в русском языке выявило единые принципы структурирования и развития основных элементов семантической группы «вкус»: адъективов *соленый, сладкий, горький, кислый.*

Формирование историко-функциональной парадигмы включало два этапа: 1. представление и обоснование праформ доминантных лексем; 2. моделирование системообразующих семантических процессов, происходивших в данной группе.

Реконструкция архисем адъективов и анализ процессов появления пракорней на материале этимологических, исторических и толковых словарей русского языка показали, что языковое освоение вкуса происходило двумя способами. В первом случае наблюдалась редукция сем с последующей трансформацией семной структуры. Данный способ характерен для адъективов *соленый* и *сладкий*. Вербальная экспликация вкуса *горький* и *кислый* формировалась в результате процесса генерирования смысла.

Анализ функциональной адаптации адъективов показал, что в процессе развития словоформ системно проявились три направления семантического развития прилагательных и их дериватов.

Первое направление связано с сохранением и закреплением семантики вкуса, второе направление связано с модификациями квантитативной семантики, что повлекло включение в семантическую структуру производных слов сем ‘интенсивность’, ‘чрезмерность’. Третье направление связано с проявлением и трансформацией в структуре слов сем аксиологической и эмоциональной оценки.

Исследование показало, что мотивационная осложненность праформы адъектива *сладкий*, генетически связанной с праосновой репрезентанта соленого вкуса *sol-, экстраполировала многочисленные семантические трансформации и конкуренции признаковых имен с обобщенной семантикой мысли и чувства. Семантические метаморфозы в система адъективов *соленый, горький, кислый* характеризуются меньшей интенсивностью.

Перспектива исследования видится в разработке общей модели развития семантической структуры ключевых слов перцептивного модуса, а именно слухового, обонятельного, зрительного и осязательного, в русском языке.

Список литературы

1. Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейские корни с велярными спирантами // Вопросы языкознания. – 1978. – № 5. – С. 46–54.
2. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 11. – М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Новосибирск: Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; СПб.: «Нестор–История», 2017. – 368 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. I. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.

4. Багриновский Г. Ю. Краткий этимологический словарь. – М.: КоЛибри, Азбука–Аттикус, 2018. – 671 с.
5. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науки, 2014. – 488 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 2003. – 1534 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 1. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 752 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 672 с.
9. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. – М.: «Индрик», 2009. – 352 с.
10. Меркулова В. А. Русские этимологии. VI // Этимология: под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова, В. А. Меркуловой, О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1983. – С. 58–66
11. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 672 с.
12. Михайлова О. Ограничительный компонент в семантике русского слова. Теория лексического значения. – Palmarium Academic Publishing, 2014. – 392 с.
13. Новак М. А. Апостол в истории русского литературного языка : Дис. … док. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 2014. – 486 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 938 с.
15. Отин Е. С. Словарь русского языка X–XVIII веков. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
16. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6 т. / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 3. – М.: Азбуковник, 1998. – 630 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 4. – М.: Наука, 1977. – 404 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 7. – М.: Наука, 1980. – 404 с.
19. Словарь синонимов русского языка / сост. А. Ю. Мудрова. – М.: Центрполиграф, 2009. – 507 с.
20. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отделениемъ Императорской Академии Наукъ: В 4 т. – Т. 4. – Санктпетербургъ: въ Типографии Императорской Академии Наукъ, 1912. – 1684 с.
21. Талицкая А. А., Юрьева А. В. Семантическая история лексем, входящих в центр лексико-семантической группы прилагательных вкуса в русском языке // Социальные и гуманитарные знания. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 170–179.
22. Темиргазина З. К. Представления о вкусах как когнитивная область знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 115–121. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-vkusah-kak-kognitivnaya-oblast-znaniy – (Дата обращения: 12.03.2025).
23. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
26. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Рад.шк, 1989. – 511 с.
27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1999.– 560 с.
28. Шимкевич Ф. Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всеми главнейшими славянскими наречиями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками: В 2 ч. – Ч.2. – СПб.: Типография. Императорской Академии Наукъ, 1842. – 167 с.
29. Щуклина Т. Ю. Семантическое развитие прилагательных со значением вкуса в истории русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 1995. – 22 с.
30. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – Т. I. – Вып. 4. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 216 с.
31. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. – Т. II. – Вып. 8. – М.: Издательство Московского университета, 1982. – 470 с.
32. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.

33. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – Т. 1. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 584 с.
34. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – Т. 2. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 576 с.

References

1. Andreev N. D. *Ranneindoevropeiskie korni s velyarnymi spirantami* [Early Indo-European roots with velar spirants] *Voprosy yazykoznaniya*, 1978, No 5. pp. 46–54.
2. Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Vyp. 11. Moscow. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN; Novosibirsk: In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN; SPb.: Nestor–Istoriya Publ., 2017. 368 p.
3. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. V. I. *Leksicheskaya semantika*. Moscow. Shkola Yazyki russkoi kul'tury, Izdatel'skaya firma Vostochnaya literatura RAN, 1995. 472 p.
4. Bagrinovskii G. Yu. *Kratkii etimologicheskii slovar'* [Brief Etymological Dictionary]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 342 p.
5. Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary against a common Slavic background: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniya i Nauki, 2014. 48 p.
6. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. Sankt-Peterburg, Norint Publ., 2003. 1534 p.
7. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 vol*. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow, RIPOL klassik, 2006. – 752 p.
8. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 vol*.[Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow, RIPOL klassik, 2006. 672 p.
9. Kolosova V. B. *Leksika i simvolika slavyanskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskii aspect* [Vocabulary and Symbolism of Slavic Folk Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow, Indrik, 2009. 352 p.
10. Merkulova V. A. *Russkie etimologii. VI* [Russian Etymologies. VI]. *Etimologiya*. Ed. by Zh. Zh. Varbot, L. A. Gindina, G. A. Klimova, V. A. Merkulovoi, O. N. Trubacheva. Moscow. Nauka, 1983, pp. 58–66.
11. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Large psychological dictionary]. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2004. 672 p.
12. Mikhailova O. *Ogranichitel'nyi komponent v semantike russkogo slova. Teoriya leksicheskogo znacheniya* [Restrictive component in the semantics of the Russian word. Theory of lexical meaning]. Palmarium Academic Publishing, 2014. 392 p.
13. Novak M. A. *Apostol v istorii russkogo literaturnogo yazyka: Diss. ... dok. filol. nauk* [Apostle in the history of the Russian literary language]. Kazan', 2014. 486 p.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 938 p.
15. Otin E. S. *Slovar' russkogo yazyka X–XVIII vekov* [Dictionary of the Russian language of the X–XVIII centuries]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 2014. 436 p.
16. *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii: V 6 vol.* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings], *pod obshchei red. N. Yu. Shvedovoi*. Vol. 3, Moscow, Azbukovnik, 1998. 630 p
17. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11–17th centuries.], Vyp. 4, Moscow, Nauka Publ., 1977. 404 p.
18. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11–17th centuries.], Vyp. 7, Moscow, Nauka Publ., 1980. 404 p.
19. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Ed by. A. Yu. Mudrova. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009. 507 p.
20. *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyi vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk*: v 4 vol. [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 4. Sanktpeterburg, 1912. 1684 p.
21. Talitskaya A. A., Yur'eva A. V. *Semanticheskaya istoriya leksem, vkhodyashchikh v tsentr leksiko-semanticheskoi gruppy prilagatel'nykh vkusa v russkom yazyke* [Semantic history of lexemes included in the center of the lexical-semantic group of adjectives of taste in the Russian language] *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*, 2019, Vol. 5. No 5. pp. 170–179.

22. Temirgazina Z. K. *Predstavleniya o vkusakh kak kognitivnaya oblast' znanii* [Taste concepts as a cognitive domain of knowledge]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2013 No 2. pp. 115–121. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-vkusah-kak-kognitivnaya-oblast-znaniy (accessed 12 March 2025).
23. Tikhonov A. N. *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vsekh, kto khochet byt' gramotnym* [New word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moscow, AST Publ., 2014. 639 p.
24. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*: *v 4 vol.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 2, Moscow, Progress Publ., 1986. 672 p.
25. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*: *v 4 vol.* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 3, Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
26. Tsyganenko G. P. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Kyiv, Rad. shkola Publ., 1989. 511 p.
27. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*: *v 2 vol.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2, Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 560 p.
28. Shimkevich F. *Korneslov russkago yazyka, sravnennago so vsemi glavneishimi slavyanskimi narechiyami i s dvadtsat'yu chetyr'mya inostrannymi yazykami*: *v 2 ch.* [A root dictionary of the Russian language, compared with all the main Slavic dialects and with twenty-four foreign languages]. Ch.2, Sanktpeterburg, Tipografiya. Imperatorskoi Akademii Nauk, 1842. 167 p.
29. Shchuklina T. Yu. *Semanticheskoe razvitie prilagatel'nykh so znacheniem vkusa v istorii russkogo yazyka : Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Semantic development of adjectives with the meaning of taste in the history of the Russian language]. Kazan', 1995. 22 p.
30. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskogo. Vol. 1. Vyp. 4. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1972. 216 p.
31. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskogo. Vol. 2. Vyp. 8. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1982. 470 p.
32. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language]. Sost. G. A. Krylov. Saint Petersburg, OOO «Poligrafuslugi» Publ., 2005. 432 p.
33. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*: *v 2 vol.* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Sost. A. K. Shaposhnikov. Vol. 1. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 584 p.
34. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*: *v 2 vol.* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Sost. A. K. Shaposhnikov. Vol. 2. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 576 p.

HISTORICAL AND FUNCTIONAL PARADIGM OF ADJECTIVES OF THE SEMANTIC GROUP «TASTE» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Valeeva L. V.

The article presents and describes the paradigm of adjectives with the meaning of taste, functioning in the Russian language. The core of the historical-functional paradigm was formed by four basic adjectives – *salty, sweet, bitter, sour*. The purpose of the study was to identify and substantiate the dynamics of changes in the semantic structure of adjectives, taking into account the functional uniqueness of this group of words on the material of etymological, historical and explanatory dictionaries of the Russian language. The work consisted of two stages. At the first stage, the proto-forms of dominant lexemes were studied and substantiated. At the second stage, the model of functionally conditioned semantic changes for lexemes with the meaning «taste» was reconstructed and described. The analysis of the functional adaptation of adjectives in the history of the Russian language revealed the dependence of the productivity and activity of changes on the conditions of the emergence of proto-bases. Three main directions of the semantic development of adjectives with the meaning of taste and their derivative lexemes were structured and considered. The first direction demonstrates the preservation of the semantics of perceptual sensations. The second direction is associated with the modification of the semantics of quantity, which entailed the consolidation of the semes of intensity and excess. The third direction is associated with the manifestation and transformation of the semantics of axiological and emotional assessment. The greatest motivational complication of the semantic structure of the adjective sladkiy is recorded.

Keywords: semantics, taste, Russian language, historical-functional paradigm, adjective, motivation, salty, sweet, bitter, sour.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 178–186.

УДК 811.161.1
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-178-186

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИНАЛЬНОЙ ТОЧКИ В ЧАТ-КОММУНИКАЦИИ

Захарова М. А., Калинина М. В., Исакович Е. А.

Волгоградский государственный институт искусств и культуры,
Волгоград, Российская Федерация
forestwell@yandex.ru, kalinina_8181@mail.ru, k.isakovich@mail.ru

Цель статьи – выявить и сопоставить представления пользователей о прагматической роли финальной точки в чат-коммуникации, зафиксированные посредством двухэтапного анонимного опроса (ноябрь – декабрь 2024, февраль 2025 г.). Статья дополняет исследования отечественных и зарубежных ученых, изучавших восприятие точки на материале массивов текстовых данных в рамках психо- и социолингвистических экспериментов. Новизна работы заключается в рассмотрении более широкой возрастной выборки респондентов (от 15 до 47 лет). Подтверждены выводы других исследователей, что в чат-коммуникации точка как финальный знак утрачивает значение законченности повествовательного предложения и приобретает новые смыслы, несвойственные ей ранее (официальность, серьезность, пассивную агрессию и т. д.), при этом отмечается, что интерпретация точки как маркера агрессии является важным, но не единственным вектором восприятия этого знака. Материал исследования (факты языковой рефлексии и оценочные высказывания носителей русского языка) также показывает, что правило, регламентирующее постановку точки в конце текста в соответствии со строгой литературной нормой, воспринимается многими пользователями как рекомендация, а сама точка переходит в разряд факультативных знаков препинания.

Ключевые слова: точка, чат-коммуникация, пунктуационные нормы, эмоционально-оценочные коннотации, контекстуальная и дискурсивная обусловленность.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к пунктуации в чат-коммуникации, в частности, к функционированию точки, начал формироваться в лингвистике в начале 2000-х годов: именно тогда появились первые исследования, посвященные пропуску точки в SMS-сообщениях и текстовых сообщениях в мессенджерах [14; 15; 18]. В исследовании Н. Бэрон и Р. Линга отмечается, что пропуск точки в середине текста более критичен для понимания смысла целого высказывания, чем пропуск точки в абсолютном конце сообщения, которую фактически заменяет сам акт отправки послания [18]. Е. М. Мишиева в автореферате диссертации на материале английского языка отмечает, что точка «воспринимается как сигнал того, что собеседник, поставивший ее, не в настроении, обижен или не хочет общаться и старается закончить разговор» [9, с. 13]. Тема дискурсивно обусловленной роли знаков препинания в интернет-коммуникации продолжает активно разрабатываться как зарубежными (например [16; 17; 19; 20]), так и отечественными лингвистами (например [1; 2; 3; 7; 8; 10, с. 48; 12]), которые выявили у точки роль маркера занятости и широкого спектра эмоций, в том числе негативных: обиды, плохого настроения, нежелания продолжать коммуникацию и т.д. Вместе с тем диапазон потенциальных прагматических значений точки не ограничивается отрицательными оценочными коннотациями. Основным фактором, влияющим на выбор точки, является дискурсивный контекст. М. В. Иванова и Н. И. Клушина отмечают: «Проявляется тенденция к упразднению точки в конце высказывания, поскольку это связано с новыми технологическими параметрами интернета – скоростью, модульностью и интерактивностью, что часто приводит к пренебрежению нормой ради удобства работы

с клавиатурой, быстроты и экспрессивности» [5, с. 374]. Зарубежные исследователи также отмечают, что точка может служить знаком эмоциональной нейтральности (по контрасту с восклицательным знаком), серьезности, искренности [13, с. 2–6] (данный оттенок значения, однако, зависит от позиций интерпретатора, адресанта и адресата; точка может служить и знаком неискренности пишущего [16]).

Мы разделяем мнение исследователей, что пунктуационные знаки могут нести различный прагматический смысл в зависимости от контекста. В частности, как отмечает А. Олбриттон, «ядерные значения» (core meanings) знаков препинания могут видоизменяться в зависимости от ситуации и собеседников: точка может как передавать эмоциональные коннотации (в том числе искренность), так и служить средством формального, стандартного завершения сообщения. Отправителю сообщения следует принимать во внимание потенциальные смыслы, которыми может наделяться точка, и стараться четко донести мысль до адресата, при необходимости вербально обозначив свое эмоциональное состояние и избежав неверной трактовки высказывания [13, с. 7].

Отмечается живой интерес к прагматическому потенциалу точки в интернет-пространстве: коммуникативные неудачи в общении между поколениями приводят к рефлексии над языковыми явлениями, которая не всегда отражает кодифицированную пунктуационную норму, и это несовпадение может обнажать актуальные тенденции в формировании новых представлений о приемлемых формах и формулах чат-коммуникации. Эта тема затрагивается, например, в интервью с М. А. Кронгаузом, опубликованном на портале «Культура.РФ». Как отмечает лингвист, в креолизованных текстах точке приходится конкурировать с эмодзи, в том числе передаваемыми при помощи скобок: отсутствие смайлика дискурсивно маркировано, тогда как присутствие этого знака воспринимается как нейтральное и эквивалентное постановке точки в конце сообщения. Точка же, по справедливому замечанию М. А. Кронгауза, избыточна в онлайн-коммуникации, так как визуально выраженная рамка сообщения придает высказыванию завершенность («Максим Кронгауз: интервью с лингвистом о культуре речи и изменениях в русском языке». Беседовала М. Пронина. URL: https://www.culture.ru/materials/173675/kultura-rechi; дата обращения: 02.04.25). Таким образом, формируется этикетно-прагматическая оппозиция «отсутствие точки – присутствие точки», причем второй член данной оппозиции маркирует целый спектр смыслов (более подробно этот аспект раскрыт в работах [1, с. 23; 2, с. 103; 6, с. 13–14]).

Теоретический и практический материал показывает, что в интернет-коммуникации происходит переосмысление традиционных знаков препинания: нейтральная точка, которая в обычной переписке обозначала полную законченность повествовательного предложения, в чат-коммуникации наделяется эмоционально-экспрессивным потенциалом; по наличию или отсутствию точки в конце переписки можно судить о неявных, на первый взгляд, целях и стратегиях участников коммуникации. Поэтому анализ языковых действий и их влияния на собеседников, позволяющий понимать процессы коммуникации и успешно анализировать языковые явления, является на сегодняшний день одной их актуальных задач прагмалингвистики.

Нам также представляется интересным отражение речевой практики в сознании языковой личности. Языковая и лингвистическая рефлексия рассматривается во многих исследованиях в контексте лингвокультурологии, проблемных вопросов культуры речи (см., например, обстоятельный аналитической обзор работ по данной теме в книге Н. Н. Трошиной [11]).

Цель статьи – выявить и сопоставить представления пользователей о прагматической роли (функциональном потенциале) финальной точки в чат-коммуникации, зафиксированные посредством анонимного опроса (ноябрь – декабрь 2024, февраль 2025 г.). Под чат-коммуникацией мы понимаем разновидность виртуальной коммуникации, которая осуществляется посредством мессенджеров и формально представляет собой диалог или полилог. Под групповым чатом мы понимаем объединенную общей темой совокупность сообщений в группе, созданной в мессенджере для обсуждения деловых, в том числе учебных, вопросов. Сообщение рассматривается нами как относительно законченное высказывание (реплика), отправленное адресантом адресату через мессенджер.

Эмпирической базой исследования послужили данные анонимного опроса, который проводился с использованием Google Forms в 2 этапа: 1) ноябрь – декабрь 2024 г. (участвовали информанты в возрасте 15–17 лет и 18–30 лет); 2) февраль 2025 г. (участвовали информанты в возрасте от 31 года до 47 лет). Высказалось 228 человек в возрасте от 15 до 47 лет. Респондентами были студенты Волгоградского государственного института искусств и культуры (II и III ступень: колледж и институт), а также лица, завершившие обучение в средних специальных или высших учебных заведениях (деятели культуры и искусства, сотрудники МВД, офисные работники, в том числе банковские служащие).

Разделение результатов первого этапа опроса на группы «От 15 до 17 лет» и «От 18 до 30 лет» связано со значимыми содержательными различиями ответов, предоставленных информантами соответствующих возрастов. Решение провести второй этап опроса было мотивировано желанием сравнить результаты первого опроса (ответы представителей молодежи) с ответами представителей других возрастов. От респондентов моложе 15 лет было получено ограниченное число ответов, поэтому они не вошли в итоговую выборку. Верхняя возрастная граница, зафиксированная в опросе, – 47 лет. Предположительно, ответы информантов старше 47 лет были бы наиболее консервативными, отражающими строгую литературную норму. Однако это предположение нуждается в подкреплении эмпирическими данными и может составить основу дальнейших исследований.

Респондентам было необходимо выбрать вариант интерпретации точки, наиболее полно отражающий их восприятие данного знака (обязательные вопросы закрытого типа), или дать более пространный, аргументированный ответ (факультативный блок открытых ответов; в основной форме в этом случае нужно было выбрать вариант «Другое» и напечатать ответ в специально отведенном поле). В приводимых примерах-цитатах сохранены авторские орфография и пунктуация. Объемные ответы цитируются частично: приводится наиболее значимая, на наш взгляд, аргументация позиции респондента.

Исследование подобного типа, основанное на анкетировании студентов, было проведено И. В. Высоцкой и выявило целый спектр смыслов, которыми наделяют точку отправители и получатели сообщения [2]. Особо выделим такой критерий, как многозначность, многофункциональность точки [2, с. 102]: данный параметр выявлен и в рамках нашего исследования. Также представляется интересным психолингвистический эксперимент, который провела А. С. Рощупка и материалы которого позволяют выделить ядерные и периферийные эмоционально-оценочные коннотации (в частности, комфорт / дискомфорт), присущие таким элементам графического оформления сообщения, как

точка, восклицательный знак, многоточие, правая скобка [10, с. 48-61]. Отметим также исследование Е. Э. Греховой, совмещающее опрос и эксперимент с отправкой сообщения-стимула собеседнику с целью выявления его / ее реакции [4]. Предпринятое нами исследование дополняет уже накопленный другими учеными материал.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Респонденты в возрасте от 15 до 17 лет (53 человека)

В ответах респондентов данной группы на первый план выходит факультативность точки и тесная связь этого знака препинания со стилем общения. 14 респондентов (26,42%) считают, что ***ставить точку в конце сообщения необязательно***; этот знак не вызывает у них негативных эмоций. 13 участников (24,5%) ответили, что постановка точки в конце сообщения ***соответствует правилам пунктуации***. 12 респондентов (22,64%) рассматривают точку как знак, ***уместный в официальной переписке*** (например, с преподавателем), но не подходящий для дружеской беседы.

Социально-психологический критерий также оказывается достаточно значимым для респондентов данной возрастной группы. 6 участников опроса (11,32%) считают точку ***признаком обиды, агрессии***: этот знак «*подсознательно напрягает*», «*будто несет скрытый смысл*». По мнению одного из участников опроса, точка вызывает негативные эмоции, так как нарушает смысловую композицию беседы, которая фактически никогда не заканчивается: «…*чат подразумевает продолжение общения в любое время, а точка в конце предложения ломает эту конструкцию*».

На периферии для респондентов анализируемой группы находится такое прагматическое значение точки, как маркирование ***конца разговора*** (4 человека, 7,55%), а также связь функциональной нагрузки точки с ***ситуацией и форматом общения (электронное или бумажное, традиционное)***, с коммуникативно-психологическими ***установками адресанта и адресата*** (1 респондент, 1,9%): «*Если я обиделась, то поставлю точку в конце, если пишу бумажное письмо, то тоже поставлю*». 2 представителя данной возрастной группы (3,77%) занимают ***позицию наблюдателя***, не высказывая явно своего мнения: точка «*может восприниматься людьми, как обида или агрессивность*», «*Для кого-то точка – это просто точка. А для кого-то точка – это выражение эмоций*». Кроме того, получен 1 нерелевантный ответ (1,9%), не позволяющий однозначно установить отношение респондента к предмету обсуждения.

2. Респонденты в возрасте от 18 до 30 лет (121 человек)

Отношение 45 человек (37,19%) можно охарактеризовать как ***безразличное***. Один респондент отмечает, что может ставить точку в конце сообщения «*в виде иронии*». На наш взгляд, такое отношение к точке как элементу языковой игры объясняется дополнительными эмоциональными коннотациями, которыми этот знак наделяется в современной переписке.

27 человек (22,31%) воспринимают точку в конце сообщения как ***наделенную отрицательными коннотациями***: «*Крипово*», «*Настораживает*», «…*чувствуется отрицательное отношение к моей персоне*». Вызывая негативные эмоции, точка наделяется сопутствующими прагматическими смыслами. Например, этот знак может восприниматься как сигнал прерывания диалога (обсуждения определенной темы) в одностороннем порядке: «*Точка говорит о какой-то завершенности, что не может не раздражать при активном оживленном диалоге. Точка ставится только тогда, когда имеется законченная мысль в ТЕКСТЕ*». Один респондент связывает соблюдение пунктуационного правила исключительно с учебными ситуациями, не понимая

функциональной роли знаков препинания и считая их, очевидно, чем-то искусственным: «*…мы не на уроке русского, в интернете должно быть все проще*». Респонденты также связывают обязательную постановку точки с этикетными нормами старшего поколения: «*Мне это не нравится. Я сразу читаю это сообщение с какой-то чрезмерной серьезностью. Но так обычно пишут взрослые люди, дабы соблюдать все грамматические правила*». Точка придает неформальной беседе официальный оттенок, передает агрессию, недоброжелательность или недовольство адресанта: «*Точки редко используются в практике написания сообщений, а если и используются, то только для формальности, например если пишет незнакомый человек или учитель. Точка воспринимается как: нежелание дальше продолжать разговор; неудовлетворенность чем-то; нежелание делиться подробностями; пассивная агрессия*». Отметим, что если выделить среди участников опроса возрастную подгруппу «от 18 лет до 21 года» (80 человек), то количество респондентов внутри этой подгруппы, отрицательно оценивающих точку в конце предложения, составит 22 человека (27,5%).

Отношение 17 респондентов (14,1%) к точке в конце сообщения ***зависит от ситуации***. Постановка точки в конце сообщения определяется степенью официальности общения и уместна в чате с педагогом или начальником, но неуместна в дружеском электронном общении и в этом случае может вызывать напряжение. Кроме того, точка может быть чертой идиостиля собеседника: «*…есть люди которые так пишут, к этому привыкаешь, от них знаешь что это именно их стиль, когда от ровесников это исходит, странно, непонятно, негативно воспринимается*». Отношение к точке в конце сообщения, таким образом, определяется социально-психологическим контекстом. Еще 3 респондента (2,5%) занимают ***позицию наблюдателя и интерпретатора***, не акцентируя внимания на личном восприятии этого знака: «*…это признак серьезности написанного, у молодежи*», «*Сейчас считается, что человек обижен или возмущен*», «*Все зависит от ситуации, точка в мире подростков, стала восприниматься как будто человек чем-то очень недоволен*». В приведенных выше цитатах прослеживается четкая связь эмоциональных коннотаций, которыми наделена точка, с нормами онлайн-этикета, которые складываются у молодого поколения.

На периферии находятся ответы, связанные с соблюдением строгих пунктуационных норм: ***положительно оценили постановку точки в конце сообщения*** 16 человек (13,2%). По мнению информантов данной подгруппы, постановка точки в конце сообщения не несет никаких дополнительных негативных смыслов: «*…понятно где закончено предложение*», «*…это правила пунктуации и глупо наделять точку отрицательной коннотацией*», «*Многие считают, что это "маниакально". Я другого мнения. Точки это классно. Одобряю*». Если сузить круг опрошенных до возрастной подгруппы «от 18 лет до 21 года» (80 человек), то внутри этой подгруппы количество респондентов, положительно оценивающих постановку точки в конце сообщения, составит 10 человек (12,5%). ***Без раздражения*** воспринимают точку в конце сообщения 5 человек (4,1%). Еще 5 респондентов (4,1%) согласны с тем, что если собеседник ставит точку в конце сообщения, то тем самым четко дает понять: ***разговор завершен***. Отметим, что в конце онлайн-статей также может ставиться специальный знак – прямоугольник или квадрат, обозначающий конец текста. Вероятно, точка в неформальной коммуникации воспринимается как один из знаков, функционально близких к подобным пиктограммам.

Нерелевантные ответы, ***не поддающиеся однозначной интерпретации***, дали 3 человека (2,5%).

3. Респонденты в возрасте от 31 года до 47 лет (54 человека)

Большинство респондентов (30 человек, 55,56%) данной группы считают постановку точки в конце сообщения ***базовым правилом пунктуации*** (выражение завершенности конкретной мысли); этот знак не воспринимается как носитель дополнительных негативных смыслов. Таким образом, на первый план выходит следование ортологическим нормам. 9 респондентов (16,67%), однако, полагают, что точка в конце сообщения ***необязательна***: можно поставить, а можно опустить.

5 участников опроса (9,26%) считают, что точка в конце сообщения свидетельствует в первую очередь о ***завершенности разговора***. Еще 5 респондентов (9,26%) рассматривают точку как ***маркер официальности общения***, поэтому считают ее уместной в электронной переписке с начальником, но неуместной в чате с друзьями.

На периферии находятся ответы (3 участника опроса, 5,56%), предполагающие многозначность, многофункциональность точки ***в зависимости от условий общения*** (***контекста***): «*Точка лично для меня – знак в конце предложения. Но конкретно в смс-переписке иногда воспринимаю в какой-то степени как пассивную агрессию, однако понимаю, что не всегда это так. Все зависит от конкретного собеседника, которого очень хорошо знаешь. Есть люди на автомате ставят, как я, а есть такие, которые так показывают свое раздражение*», «*Точка это знак завершения предложения, и окончания мысли собеседника, т.к. далее, может продолжение общения на другие темы в сообщении*».

Наименьшее число участников рассматриваемой возрастной группы связывает точку с передачей отрицательных коннотаций: 2 респондента (3,69%) считают, что точка может свидетельствовать о ***пассивной агрессии***, ***обиде*** или ***превосходстве***, поэтому лучше обойтись без нее.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование подтверждает выводы, сделанные другими учеными, о дискурсивной (контекстуально обусловленной) многозначности точки: интерпретация этого знака зависит не только от привычек и коммуникативно-этических установок адресанта и адресата, но и от степени формальности беседы, возраста участников и характера их межличностных отношений. Точка в онлайн-коммуникации наделяется целым спектром паралингвистических смыслов, ее функциональный потенциал расширяется.

Анализ показал, что в чат-коммуникации финальная точка может выражать достаточно широкий диапазон прагматических значений: она может служить проявлением официального характера общения, строгого соблюдения пунктуационных норм, а также обычным маркером окончания разговора, вызывающим или не вызывающим у адресата негативных чувств. При этом точка также может восприниматься как необязательный знак препинания и не вызывать никаких чувств у адресата.

Вторым по значимости вариантом восприятия точки является, наоборот, считывание негативных эмоционально-оценочных смыслов: нежелания общаться, неуважения к адресату, агрессии, в том числе немотивированной и способной вызвать у адресата ответное раздражение или страх. Наибольшее число респондентов, воспринимающих точку как маркер отрицательных эмоций, входит в возрастную группу «От 18 до 30 лет» (в подгруппу «От 18 лет до 21 года»), наименьшее – в группу «От 31 года до 47 лет».

Среди опрошенных разных возрастов можно выделить сравнительно малочисленные группы, члены которых рассматривают точку как контекстуально обусловленный знак, интерпретация которого зависит от дискурсивных факторов.

В процентном соотношении наибольшее число респондентов, связывающих смысловую и функциональную нагрузку точки с коммуникативным контекстом, принадлежит к группе «От 18 до 30 лет» (14,1%).

Литературные нормы письменной речи также учитываются коммуникантами. Наибольшее число респондентов, считающих постановку точки соблюдением базового правила пунктуации, входит в группу «От 31 года до 47 лет» (55,56%), наименьшее – в группу «От 18 до 30 лет» (13,2%).

Результаты групп «От 15 до 17 лет» и «От 18 до 30 лет» по сравнению с результатами группы «От 31 года до 47 лет» демонстрируют более широкий диапазон дискурсивно обусловленных интерпретаций точки в конце сообщения, которые преобладают над традиционной интерпретацией этого знака как нейтрального маркера конца предложения и отражают векторы развития прагматических норм в чат-коммуникации.

В рамках виртуальной коммуникации точка в абсолютном конце сообщения становится стилистическим маркером – нейтральным в официально-деловом стиле и элементом языковой игры или эмотивным знаком в стиле разговорном. В этом отношении точка, поставленная в конце сообщения, становится объектом рефлексии как лингвистов различного профиля (носителей научного сознания), так и неспециалистов (носителей наивного языкового сознания). Результаты этой рефлексии, отраженные как в научных работах, так и в публикациях на различных платформах, в свою очередь могут определять отношение коммуникантов к точке, предлагая варианты трактовок этого знака препинания. Дальнейшее изучение таких материалов позволит глубже понять особенности формирования интернет-грамотности и эволюцию языковых норм в цифровой среде.

Диапазон эмотивно-прагматических смыслов, которыми наделяется точка в неформальной коммуникации, также может в определенной степени зависеть не только от стилистического регистра общения, но и от психологического склада личности, в частности, от преобладания рационального или эмоционального восприятия действительности, однако данное предположение может стать темой отдельного исследования.

Список литературы

1. Брилева И. С. «Живи как хочешь, пиши с точками!» (о языке интернет-коммуникации на материале «разговоров» в мессенджерах) // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. – 2021. – № 3 (7). – С. 16–24.
2. Высоцкая И. В. Правило нулевой точки, или Коммуникативный потенциал знака в цифровой пунктуации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23. – № 6. – С. 98-107.
3. Высоцкая И. В. Точка в личном сообщении как знак цифрового раскола поколений? (по результатам анкетирования студентов НГУ) // Коммуникативная культура: история и современность: Мат-лы XIII Всероссийской научно-практич. конф. с международным участием, Новосибирск, 26 октября 2023 года. – Новосибирск, 2023. – 194 с. – С. 145–152.
4. Грехова Е. Э. Функции точки в Интернет-коммуникации // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. – 2019. – № 2 (10). – С. 3.
5. Иванова М. В., Клушина Н. И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 4. – С. 367–382.
6. Карпухина В. Н. «Новая система» знаков препинания в ситуациях texting / messaging: финальный пунктуационный знак высказывания как эмоциогенный фактор // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2021. – № 2 (46). – С. 9–19.
7. Кузнецова Н. В. «Переосмысление точки» как явление онлайн-коммуникации // #ТОТСБОРНИК : сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. – Т. 1. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский госуниверситет, 2017. – С. 113–124.

8. Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи: (к постановке проблемы): монография. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 301 с.
9. Мишиева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): специальность 10.02.04: автореф. дис. … канд. филол.их н. – М., 2015. – 22 с.
10. Рощупка А. С. Проблема восприятия сообщений при использовании различных символов и вариантов оформления текста в Интернет-коммуникации // Северо-кавказский психологический вестник. – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 44–62.
11. Трошина Н. Н. Культура языка и языковая рефлексия: Аналитический обзор. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010. – 62 с.
12. Ягодкина М. В. «Агрессивные точки» в современной интернет-коммуникации // Art Logos. – 2021. – № 3(16). – С. 55-60.
13. Albritton A. What's the Point? A Study of Full-Stop Use in Text Messages in Varying Emotional Contexts // Online Journal of Communication and Media Technologies. – 2022. – Vol. 12, no. 1, Article no. e202203.
14. Baron N. Always on: language in an online and mobile world. – Oxford, New York, Oxford University Press, 2008. – 304 p.
15. Crystal D. Txtng: The Gr8 Db8. – Oxford, Oxford University Press, 2008. – 239 p.
16. Gunraj D. N., Drumm-Hewitt A. M., Dashow E. M., Upadhyay S. S. N., Klin C. M. Texting insincerely: The role of the period in text messaging // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 55, no. PB. – P. 1067–1075.
17. Houghton K. J., Upadhyay S., Klin C. M. Punctuation in text messages may convey abruptness. Period. // Computers in Human Behavior. – 2018. – Vol. 80, no. C. – P. 112–121.
18. Ling R., Baron N. Text Messaging and IM Linguistic Comparison of American College Data // Journal of Language and Social Psychology. – 2007. – No. 26(3). – Pp. 291–298.
19. McCulloch G. Because Internet. Understanding the New Rules of Language. – New York, Riverhead Books, 2019. – 326 p.
20. Reynolds K. J., Casarotto B., Noviski S., Roche J. M. Using punctuation as a marker of sincerity and affective convergence during texting // Proceedings of the 39th Annual Conference of the Cognitive Science Society. – Austin, TX: Cognitive Science Society, 2017. – Vol. 39. – P. 2986–2991.

References

1. Brileva I. S. *«Zhivi kak khochesh', pishi s tochkami!» (o yazyke internet-kommunikatsii na materiale «razgovorov» v messendzherakh)* ["Live as you want but use punctuation": the language of online communications based on the examples of "chats" in messenger apps]. *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura*, 2021, no. 3 (7), pp. 16–24.
2. Vysotskaya I. V. *Pravilo nulevoi tochki, ili Kommunikativnyi potentsial znaka v tsifrovoi punktuatsii* [The zero period rule or the sign communicative potential in digital punctuation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2024, Vol. 23, no. 6, pp. 98–107.
3. Vysotskaya I. V. *Tochka v lichnom soobshchenii kak znak tsifrovogo raskola pokolenii? (po rezul'tatam anketirovaniya studentov NGU)* [The full stop in a personal message as a sign of generation divide? (on the material of a questionnaire assigned to the students at Novosibirsk State University)]. *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost': Mat-ly XIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem.* Novosibirsk, 2023, pp. 145–152.
4. Grekhova E. E. *Funktsii tochki v Internet-kommunikatsii* [Functions of the period in Internet communication]. *Nauka v megapolise Science in a Megapolis*, 2019, no. 2(10), p. 3.
5. Ivanova M. V., Klushina N. I. *Russkii yazyk v sovremennom internet-prostranstve: dinamicheskie protsessy i tendentsii razvitiya* [Russian language in modern web space: dynamic processes and development trends]. *Russian Language Studies*, 2021, Vol. 19, no. 4, pp. 367–382.
6. Karpukhina V. N. *"Novaya sistema" znakov prepinaniya v situatsiyakh texting / messaging: final'nyi punktuatsionnyi znak vyskazyvaniya kak emotsiogennyi faktor* ["The new system" of punctuation marks in texting / messaging: the final punctuation mark of an utterance as an emotion generating factor]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2021, no. 2(46), pp. 9–19.
7. Kuznetsova N. V. *"Pereosmyslenie tochki" kak yavlenie onlain-kommunikatsii* [The revision of the period as a phenomenon of online communication]. *#TOTSBORNIK : sbornik nauchnykh trudov po materialam Total'nogo diktanta*, 2017, Vol. 1, pp. 113–124.
8. Litnevskaya E. I. *Pis'mennye formy russkoi razgovornoi rechi: (k postanovke problemy): monografiya* [Written forms of Russian colloquial speech (problem statement)]. Moscow, MAKS Press, 2011. 301 p.

9. Mishieva E. M. *Diskursivnye markery v molodezhnoi onlain-kommunikatsii (na materiale angliiskogo yazyka): Avtoref diss. … kand. filol. nauk* [Discourse markers in youth online communication (on the material of the English language). Abstract of thesis]. Moscow, 2015. 22 p.
10. Roshchupka A. S. *Problema vospriyatiya soobshchenii pri ispol'zovanii razlichnykh simvolov i variantov oformleniya teksta v Internet-kommunikatsii* [The problem of message perception when using various symbols and text formatting options in Internet communication]. *Severo-kavkazskii psikhologicheskii vestnik*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 44–62.
11. Troshina N. N. *Kul'tura yazyka i yazykovaya refleksiya: Analiticheskii obzor* [Culture of language and Lingustic Reflection: an analytical overview]. Moscow, the Institute of Scientific Information for Social Sciences, the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 62 p.
12. Yagodkina M. V. *"Agressivnye tochki" v sovremennoi internet-kommunikatsii* ["Aggressive points" in modern Internet communication]. *Art Logos*, 2021, no. 3(16), pp. 55–60.
13. Albritton A. *What's the Point? A Study of Full-Stop Use in Text Messages in Varying Emotional Contexts*. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2022, Vol. 12, no. 1, Article no. e202203.
14. Baron N. *Always on: language in an online and mobile world*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2008. 304 p.
15. Crystal D. *Txtng: The Gr8 Db8*. Oxford, Oxford University Press, 2008. 239 p.
16. Gunraj D. N., Drumm-Hewitt A. M., Dashow E. M., Upadhyay S. S. N., Klin C. M. *Texting insincerely: The role of the period in text messaging*. Computers in Human Behavior, 2016, Vol. 55, no. PB, pp. 1067–1075.
17. Houghton K. J., Upadhyay S., Klin C. M. *Punctuation in text messages may convey abruptness. Period. Computers in Human Behavior*, 2018, Vol. 80, no. C, pp. 112–121.
18. Ling R., Baron N. *Text Messaging and IM Linguistic Comparison of American College Data. Journal of Language and Social Psychology*, 2007. no. 26(3), pp. 291–298.
19. McCulloch G. *Because Internet. Understanding the New Rules of Language*. New York, Riverhead Books, 2019. 326 p.
20. Reynolds K. J., Casarotto B., Noviski S., Roche J. M. *Using punctuation as a marker of sincerity and affective convergence during texting. Proceedings of the 39th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Austin, TX: Cognitive Science Society, 2017, Vol. 39, pp. 2986–2991.

THE LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF THE TRANSMISSION-FINAL FULL STOP IN CHAT COMMUNICATION

Zakharova M. A., Kalinina M. V., Isakovich E. A.

The article aims at disclosing and comparing the attitudes towards the pragmatic function of a transmission-final full stop that were elicited from the anonymous responses to a questionnaire issued in two parts: in November – December, 2024 and in February, 2025. The present article adds to the studies by domestic and foreign researchers that have been devoted to the perception of a full stop as reflected in the body of text data obtained in the course of psycholinguistic and sociolinguistic experiments. The novelty of the paper is determined by bringing into clear focus a group of respondents of a wider age range, namely, 15 to 47 years old. The results of the current research confirm the conclusions presented in previous papers by other scholars. In particular, it is confirmed that a transmission-final full stop in group chats is losing its function as a marker of the end of a declarative sentence while gaining new meanings not characteristic of it before, such as formality and seriousness of the conversation, passive aggression, etc. It is also noted that the perception of a full stop as a marker of aggression is an important interpretation, which is not the only one, though, as many respondents aged 15 to 30 regard a transmission-final full stop as a non-obligatory mark, to which the addressee can be fairly indifferent. The leading linguopragmatic functions of this punctuation mark as singled out by the respondents at the age of 15 to 30 are the shutting down of the conversation (according to the literary norm as well), designating the official tone of the conversation and the explication of emotional assessment as well as influence on the addressee's psychological state. The material on which the article is based, that is, the facts of linguistic reflection and assessments provided by the Russian language speakers, also shows that the rule prescribing that a full stop shall be used at the end of a sentence and reflecting the strict literary norm is considered by many users as a mere recommendation, and a full stop is becoming a non-obligatory punctuation mark.

Keywords: full stop, chat-communication, punctuation norms, connotations imbued with emotional assessment, dependence on context and discourse.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2025. Том 11 (77). № 2. С. 187–196.

УДК 81’42
DOI: 10.29039/2413-1679-2025-11-2-187-196

СИЛЬНАЯ ТЕКСТОВАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЕМ ВЫДВИЖЕНИЯ АВТОРСКИХ СМЫСЛОВ КОНЦЕПТА «САД» В ПОЭЗИИ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ

Чумак-Жунь И. И., Хомякова Е. С.

Российский университет дружбы народов,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Москва, Белгород, Российская Федерация
chumak@bsuedu.ru, khomyakova93@.internet.ru

Статья посвящена анализу отдельных элементов сильной позиции поэтического текста, в которых выступают репрезентанты концепта «Сад» в поэзии Б. А. Ахмадулиной. Рассматриваются компоненты поэтического выдвижения, представленные такими сильными текстовыми позициями, как первый и заключительный стих, рифмующиеся элементы, повтор. С одной стороны, такой подход дает возможность проанализировать и глубже понять сущность функций элементов текста и их назначение, рассмотреть его композицию как воплощение авторского замысла, с другой стороны – разработать методические приемы, позволяющие читателю правильно понять и истолковать авторский текст. В статье используются как методы современной теории текста (стилистический анализ художественного текста, методика выделения сильных позиций текста), так и методы коммуникативной стилистики. В результате комплексного текстологического анализа выявлено, что употребление конкретной лексемы в сильных позициях служит маркером идиостиля поэта и его картины мира, а также передает важную для читателя смысловую информацию, необходимую для адекватного декодирования авторского замысла.

Ключевые слова: концепт, сильная позиция текста, индивидуально-авторская картина мира, приемы выдвижения, первый стих, заключительный стих, рифмующаяся позиция, повтор.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение поэтического текста как уникального эстетического и культурного феномена предполагает интерпретацию его как коммуникативного явления, несущего своеобразный индивидуально-авторский мировоззренческий код, который читатель расшифровывает по «идиостилевым меткам», таким, например, как приемы текстового выдвижения. По замечанию Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина, «художественное произведение создается автором для того, чтобы реализовать творческий замысел, объективировать мысль, транслировать личностные знания о человеке и мире и, вынеся эти представления за пределы авторского сознания, сделать их достоянием других людей» [3, с. 13]. Именно авторское видение действительности обусловливает построение текста, расположение его композиционных элементов, частью анализа которых является изучение приемов выдвижения, определяемых И. В. Арнольд как «…способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [1, с. 99]. Н. С. Болотнова уточняет: понятие «выдвижение» может быть определено и как «концентрация и объединение ряда приемов: сцепления, конвергенции, обманутого ожидания и сильных позиций текста» [4, с. 243].

В отношении поэтического текста, который демонстрирует, в силу своего особого формального построения (метрико-ритмической структуры и системы, строфики и рифмы), специфические внутритекстовые связи (не только горизонтальные, но и вертикальные), изучение сильных текстовых позиций приобретает важную роль.

В теории коммуникативной стилистики сильные позиции поэтического текста – смысловой стержень произведения, позволяющий постичь его тему, идейное и эстетическое содержание, которое подчиняет себе его композицию, а значит, и читательское восприятие. Номинанты ключевого текстового концепта, как правило, находятся в сильных позициях и относятся «к реме в лексических микроструктурах ключевых высказываний» [5, с. 422]. Очевидно, что доминирование в сильных позициях одной лексемы оказывает комплексное (языковое, смысловое, культурное, духовное) воздействие на восприятие реципиента, позволяя сфокусировать внимание на самом важном. Репрезентанты доминирующего концепта отражают неповторимость личности творца, своеобразие его картины мира и восприятия действительности, приглашая читателя к активному «сотворчеству». Благодаря этому в сознании читателя как адресата авторского послания создается представление о его (текста) глубинном смысле – содержательно-концептуальной информации.

Ярким подтверждением особой роли приемов выдвижения в передаче авторских глубинных смыслов является использование единиц, репрезентирующих концепт «Сад», в произведениях Б. А. Ахмадулиной. Актуальность их исследования обусловлена несколькими причинами: с одной стороны, необходимостью «точечного» подхода к творчеству одного из крупнейших поэтов-шестидесятников XX в. – Б. А. Ахмадулиной, предполагающего, в том числе, изучение характерных маркеров ахмадулинского идиостиля, представленных сильными текстовыми позициями, с другой стороны, важным представляется анализ сильных (стержневых) элементов текста, позволяющих организовать, воспринять и правильно интерпретировать авторское «послание». Нельзя не согласиться с утверждением И. И. Чумак-Жунь, что «проникновение вглубь «мыслящего мира» отдельно взятой выдающейся поэтической личности позволяет постигнуть специфику её субъективного, индивидуально ощущаемого и имманентного миропознания и авторского выбора идиостилистически маркированных методов и средств выражения языковой образности» [26, с. 210].

Цель исследования – на материале лирики Б. А. Ахмадулиной рассмотреть авторские смыслы концепта «Сад», номинанты которого находятся в сильных текстовых позициях: в заглавии, в начальном стихе, в позициях рифмующихся единиц и лексического повтора и, наконец, в заключительном стихе.

Именно в таком порядке мы и рассмотрим сильные позиции в поэтических текстах Б. А. Ахмадулиной.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

К сильным позициям поэтического текста относится как собственно **заглавие,** данное произведению автором, так и **название по первой строке**. Для поэтического дискурса **название** – сильная, но факультативная позиция, при этом как присутствие, так и отсутствие названия имеет важное значение – отсутствие дает «большую свободу для интерпретации содержания стихотворения и может свидетельствовать о возможности его неоднозначного толкования» [25, с. 58]. Если говорить об использования лексем-репрезентантов концепта «Сад» в сильных позициях начала текста в творчестве Б. Ахмадулиной в целом, то представляется необходимым отметить несколько вариантов.

1. В названии стихотворения («Вишневый садъ», «Сад-всадник», «Сад», «Дождь и сад»). О сильной позиции ахмадулинской лексемы *сад* в заглавии стихотворения мы писали в статье «Сад как фоновый рисунок поэтического текста» [24].

2. В первом стихе произведения, имеющего название («Девочка с персиками»: «*Сияет сад, и девочка бежит…*»; «Два гепарда»: «*Этот ад, этот сад, этот зоо…*»; «Симону Чиковани»: «*Явиться утром в чистый север сада…*»).

3. В названии и в первом стихе («Сад-всадник» – «*Сад-всадник летит по отвесному склону…*»; «Сад» – «*Я вышла в сад, но глушь и роскошь…*»).

4. В заглавии стихотворения, названном по первой строке («*Глубокий нежный сад, впадающий в Оку…*», «*Сад еще не облетал…*»).

Употребление в первом стихе лексемы *сад* представляется особо значимым, поскольку эксплицирует тему и ключевой концепт в абсолютном начале высказывания. Например, стихотворение «Глубокий нежный сад, впадающий в Оку...» начинается так: *«Глубокий нежный **сад**, впадающий в Оку, / стекающий с горы лавиной многоцветья. / Начнёмте же игру, любезный друг, ау! / Останемся в **саду** минувшего столетья».*

По словам И. В. Арнольд, «первая строка произведения задает жанр, размер, ритм, тему и очень часто отношение автора ко всему стихотворению, поэтому относительная важность первой строки в поэзии выше, чем в прозе» [2, с. 28]. Актуальное членение предложения предполагает, что во вступлении содержится лишь рема, то есть новая информация, что помогает развертыванию текста и сюжета и осуществлению функции прогрессии, при этом лирический макроконтекст и начальный стих демонстрируют изоморфизм всех уровней языковой системы.

Начальный стих «состоит из левого контекста (факультативного) – заглавия – и правого контекста (облигаторного) – последующего текста» [28]. В этом первом фрагменте заложена и структурная, и смысловая, и грамматическая завязка текста: предмет речи, упомянутый в зачине, номинируется и далее; ритмическая и структурная организация последующих строк также задается зачином.

Первый стих произведения без названия, репрезентирующий стихотворение во внешнем мире (включаясь в оглавление сборников, название по первой строке нередко является частью «путеводителя» по поэтическому творчеству), позволяет декодировать художественное целое и управлять восприятием читателя, выполняет номинативную функцию.

Название текста по первой строке — уникальная особенность художественного (преимущественно поэтического) дискурса.

Анализ тех стихотворений, где лексема *сад* употребляется в первом стихе, показал, что зачин актуализирует сведения о персонажах, о хронотопе лирического события: *«Сияет **сад**, и девочка бежит…»* («Девочка с персиками»), *«**Сад**-всадник летит по отвесному склону»* («Сад-всадник»), *«**Сад** еще не облетал…»* («Сад еще не облетал…»), *«Глубокий нежный **сад**, впадающий в Оку…»* («Глубокий нежный сад, впадающий в Оку...»), *«Явиться утром в чистый север **сада**…»* («Симону Чиковани»). Кроме того, в приведенных контекстах передается авторская оценка происходящего, задается «точка зрения» наблюдателя – лирической героини [22, с. 9]: *«сияет сад», «чистый север сада», «глубокий нежный сад»*. Начальные стихи, содержащие олицетворения, эпитеты, метафоры, несомненно, особенно экспрессивны.

Приведенные первые строки произведений с точки зрения синтаксического оформления представляют собой структурно, семантически и интонационно завершенные высказывания – простые предложения как часть полипредикативной структуры – сложносочиненного предложения (четыре из шести контекстов) – отсутствие подчинительных средств связи традиционно для поэтического текста.

Двусоставные предложения, входящие в состав начального стиха, включают оба главных компонента, при этом позицию субъекта преимущественно занимает лексема *сад*. Среди глаголов и глагольных форм доминируют формы настоящего времени (*сияет, летит, впадающий*), что соответствует пониманию лирики как «презенса» переживания лирического героя.

Таким образом, стихотворные зачины с лексемой *сад* передают информацию, связанную с универсальными поэтическими смыслами: «человек», «время», «пространство», «событие» [19, с. 200]. Их структурно-смысловая организация отражает специфику идиостиля и жанровые особенности произведения.

Рифма – еще один прием выдвижения, пожалуй, один из сильнейших. Она формирует структурно-композиционные смыслы поэтического текста. С точки зрения смысла многие ученые обращают внимание на морфологическое строение рифмы, то есть на принадлежность рифмующейся лексемы к определенным грамматическим категориям. Помимо этого, отмечается значимость словарного состава рифмующихся слов, причем как взятых независимо друг от друга, так и находящихся в определенных взаимоотношениях [7; 8; 9; 11; 20]. Ю. В. Казарин выделяет ряд качеств поэтической рифмы: парадигматичность (рифма – «основной и наиболее явный, многоаспектный участник парадигматических отношений (по сходству компонентов формы, содержания и функций)» [13, с. 239], функциональную регулярность, многозначность (рифма участвует в комплексном выражении поэтических смыслов: как структурно-композиционных, так и собственно лексико-синтаксических и лексико-смысловых). Таким образом, рифму можно считать доминантным элементом, организующим ритмико-музыкальную, синтаксическую и лексико-смысловую структуру текста.

Поэтическая рифма представляет собой полифункциональный и многозначный элемент, «внедренный» «во все процессы смыслообразования и смысловыражения, которые осуществляются другими единицами текста» [13, с. 240]. Таким образом, рифма как дискурсивный компонет языкового характера выражает лексические смыслы и может являться идеологемой («в лингвокультурологии: факт идеологии, выраженный в языковой форме, элемент менталитета… В лингвистической интерпретации слова-идеологемы – это лексика с актуализированными культурно-оценочными компонентами коннотации, слова-прагмемы. В совокупности идеологемы, будучи ключевыми словами ментальности, воплощают в себе идеологические системы определённого общества в определённую эпоху» [17, с. 118–119]). Кроме того, рифма содержит историко-культурную и эстетическую информацию, поскольку всегда индивидуальна (сравним точную классическую рифму и авангардистскую). Это крайне антропологический элемент, который часто является маркером идиостиля поэта и важнейшим структурно-смысловым «выразителем» его поэтической картины мира.

Таким образом, рифма – одна из самых сильных позиций поэтического текста.

Мы выявили 31 случай нахождения лексемы *сад* в рифмующейся позиции: *чадом – садом* («Москва ночью при снегопаде»), *сады – беды, судьбы – сады* («Февраль без снега»), *сад – зоосад – лежат* («Два гепарда»), *назад – сад* («Роза на окне»), *в сад – взгляд* («Посвящение вослед»), *описать – сад* («Синяя арка»), *взгляд – сад* («Тому назад два года, но в июне...»), *услад – сад* («Пригород: названья улиц»), *взгляд – сад* («Палец на губах»), *сада – не надо* («Сад-всадник»), *сам – сад* («Черемуха»), *сад – взгляд, сада – написала* («Сад»), *назад – в сад* («Здесь дом стоял. Столетие назад…»), *сад – услад* («Не добела раскалена...»), *назад – сад* («Вот не такой, как двадцать лет назад…»), *стоят – сад* («Осень»), *назад – сад* («Опять сентябрь, как тьму времен назад...»), *настал – сад* («Сад еще не облетал…»), *взглядом – садом* («Дождь и сад»), *сада – снегопада* («Симону

Чиковани»), *назад – сад* («Сон»), *сад – ад, в саду – на виду* («Плохая весна»), *назад – сад, сада – из ада* («Приключение в антикварном магазине»), *сад – усат, саду – году*, *Александр – сад, в саду – году* («Моя родословная»).

Б. А. Ахмадулина использует как перекрестную, так и смежную рифмовку, при этом большинство рифм являются точными. Ее рифманты могут относиться к одной части речи и быть однородными (существительное – существительное, 16 случаев употребления), так и принадлежать к разным частям речи (существительное – глагол, 6 случаев; существительное – наречие, 7 случаев; существительное – прилагательное, 1 случай; существительное – местоимение; 1 случай).

Большинство рифм являются точными (25 употреблений). Для остальных рифмических пар свойственно расширение границ созвучия: *сам – сад, Александр – сад, настал – сад,* эпентеза гласных звуков (*сада – написала*). М. Л. Гаспаров трактует эти явления как «пополнение» [6, с. 290] или «мену» [8], современные исследователи вводят в оборот понятие «разрыв созвучия» [15].

Особенно часто с лексемой *сад* употребляется слова *назад* (6 случаев), *взгляд* (5 случаев). Мы считаем, что эти рифмические союзы позволяют Ахмадулиной выразить свое личное отношение к пространству сада, который часто оказывается связан с безвозвратно утерянным прошлым.

Особо выделяется случай употребления онима в рифмующейся позиции: антропоним *Александр – сад*. Александр Стопани – родной брат бабушки поэтессы, известный революционер. Значимым кажется упоминание о его свободолюбивых речах именно в саду.

Таким образом, частотное употребление лексемы *сад* в рифмующейся позиции, ее рифмовка со словами различных частей речи подтверждают высокий уровень значимости исследуемой языковой единицы в поэтическом идиолекте Б. А. Ахмадулиной.

Подобные эстетически значимые единицы, по замечанию Б. А. Ларина, «не примыкают к ближайшим по смыслу», а лишь «служат намеком включенных мыслей, эмоций, волнений» [16, с. 33]. Ключевое слово не только является идентификатором общеязыковых значений, но и представляет собой источник приращения смыслов, выступая как идеозначимая единица [10, с. 61]. Такой полисемантичности способствуют в том числе многочисленные **повторы** доминантного слова: *«**Сад** делает вид, что он – **сад**, а не всадник»* («Сад-всадник»). Первая лексема используется для обозначения персонифицированного образа сада, вторая же репрезентирует сад как пространство, созданное человеком. В стихотворении «Вишневый садъ» слово *сад* употребляется 15 раз, подчеркивая тему произведения, заданную в символике названия (подчеркнем, что используется дореволюционное написание *садъ*), постоянно актуализируя связь с пьесой А. П. Чехова.

Пять раз встречается лексема *сад* в произведении «Помысел о Прусте», указывая на важность топосов сада и дома для лирической героини. Память о них – лучшее воспоминание, связанное с семьей и любовью.

В стихотворении «Палец на губах» лексема *сад* отмечена частым употреблением – 21 раз, причем дважды – в рифмующейся позиции. Повторы подчеркивают значимость пространства сада для лирической героини: вместе с пространством дома он создает место для жизни героини – не только физической, но и духовной.

Пространство сада в поэзии Ахмадулиной связано не только с внутренним пространством героини, но и с природным окружающим миром (например, в стихотворении «Забытый мяч», о котором мы напишем ниже). Сходные смыслы – в произведении «Дождь и сад»: «*Весь **сад** в дожде! Весь дождь в **саду**!».* Повторы и

однотипные грамматические конструкции (двусоставное неполное предложение, построенное по схеме: определительное местоимение + существительное в именительном падеже + существительное в предложном падеже в функции обстоятельства) говорят о взаиморастворенности двух миров: природной стихии и окультуренного пространства сада.

Таким образом, повторы, являясь сильной позицией текста, выполняют воздействующую функцию, поскольку придают особую экспрессивность и выразительность тексту, привлекают читательское внимание, подчеркивают и формируют скрытые смыслы. Частотное употребление лексемы с*ад* составляет гармонический центр многих произведений Б. А. Ахмадулиной [12].

Заключительный стих произведения также относится к сильным позициям: он является единственным компонентом текста, «актуализирующим категорию завершенности, завершающим художественную систему, “запечатывая” ее» [21, с. 35]. Интенциональность заключительного стиха объясняется авторским предположением об окончательной сформированности идеи и ее адекватном восприятии читателем.

Финал текста всегда однозначен: за ним ничего не следует. Следовательно, «помимо актуализации функции завершенности необходимо обратить внимание на делимитативную функцию конца произведения. Заголовок выполняет ее, обозначая верхнюю границу произведения, а конец – нижнюю» [21, с. 35].

Сильные поэтические позиции, как облигаторные (финал, рифма, первый стих), так и факультативная (название стихотворения), взаимосвязаны. В финальных строках произведения могут употребляться анафорические заместители, лексические и синонимические повторы, актуализирующие когезию с предшествующим изложением. Так, в начале стихотворения «Палец на губах» лирическая героиня «крадется» по улице Алферова, задумываясь о судьбе человека, давшего имя улице. Финал завершается строками: «*То – я. Я ухожу от дома и от сада. / Навряд ли я вернусь. Тсс: палец на губах…*». «Владения чужие», упоминаемые в начальных стихах, превращаются в дом и сад, которые покидает лирическая героиня.

В поэтическом произведении могут остаться участки текста, которые могли бы получить дальнейшее развитие, – открытые финалы. К финалу этого типа можно отнести приведенные выше строки: стихотворение заканчивается умолчанием, вовлекающим читателя в диалог, предлагающим самостоятельно домыслить авторскую идею.

Показательны финальные строки стихотворения «Забытый мяч»: *«Минувший полдень был на диво ясен / и упростил неисчислимый быт / до созерцанья важных обстоятельств: / снег пал на сад и мяч в саду забыт»*. Приход зимы и забытый еще осенью в саду мяч осознаются лирической героиней как события, равноценные по значимости. Более того, мяч называется виновником смены времен года, этот образ органично вписывается в круг природных явлений, влияя на них.

Лексема *сад* встречается и в заключительных строках стихотворения «Симону Чиковани»: *«И снова я тоскую поутру. / И в сад иду, и веточку беру, / и на снегу пишу я: Сакартвело»*. Заключительные стихи перекликаются с зачином. Рамочная композиция подчеркивается повтором союза *И* в финале, который усиливает значение неоднократности действий, совершаемых лирической героиней. Образ сада связывается в ее сознании с чистотой, свободой, вольнолюбивой страной и живущими там людьми.

Очевидно, что повтор в сильных позициях начала и конца поэтического текста образует идейно-поэтическое кольцо, символически обогащает доминантные образы и репрезентирующие их языковые единицы. Рамочный комплекс наблюдаем в стихотворении «Сад»: *«Я вышла в сад, но глушь и роскошь / живут не здесь, а в слове:*

«сад»…. – Я никуда не выходила. Я просто написала / так: / «Я вышла в сад»...». Слово *сад* оказывается для лирической героини глубже явления, которое оно обозначает. Воспроизведение графической оболочки лексемы дает её воображению больше, чем пребывание в реальном саду.

Отметим, что в произведениях, где лексема *сад* находится в сильных позициях, часто встречается и повтор анализируемой языковой единицы, то есть стержневое употребление словообраза усиливается кольцевым. Так, повтор доминантной лексемы *сад* в одноименном стихотворении не только передает авторскую идею, но и выявляет как прямое значение слова («сад – 1.Участок земли, засаженный разного рода растениями (деревьями, кустами, цветами), обычно с проложенными дорожками» [23, с. 609]), так и его обобщенно-символический смысл. Культурологическое содержание словообраза *сад* разворачивается по ходу развития авторской мысли: от конкретного, номинативного (‘сад как физическое пространство’, что подчеркивается использованием определенной тематической группы слов – «культурные растения», «растениеводство»: *«розы возросшие», «саженцы», «чернозем», «садовые ножницы»* и пр.) до символически-обобщенного (‘сад как часть дома, усадьбы, традиционного места жизни русской семьи, носитель национальных устоев и хранитель культуры’). То есть постепенно номинативные значения растворяются, переосмысливаются, подчиняясь авторскому замыслу, рождая новые эстетические смыслы.

Особого внимания заслуживает поэтический сборник Б. А. Ахмадулиной «Сад» (1987). В сборнике создается образ сада не как конкретного пространства, а как «модели природного космоса, существующего по законам движения природного временного цикла» [18]. М. Н. Эпштейн отмечает, что Б. А. Ахмадулина проявляет особое внимание ко времени, стремясь зафиксировать предельно точную дату. По его мнению, это первая попытка в русской литературе выявить уникальность не только месяца или сезона, но и конкретного дня, соединяя бытовые, повседневные записи о незначительных изменениях в природе с глубокими лирико-философскими обобщениями («*Пишу: октябрь, шестнадцатое, вторник – / и Воскресенье бабочки моей»* («Бабочка») [27]. В контексте сборника сад оказывается промежуточным звеном между нерукотворной природой и культурой, которая находит выражение в поэтическом слове. Так проявляется амбивалентность ключевого образа, его обращенность и к природе, и к культурному наследию человека, зафиксированному в первую очередь в языке.

Природный образ сада в книге реализуется через растительно-древесные образы (*водосбор, роза, фиалка, люпин, лютик, ирис, анютины глазки, орхидеи, колокольчик, календула,* самые частотные образы – *черемуха и сирень*). Именно период цветения растений задает объективное время сборника – с конца февраля («29 день февраля») по июнь («Лишь июнь сортавальские воды согрел...»).

Проанализировав приемы выдвижения, традиционно выделяемые исследователями (заглавие, эпиграф, начальный и заключительный стихи, рифма, кольцевая композиция, повторы), мы полагаем, что **название поэтического сборника** является сверхсильной позицией, поскольку в текстах, входящих в его состав, использованы все указанные приемы.

ВЫВОДЫ

Концепт «Сад», являясь доминантным в поэзии Б. А. Ахмадулиной, пронизывает все уровни структурно-синтаксической организации ее поэтических текстов: лексема *сад* употребляется в первых и заключительных стихах, выступает как рифмант, что не может

не отражать особенностей идиостиля и жанровой специфики произведения, а также помогает смысловому восприятию текста читателем. Однако, анализируя концепт, стоит принимать во внимание весь макротекст, учитывая его смысловое наполнение: «ключевой знак не может быть самопонятен: он как таковой не встречается нигде, кроме своего текста» [цит. по: 21, с. 32].

Итак, материализованный вербально концепт, находясь в сильных текстовых позициях, выражает заложенный в нем смысловой код, актуализированный в соответствии с общим замыслом произведения. Будучи отдельным элементом текста, доминантный концепт оказывается соотнесен с системными, интегральными качествами текста. Частотное использование концепта «Сад» в сильных текстовых позициях лирики Б. А. Ахмадулиной позволяет говорить о том, что он входит в ядерную зону ее концептосферы, и выявить своеобразие ее творческой личности. Кроме того, повтор номинатива реализует такие текстовые категории, как проспекция, интроспекция, связность и завершенность.

Список литературы

1. *Арнольд И. В*. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – М.: Флинта, 2010. – 384 с.
2. *Арнольд И. В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23–31.
3. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта, 2006. – 496 с.
4. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: уч. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
5. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
6. *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл: К семантике русского трехстопного хорея. – М., 1976. – Серия литературы и языка. – Т. 35. – № 4. – С. 357–366.
7. *Гаспаров М.Л.* Лингвистика стиха // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – Т. 53. – 1994. – № 6. – С. 28–36.
8. *Гаспаров М.Л.* Рифма Бродского // Избранные статьи. – М.: НЛО, 1995. – С. 83–92.
9. *Гончаров Б.П.* О рифме Маяковского // Филол. науки. – 1972. – № 2. – С. 3–14.
10. *Донецких Л. И., Ныпадымка А. С.* Структурные типы композиционной организации смыслового пространства словообраза «Боль» в поэтике Юлии Друниной // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – № 2. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-tipy-kompozitsionnoy-organizatsii-smyslovogo-prostranstva-slovoobraza-bol-v-poetike-yulii-druninoy. – (Дата обращения: 10.09.2024).
11. *Жирмунский В. М.* Теория стиха. – Ленинград: Советский писатель, 1975. – 664 с.
12. *Забашта Р. В.* Позиционное видение структур поэтического текста как инструмент интерпретации (на материале стихотворений Иосифа Бродского) // Вопросы образования и психологии / С. А. Анин, В. А. Белоусов, Ю. Е. Даровских [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 32–45.
13. *Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999. – 260 с.
14. *Кожевникова Н. А.* Конструкции перечисления // Поэтическая грамматика. – М.: Азбуковник, 2005. – С. 298–327.
15. *Кочетков Д. А.* Рифма Д. Л. Андреева в лингвистическом аспекте: Дис. … канд. филолог. наук: 10.02.01. – Череповец, 2000. – 379 с.
16. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и языка писателя // Избранные статьи. – Ленинград: ГИХЛ, 1974. – 285 с.
17. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – С. 118–119.
18. *Михайлова М. С.* Концепт сада и метафора цветочного времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст: В 3 т. – СПб. – Самара – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – Т. 1. – С. 192–197.
19. *Патроева Н. В.* Начальная строка как сильная позиция лирического текста (на материале поэзии Е. А. Баратынского) // Пушкинские чтения. – 2013. – № XVIII. – С. 199-204. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nachalnaya-stroka-kak-silnaya-pozitsiya-liricheskogo-teksta-na-materiale-poezii-e-a-baratynskogo – (Дата обращения: 02.10.2024).

20. *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. – Москва: Время, 2005. – 400 с.
21. *Стрельцова Е. В.* Сильные позиции художественного текста: начало и конец произведения (на материале произведений Р. Даля) // Вестник ВУиТ. – 2018. – № 1. – С. 31–36.
22. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции // Семиотика искусства. – М.: Искусство, 1995. – С. 7–218.
23. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
24. *Хомякова Е. С.* Сад как фоновый рисунок поэтического текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология. Журналистика. – № 4. – 2024. – С. 85–87.
25. *Чернухина И. Я.* Общие особенности поэтического текста (лирика). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 157 с.
26. *Чумак-Жунь И. И.* К вопросу об эвристическом ракурсе поэтического дискурса Б. Л. Пастернака // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей VI Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2022 года. Том II. – Симферополь, 2022. – С. 210–215.
27. *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной…». Система пейзажных образов в русской поэзии. – Москва: Высшая школа, 1990. – 306 с. – Режим доступа: http://www.bookposter.ru/info/imwerden/criticism-history-literature581.html#.YG6c0qAmxPY – (Дата обращения: 03.10.2024).
28. *Kövecses Zoltan*. A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics // Cognitive Linguistics. – 2010. – № 21–4. – P. 663–697.

References

1. Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk: uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. Modern English: a textbook for universities]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 384 p.
2. Arnol'd I. V. *Znachenie sil'noj pozicii dlya interpretacii hudozhestvennogo teksta* [The importance of a strong position for the interpretation of a literary text]. *Inostrannye yazyki v shkole*, 1978, no. 4, pp. 23–31.
3. Babenko L. G., Kazarin Yu. V. *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic analysis of literary text. Theory and practice]. Moscow, Flinta Publ., 2006. 496 p.
4. Bolotnova N. S. *Filologicheskij analiz teksta: uchebnoe posobie* [Philological text analysis: textbook]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007. 520 p.
5. Bolotnova N. S. *Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie* [Philological text analysis: textbook]. 4 edition, Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009. 520 p.
6. Gasparov M. L. *Metrismysl: K semantike russkogo trekhstopnogo horeya* [Meter and meaning: the semantics of the Russian trimeter trochee]. *Seriya literatury i yazyka*, 1976, vol. 35, no. 4, pp. 357–366.
7. Gasparov M. L. *Lingvistika stiha* [Linguistics of verse]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yazyka*, vol. 53, 1994, no. 6, pp. 28–36.
8. Gasparov M. L. *Rifma Brodskogo* [Brodsky's rhyme]. *Izbrannye stat'i*. Moscow, NLO, 1995, pp. 83–92.
9. Goncharov B. P. *O rifme Mayakovskogo* [About Mayakovsky's rhyme]. *Filologicheskie nauki*, 1972, no. 2, pp. 3–14.
10. Doneckih L. I., Nypadymka A. S. *Strukturnye tipy kompozicionnoj organizacii smyslovogo prostranstva slovoobraza «Bol'» v poetike Yulii Druninoj* [Structural types of compositional organization of the semantic space of the word image “Pain” in the poetics of Yulia Drunina]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2013, no. 2. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-tipy-kompozitsionnoy-organizatsii-smyslovogo-prostranstva-slovoobraza-bol-v-poetike-yulii-druninoy (accessed 10 September 2024).
11. Zhirmunskij V. M. *Teoriya stiha* [Verse theory]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1975. 664 p.
12. Zabashta R. V. *Pozicionnoe videnie struktur poeticheskogo teksta kak instrument interpretacii (na material stihotvorenij Iosifa Brodskogo)* [Positional vision of the structures of a poetic text as a tool of interpretation (based on the poems by Joseph Brodsky)]. *Voprosy obrazovaniya i psihologii*. Cheboksary, Sreda Publ., 2020, pp. 32–45.
13. Kazarin Yu. V. *Poeticheskij tekst kak sistema* [Poetic text as a system]. Ekaterinburg, 1999. 260 p.
14. Kozhevnikova N. A. *Konstrukcii perechisleniya* [Enumeration constructs]. *Poeticheskaya grammatika*, Moscow, Azbukovnik Publ., 2005, pp. 298–327.
15. Kochetkov D. A. *Rifma D. L. Andreeva v lingvisticheskom aspekte: Dis. ... dokt. filol. nauk* [Rhyme by D. L. Andreev in the linguistic aspect]. Cherepovec, 2000. 379 p.
16. Larin B. A. *Estetika slova i yazyka pisatelya* [Aesthetics of the writer’s word and language]. *Izbrannye stat'i*, Leningrad, GIHL Publ., 1974. 285 p.
17. Matveeva T. V. *Polnyj slovar' lingvisticheskih terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2010, pp. 118–119.

18. Mihajlova M. S. *Koncept sada i metafora cvetochnogo vremeni v knige Belly Ahmadulinoj «Sad»* [The concept of the garden and the metaphor of flower time in the book "The Garden" by Bella Akhmadulina]. *Kul'tura i tekst*, Sankt-Peterburg, Samara, Barnaul, BGPU Publ., 2005, vol. 1, pp. 192–197.
19. Patroeva N. V. *Nachal'naya stroke kak sil'naya poziciya liricheskogo teksta (na material poezii E. A. Baratynskogo)* [The opening line as a strong position of the lyric text (based on the poetry by E. A. Baratynsky)]. *Pushkinskie chteniya*, 2013, no. XVIII, pp. 199–204. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/nachalnaya-stroka-kak-silnaya-pozitsiya-liricheskogo-teksta-na-materiale-poezii-e-a-baratynskogo (accessed 2 October 2024).
20. Samojlov D. *Kniga o russkoj rifme* [A book about Russian rhyme]. M., Vremya Publ., 2005. 400 p.
21. Strel'cova E. V. *Sil'nye pozicii hudozhestvennogo teksta: nachalo i konec proizvedeniya (na material proizvedenij R. Dalya)* [Strong positions of a literary text: the beginning and end of a work (based on the works by R. Dahl)]. *Vestnik VUiT*, 2018, no. 1, pp. 31–36.
22. Uspenskij B. A. *Poetika kompozicii* [Poetics of composition]. *Semiotika iskusstva*, Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, pp. 7–218.
23. Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.
24. Khomyakova E. S. *Sad kak fonovyj risunok poeticheskogo teksta* [Garden as a background image of poetic text]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: filologiya. Zhurnalistika, no. 4, 2024, pp. 85-87.
25. Chernuhina I. Ya. *Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta (lirika)* [General features of poetic text (lyrics)]. Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1987. 157 p.
26. Chumak-Zhun' I. I. *K voprosu ob evristicheskom rakurse poeticheskogo diskursa B. L. Pasternaka* [On the issue of the heuristic perspective by B. L. Pasternak's poetic discourse]. *Russkij yazyk v polikul'turnom mire: Sbornik nauchnyh statej VI Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Yalta, 08–12 iyunya 2022 goda, vol. II. Simferopol', 2022, pp. 210–215.
27. Epshtejn M. N. *«Priroda, mir, tajnik vselennoj…». Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii* ["Nature, the world, the hiding place of the universe...". The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 306 p. Available from:http://www.bookposter.ru/info/imwerden/criticism-history-literature581.html#.YG6c0qAmxPY (accessed 3 October 2024).
28. Kövecses Zoltan. *A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics*. *Cognitive Linguistics*, 2010, No 21–4, pp. 663–697.

THE FOREGROUNDING ELEMENTS AS THE MAIN RECEPTION OF PROMOTIONING THE AUTHOR'S MEANINGS OF THE CONCEPT "GARDEN" IN THE POETRY BY B. A. AKHMADULINA

Chumak-Zhun I. I., Khomyakova E. S.

The article is devoted to the analysis of individual elements of the strong position of the poetic text, in which representatives of the concept "Garden" appear in the poetry of B. A. Akhmadulina. Based on the material of the poems of B. A. Akhmadulina, the components of poetic expression are examined, represented by such strong text positions as the first and final verse, rhyming elements, and repetition. Such an approach, on the one hand, makes it possible to reveal the essence of the functions of the components of the text, to consider its composition as the embodiment of the author's intentions, on the other hand, to offer a system of methodological techniques that allow the recipient to "decipher" the author's text and correctly interpret its meaning. The article uses both methods of modern text theory (stylistic analysis of a literary text, methods of highlighting strong positions of the text) and methods of communicative stylistics. As a result of a comprehensive textual analysis, it was revealed that the use of a specific lexeme in strong positions serves as a marker of the poet's idiostyle and his picture of the world, and also conveys important semantic information for the reader, necessary for adequate decoding of the author's intention.

Key words: concept, strong position of the text, individual author's picture of the world, techniques of promotion, first verse, final verse, rhyming position, repetition.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бекиров Рустем Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Бекирова Левиза Исмаиловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Бояркина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Валеева Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы, старший научный сотрудник Центра развития компетенций государственных и муниципальных служащих Республики Крым ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия

Джелилова Ленияра Шакировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Долгополова Лилия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Захарова Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Волгоградского государственного института искусств и культуры, г. Волгоград, Россия

Ивашкин Владислав Викторович – аспирант кафедры рекламы и визуальных коммуникаций Московского финансово-промышленного университета «Синергия», г. Москва, Россия

Исакович Екатерина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент ВАК, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Волгоградского государственного института искусств и культуры, г. Волгоград, Россия

Калинина Маргарита Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Волгоградского государственного института искусств и культуры, г. Волгоград, Россия

Корчевская Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

.

Мащенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент, директор Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, заведующий кафедрой медиакоммуникаций ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Мурашова Людмила Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Норец Максим Вадимович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Смеюха Виктория Вячеславовна − доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики Крымского инженерно-педагогического университета имени Ф. Якубова, г. Симферополь, Россия

Солодилова Виктория Валентиновна – соискатель кафедры теории и практики перевода Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Хомякова Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ», профессор кафедры русского языка и методики его преподавания РУДН, г. Москва, Россия

Шиян Мария Владимировна – аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Яковлева Елена Павловна – преподаватель кафедры английской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Орехова Л. А.
СЮЖЕТ «СЫН ПОЛКА»
В РЕАЛИЯХ КРЫМСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ:
ИСТОРИЯ ВОЛОДИ ДЕГТЯРЕВА ПО МАТЕРИАЛАМ КРЫМСКОГО АРХИВА.....3

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Бояркина Н. В.
ПУБЛИЦИСТИКА ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ……...19

Мащенко А. П.
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА……..…31

Ивашкин В. В., Смеюха В. В.
ТЕХНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ:
КЛИКБЕЙТНЫЙ ЗАГОЛОВОК И СКАЗКА……43

Яблоновская Н. В.
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С РАБСЕЛЬКОРАМИ
В КРЫМСКОЙ ПРЕССЕ В 1920–1930-е гг……...57

3. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Корчевская О. В.
СНОВА О «ПАРАДОКСЕ ВОГЮЭ»:
ПРОБЛЕМА КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Э. М. ДЕ ВОГЮЭ
В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ……...….....80

Норец М. В., Солодилова В. В.
ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ «РЕВОЛЮЦИОНЕРА» И «ТЕРРОРИСТА»
В ШПИОНСКОЙ ПРОЗЕ:
К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЖАНРОВОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ……..89

Орехов В. В.
БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ VII. «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» РОМАН.…….....102

4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Бекиров Р. А., Бекирова Л. И.
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДЕОНТИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В АНГЛИЙСКОМ, КРЫМСКОТАТАРСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ……...122

Джелилова Л. Ш.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ……..131

Долгополова Л. А., Яковлева Е. П.
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-
И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ)……...138

Мурашова Л. П.
КОГНИТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ КОНЦЕПТОВ
В РАМКАХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ
«FEMALE» И «MALE»……..150

Шиян М. В.
ПРОБЛЕМА БИЛИНГВИЗМА И ДИГЛОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ……158

5. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Валеева Л. В.
ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА АДЪЕКТИВОВ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВКУС» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ……..167

Захарова М. А., Калинина М. В., Исакович Е. А.
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИНАЛЬНОЙ ТОЧКИ
В ЧАТ-КОММУНИКАЦИИ.....178

Чумак-Жунь И. И., Хомякова Е. С.
СИЛЬНАЯ ТЕКСТОВАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЕМ
ВЫДВИЖЕНИЯ АВТОРСКИХ СМЫСЛОВ КОНЦЕПТА «САД»
В ПОЭЗИИ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ……187

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……197